

Международная ассоциация
преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ)
Кафедра межкультурной коммуникации Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена
Кафедра русской филологии Жешувского университета
Кафедра русского языка и кафедра мировой литературы Одесского
национального университета им. И.И. Мечникова
Балтийская международная академия
Кафедра русской филологии
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева
Институт восточнославянской филологии Силезского университета в Катовице

РУСИСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография
под редакцией проф. И. П. Лысаковой,
доц. Е. А. Железняковой

ЧАСТЬ 1

Санкт-Петербург
«Северная звезда»
2018

УДК 811.161.1

ББК 81.2

Русистика и современность / И.П. Лысакова, Е.А. Железнякова, А.О. Абаганова и др.; под ред. проф. И.П. Лысаковой, доц. Е.А. Железняковой. – СПб.: Северная звезда. 2018. – Ч. 1. – 442 с.

Монография издана при финансовой поддержке фонда
Русский мир. Грант № 1930Гр/11-090-18

Авторы: Лысакова И.П., Железнякова Е.А., Абаганова А.О., Абдурахманова Н.Г., Авдеева А.Е., Авдонина М.Ю., Агличева Т.Н., Айкын Ж., Андреюшина Е.А., Арефьева Н.Г., Архангельская Э., Асан Акерке Камашкекызы, Баско Н.В., Бедунова Н.И., Бирова И.Л., Бичак С., Богуславская В.В., Бойчиук Г.В., Болдова Т.А., Борек М., Бузальская Е.В., Бучек К., Быкова Н.Е., Ван Дунсюй, Васильев Н.Л., Васильева Г.М., Васильева И.В., Веракша Т.В., Вербицкая М.Г., Видэл-Игнашчак М.Л., Вик Н.О., Вишнякова С.А., Волкова Д.В., Вохмина Л.Л., Габдреева Н.В., Гарвацкая Н.И., Голосная Н.П., Дзедзиц М., Дмитриева Н.М., Добренко Е.И., Ду Юньша, Думитраш О.В., Дун Хайтао, Жантогулова Г.У., Жаткин Д.Н., Журавлёва А.С., Зенталья Г., Зинovieва Е.И., Иванова Т.С., Иванчук И.А., Ивушкина А.Д., Игнатьева Л., Капела Э., Карасаева Х.О., Каховская Ю.В., Кигель Т.Н., Киладзе Т.З., Колесникова Л.Н., Крапотина Т.Г., Краснова Т.И., Красовская Н.А., Кривенькая М.А., Куваева А.С., Кувьчко А.А., Кузнецов Ю.А., Кулик А.Д., Кунина Л.Г., Кур-Кононович Й., Курнииец Р., Куруоглу Г.А., Кусайнова Т., Лаптева М.Л., Лекарева И.Н., Лекарева О.В., Лентовская А.В., Ли Боюй, Лопухина Р.В., Лукоянова Ю.К., Лю Даян, Люй Сюйян, Лян Цзин, Мальцева-Замковая Н.В., Маммад М.Х., Маркова Е.М., Матвеева Т.Н., Медведева Н.В., Милославский И. Г., Михайловская О.А., Мишати́на Н.Л., Моисеенко И.М., Московкин Л.В., Моцаж-Клейндienst М., Мукажанова Л., Мурадян И.В., Мухатаева А.А., Нагуманова Э.Ф., Нарантунгалал Б., Недосугова А.Б., Недосугова Т.А., Некора Н.Е., Нечунаева Н.А., Новикова П.В., Носова М.Б., Нургали К.Р., Обухова М.Ю., Овчаренко Н.Н., Орос А., Паздзиор-Мендалька Н., Пак М.К., Панько Л.Н., Пашаева Ф.Ш., Пёнкья М.В., Плешикова-Синицкая О.Н., Полонникова Е.Г., Прохвятилова О.А., Рашидова Д.Т., Розова О.Г., Румянцева Е.В., Садиева Э.А., Саматова Л.М., Самолина А.В., Сердюкова А.И., Сирота Е.В., Сироткина Т.А., Смирнова Е.А., Соколова Е.В., Сретенская Л.В., Степанов Е.Н., Стернин И.А., Стрельникова Н.Д., Стычишина Л.П., Толбаева Д.Е., Трегубова Л.В., Тропина Н.П., Трояновска Б.М., Хамраева Е.А., Хамшовски С.А., Хватов С.А., Хохобашвили Т.Ш., Хрипункова О.В., Хромов С.С., Хруненкова А.В., Цомая К.Г., Цомая Т.З., Цуй Лили, Шахматова М.А., Шерстобитова И.А., Шорина Т.А., Шепаник А., Щукин А.Н., Югай О.И., Юзвяк Й., Юй Хунбо, Юнусов Я.А., Юсупова Д. Д., Юсупова З.Ф., Ян Хайянь, Яценко И.И.

Тексты статей публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-905042-75-1

© Фонд «Русский мир», 2018

© Издательство «Северная звезда», оригинал-макет, 2018

© «Русистика и современность», 2018

Оглавление

Предисловие	11
Глава 1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВИСТИКИ	
<i>Милославский И. Г.</i> Русская грамматика для продуктивных речевых действий как средство верификации традиционных лингвистических представлений	15
<i>Стернин И. А.</i> Изменения в оценочности слова в современном русском языке: реверсия оценки или развитие смысловой структуры слова?	23
<i>Капела Э.</i> Демотивационный плакат как жанр политического дискурса	28
<i>Прохватилова О. А.</i> О диалогичности современного медиатекста	35
<i>Краснова Т. И.</i> Дискурсивный концепт «русский мир» и некоторые тенденции использования знаков русской идентичности в медиатекстах	42
<i>Зиновьева Е. И., Кузнецов Ю. А., Хруненкова А. В.</i> Уступчивый человек как одна из черт национального характера в русской ментальности: лингвистический аспект	47
<i>Дмитриева Н. М., Авдеева А. Е.</i> Вербализация этических концептов в русских сказках (на примере концептов «кротость» и «гордость»)	54
<i>Стьгишина Л. П.</i> Эвфемизмы, актуализирующие семантическое поле «война» в русском языке	62
<i>Сретенская Л. В., Люй Сюян.</i> «Обман» в русской и китайской языковых картинах мира: фразеосемантический аспект ..	68
<i>Борек М.</i> Языковая формализация понятия <i>мечта</i> в русских предложениях	74
<i>Лекарева И. Н., Лекарева О. В.</i> Функциональная семантика как основа транспозиции лексических единиц (на примере прилагательного <i>русский</i> и наречия <i>по-русски</i>)	80
<i>Сироткина Т. А.</i> Актуальные вопросы современной этнонимии	85
<i>Сирота Е. В.</i> Особенности функционирования иконической паремии в художественном дискурсе	91
<i>Лю Даян.</i> Молчать как рыба в пироге (об одной потенциальной идиоме русской разговорной речи)	98
<i>Кратотина Т. Г.</i> Коллоквиалы как прототипы фразеологических единиц	104
<i>Юсупова Д. Д.</i> Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих состояние человека, в русском и туркменском языках	111

<i>Степанов Е. Н.</i> К вопросу о расширении класса неполных конструкций в русской синтаксической системе	116
<i>Цуй Лили.</i> Слово-предложение НЕТ как способ выражения речевых актов несогласия/согласия/отказа и др. в русской устной повседневной речи (на корпусном материале) . . .	123
<i>Орос Арпад.</i> О статусе страдательного залога в севернорусском диалекте	130
<i>Арефьева Н. Г.</i> Лингвокультурное пространство носителей русских говоров Одесщины (на материале фразеологии)	136
<i>Самолina А. В.</i> Экспериментальное исследование особенностей интонации в речи современных московских школьников	142
<i>Бузальская Е. В.</i> Роль категорий <i>стратегия</i> и <i>интенция</i> в описании сложного речевого жанра	149
<i>Голосная Н. П.</i> Приветствия и прощания в системе речевых жанров	156
<i>Ивушкина А. Д.</i> Прецедентное имя как средство формирования идентичности в печатном издании	162
<i>Каховская Ю. В.</i> Конвенциональность как основа исполнения коммуникативных и социальных ролей в ситуации общения «взрослый-ребенок»	169

Глава 2. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЦЕССОВ

<i>Хромов С. С.</i> Русский язык и русская литература в системе нефилологических университетских образовательных программ как инструмент формирования профессиональных компетенций разного уровня.	177
<i>Мухатаева А. А.</i> К вопросу соотношения литературной и фольклорной сказки	184
<i>Шерстобитова И. А.</i> Интертекстуальный фон романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»	189
<i>Хрипункова О. В.</i> Мистерия умирающего и воскресающего бога в культурфилософской концепции Д. С. Мережковского . .	198
<i>Абаганова А. О.</i> Творчество В. О. Пелевина в контексте русского литературного пострефлексивного постмодернизма	204
<i>Стрельникова Н. Д.</i> А почему Платонов – авиатор? (О роли названия в романе Е. Водолазкина «Авиатор»)	210
<i>Жантогулова Г. У.</i> Формы жанрового смешения в современной романистике	219

<i>Нургали К. Р., Айкын Ж.</i> Интертекстуальные проявления глубоких культурных связей с русской и европейской поэтической традицией в стихах В. Муратовского	226
<i>Асан А. К.</i> Поэтика магического реализма в романе «Радости рая» А. Кима	232
<i>Яценко И. И., Волкова Д. В.</i> Декодирование цветообозначений при анализе художественного текста на русском/ иностранном языке	239
<i>Бичак С.</i> Использование заимствований в комических текстах (на примере творчества М. М. Жванецкого)	246
<i>Красовская Н. А.</i> Место диалектизмов в языке художественной литературы (на материале романа В. Д. Успенского «Неизвестные солдаты»)	253
<i>Трояновска Б. М.</i> В поисках идеала – творчество Николая Лескова и «Лавр» Евгения Водолазкина	260
<i>Мурадян И. В.</i> Работа А. С. Пушкина над выбором антропонимов для реалистической прозы	267
<i>Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н.</i> Опыт сопоставления поэтических лексиконов А. С. Пушкина и К. Н. Батюшкова	273
<i>Толбаева Д. Е.</i> Трактовка рассказа Льва Толстого «Ассирийский царь Асархадон» в контексте философского труда Шакарима Кудайбердиева «Три истины» («Уш анык»)	280
<i>Кур-Кононович Й.</i> Из рассуждений над символикой неба – Болеслав Лесьмян, Сергей Есенин (избранные примеры)	285

Глава 3. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В НАУКЕ И В ОБРАЗОВАНИИ

<i>Хохобашвили Т. Ш., Цомая К. Г.</i> Межкультурная коммуникация в науке (Грузия, Россия, мировое сообщество)	293
<i>Мишатица Н. Л.</i> Горизонты методической лингвоконцептологии	299
<i>Хватов С. А.</i> Межкультурная компетенция в рамках делового дискурса	306
<i>Щепаник А.</i> Межкультурное образование и эффекты осуществления образовательного проекта «Маленький Европеец – это Я и Ты»	312
<i>Колесникова Л. Н.</i> Межкультурная коммуникация в сфере высшего образования	318
<i>Журавлёва А.С.</i> Функционирование русского языка в среде русскоговорящих во Франции	324

<i>Моисеенко И. М., Мальцева-Замковая Н. В.</i> Русский язык выпускников школ Эстонии	331
<i>Курпниене Р., Архангельская Э., Игнатьева Л.</i> Две версии одной идеи: самоучители по освоению неродного языка, изданные в Риге в начале XX века	337
<i>Цома Т. З., Киладзе Т. З.</i> Межкультурная коммуникация в образовании между Грузией и Россией. Система финского образования	344
<i>Карасаева Х. О.</i> Особенности межкультурно-коммуникативной парадигмы образования в Казахстане	350
<i>Носова М. Б.</i> Краткий курс межкультурной коммуникации с использованием комплексной образовательной технологии «Global classroom»	359
<i>Юй Хунбо, Богуславская В. В.</i> Китайский и русский рекламный текст (на примере образов материнства и детства)	364
<i>Кувычко А. А.</i> Проблематика материнства в российском медийном дискурсе	370
<i>Матвеева Т. Н.</i> Лингвистические и культурологические барьеры в практике преподавания русского языка как иностранного	375
<i>Васильева Г. М.</i> Динамика этнических стереотипов в языковом сознании российских студентов	381
<i>Баско Н. В.</i> Топонимы русского языка в лингвокультурологическом аспекте	386
<i>Быкова Н. Е.</i> Прием визуализации и развитие творческого мышления при изучении концепта на уроке французского языка в российской школе	393
<i>Обухова М. Ю., Гарвацкая Н. И.</i> Лирические идеограммы как один из способов выражения авторской позиции с помощью концептов-архетипов (на примере русского и французского языков)	400
<i>Ян Хайянь.</i> Прецедентные имена русской культуры в обучении русскому языку китайских студентов-филологов	407
<i>Лопухина Р. В.</i> Парадигматизм русского языка и синтагматизм китайского как основа при их сопоставлении в учебных целях	412
<i>Бойчиук Г. В.</i> К проблеме использования английских заимствований в деловых письмах на русском языке	420
<i>Габдреева Н. В.</i> Заимствование на современном этапе: феноменология, типология, причины	427
<i>Лысакова И. П.</i> Четверть века в поиске методических инноваций: к юбилею кафедры межкультурной коммуникации	434
Алфавитный указатель авторов	440

ЧАСТЬ 2

Оглавление

Глава 4. Новые технологии и программы в преподавании русского языка как иностранного в языковой среде и вне языковой среды

<i>Щукин А. Н.</i> Коммуникативная компетентность: цель и результат обучения русскому языку как иностранному	9
<i>Кунина Л. Г.</i> Компетентностный подход к обучению и его реализация в учебной литературе по русскому языку и культуре речи	14
<i>Московкин Л. В.</i> Современные подходы к анализу учебников . . .	19
<i>Иванчук И. А.</i> Деловой этикет на пересечении фундаментальных лингвистических знаний	26
<i>Веракша Т. В.</i> Культурно-речевой аспект русской паронимии в практике преподавания русского языка в иностранной аудитории	32
<i>Пак М. К.</i> Константная витальность общерусского слова	38
<i>Панько Л. Н., Шахматова М. А.</i> Интегральный и интегративный методы в практике обучения студентов, изучающих русский язык в языковых вузах КНР	44
<i>Недосугова А. Б., Недосугова Т. А.</i> О некоторых аспектах обучения РКИ будущих дипломатов	51
<i>Рашидова Д. Т.</i> К вопросу о модульном обучении на занятиях РКИ в неязыковом вузе	58
<i>Некора Н. Е.</i> К вопросу об использовании современных образовательных технологий в РКИ на средне-продвинутом этапе обучения	62
<i>Лентовская А. В.</i> Иллюстрация выбора видовой формы глагола в императивных высказываниях с помощью мультимедийного корпуса русского языка МУРКО	67
<i>Дзедзиц М.</i> Применение ИКТ в проблемном обучении иностранному языку на примере русского	73
<i>Болдова Т. А., Трегубова Л. В., Лян Цзин.</i> Жанрово-ориентируемые практики как технологии интерактивного полилингвального обучения русскому языку как иностранному с использованием интернета	78
<i>Нарантунгалаг Б.</i> Обучение русскому языку в институте Эрдэнэт Монгольского государственного университета . . .	84

<i>Агличева Т. Н.</i> Особенности изучения русского языка китайскими студентами	89
<i>Андреюшина Е. А.</i> Формирование двуязычной личности в процессе диалога культур и преподавания русского языка как иностранного	94
<i>Маркова Е. М.</i> Лексика русского языка в инославянской аудитории: специфика группировки, презентации и активизации	100
<i>Думитраш О. В.</i> Хронотоп как метод исследования текста и способ формирования русской культурно-языковой компетенции	107
<i>Вербицкая М. Г.</i> Реализация метапредметной функции концепта дом в урочной деятельности	113
<i>Кулик А. Д.</i> Взаимодействие стилей научной и газетно-публицистической литературы при подготовке иностранных студентов по профессиональным модулям «Политология» и «Международные отношения»	121
<i>Вохмина Л. Л., Куваева А. С.</i> Система упражнений по обучению устной иноязычной речи (на примере РКИ)	127
<i>Ду Юньша.</i> Поэтапный алгоритм обучения русским звукам китайских студентов	134
<i>Куруоглу Г. А., Садиева Э. А., Маммад М. Х.</i> Обучение русскому словесному ударению студентов в вузах Турции	140
<i>Румянцева Е. В.</i> К вопросу о проблеме обучения средствам выражения эмоций на занятиях по РКИ	147
<i>Тропина Н. П.</i> Языковой вкус эпохи в зеркале поэтического интернет-жанра «пирожки»	152
<i>Дун Хайтао.</i> Обучение русскому языку как иностранному на материале текстов телеинтервью	158
<i>Ли Бой.</i> Обучение китайских студентов русскому языку как иностранному с использованием художественных фильмов (на материале кинофильма «Нелюбовь»)	163
<i>Розова О. Г., Сердюкова А. И.</i> Учёт интерференции согласных при обучении японских учащихся элементарного уровня русскому произношению (на примере сонорных согласных [r], [r'], [l], [l'])	169
<i>Плешикова-Синицкая О. Н.</i> От экрана к лингводидактике: спин-оффы мультсериала «Маша и медведь» на занятиях по РКИ в итальянской аудитории	173
<i>Вшишнякова С. А., Иванова Т. С.</i> Специфика типов текстов специальности: направление подготовки «Лесное дело»	180

<i>Власова А. О., Аспель А. Ю., Калле М. И., Югай О. И.</i>	
Формирование лингвострановедческой компетенции у иностранных учащихся на подготовительном факультете медицинского вуза	188
<i>Овчаренко Н. Н., Смирнова Е. А.</i>	
Работа с текстами биографического характера на занятиях по русскому языку как иностранному в техническом вузе	195
<i>Нечунаева Н. А.</i>	
Невербальные тексты в учебниках русского языка для основной школы Эстонии	202
<i>Латтева М. Л.</i>	
Особенности обучения туркменских студентов-филологов лексико-фразеологическим средствам русского языка	209
<i>Полонникова Е. Г.</i>	
Обучение русским идиоматическим единицам с опорой на лингвистический анализ внутренней формы .	215
<i>Ван Дунстой.</i>	
Русские антропимы в методическом аспекте . .	220
<i>Бирова И. Л.</i>	
Феномен игры в обучении взрослых РКИ	225
<i>Бучек К.</i>	
Как бросить студентам вызов, чтобы облегчить им процесс усвоения иностранного языка	231
<i>Васильева И. В.</i>	
Круглый стол как эффективный способ формирования коммуникативно-речевой компетентности иностраннных студентов в профессиональной сфере	237
<i>Пёнкя М. В.</i>	
Теоретические проблемы подготовки к управленческой деятельности	243
<i>Зентала Гжегож.</i>	
Использование мужских имен в наименованиях российских брендов компаний и товаров	248
<i>Хамшовски С. А.</i>	
К вопросу об использовании новых технологий в преподавании русского языка как иностранного в Венгрии	263
<i>Авдонина М. Ю.</i>	
Тенденции современного словотворчества	269
<i>Белунова Н. И.</i>	
Полифункциональность как характерная особенность обращения в личностно ориентированном типе текста (на материале дружеских писем творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века)	273

**Глава 5. ПРАКТИКА БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

<i>Хамраева Е. А.</i>	
Лингводидактическая диагностика детей-билингвов: концепция и решения	281
<i>Шорина Т. А.</i>	
Новое в билингвальном образовании: практика проведения диагностики на признание носителями русского языка	288

<i>Добренко Е. И., Соколова Е. В.</i> Проблемы обучения билингвов в России	294
<i>Железнякова Е. А., Новикова П. В.</i> Когнитивные стратегии в учебной деятельности детей-инофонов	301
<i>Саматова Л. М.</i> Развитие познавательных интересов детей-билингвов в русской зарубежной школе	307
<i>Кигель Т. Н.</i> Интенсификация изучения русского алфавита детьми-билингвами в процессе сравнения с ивритским алфавитом и в процессе формирования умений учащегося XXI века	312
<i>Лукоянова Ю. К.</i> Работа над художественным текстом на занятиях по русскому языку как второму родному	319
<i>Юсупова З. Ф.</i> Коммуникативные упражнения при изучении именных частей речи учащимися-билингвами	325
<i>Абдурахманова Н. Г.</i> Работа со сказкой в процессе обучения функциям порядка слов в русском предложении	330
<i>Мукажанова Л., Кусаинова Т.</i> Исторические сведения о русском языке при его изучении в вузе и школе	337
<i>Михайловская О. А.</i> Поликультурное образование в школе как педагогическая реальность	344
<i>Медведева Н. В.</i> Модель социализации будущего учителя русского языка в билингвальной образовательной среде педагогического вуза: лингвометодический аспект	350
 Глава 6. ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	
<i>Кривенькая М. А.</i> Пограничье «межкультурного диалога» в переводе и реальности	359
<i>Нагуманова Э. Ф.</i> Русский язык как язык-посредник в процессе перевода	366
<i>Видэл-Игнашчак М. Л.</i> Вопросы польско-русского перевода в контексте лексико-грамматических признаков религиозного стиля	373
<i>Моцаж-Клейндиенст М.</i> Стратегии перевода названий современных российских фильмов на польский язык	380
<i>Юзвяк Й.</i> Фразеологические единицы и мнимые фразеологизмы в русско-польском переводе	387
<i>Пашаева Ф. Ш., Юнусов Я. А.</i> Роль стереотипов в межкультурной коммуникации. Пословицы и поговорки с компонентом «семья» в русском и турецком языках	394
<i>Пашаева Ф. Ш., Юнусов Я. А.</i> Опыт преподавания русского языка в Турции	399
Алфавитный указатель авторов	406

Предисловие

В монографии «Русистика и современность» представлены работы участников XXI международной научной конференции «Русистика и современность». 6 глав монографии отражают проблематику современного состояния научной мысли русистов 15 стран Европы и Азии, которые собрались в Санкт-Петербурге в конце сентября 2018 года (27-29.09).

Подготовкой конференции руководил Оргкомитет во главе с ректором Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена членом-корреспондентом Академии образования С.И. Богдановым. Членами Оргкомитета были проректоры Ю.А. Комарова, Л.Н. Цветкова, декан филологического факультета Н.Л. Шубина и преподаватели кафедры межкультурной коммуникации филологического факультета во главе с заведующей кафедрой И.П. Лысаковой. Конференция организована при поддержке фонда «Русский мир».

Уникальность этой конференции заключается в том, что она проходит попеременно в вузах-учредителях этого сообщества русистов: Жешувском университете (Польша), Латвийской международной академии, в Одесском национальном университете им. И.И. Мечникова, в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилёва, в Силезском университете (Польша). В РГПУ им. А.И. Герцена конференция проводилась 5 раз. Вопросы, которые обсуждались на XXI конференции касались языковой политики и перспектив распространения русского языка в Европе и в странах бывшего Советского Союза, языкового и культурного взаимодействия в поликультурной среде, перевода и межкультурной коммуникации.

Наша конференция открыла третье десятилетие в истории конференций. Впервые организованная в 1997 году в Жешуве (Польша), эта конференция затем по договору о сотрудничестве с РГПУ им. А.И. Герцена состоялась в Санкт-Петербурге, потом ежегодно конференция проводилась в Одессе, Рига и Бордо, Астана и Катовице. Сам факт ежегодного проведения конференции неформальным объединением вузов в разных странах поочередно свидетельствует об интересе к русскому языку в мире и о стремлении преподавателей разных стран добровольно сотрудничать в области преподавания русского языка и литературы.

Неслучайно открывший Пленарное заседание ректор университета С.И. Богданов, зачитавший приветствие конференции от президента МАПРЯЛ академика Л.А. Вербицкой, вручил почётные грамоты Учёного Совета РГПУ за большой вклад в распространение русского языка в мире представителям университетов-учредителей конференции проф. А. Чапиге (Польша), проф. Э.М. Архангельской

(Латвия), проф. Е.Н. Степанову (Украина), проф. К. Нургали (Казахстан) и проф. Й. Любохе-Круглик (Польша).

Надо отметить высокий профессиональный уровень участников конференции: из 156 человек 70 кандидатов наук и 43 доктора наук. Именно этим объясняется глубокое содержание докладов, проблематика которых позволила объединить их в двух частях этой монографии.

На Пленарном заседании в строгом соответствии с Программой конференции было заслушано 10 докладов профессоров из Москвы И.Г. Милославского и С.С. Хромова, петербургских профессоров Л.В. Московкина, Н.Л. Мишатиной и И.А. Иванчук, преподавателей из Грузии Т. Хохобашвили и из Польши Э. Капелы.

Впервые на Пленарном заседании нашей конференции прозвучал доклад директора детского сада в г. Дембице (Польша) А. Щепаник, рассказавшей о работе над воспитанием толерантности у детей в проекте «Маленький европеец – это ты и я» (1 часть, 3 глава монографии).

В полном соответствии с программой конференции прошли 8 заседаний шести секций, в которых приняли участие 196 человек и были заслушаны 58 докладов. Все секции были многочисленны по количеству участников и очень интересны по уровню и разнообразию научных дискуссий. Наиболее активными были заседания первой секции «Актуальные вопросы современной русской лингвистики» (1 глава монографии) и пятой секции «Новые технологии и программы в преподавании русского языка как иностранного в языковой среде и вне языковой среды» (4 глава монографии). Инновационным было заседание секции «Практика билингвального образования в современном поликультурном пространстве» (5 глава). Очень оживлёнными были заседания секций «Межкультурная коммуникация в науке и в образовании» (3 глава монографии), «Русская литература и культура в контексте мировых гуманитарных процессов» (2 глава), «Перевод как средство межкультурной коммуникации» (6 глава).

Общее мнение всех участников выразила на заключительном заседании проф. С.А. Вишнякова: «Конференция прошла успешно и с большой пользой, что обусловлено высоким уровнем работы оргкомитета и высоким профессионализмом всех докладчиков».

Именно высокий профессионализм докладчиков и глубина освещения недостаточно разработанных проблем лингвистики XXI века позволили объединить выступления участников конференции в двухтомную монографию «Русистика и современность».

*Лысакова И. П., профессор, доктор филологических наук,
зав. кафедрой межкультурной коммуникации
РГПУ им. А. И. Герцена*

Глава 1.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

*Милославский И. Г.
Московский государственный университет,
Россия*

Русская грамматика для продуктивных речевых действий как средство верификации традиционных лингвистических представлений*

Автор рассматривает обеспечение продуктивных речевых действий на русском языке (ономасиологический словарь и активную грамматику как средство верификации некоторых традиционных положений науки о русском языке (уменьшительно-ласкательные суффиксы, возвратные глаголы, противопоставление глаголов совершенного и несовершенного вида)).

Ключевые слова: речевые действия, активная грамматика, уменьшительно-ласкательные суффиксы, возвратные глаголы, вид глагола.

Всякая наука, развиваясь, стремится перейти от установления в своем объекте единиц и зависимостей к использованию этих знаний для конструирования (и создания!) феноменов с заданными свойствами и функциями. Особенно ярко в последние года такое движение показывает медицина, где все большее внимание уделяется именно созданию искусственных органов для жизнедеятельности человека. Физика и химия как области знания пережили этот переход «от знания – к созданию» значительно раньше. Очевидно, что при целеустановке на «создание» проходят проверку (уточнение, опровержение?) и некоторые постулаты, возникшие в процессе самодовлеющего изучения свойств объекта. Предельно упрощая, можно утверждать, что возможность синтеза проверяет точность данных анализа так, как вычитание проверяется сложением, а деление – умножением.

Не покушаясь на осмысление причин и последствий смены научных парадигм и направлений в лингвистической науке, смею однако утверждать, что господствующим в ней с момента возникновения и до сего дня является **классификационный** подход. Причем преимущественно по **формальным** основаниям! Замечу, что наряду с классификациями формальными и не претендующими на содержательную ценность (алфавитное расположение слов в словаре,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 17-04-00053 – ОГН/18)

распределение существительных по родам и склонениям, например) существуют и такие классификации, которые на определенной ступени предполагают и обращение к семантике (значение числовых форм существительных, временных форм глагола, например). Очевидно, что классификация языковых фактов по самой своей природе ориентирована на анализ, т.е. на рецептивные речевые действия (чтение, аудирование) и требуется **принципиально** иной взгляд на свой объект, если необходимо обеспечить письмо или говорение, т.е. продуктивные речевые действия, создание заданных объектов. Это так же ясно, как и то, что толковый словарь полезен для продукции тогда, и только тогда, когда языковые средства не только выбраны, но и организованы, и требуется лишь осуществить самоконтроль. Для самого процесса поиска, выбора, соединения языковых средств толковый словарь бесполезен. Здесь нужен словарь идеографический. И опыты создания русского идеографического словаря лишь практически демонстрируют то, что теоретически абсолютно ясно: идеографический словарь отнюдь не простая перелицовка толкового словаря, расположенного в алфавитном порядке. А трудность создания идеографического словаря, в частности, взыскует к устранению несовершенств словаря толкового.

Предлагаемые заметки опираются на высказанные выше общие соображения применительно к необходимости создания вслед за русскими грамматикам 1952–54 и 1970–1980 гг. русской грамматики, ориентированной на обеспечение продуктивных речевых действий.

1. Уменьшительно-ласкательные суффиксы.

С позиций активной грамматики объединение объективного признака «меньше нормы по размеру», и субъективного признака «мне нравится» (с неясным обладателем этого признака, то ли «называемый предмет», то ли «адресат речи») довольно странно. Обычно при продуктивной речевой деятельности говорящий/пишущий задает один-единственный семантический модификационный признак (об отклонениях от этого принципа см. ниже «Вид глагола»), т.е. «меньше нормы»: *комната – комнатка, лужа – лужица, дом – домик* и т.п. Или «ласкательность»: *шейка, глазки, перышки, носок, голосок* в речах крыловской лисицы, обращенных к вороне. Впрочем, возможна и омонимия, как в «*Еще тарелочку!*» в «Демьяновой ухе», где существительное может быть понято в обоих смыслах. Иными словами, производитель речи непременно должен ясно представлять, хочет ли он выразить свою приязнь к собеседнику (или обозначаемому),

и тогда можно воспользоваться ласкательными дериватами: *сыночек, водочка, коньячок, чаек, вареньице, супчик, ветчинка* и т.п. (особенно часто такая возможность открывается в бытовом общении, прежде всего в застолье). Если же речь идет о назывании предмета меньшего против нормы размера, то для этого служат омонимичные суффиксы: *косичка, дверка, деревце, рожица, лесок, кустик, речка* и т.п. И здесь уже никакой «ласкательности» нет.

Как нет и уменьшительно-ласкательных суффиксов, но только уменьшительные и только ласкательные, связанные омонимическими отношениями. Эта омонимия в рецепции обычно преодолевается ситуативным и/или лексическим контекстом, однако, как и при других случаях омонимии, двусмысленность, желательная или нежелательная для автора, может и сохраняться.

Замечу, что омонимичными по отношению и к уменьшительным, и к ласкательным являются еще и так наз. суффиксы «подобия»: *язычок (ботинка), стрелочко (в ухе), собачка (у замка), ручка (у двери), бровка (спортивного поля)* и т.п. Эти образования, будучи не модификационными, но называющими совсем иные предметы, чем слова мотивирующие, не включаются в активную грамматику, занимающуюся только более или менее регулярными семантическими модификационными преобразованиями, но не такими, которые ориентированы на изменение самой сущности обозначаемого.

2. Возвратные глаголы.

Изучение глаголов, оканчивающихся на *-ся (-сь)*, в рамках формально-классификационного подхода отчетливо показало, что, говоря о так наз. «возвратности», мы прежде всего имеем дело с весьма различными семантическими модификационными проявлениями. Напомню, что обеспечение рецептивной речевой деятельности непременно требует от «грамматической составляющей» такой точной и полной ее семантизации, которая бы позволяла складывать ее с лексико-семантической частью слова внутри словосочетания, предложения, высказывания. С другой стороны, продуктивные речевые действия могут быть обеспечены тогда, и только тогда, когда внятно заданы исходные семантические составляющие, базовые и модификационные, для такой деятельности. Таким образом, задача «образовать возвратный глагол от имеющегося» еще более бессмысленна, чем «присоединить уменьшительно-ласкательный суффикс». И столь же бессмысленна для коммуникации, как, например, «образовать форму такого-то падежа». Или, например, вида.

1) Модификация значения глагола.

Очевидно, что направленное на объект действие может быть преобразовано в состояние самого субъекта: *беспокоить – беспокоиться, строить – строиться, просить – проситься, увлекать – увлекаться* и т.п. (Ср. также с другим формальным способом такого же семантического преобразования у глаголов со значением «становление признака»: *чернить – чернеть, старить – стареть и стариться, веселить – веселеть и веселиться* (причем в последнем случае с потерей семы «становления») и т.п. Или – в действие «замкнутое внутри объекта»: *мыть – мыться, учить – учиться, убедить – убедиться* и т.п. Упомяну еще и так наз. «взаимное» действие: *дерутся, целуются, ругаются* и т.п. Все эти конкретные семантические проявления, имея в виду интересы не читателя/слушателя, но пишущего/говорящего, должны быть осмыслены как обратная задача, а именно, воплотить определенное содержание. Содержание, в котором, в части «дано» выступает производящий глагол, а также тот выятный семантический признак, на который исходный глагол требуется модифицировать. В части «требуется получить» должен выступать производный глагол (в частном случае – словосочетание или глагол с другим корнем), который воплощает заданную комбинацию базового смысла и модифицирующего признака.

При этом в соответствующем грамматическом описании необходимо, в первую очередь, отделить те случаи, когда такая комбинация может быть выражена, от тех, где она невозможна (Причины такого отсутствия, семантические или просто узуальные, – это другой вопрос). Затем следует определить, с помощью какого именно формального средства заданное преобразование осуществляется (Вопросы о типовом и уникальном, возможности квазисинонимии, как и омонимии – это побочные рассуждения, которые не должны подменить ответ на сам поставленный выше вопрос). Нетрудно видеть, что во всех этих случаях речь идет о процедурах, обеспечивающих модификационную деривацию слов разных частей речи по заданному семантическому модификатору («больше – меньше нормы по размеру», «единичность – собирательность», «мужской – женский пол» для существительных, «результативность», «начинательность», «большая – меньшая интенсивность» для глаголов и т.п.). Вопрос же об образовании возвратного глагола от невозвратного, как и сам раздел «возвратность», в грамматике для продуктивных речевых действий бессмыслен. Добавлю еще, что изменение синтагматических свойств производного в производящем выступает как необходимая

информация для активного употребления полученной единицы в составе сложного синтаксического целого (*беспокоить кого – беспокоиться о ком, обижать кого – обижаться на кого* и т.п.). Однако это обстоятельство – побочный эффект модификации, никогда не цель производителя речи.

2) Называние участников обозначенной ситуации.

Совсем иную, уже не словообразовательную, но словоизменительную (формообразующую) природу имеют те образования с *-ся (-сь)*, которые являются формами страдательного залога. Как известно, по сравнению с коррелятами без *-ся (-сь)* они не обладают никакими другими семантическими признаками, однако позволяют лишить обозначение субъекта (производителя) действия «привилегированной» формы именительного падежа (подлежащее в рамках формальной классификации), заменив его другой падежной формой (чаще всего – творительного), либо опустить вовсе: *фонарь освещает комнату – Комната освещается фонарем – Комната освещается*. Очевидно, что перед нами возможность такой интерпретации обозначаемой ситуации, при которой ее субъект (производитель) «уходит в тень», либо не упоминается вовсе, а именно объект становится главным участником в **представлении** той же самой ситуации. Совершенно ясно, что здесь мы имеем дело отнюдь не с семантическими модификационными изменениями глагола как единицы словаря, но именно с возможностями разнообразного «умаления» роли реального субъекта (производителя) действия. И место описания такой возможности в грамматике для продуктивных речевых действий уже не среди семантических модификаций глагола, но в разделе, посвященном форме выражения различных участников описываемой ситуации в зависимости 1) от свойств глагола (предиката) и 2) от желания производителя речи упоминать или не упоминать того или иного участника, а упоминая, придавать такому участнику более или менее важную роль. Реализуя эти свои желания, производитель речи может обращаться не только к действительной/страдательной форме глагола, но к другим синтаксическим конструкциям, и к порядку слова, а в устной речи – и к интонации. Здесь, как и всегда в грамматике для производства речи, на первом месте вопрос о круге глаголов, имеющих и не имеющих страдательные формы, а также о форме выражения субъекта в страдательных формах: *Я видел сон – Мне виделся сон, Балки держат крышу – Крыша держится на балках, Погода влияет на урожай – Урожай зависит от погоды* и т.п.

Отмечу также возможность омонимических отношений между страдательными формами и глаголами действительного залога с модифицированным значением: *Билеты продаются* («есть в продаже») и *продаются водителем*. В подобных случаях необходим авторский самоконтроль как заключительный этап деятельности говорящего/пишущего, обеспечивающий отсутствие неоднозначности в восприятии читателя/слушателя.

3. Вид глагола.

Противопоставление глаголов совершенного и несовершенного вида абсолютно внятно реализуется в 2 аспектах: 1) устройство парадигм (у совершенного вида нет настоящего времени) и 2) последовательное различие в синтагматике (у совершенного вида невозможны сочетания с фазовыми глаголами, показателями регулярной повторяемости и нек. др.). Ср. 1) с существительными с парадигмой обоих чисел и с парадигмой одного числа и 2) с существительными разных родов, где в обоих случаях представлены принципиально такие же различия. Что же касается семантической стороны дела, то она, что вполне очевидно, достаточно независима от парадигматической устроенности и синтагматической ограниченности соответствующих лексических единиц.

Очевидно, что для обеспечения продуктивных речевых действий **важнейшую** роль играют семантические характеристики слов, однако, строя речевые произведения, производитель речи непременно должен учитывать и парадигматические, и синтагматические характеристики выбираемых лексических единиц. В ситуации с видом глагола это существенно 1) при желании автора обозначить действие (состояние) в настоящем (здесь возможны **только** глаголы несовершенного вида) и 2) при синтагматическом развертывании речи с употреблением фазовых глаголов и/или показателей регулярной повторяемости (и здесь также возможны **только** глаголы несовершенного вида). В этих, и только в этих, случаях реально возникает задача «заменить глагол совершенного вида, если именно он был «в сознании» производителя речи. Разумеется, такая задача, вынужденная парадигматической и синтагматической «дефектностью» глагола-кандидата, принадлежащего совершенному виду, обернется какими-то (!) семантическими потерями. Зато не будет нарушена формальная правильность речи.

С другой стороны, задача образовать от глагола несовершенного вида глагол совершенного вида так же бессмысленна, как, например, задача заменить существительное с полной парадигмой

на существительное только с формами какого-то одного числа или существительное одного рода на существительное другого рода, стремясь в обоих случаях понести минимальные «семантические потери».

На самом деле для обеспечения продуктивной речевой деятельности следует оперировать не понятием «вид» с весьма невятными семантическими характеристиками, противопоставляющими глаголы разного вида (ср. выше с «возвратностью»), но с вполне четкими семантическими модификационными характеристиками, такими, как «результативность», «однократность», «начинательность», «большая/меньшая интенсивность» и т.п. При этом следует иметь в виду, что эти семантические модификации выражаются преимущественно приставками, среди которых лишь употребительные приставки со значением результативности (*написать, прочитать, вымыть, построить* и т.п.) и однократности (*поцеловать, украсть, сглушить* и т.п.) являются моносемными. Многие приставки с другими модификационными значениями, помимо самих этих значений, содержат еще и значение «результативности» или «однократности»: *петь – запеть, строить – перестроить*. Причем последние могут быть «зачеркнуты» последующей суффиксацией: *запеть – запевать, перестроить – перестраивать*.

Короче говоря, изменение парадигматической и синтагматической характеристик любого слова, в том числе и глагола, не может выступать в качестве фундаментального основания для обеспечения продуктивных речевых действий, где таким основанием может быть только семантика. Или вятное полное ее отсутствие, как, например, в подавляющем большинстве случаев выбора формы имени прилагательного. Добавлю в заключение, что в рецепции указание на совершенный вид предполагает непременно наличие в семантике глагола сем «результативность» и/или «однократность», а также допущение многих других семантических модификационных характеристик (*заговорить, подслушать, заготовить, донепечатать, рассмотреть* и мн. и мн. др.), кроме многократности. Указание же на несовершенный вид, исключая в самом глаголе указание на четкое обозначение «результативности» и «однократности», оставляет возможными все другие модификационные характеристики (*заговаривать, подслушивать, заговаривать, донепечатывать, рассматривать* и мн. и мн. др.), в том числе и отсутствие каких-либо модификационных характеристик. Короче говоря, указание на видовую принадлежность в отличие от указания на его парадигматические и

некоторые синтагматические характеристики, оставляет вопрос о его семантических модификационных признаках весьма и весьма неопределенным. И будучи таковым, никак не может выступать как фундаментальное основание для обеспечения продуктивных речевых действий.

* * *

Бернард Рассел писал, что даже если все держатся одного мнения, все могут ошибаться. Это тем более справедливо, если дополнить мысль английского философа указанием на то, достижение какой именно цели преследуют и/или игнорируют единомышленники. Истина потому и является истиной, что она адекватна фактам не только в одной какой-либо проекции, но в любых проекциях. Очевидно, что на сегодня существуют такие общепринятые представления о грамматике, которые не являют собой истину в последней инстанции для адекватного обеспечения ни рецептивной, ни продуктивной речевой деятельности на русском языке.

$2 + 2 = 4$ справедливо не только для сложения. Эта же закономерность действует и при вычитании ($4 - 2 = 2$) и при умножении (2 раза по 2 = 4), и при делении (4 разделить на 2 равные части = 2). Не подтверждаемые подобной верификацией утверждения не следует считать истинными, т.е. адекватными действительности.

Miloslavskiy I. G.
Moscow State University

**Russian grammar for productive speech actions as means
of verification of traditional linguistic representations**

The author regards the Russian grammar for speech activity as a way to verify some traditional items of traditional Russian grammar (suffixes of nouns, transitivity and aspect of verbs).

Keywords: productive speech activity, Russian grammar, transitivity aspect, suffixes of nouns.

Стернин И. А.

*Воронежский государственный университет, Россия
sterninia@mail.ru*

Изменения в оценочности слова в современном русском языке: реверсия оценки или развитие смысловой структуры слова?

В статье рассматривается изменение оценочности слов в русском языке новейшего периода. В статье показано, что существует минимум 7 вариантов семантического развития семантики слова, затрагивающего его оценочность. Иллюстрируются теоретические положения на материале семантики слова *агрессивный* и ряда других слов современного русского языка, изменяющих свою оценочность в последние десятилетия.

Ключевые слова: оценка, семантическое развитие слова, реверсия оценки, формирование оценочных значений.

Одной из заметных семантических тенденций развития современного русского языка часто называют наблюдаемые изменения в оценочности языковых единиц. Указывается, в частности, как важная тенденция, изменение оценочного знака в словах на противоположный – например, слово изменяет отрицательную оценку на положительную и наоборот. Утверждается, например, что, такие слова как *карьерист, агрессивный, стерва, бизнесмен, предприниматель, коммерсант, амбициозный* и нек. др. из отрицательно-оценочных стали в современном языке положительно-оценочными, а такие, как, например, *большевик, атеист, особист, Павлик Морозов, коллективизм, классовая борьба* и др. из положительно-оценочных стали негативно-оценочными.

Действительно ли в слове как единице системы языка происходит в этих случаях замена оценки на противоположную?

Представляется, что на самом деле ситуация в современном языке выглядит сложнее.

Рассмотрим данное явление на примере прилагательного *агрессивный*.

Обобщение данных словарей и анализ употребления слова *агрессивный* в текстах современных СМИ позволяет выделить в настоящее время следующие значения слова *агрессивный*:

1. Склонный к нападению на других, захватнический, воинственный, угрожающий, посягающий на чужое пространство, имущество и т. п. *А. политика, военный блок, человек.* **НЕОД.**

2. О жив. Склонный к нападению на человека, других животных. *Агрессивное поведение пчел. А. собака. Акулы агрессивны. А. животные, а. кот, козел.*

3. Враждебный, неприязненный, недоброжелательный, ориентированный на конфликт. *А. тон, выпад, замыслы цели, высказывания. Люди принимают это за агрессивный «поход на мэрию города». Агрессивная личность, ребенок, подросток, пассажир, начальник, националист, политик, толпа. Агрессивные действия, поведение, состояние. Агрессивное поведение и негативизм характерны для детей 3 лет.* **НЕОД.**

4. Навязчивый, надоедающий. *А. реклама.* **НЕОД.**

5. Спорт. Активный, наступательный, напористый, направленный на достижение успеха, готовый идти на риск. **ОДОБР.**

А. стиль в хоккее. А. нападающий. Играть в агрессивный теннис. Агрессивный и результативный хоккей. Аршавин пообещал болельщикам более агрессивный футбол в матче с Арменией.

6. Резкий. *А. стиль торможения.*

7. Повышено активный, склонный к риску, стремящийся к успеху. **ОДОБР.**

Современная леди прогрессивна и агрессивна. Нужны инициативные, энергичные, мечтающие о карьере, агрессивно нацеленные на результат, готовые инвестировать свое время и силы. CNN – молодое и агрессивное агентство. Самые оперативные новости, фотографии, видеорепортаж. А. инвестор. А. менеджер.

8. Хим. Оказывающий вредное воздействие. *Агрессивная среда.* **НЕОД.**

9. Вызывающий, яркий, бросающийся в глаза, привлекающий внимание. *А. макияж. А. одетая женщина.* **ОДОБР.**

10. Фин. (о ценных бумагах), Обещающие быстрый рост вложенного в них капитала, курс которых может значительно повыситься согласно наблюдаемой конъюнктуре фондового рынка, тенденциям, прогнозам. *А. ценные бумаги. А. инвестиционная политика.*

11. Фин. (об инвестиционных фондах). Ставящий своей главной инвестиционной целью достижение максимального долгосрочного роста. *Фонд агрессивного роста.*

12. Экон. Природные и (или) искусственные факторы, влияние которых вызывает повышенный износ (старение) основных средств

в процессе их эксплуатации (применительно к условиям работы амортизируемых основных средств). *Агрессивная среда*.

13. Мед. (о болезнях). Быстро прогрессирующие и опасные захватом все новых и новых частей организма. *А. болезни, агрессивный парадонтит*.

Таким образом, в современной смысловой структуре слова *агрессивный* усматривается 13 значений, из которых 4 неодобрительных, 3 одобрительных и 6 неоченочных. Очевидно, что произошло существенное увеличение количества значений многозначного слова, при этом оценочность в слове оказалась представлена представлена всеми возможными вариантами. Нельзя утверждать, что слово изменило оценку на противоположную – материал этого не подтверждает. Налицо семантическое развитие многозначного слова – появление новых значений, часть из которых оценочны.

Представляется, что в целом возможны следующие варианты (сценарии) оценочного развития семантики слова

1. В смысловой структуре слова формируются новые оценочные значения:

– формируются позитивно-оценочные значения в дополнение к ранее имевшимся отрицательно-оценочным (*агрессивный, стерва, карьерист, амбициозный*)

– формируются негативно-оценочные значения в дополнение к ранее имевшимся положительно-оценочным (ирон. *слуга народа, народный избранник*);

– формируются оценочные значения в дополнение к ранее имевшимся неоченочным – *боевик, исламист* (с неоченочного на неодобрительное);

2. Оценочные слова (преимущественно содержавшие негативно-оценочные значения) развивают в своей смысловой структуре неоченочные значения – *бизнесмен, конвергенция, частник, диссидент, предприниматель, капитализм, бизнесмен, чиновник, кооператор* – в процессе семантической деривации негативная оценка элиминируется);

3. Оценочные слова развивают новые оценочные значения, противоположные по знаку оценки уже имеющимся в смысловой структуре слова значениям (это реверсия оценки):

– положительно-оценочные значения формируют новые негативно-оценочные и наоборот – *большевик, коммунист, атеист, красные, белые, коммунизм, классовая борьба, белогвардейцы, Павлик Морозов, особист, энкеведешник*) и под.

4. Появляются новые оценочные значения в смысловой структуре ранее не оценочных слов, как неодобрительные, так и одобрительные: *пилить* (деньги, фонды, имущество) – распределять в своих личных интересах, неод.

5. Исчезает оценочность:

Негативная – *спекулянт, летун, несун, спецраспределитель* и др.

Положительная – *большевик, социализм* и под.

6. Появляется оценочность у ранее не оценочных слов.

Положительная – *меценат, благотворительность*.

Негативная – *олигарх*.

7. Оценочные слова выходят из употребления в силу тех или иных социальных причин – *сострадание, милосердие, сексот* и под.

Таким образом, в смысловой структуре многозначного слова может сформироваться оценочная энантиосемия двух видов:

системная – когда слово имеет в своей смысловой структуре противоположные по знаку оценочные значения (*агрессивный, стерва, карьерист, амбициозный*);

групповая – разнооценочные значения сосуществуют в смысловой структуре слова, но закреплены за разными социальными группами и/или временными периодами (неодобрительность слов *кооператор, бизнесмен, предприниматель* в первые постперестроечные годы: слово *перестройка* имело в начале перестройки положительную оценку, которая в настоящее время сменилась на неодобрительную), локализованы в языковом сознании определенных социальных и возрастных групп (*коммунисты, красные, белые, белогвардейцы, большевики, коммунизм, социализм, капитализм* и под.)

Необходимо также иметь в виду, что этапом в развитии оценочной семантики слова является его контекстуальное оценочное употребление. Оценка в контексте, в конкретном акте употребления слова, может усиливаться, ослабляться, погашаться и реверсироваться, а также наводиться контекстом (*Я сделаю из вас математиков! – кричала учительница*); для всего этого необходимы определенные контекстные условия.

Частотность речевого употребления слова с определенной оценкой ведет к постепенному оформлению употребления в системное значение.

Отметим, что контекстная оценка определяется не только самой ситуацией коммуникации, но и языковым сознанием конкретного носителя языка, его принадлежностью к той или иной социальной,

возрастной, гендерной группе, что может оказывать существенное влияние на оценочную семантику слова; данное обстоятельство постоянно отражается в результатах ассоциативных экспериментов.

Психолингвистические эксперименты показывают, что в одном и том же значении, могут выявляться семы противоположных оценочных знаков, а также и сема «неоценочное». Это связано с отражением языкового сознания тех или иных групп респондентов, а также отражает динамику семантического развития слова.

Что касается семантики слова *агрессивный*, то отметим явную тенденцию к активному смысловому развитию данного прилагательного, его активизации в современном русском языке – в большинстве толковых словарей это слово представлено всего в двух-трех значениях. Позволим предположить, что интенсивное развитие семантики слова *агрессивный* в современном русском языке отражает общий тренд в обществе к повышению агрессивности во всех сферах действительности – от политики, экономики, бизнеса, бытового общения до спорта, рекламы, шоу-бизнеса и искусства.

Упомянутые особенности развития оценочной семантики в русском языке нуждаются в тщательном семантическом описании и определенной форме лексикографической фиксации.

Sternin I. A.

Voronezh State University, Russia

Changes in the Evaluation Semantics of a Word in Modern Russian: Reversion or Development of the Semantic Structure of a Word?

The article considers the change in the evaluative semantic component of words in the Russian language of the newest period. The article shows that there are at least 7 variants of the semantic development of the semantics of a word affecting its evaluative semantic component. The theoretical positions are illustrated by material of the semantics of the word *aggressive* and a number of other words of the modern Russian language that have changed their evaluative semantic component in recent decades.

Keywords: evaluation, semantic development of a word, reversion of evaluative semantic component, formation of evaluative semantics.

Капела Эва

Силезский университет в г. Катовице, Польша

ewa.kapela@us.edu.pl

Демотивационный плакат как жанр политического дискурса

Статья посвящается особенностям демотивационных плакатов на политические темы. Автор описывает структуру и композицию данного типа семиотически осложненного текста, а также обсуждает виды отношений между вербальными и визуальными компонентами плакатов. В статье определяются характеристики политического демотиватора как непрототипического жанра политического дискурса и выявляются его функции в политической коммуникации.

Ключевые слова: демотиватор, интернет-мем, креолизованный текст, политический дискурс.

Одним из самых популярных видов интернет-мемов (т.е. единицы информации, приобретшей большую популярность среди интернет-пользователей в результате ее спонтанного распространения) являются демотивационные плакаты. Они начали создаваться в конце XX столетия как пародия на мотивационные постеры, которые пропагандировали «позитивный взгляд на мир» и «активную жизненную позицию»¹. «Мотиваторы» равешивались, в частности, в корпорациях с целью повышения производительности труда. По идее, демотиваторы должны выполнять противоположное задание. Подпись под картинкой позволяла юмористическим способом выражать критическое отношение к миру². Демотиваторы получили широкое распространение в Интернете и стали формой комментирования действительности.

Лингвисты считают демотиватор новым гибридным жанром интернет-дискурса. Он представляет собой семиотически осложненный (вербально-визуальный, креолизованный) текст. Демотиватор состоит из помещенного в черной рамке графического элемента и сопровождающей его подписи. Для него характерны шаблонность (определенная композиция и оформление), анонимность, лаконичность, юмористическая направленность, злободневность и экспрессивность³.

В демотиваторе, как в кривом зеркале, отражаются факты общественной жизни. Он выполняет функцию носителя информации, установок и мировоззрения определенной общественности⁴, в силу

чего является действенным орудием как критической, так и юмористической интерпретации, а также оценки политиков и их деятельности. Политический юмор считается одним из основных инструментов неформальной политической коммуникации. Применяемое по отношению к нему определение – «пятая ветвь власти»⁵, подчеркивает его существенную роль в дискурсе данного типа. Мария Ворошилова отмечает, что юмор «позволяет в яркой, сконцентрированной, “сжатой как пружина” форме вскрыть противоречия, двойные стандарты, присущие политике, нередко наглядно демонстрирует абсурдность ситуации»⁶.

Обзор тематики и героев политических мемов позволяет судить об общественных настроениях. Юлия Щурина справедливо констатирует, что «спонтанному, неконтролируемому распространению среди интернет-пользователей [...] подвержена не всякая информация, а лишь та, которая каким-либо образом оставляет многих пользователей равнодушными к ней, вызывает интерес или порождает ассоциации»⁷. Демотиваторы политического характера, в основном, посвящаются особо волнующим, злободневным вопросам, например, честным выборам, коррупции. Использование на плакатах фотографии определенного политического деятеля является показателем его известности. Однако не всегда эта популярность свидетельствует о положительном отношении к герою мема. Бывает также, что – по принципу вирусного мема – демотиватор используется лишь в качестве инструмента тиражирования избранных высказываний политиков.

В гибридном меме, каким является демотиватор, сосуществуют элементы вербального и иконического кодов. Лингвистами определяются разные виды корреляции между этими двумя композиционными элементами. Основными следует признать следующие типы отношений: репетиционное (содержание обеих частей полностью совпадает), аддитивное (изображение привносит дополнительную информацию), выделительное (напр., если графический компонент задает ракурс прочтения вербальной информации, подчеркивая определенный аспект ее значения), оппозитивное (противоречие содержания вербальной и невербальной информации, нередко служащее источником комизма), интерпретативное (связь между содержанием компонентов устанавливается на ассоциативной основе)⁸. Самым важным, на наш взгляд, стоит считать интегративный характер взаимоотношений между вербальным и невербальным элементами, так как они дополняют друг друга с целью совместной передачи информации. Проиллюстрируем это примерами.

[1] Ну на один срок?
Ну что вам жалко что ли?

[2] Два жаждущих власти Клоуна.
Один никогда не станет Хокаге,
а второй Президентом.

Владимир Жириновский уже несколько раз безуспешно баллотировался в президентских выборах. Этот факт высмеивается во многих демотиваторах. На плакате номер 2 политик сопоставляется с главным героем японской манги Наруто. Это шумный, непоседливый ниндзя-подросток, который иногда ведет себя как клоун, чтобы оказаться в центре внимания. Наруто «мечтает достичь всеобщего признания и стать Хокагэ — главой своего селения и сильнейшим ниндзя»⁹. Графический элемент демотиватора выполняет выделительную функцию, уточняя содержание вербальной части. Кроме того, изображение героя японского комикса подчеркивает определенные качества личности политика.

[3] АААА лошадь хочет
стать президентом!!!

[4] Ксению Собчак
обложили транспортным
налогом за 0,5
лошадиной силы.

Очень часто в интернет-коммуникации анималистическая метафора лошадь заменяет фамилию Ксении Собчак – кандидата в президенты на выборах 2018 года. Основой сравнения является отмеченное интернет-пользователями физическое сходство улыбающейся Собчак с данным животным. Поскольку существительное лошадь является устоявшимся определением К. Собчак, которого, кстати, не стыдится она сама, графический элемент представленных выше демотиваторов не является обязательным для правильного понимания смысла сообщения.

Стоит добавить, что большинству россиян Ксения Собчак известна не как член политической оппозиции, а как «светская львица», персонаж шоу-бизнеса, журналист и ведущая телевизионное реалити-шоу «Дом-2». Поскольку она также крестница Путина, которого называет «дядя Володя», многие считают ее выдвижение в президенты сознательным «политтехнологическим трюком Кремля с целью имитации конкурентности и повышения явки на предстоящих президентских выборах»¹⁰. В связи с этим интернет-пользователи с юмором отреагировали на ее кандидатуру. Зооморфная метафора лошади актуализировала многие оценочные ассоциации. В сети появились комментарии, в которых задействован механизм языковой игры – обыгрывается прозвище Собчак: *Злые языки уже заявляют, что Путин, мол, сделал ход конём! (Ой, извините, лошадью)... И специально выдвинул кандидата, который отнимет голоса у оппозиции*¹¹; *Путин превзошел римского императора. Калигула ввёл коня в Сенат, а Путин лошадь в Президенты...*¹²; *Троянская Лошадь Кремля: как соцсети встретили Собчак*¹³. Содержание демотиваторов вместе с другими сообщениями в СМИ образуют интегральный образ Собчак, как человека непригодного для выполнения важнейшей функции в стране, однако выдвинутого для достижения чьих-то целей.

В приведенном далее демотивационном плакате подпись задает способ интерпретации изображения. Образ, в свою очередь, представляет собой метафористическую характеристику лиц, о которых идет речь в вербальной части демотиватора. В русской языковой картине мира заяц является символом трусости и недостаточных умственных способностей (напр., *Заяц самого себя боится; Заяц глупый, а следы петляет; И заяц умен, да задним умом*¹⁴). Таким образом, отрицательные качества животного переносятся на кандидатов в президенты, собирающихся соперничать с Владимиром Путиным.

[5] Соперники Путина на президентских выборах 2018 г.

Демотивационные плакаты на тему политики являются формой общественной активности, одним из способов волеизъявления или оценочного самовыражения избирателей, инструментом проявления реакции на предстоящее или предшествующее событие¹⁵. Они дают возможность выразить запрещенные суждения, иногда же выступают как проявление коллективного мышления¹⁶. Кроме того, осмеивание политиков считается одной из форм общественного контроля их деятельности¹⁷. Автор демотиватора – это, как правило, анонимный, непрофессиональный, неинституциональный адресант, создающий неформальное, схематическое сообщение. Таким образом, гражданин выступает уже не только получателем, но и сам становится отправителем сообщений на политические темы¹⁸.

Политический демотиватор представляет собой пограничный жанр, находящийся на стыке интернет- и политического дискурсов. Причем политический дискурс понимается здесь широко. К нему принадлежат «как институциональные, так и неинституциональные формы общения, если к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, содержание сообщения, адресат»¹⁹.

Демотиваторы на политические темы «носят респонсивный характер и представляют собой комментирование, обсуждение, интерпретацию, одним словом, реакцию на действия (в том числе и речевые), совершенные политиками». Данное свойство позволяет причислить их к вторичным жанрам неформального политического дискурса, среди которых Елена Шейгал выделяет: бытовые разговоры

о политике, интервью, анекдоты, аналитические статьи, мемуары, письма читателей, граффити, карикатуру, телепародию.

Стоит однако подчеркнуть адресантную амбивалентность данного жанра. Характер автора (институт, власть, народ) решает о содержании и интенции отдельных сообщений. Если, например, интернет-мемы используются в предвыборной агитации, то они составляют основу собственно политической коммуникации, нацеленной на борьбу за власть и, тем самым, становятся частью первичного политического дискурса²⁰.

¹ *Бугаева И. Б.* Демотиваторы как новый жанр в Интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика. // *Стил.* 2011. № 10. с. 148. URL: <http://rastko.org.rs/filologija/stil/2011/10Bugaeva.pdf> (дата обращения: 20.08.2017).

² *Kołowiecki W.* Memy internetowe jako nowy język Internetu. // *Kultura i Historia.* 2012. Nr 21. URL: <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/archives/3637> (дата обращения: 10.07.2017).

³ *Канашина С. В.* Интернет-мем и политика. // *Политическая лингвистика.* 2017. № 1. С. 69–73.

⁴ Ср. *Kudlińska H.* Demotywtor jako nowy gatunek dyskursu 2.0. // *Teksty Drugie.* 2014. Nr 3. S. 316–317.

⁵ *Дмитриев А. В.* Социология юмора. Цит по: *Ворошилова М. Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. С. 94.

⁶ *Ворошилова М. Б.* Указ. соч. С. 94.

⁷ *Щурина Ю. В.* Интернет-мемы: проблема типологии. // *Вестник Череповецкого государственного университета.* 2014. № 6. С. 86.

⁸ *Ворошилова М. Б.* Указ. соч. С. 33–36.

⁹ [Электронный ресурс] Все о Наруто. URL: <https://narutosuperstar.jimdo.com> (дата обращения: 12.11.2017).

¹⁰ [Электронный ресурс] Крестница Путина идет в президенты. Политическая многоходовка Ксении Собчак. URL: <https://www.russianpressa.ru/russianpressa-analitica/krestnica-putina-idyot-v-prezidenty-politicheskaya-mnogohodovka-ksenii-sobchak> (дата обращения: 12.11.2017).

¹¹ [Электронный ресурс] «Хиллари Собчак и собачья жизнь»: соцсети с юмором отреагировали на выдвижение Ксении Собчак в президенты. URL: <https://www.kp.ru/daily/26746.4/3774675/> (дата обращения: 12.11.2017).

¹² [Электронный ресурс] Ксения Собчак, возможно, все-таки пойдет на выборы президента. URL: <https://echo.msk.ru/news/2059292-echo.html> (дата обращения: 12.11.2017).

¹³ [Электронный ресурс] URL: <http://info.sibnet.ru/article/527490/> (дата обращения: 12.11.2017).

¹⁴ Даниленко В. Картина мира в пословицах русского народа. Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. С. 116–118.; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Москва: Олма-МедиаГрупп/Просвещение, 2010. С. 366.

¹⁵ Ср. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000, с. 318.

¹⁶ Ср. Канашина С. В. Указ. соч. С. 69–70.

¹⁷ Kamińska-Szmaj I. Komunikacja polityczna – język, styl, dyskurs. // Style współczesnej polszczyzny / red. E. Malinowska, J. Nocoń, U. Żydek-Bednarczuk. Kraków: Universitas, 2013. S. 424.

¹⁸ Frasz J. Komunikacja polityczna. Wybrane zagadnienia gatunków i języka wypowiedzi. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 2005. S. 36.

¹⁹ Колесникова С. Н. Особенности политического дискурса. // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33. С. 68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-politicheskogo-diskursa-i-ego-interpretatsiya> (дата обращения: 05.08.2017).

²⁰ Ср. Там же.

Kapela E.

University of Silesia in Katowice, Poland

Demotivational poster as a genre of political discourse

The article is devoted to features of demotivational posters on political topics. It describes the structure and composition of this type of multi-code text. This paper discusses the types of relations between verbal and visual components of posters. The characteristics of a political demotivator as a peripheral genre of political discourse have been determined and its functions in political communication have been indicated.

Keywords: demotivator, Internet meme, creolized text, political discourse.

Прохватилова О. А.

Волгоградский государственный университет, Россия

12_09@mail.ru

О диалогичности современного медиатекста

В статье представлены некоторые результаты анализа диалогичности медиатекста на материале стенограмм авторских передач радио «Эхо Москвы». Исследование базируется на понимании диалогичности как свойства монологического текста, связанного с воспроизведением в нем элементов диалога, и разграничении трех типов диалогичности: внешней диалогичности, внутренней диалогичности и глубинной диалогичности. Обосновано, что для современного медиатекста актуальными являются внешняя и внутренняя диалогичность. Показано, что внешняя диалогичность медиатекста обеспечивается актуализацией «ты» – сферы высказывания, реализует направленность речи на адресата и эксплицируется за счет введения в монологический контекст языковых форм, наиболее частотных для диалогической ситуации общения. Установлен состав средств внешней диалогичности медиатекста, в число которых входят: вводные слова с семантикой привлечения внимания, местоименные формы 2-го лица множественного числа, вопросно-ответные единства, обращения, глагольные формы 1-го и 2-го лица множественного числа изъянительного и повелительного наклонения, вопросительные предложения. Выявлены функции внешней диалогичности медиатекста: обозначение статуса адресата, активизация его внимания, формирование тональности общения субъекта и адресата речи, передача характера отношений между ними.

Ключевые слова: диалогичность, медиатекст, диалогичность, внешняя диалогичность, средства внешней диалогичности, функции внешней диалогичности.

Современные исследователи медиатекста называют диалогичность в числе его важнейших свойств¹. На сегодняшний день в наибольшей степени раскрыта специфика диалогичности газетного медиатекста, имеются работы, связанные с рассмотрением вопросов диалогичности монологических жанров телевизионной речи. Однако медиатексты, создаваемые на радио, в аспекте диалогичности до сих пор не становились предметом специального изучения. Данная работа отчасти восполняет этот пробел.

В качестве материала использованы стенограммы авторской передачи «Один», которую в эфире радио «Эхо Москвы» ведет журналист и писатель Дмитрий Быков.

Диалогичность определяется нами как свойство монологического текста, связанное с воспроизведением в нем элементов диалога. Мы рассматриваем понятие «диалогичность» в соотношении с понятием «монологичность» в рамках единой речемыслительной функционально-семантической категории, которая характеризуется набором признаков в плане содержания и комплексом моделей в плане выражения, обеспечивающих доминирование диалогичности или монологичности в речи². Мы разграничиваем 3 типа диалогичности: *внешнюю* диалогичность, *внутреннюю* диалогичность и *глубинную* диалогичность³. По нашим наблюдениям, для современной радиоречи актуальными являются внешняя и внутренняя диалогичность.

В рамках данной статьи будут рассмотрены средства и функции внешней диалогичности современного радиийного медиатекста.

По нашим наблюдениям, внешняя диалогичность, связанная с отражением в речи отношений «говорящий – слушающий», а также обозначением в ней реального адресата и его статуса, в современной радиоречи актуализируется благодаря введению в монологический контекст таких диалогических элементов, как: обращения, местоименные формы 1-го и 2-го лица множественного числа, глагольные формы 1-го и 2-го лица множественного числа изъянительного и повелительного наклонения, вводные слова из разряда привлечения внимания, вопросительные предложения и вопросно-ответные единства.

Наиболее частотным средством в нашем материале являются вводные слова с семантикой привлечения внимания собеседника к сообщению, акцентирования, подчеркивания (*понимаете, знаете, видите ли, слушайте* и др.). Они составляют 22 % от общего числа средств внешней диалогичности. Например: *Мне просто важен ещё, **понимаете**, его такой тихий юмор, его постоянная усмешка над всем <...> **Видите ли**, для Адамовича (в первую очередь, я думаю, для него, потому что это он придумал этот финал, но и для Климова тоже) важно было показать, что после всего увиденного этот мальчик готов превратиться в мстителя/.*

Приведенные и подобные примеры дают основания утверждать, что вводные слова в радиийном тексте выполняют функцию активизации внимания слушателей.

Вторым по частотности средством внешней диалогичности (16 % от общего объема) в нашем материале выступают личные и притяжательные местоимения 2-го лица множественного числа (*вы, ваши*). Они могут употребляться ведущим и при обращении ко всей аудитории слушателей (множественному адресату), так и к одному лицу (как форма вежливости), например: *Название лекции «Кровавый закат» совершенно не означает, что **вам** предъявят дикие сенсационные подробности и кровавые детали <...> Дорогой don ballon, здесь, мне кажется, проблема в том, что тема слишком сакральна. **Вы** правы, слишком много было зверств.*

Это средство внешней диалогичности используется в медиатексте в двух функциях: 1) указания на адресата и 2) активизации его внимания.

Третьим по частотности средством внешней диалогичности в нашем материале (13 % от общего объема) являются вопросно-ответные единства, которые представляют собой перенесение в монологическую речь форм диалога. Обычно вопросно-ответные единства наблюдаются в тех случаях, когда ведущий, исходя из логики изложения, как бы предвидит вопросы, которые могут возникнуть у аудитории, задает их от лица слушателей и предлагает свой ответ, например: *Есть ли у меня претензии к Светлане Алексиевич? Да. И достаточно серьёзные <...> Но если вы, *don*, спросите меня серьёзно, верю ли я в случай Билли Миллигана, я вам с полной серьёзностью отвечаю: нет, не верю.*

Примеры показывают, что с помощью вопросно-ответных единств в рамках монологического контекста создается ситуация гипотетического диалога, в котором реакция второго участника общения «озвучивается» ведущим. Обычно это средство используется в начале абзаца как сигнал новой темы либо при вводе новой мысли при развертывании темы. При этом вопросно-ответные единства не только служат средством указания на реального адресата, но и активизируют его внимание.

12 % от общего объема средств внешней диалогичности в нашем материале составляют обращения. Обращение характеризуется обычно как слово или группа слов, которые называют того, к кому адресована речь⁴ и осмыслиется как многозначная единица. Мы разделяем мнения исследователей, которые утверждают, что, поскольку при обращении к адресату говорящий не только называет его и обозначает в избранном названии его социальный статус, роль, но и свое отношение к нему, как ролевое, так и личностное⁵,

функции обращения «не сводятся к чисто технической роли – установления и поддержания речевого контакта, средства привлечения и поддержания внимания адресата... наряду с этим обращение служит также для установления нужного тона и стиля общения»⁶. Мы полагаем, что в качестве средства внешней диалогичности обращение может обозначать статус адресата, а также выражать отношение говорящего к собеседнику.

По нашим наблюдениям, ведущий передачи «Один» использует обращения двух видов: индивидуально-адресованные, представляющие собой индивидуализирующие средства наименования адресата, и коллективно-адресованные обращения, включающие единицы, обозначающие определенное количество, класс лиц⁷.

Подсистема индивидуально-адресованных обращений образована антропонимическими обращениями к конкретным радиослушателям, приславшим вопросы на сайт радиостанции, а также известным деятелям культуры, о которых заходит разговор в передаче, например: *Понимаете, Андрей, Константин Воробьев – это достаточно важный и сложный писатель <...> Так что, Павел Григорьевич [Чухрай], если вы меня сейчас слышите... Я просто к вам не стал уже подбегать после премьеры <...> Павел Григорьевич, поставьте этот сценарий!*

Подсистема коллективно-адресованных обращений включает апеллятивные обращения («друзья», «братья и сестры» и «ребята»), устанавливающие, безусловно, определенный регистр общения (доброжелательно-ироничный) и передающие лишенный иерархии характер взаимоотношений говорящего и слушающих.

Средством создания внешней диалогичности медиатекста могут выступать и глагольные формы, а именно: формы 2-го лица множественного числа повелительного наклонения и «мы»-формы – формы 1-го лица множественного числа (соответственно 12 % и 10 % от общего объема средств). При этом императивные формы 2-го лица, грамматическая семантика которых конкретизируется благодаря лексическому наполнению как призыв, используются не только для указания на коллективный характер адресата, но и для выражения иерархических, асимметричных отношений между радиоведущим и слушателями, например: ***Обратите** внимание, что во множестве американских фильмов так или иначе это разбирается <...> Пока, в конце концов, не находят единственно верный способ (догадайтесь о нём) эту синхронизацию произвести.*

Иные отношения ведущего и его аудитории передают «мы»-формы, которые объединяют глаголы и личные и притяжательные

местоимения 1-го лица множественного числа. Как известно, семантика «мы»-форм состоит в выражении отнесенности действия, признака, состояния к группе лиц, включая говорящего. При этом глагольные формы употребляются для обозначения совместного участия в каком-либо действии говорящего и того, к кому обращена речь; а местоимение «мы», как подчеркивают авторы Русской грамматики 1980 года, «не обозначает множественности говорящих (мы – это не несколько я), а указывает на группу лиц, среди которых находится и говорящий»⁸. По мысли В.В. Виноградова, «в таком случае эти местоимения говорят не о я и другом я (или о других я), не о ты и других ты, а о я, ты вместе с другими, в совокупности с ними»⁹.

Использование глагольных и местоименных форм 1-го лица множественного числа позволяет ведущему подчеркнуть свое единение со слушающими, поскольку семантика «мы»-форм, исключая выражение иерархичности отношений участников совместного действия, позволяет отразить равноправные отношения участников коммуникации, симметричность позиций субъекта речи и ее адресата, например: *Тут, конечно, показано всем **нам**, до какой степени запущена ситуация в России с очевидностями <...> Мы о Воробьеве **поговорим** отдельно.*

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала показал, что в число средств создания внешней диалогичности современного радиийного текста входят и вопросительные предложения (9 % от общего объема средств). Как и вопросно-ответные единства, они являются прямым перенесением в монологическую по форме речь элементов диалога, например: ***Дмитрий, что для вас означает день 22 июня?** Судя по всей вашей жизни, не очень много, как и для ваших друзей из бывшей Украины <...> Блок молчал, пока он читал, молчал, пока его ругали гости. А потом, когда вышел в тесную прихожую на Пряжке... **Знаете, да?** Там, где вешалка стоит.*

Функцию вопросительных предложений можно обозначить как активизацию внимания адресата.

Наконец, средствами создания внешней диалогичности в нашем материале могут выступать глагольные формы 2-го лица множественного числа (*вы помните, вы знаете, вы слышали*). По нашим наблюдениям, в речи радиоведущего обычно используются высказывания, содержащие такие глагольные формы 2-го лица множественного числа, семантика которых связана с апелляцией к жизненному опыту аудитории, например: ***Вы знаете, что он был в плену, убежал***

оттуда, из концлагеря, партизанил <...> Мне очень интересно было бы посмотреть примеры тайнописи в «Великане». Помните, там в самом начале, когда героя просят два его новых соседа, муж и жена, только что вернувшиеся (там осторожно написано) с Севера, просят убить курицу. И он говорит: «Вот странные люди – оттуда вернуться, а курицу убить не могут».

Приведенные и подобные примеры показывают, что высказывания типа *вы знаете, вы помните* направлены на активизацию внимания слушателей, вовлечение их в активное восприятие речи ведущего радиопередачи.

Таким образом, внешняя диалогичность в современном медиатексте представлена рядом средств, в числе которых вводные слова с семантикой привлечения внимания, местоименные формы 2-го лица множественного числа, вопросно-ответные единства, обращения, глагольные формы 1-го и 2-го лица множественного числа изъявительного и повелительного наклонения, вопросительные предложения.

Средства внешней диалогичности позволяют обозначить статус адресата, активизировать его внимание, определить своеобразие тональности общения в передаче, передать характер отношений между радиоведущим и его аудиторией.

¹ См., например: *Дускаева Л.Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М.Н. Кожинной. СПб.: СПбГУ: Филол. факультет, 2012. 274 с.; *Коньков В.И.* Медиаречь: содержание понятия и принципы анализа / В.И. Коньков // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 58–63.; *Светана С.В.* О диалогизации монолога / С.В. Светана // Филологические науки. 1985. № 4. С. 39–46.

² Подробнее, см.: *Прохватилова О.А.* Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи / науч.ред. С.П. Лопушанская. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999. С. 105–110.

³ Там же. С. 229–291.

⁴ См. например: *Русская грамматика*: В 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 163.

⁵ *Формановская Н.И.* Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989. С. 83.

⁶ *Останин А.И.* Целевая соотносительность обращения и высказывания (на материале русской разговорной речи) // Филологические науки. 1998. № 1. С. 72.

⁷ Термин см.: *Филипова Е.В.* Коммуникативно-дискурсивные аспекты обращения в современном английском языке (на материале британских

и американских текстов публичных выступлений конца XX – начала XXI века): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самарский государственный архитектурно-строительный университет. Самара, 2012. 25 с.

⁸ *Русская грамматика*. С. 534.

⁹ Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. С. 286.

Prokhvatilova O. A.

Volgograd state University, Russia

On the Dialogic Nature of Modern Media Text

The article presents some results of the analysis of the media text dialogicality on the material of the transcripts of author's broadcasts of radio «Echo of Moscow». The study is based on the understanding of Dialogic as a property of the monological text associated with the reproduction of dialogue elements in it, and the distinction of three types of Dialogic: external Dialogic, internal Dialogic and deep Dialogic. It is proved that for the modern media text external and internal Dialogic is relevant. It is shown that the external Dialogic nature of media text is provided by the actualization of the «you» - sphere of expression, implements the direction of speech to the recipient and is explicated by the introduction into monological context of language forms most frequent for the dialogical situation of communication. The composition of external Dialogic media text includes: introductory words with semantics of attention, the pronominal forms of the 2nd person plural, question-answer unity, treatment, verbal forms of the 1st and 2nd person plural indicative and imperative mood, interrogative sentences. The functions of external Dialogic media text are revealed: designation of the status of addressee, activation of his\her attention, formation of the tone of communication between the subject and the addressee of speech, transfer of the nature of relations between them.

Keywords: dialogue, media text, dialogue, foreign dialogue, external dialogue.

Краснова Т. И.

Санкт-Петербургский государственный университет,

Россия

taikrasnova@yandex.ru

**Дискурсивный концепт «русский мир»
и некоторые тенденции использования знаков
русской идентичности в медиатекстах**

Дается краткий обзор положений из медиа источников с определением ключевых понятий по данной теме. Обозначены некоторые тенденции использования знаков русской идентичности в медиатекстах, их динамичный характер. В политическом дискурсе СМИ наблюдается конвенциональность семантики, которая связана с мифо-логическими установками и спецификой заказа.

Ключевые слова: русский мир, идентичность, дискурс, медиа коммуникация.

Понятие «русский мир» оказалось в поле активного общественного обсуждения в 2007 году и трактуется как механизм поддержки многомиллионной русской диаспоры за рубежом. В конце 2016 года модная для политического момента тема *национальная идентичность* обозначилась и в печати, и на центральном ТВ. Ее поиск, «мол, кто мы – жители России; и как вообще понять, кто мы» был отмечен как не прекращающийся, или «неизбывный» (см.: Независимая газ. 2016, 21 нояб.). В печати обозначена политическая проблематика идентичности, активированы предикаты высказываний типа *быть в поиске идентичности, беречь идентичность, развивать политику идентичностей* (о политике демократов из лагеря Обамы-Клинтон), судить о *конфликте идентичностей*. Обсуждение проблем происходит на уровне концептов «русский мир», «мир ислама», или «туркский мир», «цивилизация» (Независимая газ. 2016, 22 янв., 20 апр.; 2017, 10 апр., 21 апр.; Санкт-Петербургские вед. 2016, 7 сент.; Российская газ. 2016, 20 окт.).

Идентификацию рассматривают как отдельный дискурсивный акт установления тождества или различия с чем/кем-нибудь. Во многих странах в широком толковании к *русским* причисляют всех, кто говорит по-русски, *русскоязычных*. Глава российского МИДа называет оказание поддержки российской общине за рубежом «безусловным внешнеполитическим приоритетом России», а

депутаты Европарламента в известной антироссийской резолюции внесли *русский мир* в число «безусловных угроз для Европы».

Гибридные средства войны затронули чувствительные струны русского самосознания, к ценностям которого всегда относился русский язык. Так, руководству НАТО для оттачивания новых методов ведения войны понадобились *русскоязычные* участники военных учений, а Евросоюзу оказалось необходимым уменьшение влияния *русского языка* (как фактора влияния Москвы) на разных уровнях коммуникации.

«Язык – это национальная самоидентификация: на каком языке ты думаешь, той культуре и принадлежишь, и не важно, какая кровь в тебе течет» («Эксперт» 2016, № 20), однако в моде «английскость». Из интервью Патриарха Кирилла: «У нас нередко происходит так: человек пожил два-три года за границей, еще толком не выучил английский, а по-русски уже говорит «с акцентом», чтобы все понимали, что он уже *не очень-то русский*. Английские интонации вообще становятся модными среди нашей молодежи» (Российская газ. 2016, 20 окт.).

Дискурсивный концепт *русский мир* имеет разные смысловые конфигурации на основе подобия, различия, смежности и др. Он «способен трансформироваться за счет добавления новых идентификаций и изменения смысловых отношений между ними»¹. Русский мир остается русским, но русский язык уходит из ближнего зарубежья. Русский мир в странах СНГ находится в состоянии неопределенности. Набирает силу национализм. Исчезла грамотная среда, включая ТВ, радио, газеты. Люди стали «демократичнее» относиться к незнанию норм употребления языка, «стали отчего-то терпимее к ошибкам в речи своих собеседников» (Независимая газ. 2016, 1 нояб.). Не иссякают и юмористические оценки политической ситуации с дискурсивным концептом «русский мир»:

– *Коллеги-американцы, подскажите, чем нам, русским, победить неблагоприятно складывающуюся ситуацию с рублем? – Есопоту. Justeconoty. – Спасибо. Иконами так иконами* (Комсомольская пр. 2015, 23 дек.).

Дискурс русской идентичности стал подвижным и вариативно множественным. В медиа на первый план вышла **политическая** составляющая процесса идентификации с концептом *русский мир*. Активными субъектами процесса становятся представители власти, научных и общественных организаций. Существующие проблемы президент В. Путин связал с процессом формирования *российской*

идентичности. Более того, президент поддержал предложение о создании закона о *российской* нации.

Идентичность понимают как свойство человека, связанное с его ощущением принадлежности к определенной группе (коллективу, партии, конфессии, народу) и определяют как «процесс, включенный в социальные практики, где дискурсивные практики играют главную роль»². Ср. подвижное представление о российской идентичности в интервью голландского философа Франка Анкерсмита: «Когда рассматриваешь вопрос, что представляет собой *российская идентичность*, стоит учитывать и предыдущий тяжелый период, и новый – последние 10-15 лет, когда западные страны унижали Россию. Я вполне понимаю негодование России, особенно учитывая, что *русские* являются европейцами («Эксперт» 2016, № 43).

Под *дискурсивными практиками* следует понимать изменчивые закономерности передачи и развертывания смыслов, включая конкуренцию дискурсивных практик, структурирующих дискурсивный концепт – в том числе такой, как «русский мир». *Дискурсивный концепт* – это сеть множественных идентификаций, что позволяет показать динамический, «плавающий» характер идентичности в дискурсе³. *Дискурсивная идентичность* и есть дискурсивный концепт, существующий как «нецентрированный комплекс идентификаций», связанных тематически. Ср. элементы ассоциативного поля «русский» (-ая, -ое, -ие) в печатных медиа: **русский** – *р. язык, р. мир, р. человек, р. народ; р. европеец, р. хакер, р. ум; русская* – *р. жизнь, р. речь, р. культура, р. словесность, р. душа, р. идея; р. женщина, р. натура, р. цивилизация, р. матрица, р. власть; русское* – *р. население, р. доминирование, р. имперское начало, р. самодержавие, р. авось; «Общерусское национальное движение»; русские* – *р. люди (великороссы); р. участники, р. армяне, р. татары, р. греки, р. евреи, р. немцы, р. американцы, р. иностранцы; р. националисты, р. оккупанты, «Русские» (запрещенное движение)*. Вопрос двойной идентичности обычно решается в медиатекстах с помощью исторической справки и указанием на традицию. В то же время поддерживается мысль о своеобразии русской идентичности: «Все у нас на особицу – *русская душа, русская идея, русская женщина, русский ум* и даже *русский дурак*» (Санкт-Петербургские вед. 2015, 5 марта).

Рассуждая о лексике в мифах, Клод Леви-Стросс отмечал, что ей присущи законы, которые определенным образом членят не только действительность, но и само мифическое видение мира. Ученый

выделил в лексике так называемые *мифемы*. Это слова с двойным значением, одновременно функционирующие в двух планах – в плане языка, где они сохраняют свое лексическое значение, и в плане метаязыка, где они выступают в роли элементов вторичной знаковой системы, которая способна возникнуть лишь из соединения этих элементов⁴. В политическом метаязыке нет ни одного уровня, элементы которого не возникали бы в результате совершенно определенных, подчиняющихся известным правилам операций. Их функции могут быть обозначены (как верно отметил В. Пропп) при помощи отдельных слов⁵, словосочетаний. Ср. во враждебном политическом дискурсе: Россия – «страна-агрессор», «мафиозное государство», «крепость национализма». Метафора и миф неразделимы.

В исследованиях последних лет говорится о манипулятивных практиках, характерных для статей, в которых речь идет о России, российском мире. Это британские и германские англоязычные Интернет-издания журналистских произведений, где Россия представлена только с отрицательной стороны. Авторы выявили 8 мифов, с помощью которых корреспонденты и обозреватели формировали отрицательное общественное мнение европейской аудитории о политической системе в России⁶.

Идеология медиа коммуникации обусловлена областью и предметом общения, спецификой групповой потребности, спецификой заказа, особенностями восприятия, а также интересами групп политически ориентированного сообщества. Речь идет об особом виде мироощущения, об иллюзорной действительности, существующей в том или ином сообществе конвенционально. В этом смысле можно говорить о конвенциональности семантики, которая связана с приоритетами в специфике восприятия предметов. В политико-идеологическом дискурсе СМИ конвенциональность семантики связана с мифологическими установками. За основу берется единство психического поля группы⁷ и по-своему мифологизированного мышления, в котором пребывает идеологический субъект, область политики и культуры, в которой он находится.

⁴ Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. 2016, № 6, С. 161.

⁵ Мельникова О. Т., Кутковая Е. С. Дискурсивный подход к исследованию идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2014. № 1.

С. 64. См. также: Fairclough N. Critical discourse analysis. Boston: Addison Wesley, 1995.

³ Енина Л. В. Там же.

⁴ Левин-Стросс К. Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа // // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 451-452.

⁵ Там же.

⁶ Баканов Р. П., Хасанова А. Ю. Формирование мифов о России в англоязычных интернет-изданиях // Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования. II Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, БелГУ, 5-7 октября 2016 г.: Сб. науч. работ / Под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 140-151.

⁷ Седых А. П. Языковое поведение, конвенциональная семантика и национальные архетипы // Филологические науки. – 2004. – № 3. – С. 54.

Krasnova T. I.

St. Petersburg State University

**Discursive Concept of «Russkiy Mir» and Some of the Trends
in Using Signs of Russian Identity in Mediatext**

The article provides a brief overview of the media sources with the definition of key concepts on the topic. The certain trends in using signs of Russian identity in media text and their dynamic nature are identified. In the political discourse of the MEDIA, there has been a conventional semantics, which is associated with mythological and specifics of an order.

Keywords: Russian world, identity, discourse, media communication.

**Зиновьева Е. И.,
Кузнецов Ю. А.,
Хруненкова А. В.**

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия*

*e.i.zinovieva@spbu.ru;
y.a.kuznetsov@spbu.ru;
a.khrunenкова@spbu.ru*

**Уступчивый человек как одна из черт
национального характера в русской ментальности:
лингвистический аспект**

В статье рассматривается стереотипное представление об *уступчивом человеке* в сознании носителей русского языка разных возрастных групп. На основании анализа лексикографических источников, интернет-форумов и результатов проведенного анкетирования авторы статьи приходят к выводу, что в русской ментальности уступчивость как черта характера амбивалентна с точки зрения оценки и наблюдается тенденция к движению по шкале оценочности от плюса к минусу.

Ключевые слова: национальный характер, стереотипное представление, качество личности, оценка.

Проблемы определения понятия «национальный характер», выделения набора характеристик, присущих русскому национальному характеру, исследование факторов, определивших его формирование, имеют давние традиции в отечественной философии, этнопсихологии, антропологии и других гуманитарных науках и остаются актуальными до настоящего времени¹. В данной статье примем культурно-исторический подход к определению понятия «национальный характер», представленный в работе А. М. Кабачук и Н. Г. Богданович, согласно которому «национальный характер – сложный социально-психологический феномен, в котором сочетаются национально-специфические черты и общечеловеческие, преломленные через призму исторического и социально-экономического развития данного народа»². Представляется, что делать объективные выводы о национальном характере народа можно, основываясь на «материальной базе», которой может служить язык. Вербализация характеристик

свойства личности в различных типах дискурса, а также саморефлексия носителей языка позволят судить о представлении об исследуемой черте характера, реально существующем в русской ментальности, а не подходить к проблеме с заранее сложившимися стереотипными представлениями. В качестве рабочей принимается дефиниция ментальности, введенная в научный оборот В. В. Колесовым, которая, на наш взгляд, в наибольшей степени соответствует лингвистическому аспекту исследований: «ментальность есть мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях»³.

Цель данного исследования – выявление представления, стоящего за прилагательным *уступчивый*, вербализующем черту характера человека, в русской ментальности.

Материалом для анализа послужили данные толковых словарей и словарей синонимов русского языка, контексты употребления прилагательного в «Национальном корпусе русского языка»⁴, интернет-ресурсы, результаты анкетирования носителей русского языка.

По данным толковых словарей русского языка, *уступчивый* – это ‘готовый на уступки, сговорчивый, покладистый’ (БАС, МАС), ‘готовый на уступки; сговорчивый’ (Ефремова), ‘готовый на уступки; сговорчивый, покладистый (о человеке)’ (БТС), ‘готовый уступить что-н. без спора, сговорчивый’ (Ожегов, Шведова). «Словарь-тезаурус синонимов русской речи» помещает прилагательное в синонимические ряды, относящиеся к семантическим сферам «скромность», «смирение» и «социальные отношения»⁵. А «Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам», кроме семантических сфер «скромность» и «смирение», выделяет еще «безволие»⁶. Т. С. Алиева рассматривает интересующее нас прилагательное в составе синонимического ряда с доминантой *покладистый*: *покладистый, уступчивый, сговорчивый, податливый, легкий, мягкий, уговорчивый* (разг.)⁷.

Таким образом, исходя из результатов анализа лексикографических источников, можно заключить, что нейтральное на языковом уровне с точки зрения оценочности прилагательное *уступчивый* (по данным толковых словарей), приобретает мелиоративную или пейоративную оценку в зависимости от того, в каких парадигматических отношениях оно рассматривается: включается оно в синонимический ряд *покладистый, мягкий, легкий* – положительная оценка,

или в синонимический ряд *безвольный, беспомощный, беспринципный, бесхарактерный, бесхребетный, слабый* – отрицательная оценка.

В контекстах «Национального корпуса русского языка» уступчивый человек оценивается в большей степени положительно: «У него вообще был легкий характер – *уступчивый* и мягкий» [М. А. Кучерская. Фотография (2000-2010)]. Прилагательное встречается в одном контексте с такими единицами, как *мягкий, неконфликтный, снисходительный, добрый, кроткий*. Однако ряд примеров свидетельствует о том, что уступчивость как черта характера воспринимается положительно лишь до определенной границы: «Благожелательная ко всем, она была *уступчива лишь до известного предела* и в случае надобности могла постоять за себя, а в особенности за мужа» [В. Ф. Ходасевич. Державин (1929–1931)]. В русской ментальности приветствуется, если человек уступчив в мелочах, но сохраняет принципиальность в главном: «Всегда держит слово, *уступчив в мелочах*, но в главном непоколебим» [Д. Самойлов. Общий дневник (1977–1989)]. Выходящая за определенные рамки уступчивость подчеркивается наречием *слишком*: «На их оценку, он часто бывал *слишком уступчив*» [П. Д. Боборыкин. Воспоминания (1906–1913)]. В ряде случаев человек не имеет права быть уступчивым в силу определенных факторов: «Если патриарх будет назначен Кремлем, *если он будет откровенно уступчив*, если он будет малоизвестен народу, то как его слово сможет поддержать гражданский мир в случае обострения кризиса?» [М. Рябов. Диакон Андрей Кураев: на выборах нового Патриарха будет выбираться судьба России // Новый регион 2, 2008.12.24].

Если В. И. Карасик на примере такой черты характера, как кротость, отмечает возможность постепенного «угасания» концепта для национальной ментальности с течением времени⁸, то в нашем случае речь может идти о постепенном движении по шкале оценочности: от плюса к минусу. Ср., например, синонимизацию *уступчивый – слабый – безвольный*: «Я тогда представлял собой довольно-таки мягкого, *уступчивого*, даже *безвольного* человека» [Э. Рязанов. Подведенные итоги (2000)]. Изменение оценки прилагательного наглядно демонстрирует следующий контекст: «Правила чести, коими б гордились оба Катона; *характер* живой, *уклончивый* (в языке того времени – смиренный, тихий, *уступчивый*: миролюбивый)» [В. Мещеряков. Я зрю тебя идущим в путь... // «Знание – сила», 2011].

На форумах интернета уступчивость оценивается амбивалентно: положительно при одних обстоятельствах, отрицательно – при других. Например: «Думаю, что постоянная уступчивость не самое лучшее решение проблемы. Но если человек уступает, видя нецелесообразность дальнейшей полемики <...>, то это очень хорошее качество характера, говорящее об умении человека владеть собой»⁹. Об опасности быть чрезмерно уступчивым говорят психологи: «Чрезмерно уступчивый человек тратит свои силы, энергию и саму жизнь на других, а не на себя. <...> Чем больше он уступает – тем меньше с ним считаются, тем меньше его уважают»¹⁰.

Для верификации выводов, полученных при анализе контекстов употребления прилагательного, было проведено анкетирование среди носителей русского языка в возрасте от 18 до 74 лет, в котором приняло участие более 60 респондентов. Цель анкетирования – выявление стереотипного представления об *уступчивом человеке / уступчивом мужчине / уступчивой женщине* в сознании носителей русского языка, а также определение факторов, влияющих на уступчивое отношение к людям, и оценку «уступчивости» как черты характера русского человека с точки зрения информантов.

В качестве первого задания респондентам предлагалось написать близкие по значению слова к прилагательному *уступчивый*. Отметим, что, по мнению носителей русского языка в возрасте старше 45 лет, анализируемое прилагательное имеет только положительную оценку. Полученные в ходе анкетирования ответы были распределены по группам следующим образом: 1) характер человека: *мягкий, неконфликтный, компромиссный, сговорчивый* и др.; 2) поведение / отношение к окружающим: *идет на уступки, идет навстречу*. Информанты обоих полов в возрасте от 18 до 45 лет обращали внимание на то, что уступчивыми, как правило, являются *добрые, отходчивые и ненапористые люди*. Однако, кроме положительных характеристик данного прилагательного, респонденты, относящиеся к молодому поколению, указывали в большей степени на отрицательные черты уступчивого человека (*слабохарактерный, слабовольный, мякотельный*). Представители женского пола данной возрастной группы называли уступчивого человека *конформистом, флегматиком, мямлей и тряпкой*.

Анализируя черты характера и поведение *уступчивого человека*, респонденты обращали внимание на следующие позиции: 1) характер: *мягкий, сговорчивый, безотказный* и др.; 2) поведение / отношение к окружающим: *идет на уступки, с ним можно договориться*. Мужчины и женщины в возрасте от 18 до 45 лет также отмечают у уступчивого

человека не только положительные качества, но и отрицательные черты характера (*слабохарактерный, мягкотелый*) и поведения (*не умеющий отстаивать свою точку зрения, покорно соглашающийся с мнением других людей*).

При описании *уступчивого мужчины* информанты дают неоднозначную оценку. С одной стороны, *уступчивый мужчина* воспринимается информантами как человек, *готовый пойти на компромисс, мудрый, спокойный, обходительный*. С другой стороны, информанты, прежде всего информанты женского пола, называют такого мужчину *маменькиным сынком*.

Что касается стереотипного представления об *уступчивой женщине* в современном российском обществе, то ответы респондентов показали, что мужчины и женщины в возрасте старше 45 лет рассматривают уступчивость как исключительно положительное качество характера женщины. С их точки зрения, уступчивая женщина *способна к компромиссу, спокойная, мудрая, умная и покладистая*. Информанты-мужчины в возрасте от 18 до 45 лет согласны с респондентами старшего возраста, но при этом отмечают, что *уступчивая женщина*, как правило, *не уверена в себе, не имеет собственного мнения и не умеет отстаивать свои интересы*. Что касается женского пола, то женщины, относящиеся к молодому поколению, убеждены, что уступчивость – это отрицательная черта характера. По их мнению, *уступчивая женщина* легко *уступает мужчине*, даже если он не прав, *не уверена в своих действиях, не уважает себя, стеснительная, не способная принимать решения самостоятельно*.

Отвечая на вопрос, считают ли респонденты «уступчивость» положительным или отрицательным качеством личности, 14 информантов затруднились дать ответ; 16 информантов считают, что это положительное качество характера как мужчины, так и женщины; 19 респондентов убеждены, что «уступчивость» характеризует мужчину с отрицательной стороны, а женщину, напротив, – с положительной. Остальные опрошенные полагают, что это отрицательное качество личности для обоих полов. Среди факторов, влияющих на уступчивое поведение людей, информантами обеих возрастных групп и обоих полов отмечались в основном возраст человека, которому уступают, ситуация, в которой просят, и обоснование просьбы.

В заключение можно сказать, что в современном российском обществе меняется отношение к уступчивому человеку, что находит отражение, прежде всего, в комментариях на интернет-форумах и в

ответах информантов. «Уступчивость» как черта характера в сознании носителей языка меняет свою оценочность, т.е. в целом можно говорить о постепенном движении прилагательного *уступчивый* в русской ментальности по шкале оценочности от плюса к минусу.

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. 286 с.; Лосский Н. О. Характер русского народа. М.: издательство «Ключ», 1990. 98 с.; Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 560 с.; Редкозубов С. А. Истоки, суть и судьба русской цивилизации. М.: Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами, 2008. 130 с.; Смирнов С. В. Природный фактор формирования русского национального характера. [Электронный ресурс]. КФУ URL.: http://kpfu.ru/staff_files/F1470415573/Prirodnyj_faktor_formirovaniya_russkogo_nacionalnogo_haraktera.pdf (дата обращения: 25.02.2018).

² Кабачук А. М., Богданович Н. Г. Особенности проявления русского национального характера // Материалы докладов XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» М.: Издательский центр Факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.psy.msu.ru/science/conference/lomonosov/2007/thesis/Kabachuk_AM.pdf (дата обращения: 25.02.2018).

³ Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – С. 11.

⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.02.2018).

⁵ Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. С. 88, 92, 182.

⁶ Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Москва : Проспект, 2014. С. 94, 98, 101.

⁷ Ашвева Т. С. Словарь синонимов русского языка. М.: ЮНБЕС, 2001. С. 307.

⁸ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 101-102.

⁹ Большой вопрос.ru [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/8056-ustupchivost-eto-horoshaja-cherta-haraktera.html> (дата обращения: 25.02.2018).

¹⁰ Галактика. Мир тесен. Блоги [Электронный ресурс]. URL.: <https://galaktika.mirtesen.ru/blog/43020190303/Oshibka-22.-СHrezmernaya-ustupchivost.Pochemu-opasno-byit-chrezm#42770021801> (дата обращения: 25.02.2018).

*Zinovieva E. I.,
Kuznetsov Y. A.,
Khrunenкова A. V.*

Saint-Petersburg State University

**Compliant Person as One of the Features of National Character
in Russian Mentality: Linguistic Aspect**

The article deals with a stereotype of a compliant person in minds of Russian native speakers of different age groups. Based on the analysis of lexicographic sources, Internet forums and questionnaire results, the authors have come to a conclusion that a compliance as a character trait in the Russian mentality is ambivalent in terms of evaluation, and there is a tendency to move from plus to minus on the scale of evaluation.

Keywords: national character, stereotype representation, personality quality, evaluation.

Дмитриева Н. М.,

Авдеева А. Е.

*Оренбургский государственный университет,
Россия*

Вербализация этических концептов в русских сказках (на примере концептов «кротость» и «гордость»)

В статье рассматриваются этические смыслы ментально значимых концептов «кротость» и «гордость», относящиеся к противоположным полюсам ядерной зоны этической концептосферы русской языковой картины мира. Целью исследования стало выявление способов экспликации концептов «кротость» и «гордость» в русских народных и литературных сказках.

Этическая нагрузка концептов рассматривается в диахронии: от церковнославянского языка, запечатлевшего в «первозданном виде» систему ценностей русского народа, до современного русского языка. Проводится анализ этического наполнения вербализаторов концептов на материале толковых словарей русского языка разных периодов, что позволило проследить этические изменения в семантике доминантных дериватов изучаемых концептов, установить смысловые доли, обладающие наибольшей степенью этической значимости. Устанавливаются лексические и фреймовые способы экспликации концептов в сказках. Характеризуются отличия способов выражения концептов в народных и литературных сказках.

Ключевые слова: концепт, этический концепт, вербализатор, семантика, фрейм, кротость, смирение, тихость, гордость, тщеславие, хвастовство.

Концепты «кротость» и «гордость» относятся к противоположным полюсам этической концептосферы русской языковой картины мира. Смысловая наполненность концепта «кротость», по мнению философов и лингвистов, включает в себя все сказанное о Христе в Священном Писании и может быть определена как «благость». Т.И. Вендина, исследуя мировоззрение средневекового человека на материале старославянского языка, указывает, что прилагательное *кротостьнь* “*исполненный кротости*” встречается среди имен и характеристик человека, имплицитно выражающих идею Бога через признаки и символы, сопутствующие идее Христа¹.

«Кротость» как высшее христианское качество представляет собой макроконцепт, в зону которого входят концепты: смирение (путь к кротости, подробнее см. Дмитриева Н.М.²), тихость, незлобивость и др. Мы рассмотрели этический смысл концепта в диахронии, начиная с церковнославянского языка, и выделили смысловые доли, обладающие наибольшей степенью этической оценки (см. таблицу 1).

Таблица 1

Концепт/ Словарь	кротость	тихость	смирение
Словарь церковно-славянского языка Г. Дьяченко³	–	благосклонный, кроткий; спокойный; безмятежный	примирение, мир
Словарь И.И. Срезневского⁴	кроткий, тихий, незлобивый, умилненный	спокойствие, кротость, благость	сознание своей греховности, раскаяние, сердечное сокрушение; самоумаление, кеносис (самоуничжение Иисуса Христа); смиренный, скромный образ поведения
Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля⁵	тихий, скромный, смиренный, любящий, снисходительный; не вспыльчивый, негневливый, много-терпеливый	смирный, скромный, кроткий; тихий нрав	сознание слабостей своих и недостатков, чувство сокрушения, унижения; раскаянье; скромность
Словари русского языка XX века	свойство кроткого (покорный, тихий, смирный), мягкость, незлобивость	безмятежное, спокойное состояние	сознание своих недостатков, слабостей, сочетающееся с отсутствием гордости, высокомерия; кротость, покорность (Ушаков)

Отметим, некоторые особенности в значениях дериватов. Смирение, как и любовь, радость и др. концепты⁶ обозначает двусторонний процесс, взаимодействие того, кто смиряется, и того, кто смиряет. При этом в русской традиции смиряться самому, то есть становиться кротким, мирным, покорным воле Бога, оценивается положительно (Сам Христос «кроток и смирен сердцем»), а смирать другого, то есть уничтожать, оскорблять, заставлять покориться – отрицательно. В древнерусском языке значение смирения («мир») сближается со значением «мера». Уникально, что среди словарей XX века, только в одном предлагается определение с нулевой степенью этической нагрузки и изрядной долей негативной окраски: смирение – готовность подчиниться чужой воле⁷. Другие словари прошлого столетия фиксируют близкую исконной этическую семантику – отсутствие гордости, высокомерия; кротость, покорность. Сохранение этической значимости в этот период наблюдается и у других вербализаторов концепта: кроткий (покорный, тихий, смиренный, незлобивый) (С.И. Ожегов), тишина (безмятежное, спокойное состояние) (Д.Н. Ушаков).

Исконно концепт «гордость» выступает антиподом кротости на ценностной шкале русской языковой картины мира, опирающейся прежде всего на христианское миропонимание, где гордыня – первородных грех, а горд противник Бога – дьявол.

Вендина Т.И. пишет о гордыне как величайшем пороке и приводит синонимичные слова: **величавъ** «надменный, заносчивый»; **вельречивъ** «хвастливый»; **хвалитися** «гордиться, хвастаться, кичиться». Г. Дьяченко трактует гордость как высокомерие, дерзость, надменность. Гордыня синонимична гордости, кроме того, гордыня определяется как непокорность, в противовес смирению. В словаре указано, что гордый – это жестокий, свирепый; проклятый; хвастливый, надменный. Гордость ведет к пробуждению жестокости в человеке, гордый человек склонен ко лжи, так как «хвастати» означает «лгать, прибавлять в разговоре лишнее».

В современном языке гордость понимается двояко: в текстах христианской направленности – отрицательно, в текстах, ориентированных на светские этические ценности, как положительно, так и отрицательно. Смысловые доли концепта, полярные главной добродетели, в современном языке значительно трансформировались (подробнее см. таблицу 2).

Таблица 2

Словарь / смысловая доля	отрицательная оценка (сохранение исконной семантической полярности концепту «кротость»)	положительная оценка (утрата полярности с концептом «кротость»)
Толковый словарь современного русского языка Д.Н. Ушакова⁸	презрительное отношение к другим; желание быть предметом славы, почитания	—
Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова	черта характера гордого человека; чрезмерно высокое мнение о себе	чувство собственного достоинства, чувство удовлетворения от чего- либо, совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе
Современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой⁹	преувеличенно высокое мнение о себе и пренебрежительное отношение к другим;	чувство собственного достоинства, самоуважения; чувство удовлетворения от достигнутых кем-либо успехов, от сознания важности, значительности деятельности

В системе современной этики гордость как постоянная установка нередко одобряется, считается необходимой принадлежностью человека, обладающего чувством собственного достоинства, не лишённого самоуважения, но при условии, что в основе не лежит сознание превосходства и не приводит к высокомерному поведению.

Мы проанализировали русские волшебные и наиболее известные литературные сказки со схожим сюжетом и выделили следующие ментальные особенности:

1. В русских сказках¹⁰ положительные герои обладают такими качествами как смирение, покорность и безропотность, чаще всего это женские персонажи: нелюбимая падчерица, оклеветанная жена

или сестра, мудрые девы (Василиса Премудрая, Настасья Прекрасная, Василиса Прекрасная). Они, как правило, не вступают в борьбу со своими обидчиками, они кротки, трудолюбивы, при этом, если героиню-падчерицу смиряет злая мачеха, то королевны покоряются воле обстоятельств, судьбе.

Смирением, безропотностью в сказках наделяются и мужские персонажи: царевичи, добрые молодцы и старики. Они также покоряются судьбе или смиряются перед мудростью Елены Прекрасной, Марьи-Царевны, Василисы Премудрой, подчиняются их воле. Соответственно, злые мачехи, сварливые жены, завистливые сестры, унижающие своих падчериц и безвольных мужей, являются отрицательными персонажами, воплощают гордость и высокомерие и неизменно наказываются в финале сказки свыше.

Отметим, что в русских народных сказках исследуемые концепты чаще всего выражаются через ситуации – фреймы. Стереотипные ситуации, эксплицирующие концепт «кротость», следующие:

1. Подчинение воле судьбы, безропотное принятие существующего, обычно сопровождаемое характерными для сказок устойчивыми выражениями: «будь, что будет», **«Пропала, моя голова! Что делать? Такая судьба, моя!»** («Ночные пляски»); **«Аннушка и сама сказала отцу: «Отвези меня, батюшка! Здесь житье мое такое горькое, что уж и в лесу будет мне лучше!»** («Сказка о злой мачехе»).

2. Готовность героев принять неблагоприятные обстоятельства как волю Божию: **«Не печалься, батюшка! – говорит меньшая дочь, – бог даст, мне и там хорошо будет! Вези меня к змею»** («Заклятый царевич»); **«Осталась беденькая, трясется и тихонько молитву творит»** («Морозко»); **Несчастливая девица вышла за ворота, помолилась на церковь и пошла в лес** («Иван русский богатырь»).

3. Подчинение воле внешних обстоятельств против собственной воли из-за обещания, данного слова что-либо исполнить: **«Рассказал царице, как и что с ним было, поплакали вместе, да ведь делать-то нечего, слезами дела не поправишь. «Сколько ни держать при себе, – думает царь, – а отдавать надобно, дело неминуемое!»** («Морской царь и Василиса Премудрая»).

4. Подчинение воле других людей как послушание: **Раз послала мачеха падчерицу в оwin ночью рожь стеречь. Падчерица послушалась и пошла** («Опасный жених»); **Как подросли они, возненавидела мачеха старикову дочку, пристала к старику: «Вези свою дочь в лес, в землянку! Она там больше напрядет». Что делать! Послушал мужик бабу, свез дочку в землянку** («Морозко»).

5. Смирение как черта характера, проявляющаяся в терпении героев: *Она молча от мачехи выносила все укоры («Горюшко»); Девушка молчала и плакала; она всячески старалась мачехе уноровить и дочерям ее услужить («Морозко»); Василиса все переносила безропотно («Василиса Прекрасная»).*

Лексически в волшебных сказках концепт «кротость» вербализуется через лексемы, составляющие околоцентральную зону концепта (*безропотно, послушно, молча, уноровить, услужить, покаяться, попросить прощения* и др.), а также через отрицание качеств, эксплицирующих концепт «гордость» (*не упрямиться, не перечить*) и др.

В русских народных сказках концепт «гордость» вербализуется реже. Во-первых, это связано с тем, что главными являются положительные герои и смиряются они, в основном, перед непреодолимыми обстоятельствами, Божьим промыслом, судьбой. Гордость, высокомерие, жестокость и лживость отрицательных персонажей проявляется в их отношении к главным героям сказки и вербализуются через ситуации:

1. Притеснение положительных героев: *«сестры, глядя на мать, Марфушу во всем обижали, с нею вздорили и плакать заставляли: то им и любо было!» («Морозко»).*

2. Хвастовство отрицательных персонажей: *Змей и говорит: «А вот я как свистну, так в лесу листья и повалятся!». «Вы думаете, что Иван Быкович здесь! Я только дуну – его и праху не останется!» («Змей и цыган»).*

3. Проявление неуважения, высокомерия: *«Идут путем-дорогою, а навстречу им седой старичок; позабыли они, что мать наказывала, и прошли мимо, не кланяясь» («Два Ивана солдатских сына»).*

В литературных сказках¹¹, как и в случае с концептом «кротость», наиболее частотны прямые номинации: *«Правду молвить, молодица/ Уж и впрямь была царица:/ Высока, стройна, бела,/ И умом и всем взяла;/ Но зато горда, ломлива,/ Своенравна и ревнива» (А.С. Пушкин).* При этом смысловая доля «тщеславие, хвастовство» в этой же сказке эксплицируется через ситуации: *«Признавайся: всех я краше./ Обойди всё царство наше, /Хоть весь мир; мне ровной нет»; «И, красуясь, говорила: / «Свет мой, зеркальце! Скажи / Да всю правду доложи: / Я ль на свете всех милее, / Всех румяней и белее?»; И царица хохотать, / И плечами пожимать, / И подмигивать глазами, / И прищелкивать перстами, / И вертеться подбочась, / Гордо в зеркальце глядясь» (А.С. Пушкин).*

Таким образом, исконно этические смысловые доли концепта «кротость» – это тихость, благость, смирение, незлобивость. Концепт «гордость», помимо исконной, в современном языке приобрел новые смысловые доли – чувство собственного достоинства; чувство удовлетворения от чего-либо, – оцениваемые положительно. Сказки, отражая национальное понимание базовых этических концептов, запечатлели семантическую оппозицию концептов «кротость» и «гордость». Особенностью народных волшебных сказок является экспликация концептов через ситуации и лексику околядерной зоны, литературным сказкам свойственна в большей степени прямая номинация вербализаторов концептов.

¹ Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. С. 78.

² Дмитриева Н. М. Этическая нагрузка концепта «кротость» в словарях XI–XIX вв. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. №11 (186). С. 71 – 76.

³ Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Отчий дом, 2001. 720 с.

⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 4 т. СПб, 1893.

⁵ Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. М.: РИПОЛ классик, 2006. 672 с.

⁶ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. С. 446.

⁷ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2010. 736 с.

⁸ Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. 1216 с.

⁹ Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка в 3-х тт. М.: АСТ, 2005. 1168 с.

¹⁰ Народные сказки в 4-х тт. / Под ред. Ю. Г. Круглова. М.: Возрождение, 1992.

¹¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 3: Поэмы и сказки. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 540 с.; Аксаков С. Т. Аленький цветочек. М.: Проф-пресс, 2015. 43 с.

Dmitrieva N. M.,

Avdeeva A. E.

Orenburg State University, Russia

**Verbalization of Ethical Concepts in Russian Fairy Tales
(on the example of concepts “humility” and “pride”)**

The article deals with the ethical meanings of the mentally significant concepts of «humility» and «pride» relating to the opposite poles of the nuclear zone of the ethical conceptsphere of Russian language picture of the world. The aim of the study is to identify ways of explicating the concepts of «humility» and «pride» in Russian folk and literary fairy tales.

The ethical load of the concepts is considered in diachrony: from Church Slavonic language, which imprinted in its «original form» the system of values of Russian people, to the present Russian language. The ethical content of the concepts verbalizers is analyzed on the material of Russian language dictionaries of different periods, which allowed us to trace the ethical changes in the semantics of the dominant derivatives of the concepts under study, to establish the semantic shares having the highest degree of ethical significance. Lexical and frame ways of explication of concepts in fairy tales are established. The differences between the ways of representing concepts in folk and literary fairy tales are characterized.

Keywords: concept, ethical concept, verbalizer, semantics, frame, meekness, humility, quietness, pride, conceit, gasconade.

Стычишина Л. П.

*Российский государственный
гидрометеорологический университет, Россия
stychishina@mail.ru*

Эвфемизмы, актуализирующие семантическое поле «война» в русском языке

Ключевые слова: семантическое поле, эвфемизм, лексико-семантическая группа, сема, эвфемистические преобразования.

Язык аккумулирует опыт народа, его менталитет, традиции и культуру. Поэтому многие процессы и явления, происходящие в обществе, находят свое отражение в системе языка. «Если язык представлять в виде особого и объективировавшегося самого по себе мира, который человек создает из впечатлений, получаемых от внешней действительности, то слова образуют в этом мире отдельные предметы, отличающиеся индивидуальным характером так же и в отношении формы»¹. Центральное место в этой системе занимает слово. Лингвисты рассматривают значение слова как семантическое поле, выделяя в нем центральную часть и периферию. Язык в целом рассматривается как система полей, взаимодействующих друг с другом, система сложная и многогранная. Работу в этом направлении ведут В. П. Абрамов, Ю. Д. Апресян, О. С. Баранов, А. В. Бондарко, Л. М. Васильев, В. Г. Гак, Ю. Н. Караулов, В. В. Морковкин, Ю. С. Степанов, Д. Н. Шмелев и др.

Участки семантического поля – это лексико-семантические группы и в этом смысле семантическое поле представляет собой родовое понятие по отношению к лексико-семантической группе – понятию видовому.

Семантическое поле «война» включает в себя множество лексико-семантических групп. В «Русском семантическом словаре» под ред. Н. Ю. Шведовой мы находим следующие лексико-семантические группы для семы «война»²:

– «военная, военизированная сферы деятельности»;

В ней идет разделение по воинским категориям, чинам и званиям, по должности и месту службы, по исполняемой постоянной или временной функции, по роду войск, силовых структур, по вхождению в воинские подразделения, формирования, разряды, по

участию в воюющих формированиях, по отношению к воинской повинности, к сроку воинской службы;

– «военные транспортные средства»: боевые машины, ракеты наземные, воздушные, водные, их части и механизмы, их названия по предназначению, по способу передвижения, по качеству;

– «армия», куда входят названия видов и родов войск, воинские единицы, военные органы, учреждения, специализированные разведывательные подразделения, войсковые боевые построения, отдельные воинские формирования;

– «военная сфера», милитаризация, демилитаризация, война, состояние и действия, связанные с войной (бой, бомбежка, атака, контратака, контрудар, маневр, контрразведка, налет, наступление, оборона, обстрел, оккупация, обход, перестрелка, сражение, капитуляция, вооружение, разоружение;

– «оружие», средства нападения и защиты;

– «военные постройки», укрытия, убежища;

– «военная и общетехническая терминология», «военно-политическая терминология».

И это далеко не все группы, которые можно выделить в этом поле.

Очевидно, что обозначенное поле очень объемно и не отличается четкой структурированностью. Существующие словари военной лексики включают до 70 тысяч слов и терминов.

Это говорит о том, что военная лексика уже выделена из общего лексического фонда языка и достаточно хорошо изучена. В рамках данной работы мы не ставим перед собой цель – рассмотреть или структурировать семантическое поле «война», определить характер отношений между лексико-семантическими группами и отношения в каждой отдельно взятой группе. Нам представляется интересным выделить эвфемизмы, актуализирующие тему «война» в русском языке на современном этапе. В настоящее время явление эвфемизации в языке является актуальным и называется одним из определяющих процессов русского дискурса³.

«Семантический механизм эвфемизации связан с редукцией или изменением статуса сем, мотивирующих отрицательную оценку»⁴.

Е. П. Сеничкина считает семантическую редукцию отличительным качеством эвфемизмов, и подчеркивает, что «Семантическая редукция – это сокращение доли информации в языковой единице, сокращение числа ее дифференциальных признаков по сравнению с единицей, которая подвергается ситуационной замене»⁵.

Основными признаками эвфемизмов являются: обозначение негативного денотата, семантическая неопределенность, улучшение денотата. «Для того, чтобы стать эвфемизмом новое наименование должно создавать ассоциации в сознании говорящего и слушающего с предметом или явлением более позитивной оценки, чем денотат»⁶.

Во время эвфемистических преобразований происходит процесс изъятия сем, которые несут негативный оттенок. Это хорошо видно, если проанализировать эвфемизмы, заменяющие слово «война» и связанные с ней события, явления, действия. В большинстве случаев они отвлекают от негативных явлений действительности, служат для прикрытия агрессивных военных действий. Причем, процесс этот идет с конца XX века. Именно в это время появилось большое количество эвфемизмов в семантическом поле «война». Показательны многочисленные наименования с первой частью «спец»: *спецакция* (вм. прямого наименования действий армии), *спецотдел* (в воинских подразделениях), *спецоперация* (вместо «военная»), *спецудар* (вместо «нападение», «атака»), *спецсредства* (вместо «химическое оружие», «отравляющие вещества», применяемые в военных целях).

Часто в речи политиков, военных и в СМИ мы встречаем эвфемизмы: *ситуация* (вместо «военное действие»), *силовой* (вместо «военный», с применением оружия), *силовое давление* (вместо «ввод войск на какую-либо территорию»), *силовые методы* (вместо «военные действия»), *силовой вариант* (вместо «военное нападение»). Вместо слова «бомба» употребляется *устройство*, а вместо «бомбардировка» – *ограниченный воздушный удар* или *воздушная поддержка*.

В результате замены слова «война» на *гуманитарная миссия*, *наведение конституционного порядка*, *восстановление действия конституции*, смысловая оценка нейтрализует отрицательную оценку. Эвфемизмы скрывают правду и успокаивают воображение. Действительно, *ликвидация* и *освобождение* звучат не так страшно, как «убийство» и «агрессия». О кровавых событиях в СМИ пишут: *сохраняется напряженность*, *пойти на крайние меры*, *непредсказуемые последствия*, *нетрадиционные формы ведения войны* (имеются в виду военные действия, направленные на полное уничтожение живой силы противника с сохранением его военной техники), *операция по принуждению к миру* (вместо «война»), *дать адекватный ответ* (вместо «военные действия»), *зачистка местности* (вместо «полное уничтожение»), *ликвидация* (вместо «уничтожение»).

В языке политики, в языке СМИ и в целом в политическом дискурсе пытаются представить и закрепить в сознании людей не

очень страшную войну, что, по мнению политиков и журналистов, должно приглушить информационный стресс, который могут переживать читатели. Поэтому крылатые ракеты становятся *круизными*, а *красотка* – кодовым названием НАТО для сверхзвукового бомбардировщика.

Все эти эвфемизмы являются средством мощного воздействия на сознание людей. Они или затемняют, скрывают истинный смысл, или смягчают общественное мнение, так как не вызывают ответного раздражения в отличие от прямой номинации.

Многие из них камуфлируют действительность и манипулируют сознанием читателя или слушателя. Целью этого манипулирования и камуфлирования является создание смягченной, приукрашенной, отлакированной картины происходящих событий.

Среди основных признаков эвфемизмов, используемых в политическом дискурсе следует отметить мотивированность, наличие определенных ценностных доминант, наличие риторической стратегии к мобилизации общественного мнения, а их суть – это результат компромисса между семантикой (отражение сущности денотата) и прагматикой (отражение интересов говорящего).

Если раньше мы, говоря о войне, употребляли названия: Первая мировая война, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, гражданская война и использовали определения: народная, священная, справедливая, всемирная, освободительная, холодная, империалистическая, ядерная, кровавая, жестокая, затяжная, то в современном русском языке, войны, ведущиеся в мире, перестали нумеровать. В языке последних десятилетий мы встречаем: очередная война в Ираке, новая война в Персидском заливе, перманентная война с терроризмом, иракский кризис, изнурительная, гибридная война, вооруженное противостояние, вооруженный конфликт, военная операция в Донбассе, упреждающий удар, удар возмездия, борьба с ИГИЛ в Сирии, восстановление конституционного порядка. «Сегодня мир воспринимается не как отрицание войны, а как мир, включающий войну»⁷.

И даже, если используется сема «война», то параллельно дается эвфемизм: «Конечно, полномасштабной войны не будет (на Ближнем Востоке). Но все гибридные средства будут задействованы по максимуму, чтобы распалить внутренний конфликт»⁸.

Действия, обладающие негативным эффектом воздействия на адресата сообщения, получив эвфемистическую репрезентацию, приобретают менее угрожающие очертания. Употребление эвфемизмов

позволяет снизить социальную напряженность именно потому, что содержащиеся в них отрицательные семы «агрессия, массовое истребление, тотальное уничтожение» вытесняются нейтральными или даже положительными семами.

Смягчается эффект воздействия, вуалируется суть явления и в семе «отступление». Вместо нее используются эвфемизмы: *перегруппировка, запланированный отход, маневренность*. Эти эвфемизмы дают понять, что ситуация контролируется, существует стратегический план и отступление уже не бегство, а стратегический маневр, тактически спланированный шаг.

Следует отметить и эвфемизмы, заменяющие сему «смерть людей в результате военных действий». Вместо этого используются: *гражданские потери, урон, зачистка территории, уход* и т.д.

В ряде случаев одно и то же событие отображается разными лексическими средствами в разных политических дискурсах. Как отмечает Н. И. Клушина, в США войну в Персидском заливе назвали «Буря в пустыне». Эта эвфемистическая замена оправдывает военные действия США в Ираке якобы их молниеносностью и минимальным количеством жертв среди мирного населения. Военные действия США по всему миру с точки зрения США называются: война с терроризмом, освобождение иракского народа, освободительная операция, урегулирование межнационального конфликта (в Югославии) миротворческая война (на Балканах)⁹.

Иначе это называется в российском публицистическом дискурсе: война без причин (Время новостей, 2004, 18 мая), мировая гегемония США, военное господство США в мире (Время новостей, 2003, 9 апреля). В одном случае – эвфемизация, а в другом – прямые наименования.

Таким образом, эвфемизмы достаточно широко используются и в семантическом поле «война» и вуалируют реальный масштаб военной катастрофы. Человек не может спокойно относиться к военной угрозе, к реальной войне. Поэтому и возникают эвфемизмы – словесная альтернатива этой реальности. Происходит трансформация понятия «война» – в которой военные действия не представляют серьезной угрозы, т.к. *вторжение* преследует мирные цели, а *завоевание* защищает, устанавливает порядок. Целью их в этом семантическом поле является нейтрализация истинного смысла прямых наименований.

Эвфемизмы вуалируют негативное явление, отвлекают внимание и создают иллюзию оправдания политики, которая считается непопулярной.

¹ Гумбольдт В.О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода//Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964. Т. 1. С. 100.

² Русский семантический словарь под ред. Н.Ю. Шведовой. В 4 т. М., 2002–2007.

³ Васильев А.Д. Размывание семантики текста как прием виртуализации реальности//Реальность, язык и сознание. – Тамбов, 1999. Шейгал С.И. Эвфемизмы и ирония в политическом тексте//Филология-Philologica. Краснодар, 1997. № 1.

⁴ Шейгал С.И. Семиотика политического дискурса: Автореферат дисс. д-ра филолог. наук, Волгоград, 2000. С. 21-22.

⁵ Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2006. С. 12.

⁶ Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия. Л., 1988. С. 5.

⁷ Клушина Н.И. Образ врага. О военной риторике в мирное время. Журнал Русская речь. 2006. № 5. С. 85.

⁸ Газета «Версия». №19. 21-27.05.2018

⁹ Клушина Н.И. Там же.

Styichina L. P.

Russian State Hydrometeorological University, Russia

Euphemisms Representing Semantic Field «Война» (war) in the Russian language

Language as a means of communication of people consists of words, sentences, phrases. It accumulates the experience of the people, their mentality, traditions and culture. Therefore, many processes and phenomena occurring in society are reflected in the language system. The report deals with the semantic field «war», which includes a variety of lexical and semantic groups and analyzes the euphemisms that actualize this» war «in the Russian language at the present stage. The analysis shows that during euphemistic transformations there is a process of removal of sema bearing a negative connotation. Many euphemisms are a means of powerful influence on people's consciousness, camouflage reality and manipulate the consciousness of the reader or listener.

Keywords: semantic field, euphemism, lexical and semantical group, euphemismconversion.

Сретенская Л. В., Люй Сюйян
Санкт-Петербургский государственный
университет, Россия
sretenskaya2010@yandex.ru

«Обман» в русской и китайской языковых картинах мира: фразеосемантический аспект

В статье рассматривается, как фразеологические единицы (ФЕ) русского и китайского языков отражают универсальное для всех языков понятие «обман». Структура фразеосемантического поля позволяет рассмотреть ФЕ обмана как систему субполей и микрополей. ФЕ обмана могут обозначать как вербальные, так и невербальные действия. Сравнение фразеосемантических полей русского и китайского языков выявляет их сходство и различие, что свидетельствует о своеобразии языкового сознания этих народов и особенностях фрагментов языковых картин мира.

Ключевые слова: лингвокультурологический аспект языка; фразеологические единицы; фразеосемантическое поле; семантическое значение; языковая картина мира.

Изучение фразеологических единиц (ФЕ), которые отражают мировоззрение, национальный опыт, традиции народа является актуальным для современных исследований. Значение фразеологизмов тесно связано с фоновыми знаниями носителей языка, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. Во фразеологизмах находят отражение представления каждого народа об окружающем мире, практический опыт языковой личности. Язык отражает различные стороны материального и духовного мира человека — мораль, систему ценностей, менталитет, национальный характер.

1. Одним из важных понятий во взаимоотношениях людей является обман — слова, поступки, действия и т. п., намеренно или ненамеренно вводящие других в заблуждение; понятие, которое универсально в языке, присутствует практически во всех лингвокультурах мира, но в каждой имеет свои особенности выражения. Языковое выражение понятия «обман» тоже многообразно. Это связано со смысловым его наполнением, с высокой степенью экспрессии, присущей «обманным» языковым единицам, со значимостью обмана как явления. Доказательством значимости может служить факт

вхождения глаголов *обманывать*, *обмануть*, *лгать*, *врать*, существительных *обман*, *неправда*, *ложь* (названные слова являются основными выразителями семантики обмана в общенародной лексике) в число слов русского языка с высокой частотой появления в текстах разной жанровой дифференциации (по данным ЧСРЯ)¹.

Анализ ФЕ обмана в структуре фразеосемантического поля дает возможность рассматривать их как относящихся к одной понятийной сфере микрополя, выделенных на основе дифференциальных признаков, имеющих ядро и периферию, и таким образом, отражающих самосознание русских и китайцев и представляющих собой фрагмент языковой картины мира каждого из народов. Для анализа было отобрано 174 ФЕ русского языка и 150 ФЕ китайского.

«Обман — ложное, неверное сообщение, способное ввести в заблуждение; дезинформация, достигшая своей цели. Это сообщение ложных сведений о положении дела или извращение истинных фактов»². При объяснении существительного *обман* дается отсылка к глаголу *обмануть* в разных значениях. Суммируя их, можно выделить следующие значения глагола *обманывать*:

1. сознательно вводить кого-л. в заблуждение; 2. лгать, говорить неправду; 3. совершать мошенничество по отношению к кому-либо; 4. не оправдывать чьи-либо ожидания; не держать слово; 5. изменять кому-л. в любви.

Словарь Синхуа³ китайского языка дает такие определения существительного “欺”(qi): 1. 欺 负 (qifu) обижать: с высокомерным отношением или необоснованным запугиванием, попыткой принудить других; 2. 欺 行 霸 市 (qihangbashi) доминировать на рынке; третировать коллег; 3. 欺 骗 (qipian) обман; 4. 欺 软 怕 硬 (qiruapaying) обижать слабых и бояться сильных; 5. 欺 压 (qiya) угнетать слабых; 6. 欺 诈 (qizha) мошенничество; надувательство; намеренное введение в заблуждение; мошенническая проделка; подлог; подделка; фальшивка.

Сравнивая русские и китайские значения, видим, что в толковании обмана в обоих языках есть совпадения, что дает возможность сопоставления фразеологических единиц. Проанализировав русские и китайские ФЕ с точки зрения семантических составляющих, их можно разделить на 2 субполя: 1) по способу совершения обмана и 2) обман как действие, имевшее или не имевшее результата, затем в каждом субполе выделить микрополя.

В субполе по способу совершения обмана можно выделить 4 микрополя: клевета; бахвальство; лицемерие и притворство; жульничество (акциональный обман, по Н.Н. Панченко⁴).

1. «Клевета, это ложь, ложное сообщение с целью опорочить когонибудь»⁵. По мнению Н.Н. Панченко, клевета включает в себя сплетни, слухи, а объект клеветы становится жертвой⁶. Исходя из этого в это микрополе входят ФЕ, показывающие бессовестное вранье, хитрые измышления, оговор, т.е. речевые действия, направленные на то, чтобы создать ложное негативное мнение об объекте. Эта группа состоит из 11 (6%) русских (например, *возводить поклеп, брехать как на мертвого, вешать всех собак, вкривь и вкось* и др.) и 34 (23%) китайских фразеологизмов (*血口喷人* (xuekoupenren) *обливать грязью; 扣屎盆子* (koushipengzi) *нацепить горшок с дерьмом* и др.), из чего можно сделать следующий вывод: у русских клевета, как способ обмана, занимает меньшее место, чем у китайцев. Возможно, русские более «откровенны», они предпочитают прямо обманывать человека, не прибегая к другим лицам, поэтому им не очень нравится клевета. С точки зрения китайцев, достигнуть обмана можно и через других людей, поэтому в китайском языке больше фразеологизмов микрополя «клевета».

2. Толковый словарь Ушакова толкует *бахвальство* как «самонадеянное хвастовство, преувеличенное восхваление своих сил и способностей». Бахвальство связано с преувеличением, хвастовством, небылицами, бессмыслицей, с желанием субъекта казаться лучше, чем на самом деле. В это микрополе входят 15 (9%) ФЕ (*наговорить с три короба, лить пули* и др.) и 11 (7%) китайских (*自卖自夸* (zimaizikua) *расхваливать свой товар; 夜郎自大* (yelangzida) *Елан считает себя самым великим* и др.). Анализ микрополя «бахвальство» показывает, что русских и китайских фразеологизмов среди проанализированных примерно одинаковое количество. Таким образом, и русским и китайцам свойственно бахвальство в одинаковой мере. Возможно, это связано соспиртными напитками, и те и другие любят пить водку и приукрасить себя в застольных разговорах.

3. «Лицемерие – поведение, прикрывающее неискренность, злонамеренность притворным чистосердечием, добродетелью»⁷. Лицемерие включает в себя и притворство, и лесть, и неискренность, и создание ложного впечатления, и маскировку реальных чувств. Субъект хочет маскировкой своих истинных намерений добиться от объекта выгоды для себя. Анализ микрополя «лицемерие» показывает, что русских фразеологизмов (21 – 12%) несколько меньше, чем китайских (27 – 18%). В это микрополе входят *волк в овечьей шкуре, ломать комедию; 口是心非* (koushixinfei) *говорить да, думать нет*

и др. Можно сделать вывод, что оба народа притворяются, надевают маски, преследуя свои цели. Однако для русских лицемерие менее характерно. Это может подтвердить и тот факт, что русские редко улыбаются “дежурной” неискренней улыбкой. А. Лопаткин, прожив в Китае много лет, пишет: «В Китае слова мало чего стоят, а хитрость и лицемерие — зачастую норма ведения бизнеса. Пусть вас не вводит в заблуждение традиционная китайская любезность»⁸.

4. Акциональный обман, по Н.Н. Панченко, связан со всякого рода жульничеством. В словаре С.И. Ожегова оно толкуется как «плутовство, недобросовестный, мошеннический поступок». Глагол *плутовать* имеет значение “хитрить, обманывать”, а *мошенничать* значит совершать “неблаговидные, жульнические действия с корыстными целями”. Учитывая все смыслы *жульничества*, к этому микрополю относятся фразеологизмы, которые имеют значение “введение в заблуждение, уловки, хитрость, пустые обещания, отвлечение внимания” с целью личной выгоды и наживы. 70 (42%) ФЕ русского (*морочить голову, греть руки, играть в жмурки*) и 66 (44%) ФЕ китайского языка (*窃钩窃国* (qieyouqieguo) *укравший крючок, укравший государство*; *兵不厌诈* (bingbuyanzha) *на войне допускается хитрость*) входят в эту группу. Количество ФЕ в группе «акциональный обман» больше, чем в других группах, их примерно одинаковое количество в русском и китайском языках. Люди хотят получить что-то выгодное для себя используя хитрость, различные виды отвлечения внимания, введение в заблуждение, притворство, независимо от того россияне это или китайцы. Фразеологические единицы, входящие в данное микрополе, относятся к ядерным средствам выражения значения обмана.

Второе субполе, выделяемое в структуре фразеосемантического поля, — «результат обмана», состоящее из двух микрополей, условно названных нами «успешный обман» и «разоблачение обмана».

1. «Успешный обман» включает 42 (24%) русских ФЕ (*попасться (попасть) на удочку; попасться в ловушку* и др.) и 11 (7%) китайских ФЕ (*蒙混过关* (menghanguoguan) — *выйти сухим из воды*; *上当受骗* (shangdangshoupiàn) — *поддаться обману*). В русском языке больше ФЕ, передающих значение «успешный обман». Вероятно, для русских важно было подчеркнуть достижение результата при обмане, возможно, чтобы показать такие черты как хитрость, ловкость в каких-то делах. С другой стороны, это показывает, что русские относятся к тем, кто легко поддается на обман. Возможно, это также связано с тем, что, по мнению современных исследовате-

лей, большинство россиян чаще видят в себе недостатки, а не достоинства⁹.

2. В микрополе «разоблачение обмана» входят 23 (13%) фразеологические единицы, показывающие, что обман не удался по каким-то причинам. Их можно разделить на 3 семантические группы:

1) сам субъект не хочет больше обманывать участников – *раскрыть (все) карты; снять маску (маски); сбросить (снять) все покровы* и др.

2) реципиента невозможно обмануть по причине его проницательности, опытности и т.п. – *на мякине не проведешь; на кривой не объедешь; стреляный воробей; тертый калач* и др.

3) раскрытие осуществленного обмана – *вывести на чистую воду; припереть к стенке; сорвать маску* и др.

Среди ФЕ китайского языка были обнаружены только 2 (1%) ФЕ, входящие в это микрополе – *童叟无欺* (tong sou wu qi) – *не обмануть ни ребёнка, ни старика; 不欺暗室* (bu qi an shi) – *не обмануть даже в тёмной комнате*. Это говорит о том, что результатам обмана больше значения придают русские.

Фразеосемантические поля русского и китайского языков демонстрируют как их сходство, так и различие. В каждом из языков находим ФЕ, принадлежащие выделенным микрополям. В обоих языках в ядро поля входят фразеологизмы, имеющие значение акционального обмана, что характеризует отношение и русских и китайцев к обману как к активному действию. Бахвальство занимает периферию в поле того и другого языка. Однако ясно видно и различие. Так, в русском языке такие виды обмана как клевета и лицемерие отражены в меньшей степени, чем в китайском. Фразеологизмы русского языка показывают, что русские большому значению придают «результатам» обмана, т.е. насколько успешным или неуспешным он оказался. В то время как для китайцев это имеет меньшее значение. Это отражает особенности языковой картины мира каждого из народов.

¹ Кучко В. С. Семантико-мотивационное поле «Ложь, обман» в русской языковой традиции: магистерская диссертация / В. С. Кучко; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт гуманитарных наук и искусств, Департамент «Филологический факультет», Кафедра русского языка и общего языкознания. Екатеринбург, 2014. С. 15.

² Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. 1935–1940.

³ 北京：商务印书馆，2004 — 8;210;692 页 — ISBN 7-100-04006-X

⁴ Панченко Н.Н. Обман /Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 178.

⁵ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова.

⁶ Панченко Н.Н. Указ. соч. С. 181.

⁷ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. /С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование, 2015. С. 497.

⁸ Лопаткин А. Думать по-китайски. [Электронный ресурс] //Деловой еженедельник «Профиль». 2014. URL: <http://www.profile.ru/mir/item/82304-kritika-kitaya-i-konfutsiya> (дата обращения - 20.04.2018).

⁹ Козлов Н.И. 12 черт русского менталитета, в которых вы узнаете себя. [Электронный ресурс]//Фактрум. 20 мая 2016 г. URL: <https://www.factroom.ru/life/12-traits-of-the-russian-mentality> (дата обращения - 12.05.2018).

Sretenskaya L., Lyui S.
Saint Petersburg State University

**«Deception» in Russian and Chinese language pictures of the world:
phraseosemantic aspect**

The article examines how the phraseological units (PU) of the Russian and Chinese languages reflect the universal concept «deception» for all languages. PU deception can mean both verbal and non-verbal actions. The structure of the phraseosemantic field allows us to consider the PU of deception as a system of subfields and microfields. Comparison of the phraseosemantic fields of Russian and Chinese reveals their similarity and difference, which testifies to the peculiarity of the linguistic consciousness of these peoples and the peculiarities of fragments of language pictures of the world.

Keywords: linguo-cultural aspect of language; phraseological units; phraseosemantic field; semantic meaning; language picture of the world.

Борек Малгожата
Силезский университет, Польша
malborek@interia.pl

Языковая формализация понятия *мечта* в русских предложениях

Целью настоящей статьи является структурно-семантическая характеристика русских предложений, выражающих мечту. Примеры для анализа были взяты из Национального корпуса русского языка.

С точки зрения психологии мечтание – это обыкновенное и естественное явление в жизни человека. Мечты человека в большой степени влияют на его жизненные успехи, так как они связаны с определённой системой ценностей. Автор статьи старается описать лексемы семантического поля мечта, указывая их семантическую и синтаксическую сочетаемость. Считается, что мечты принадлежат к оптимистической сфере жизни человека, так как вселяют надежду.

Ключевые слова: мечта, русский язык, предложение, словосочетание, языковая формализация.

С точки зрения психологии мечтание – это обыкновенное и естественное явление в жизни человека. Оказывается, что «одна треть всех мыслей в нашей голове является частью мечтаний. Человек воображает что-либо у себя в голове не реже несколько раз в час, а порой даже чаще. Однако, такие мечты не длятся больше, чем несколько минут или даже секунд»¹.

Мечты человека в большой степени влияют на его жизненные успехи, так как они связаны с определенной системой ценностей.

По словарю Ожегова мечта – это «1. Нечто, созданное воображением, мысленно представляемое. 2. Предмет мечтаний, стремлений»².

По психологическим источникам мечта понимается как «активная форма думания о самом себе в направлении открывающихся желательных перспектив»³. Мечты отличаются от бесплодных фантазий и грез тем, что они реалистичны. Реалистичность мечтаний основана на реальной оценке своих возможностей и перспектив.

Важнейшим средством выражения мечты являются предложения с глаголом *мечтать* в функции предиката. Глагол *мечтать* сочетается с косвенным дополнением в форме предложного падежа с предлогом *о*.

Человек всегда будет мечтать – о лучшей доле, о земле и о воле, о справедливых правителях и молочных реках, о царстве добра и теплом климате, об изобилии еды и всеобщей гармонии. [В. Полеванов: За убегающим горизонтом шамбалы // «Наука и жизнь», 2009].

До сих пор он мог только мечтать о подобном даре, которым в полной мере владел его соратник и соперник. [А. Иличевский: Перс].

В первом примере выступает простое сказуемое в форме будущего времени, во втором – составное глагольное сказуемое с модальным глаголом *мог*. Применение частицы *только* подчеркивает интенсивность мечтаний.

Типичным для русского языка является сочетание двух глаголов: *мечтать*+ другой глагол в форме инфинитива, который выполняет функцию дополнения.

Мне нравится – мальчик, который мечтал спеть, и не спеть, а вот... выступить. [Е. Гришковец: Одновременно].

Оказалось – два студента чеха, давно мечтали побывать на Ольхоне. [С. Дерюгина: Очищение Ольхона].

Лева рос в так называемой академической среде и с детства мечтал стать ученым.

Во всех этих примерах сочетание двух глаголов выполняет функцию простого глагольного сказуемого. В предложениях этого типа глагол *мечтать* обычно сочетается с глаголами, которые обозначают возможность исполнения в будущем, например, *спеть, выступить, побывать, стать кем-то, поехать, получить* и т.п.

Характерной для русского языка является тоже конструкция *у кого-то есть мечта*:

Еще у нас была мечта сделать «Ромео и Джульетту» Шекспира. [С. Спивакова: Не все].

У меня всегда была мечта, что появится кто-то (...). [С. Спивакова: Не все].

Существительное *мечта* выступает в этого типа конструкциях в функции подлежащего и сочетается с несогласованным определением, которое преимущественно выражается инфинитивом (*мечта сделать что-то*) или с придаточной определительной частью (*мечта, что...*).

К неизосемической синтаксической модели принадлежит конструкция *кто-то имеет мечту*:

Надо иметь мечту. Иначе не вырастешь вообще. [Г. Щербакова: Армия любовников].

Многие тогда увлекались литературой и многие имели нахальную мечту стать писателями. [А. Рыбаков: Тяжелый песок].

В вышеуказанных примерах появляется неполнозначенательный глагол-компенсатор *иметь*. Глагол-компенсатор и существительное *мечта* выступают в роли простого глагольного сказуемого. Слово-сочетание *иметь мечту* обозначает то же самое, что *мечтать о чем-то*. В первом предложении сказуемое *надо иметь мечту* указывает на то, что мечты нужны человеку для самореализации и развития. Во втором предложении сказуемое *имели мечту* сочетается с двумя определениями: несогласованным в форме инфинитива *стать писателями* и согласованным, которое выражается прилагательным *нахальная*. Таким образом подчеркивается интенсивность мечты.

Примеры в корпусе свидетельствуют о том, что согласованные определения лексемы *мечта* очень часто выражаются прилагательными *большая, давняя, заветная, детская*.

Объединить свои заметки в интернете – была моя давняя мечта. [«Вестник США», 2003].

Хотя не скажу, что победа на чемпионате мира была моя заветная мечта. [«Русский репортер», № 3(181), 27 января 2011].

Эта детская мечта – нарисовать облако, которое перестает быть облаком и становится небом – его мучила ужасно. [Я. Зубцова: Лалик и облака//«Домовой», 2002].

В последнем предложении определение *детская* не обозначает, что эта мечта мучила субъект уже с детства, но что говорящему пришла в голову такая разновидность мечты, которая характерна для детей.

Несогласованные определения, которые сочетаются с существительным *мечта*, могут иметь форму родительного падежа:

Мечта раба – рынок, на котором можно купить себе хозяина. [В. Шендерович: Правила игры].

Не устройство, а мечта, мечта химиков! [Э.Г. Владимирович: Мифы нанотехнологий].

В приведенных выше примерах существительные в родительном падеже (*раба, химиков*) называют субъект состояния.

Интересным кажется фразеологическое сочетание *предел мечтаний*, которое выполняет в предложении функцию именного сказуемого:

Пределом мечтаний для мамы и папы было вначале мое умение нормально ходить. [А. Алексин: Раздел имущества].

Трудно жили мы в ту пору – какой-нибудь леденец был пределом мечтаний. [М. Сергеев: Волшебная галоша, или необыкновенные приключения Вадима Смирнова].

В рассматриваемых примерах подчеркивается, что жизнь у субъекта сложилась таким образом, что он очень сильно мечтает о самых обыкновенных вещах и действиях, таких как леденец или умение ходить.

Существительное *мечта*, как правило, сочетается обычно с глаголами, которые обозначают ее осуществление.

Исполнилась мечта всей жизни – Екатерина стала монахиней. [Вечная память. Схимонахиня Елисавета // «Журнал Московской патриархии», 2004].

Сбылась мечта миллионов вкладчиков – теперь это можно делать без риска. [Советы хозяйке // «Даша», 2004].

Осуществилась мечта многих поколений: жить на «земле Авраама». [А. Мень: Сын Человеческий].

Однако тренеру Александру Тарханову пока не удастся реализовать мечту местных властей и бизнесменов о медалях первенства. [О. Скворцов, Д. Глухих, А. Харитонов: Футбол не стоит денег // «Совершенно секретно», 2003].

Как видно, лексема *мечта* образует преимущественно предикативный центр в сочетании с возвратными глаголами *исполниться*, *сбыться*, *осуществиться*. Сочетается также с переходным глаголом *реализовать*.

К неизосемическим моделям принадлежат конструкции с метафорическим значением:

Но зачастую это остается только в мечтах. [Раз ступенька, два ступенька // «Сад своими руками», 2003].

Как пришел в гимнастику, стал видеть себя в мечтах олимпийским чемпионом. [А. Сорокин: Абсолютный скорпион // «Семья», 2000].

Кто из нас не бывал в Париже – хотя бы в мечтах! [В. Гаков: Во Францию – на машине времени // «Туризм и образование», 2001].

В душе его громы и молнии, презрение и сарказмы – и вот он бросается в мечту. [И. Золотусский: «Записки сумасшедшего» и «Записки из подполья» // «Октябрь», 2002].

Дж. Лакофи М. Джонсон такой вид метафор называют метафорами вместилища. По их мнению, человек, предметы и явления обладают внутренним пространством, и они отделены от внешнего мира⁴. Мечты представляют собой такой вид вместилища, в котором находится человек или какое-то желание.

Три первые метафоры *что-то остается только в мечтах, кто-то видит себя в мечтах, кто-то делает что-то хотя бы в мечтах* применяются в ситуации, когда субъект не в состоянии осуществить свою мечту. Последняя метафора *кто-то бросается в мечту* обозначает, что субъект избегает настоящих проблем и уходит в свой внутренний мир.

Онтологические метафоры заключаются в том, что абстрактные явления трактуются как конкретные предметы и вещества⁵.

Вот куда завела меня мечта о тихом уголке России. [А. Солженицын: Матренин двор].

Эта страстная мечта подлежала расчету, и я точно подготовил место, куда поставлю ногу. [В.Т. Шаламов: Колымские рассказы].

Казалось бы, земное происхождение обсерватории должно разочаровать: ну вот, опять эти ученые украли мечту! [В. Губарев: Слева—Байкал, справа—тайга. Размышления во время путешествия на необычном поезде// «Наука и жизнь», 2009].

В статье утверждается, что ученые убили мечту о машине времени. [Н. Лескова: О том, чего мы не знаем // Труд-7, 2005.09.08].

Приведенные выше предложения включают онтологические метафоры. Хотя мечта является чем-то абстрактным, она может *завести кого-то куда-то* и *подлежит расчету*. Два последних примера похожи друг на друга, так как субъектом действия являются ученые, которые *украли* и *убили мечту*. Это свидетельствует о том, что мир научных исследований противопоставляется миру мечтаний.

Рассматриваемые нами примеры предложений показывают, что мечты считаются очень важной частью нашей умственной деятельности. Психологи утверждают, что они положительно влияют на психику человека. Во время мечтания работают те клетки мозга, которые раньше не были активны, чаще используется подсознание. Это способствует повышению творческого мышления. Но мечтание полезно для нашего мозга, если делаем это умеренно⁶.

В настоящей статье, вслед за Г. А. Золотовой, мы старались доказать, что язык располагает предназначенными для выражения разных отношений объективной действительности синтаксическими моделями предложений, которые говорящий использует в соответствии со своими коммуникативными намерениями⁷.

¹ Петров А. Психология [http://anatoly-p.ru/publ/psikhologija/kuda_privodjat_mechty/2-1-0-6](дата обращения 10.03.2018)

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. С. 353.

³ Центр психологии и бизнес консультирования. Логос [<http://xn--etbxcjdblo.xn--p1ai/articles/71406>] (дата обращения 15.08.2017)

⁴ *Лакоф Дж, Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 387-415.

⁵ Там же.

⁶ *Петров А.* Психология http://anatoly-p.ru/publ/psikhologija/kuda_privodjat_mechty/2-1-0-6] (дата обращения 10.03.2018)

⁷ *Золотова Г. А.* Опыт лингвистического анализа текста.// «Русский язык за рубежом». 1986. № 5. С. 64.

Источники: www.ruscorpora.ru

Borek M.

The University of Silesia, Poland

Linguistic Formalization of the Term «Dream» in Russian Sentences

The article is devoted to structural-semantic characteristics of Russian sentences expressing day dreams. The examples for analysis were taken from the national corpus of the Russian language.

Dreams are an inseparable part of human lives; thanks to them the world becomes better and more understandable. The ability of discovering the world of one's dreams allows to achieve goals which are usually regarded as difficult or unobtainable.

The author aims to prove that the Russian language has a developed lexical area regarding the concept of dream. The object of a dream may be material, it may be another person or spiritual values. It may be acknowledged that dreams belong to optimistic sphere of human life since they deliver hope.

Keywords: dream, the Russian language, sentence, word connection, linguistic formalization.

Лекарева И. Н.

Кубанский государственный университет

г. Краснодар, Россия

ilekareva@yandex.ru

Лекарева О. В.

Краснодарское высшее военное авиационное

училище летчиков, г. Краснодар, Россия

rekarewa@yandex.ru

Функциональная семантика как основа транспозиции лексических единиц (на примере прилагательного *русский* и наречия *по-русски*)

В статье рассматривается явление развития у относительного прилагательного *русский* и образованного от него наречия *по-русски* семантического признака качества. Делается вывод о необходимости и возможности лексикографии устойчивых сочетаний с данными компонентами в русском языке и других языках.

Ключевые слова: семантический признак качества, транспозиция, идиомы, метонимия, оценка.

Среди различных видов языковых универсалий в русском языке достаточно регулярно представлено явление переходности лексических единиц из одного класса (лексико-грамматического разряда) в другой на основе их функционально-семантических преобразований в речи.

В обозначениях обозначений разных случаев морфологической переходности в лингвистической терминологии используется интернациональный префикс *транс-* (транспозиция, трансформация, трансонимизация). Переход слова из одной лексико-грамматической категории в другую, т.е. смену частеречной принадлежности лексической единицы в морфологии принято именовать *транспозицией*. Термин *трансонимизация* в ономастике (теории имени собственного) обозначает процесс перехода имен собственных из одного разряда в другой (фамилия Пушкин – город Пушкин) или переход имени собственного в разряд нарицательных и наоборот (Обломов – «обломовы», минеральные воды – город Минеральные Воды, междуречье – Междуречье (древнее государство) и т.п.).

Как можно заметить, маркером свершившегося перехода служит изменение и формальной стороны лексемы, как то:

1) замена в «перемещенном» знаке инициальной буквы с прописной на строчную и наоборот (т.е. транспозиция знаков в морфологии может сопровождаться транспозицией знаков в графике); 2) наличие неполной парадигмы, например, перешедшее в другой разряд слово имеет формы только множественного числа; 3) дифференцирующее склонение разных видов имен собственных: фамилии изменяются по падежам по типу прилагательного, а ойконимы (названия города) – по типу существительного, что отражает, например, форма творительного падежа единственного числа, ср.: рядом с Александром Сергеевичем *Пушкиным*, но рядом с городом *Пушкином*).

К понимаемой широко транспозиции можно отнести хорошо известное явление «окачествления» относительных и притяжательных прилагательных (и образованных от них наречий), которое является переходом единиц из одного разряда в другой не только в речи, но и на уровне системы языка (в основном это относится к фразеологизмам). Ср.: *золотое сердце, деревянный рубль, медвежья услуга, железная логика* и т.п.

Прилагательные и наречия, называющие различную национальную и географическую принадлежность, достаточно часто образуют устойчивые сочетания: *китайская грамота, гамбургский счет, уйти по-английски, французский поцелуй, малиновый звон* (звон колоколов города Малина), *сирота казанская, греческий салат* и т.д.

Рассмотрим это явление подробно на примере развития качественной семантики у прилагательного *русский* и наречия *по-русски*. При этом отметим, что у прилагательного *русский* квалификативная семантика реализуется как более определенная и потому как более легко поддающаяся лексикографическому представлению, чем качественная семантика у однокоренного наречия.

Устойчивые сочетания с прилагательным *русский* вполне четко делятся на две группы: 1) терминологические сочетания в номенклатурах и 2) оценочные наименования, обозначающие определенные качества и обладающие культурными коннотациями.

К первой группе относятся такие номинации, как: *русская борзая* (порода), *русская печь* (разновидность дровяной печи), *русские шашки* (шашки на столеточной доске), *русская водка* (водка с крепостью 40 градусов). В английском языке есть сочетания *Russian mountains* ‘русские горки’ (так в США называют аттракцион, который в России называют *американскими горками*), *Russian red* ‘русский

красный' (алый цвет, как цвет флага СССР), *Russian black* 'русский черный' (черный цвет определенного оттенка), *Russian white* 'русский белый'. А еще сюда можно отнести сочетания с четко определенными денотатами – *русский салат* (салат оливье), *русская гитара* (семи-струнная гитара), *русский бильярд*, «*русская рулетка*» (смертельно опасная игра с пистолетом, в котором оставлен один патрон в барабане), «*русский чай*» (растение иван-чай), *русский шансон* (песни с блатной стилистикой) и т.д. Многие из этих номинаций можно встретить в словарях.

Здесь мы можем наблюдать характеристику предметов с помощью прилагательного *русский* не только по их принадлежности к русской культуре, но и с точки зрения наличия у них четко определенных качеств – строения, свойств, отличающих их от предметов того же ряда не только в других культурах, но и в самой русской культуре. В общем и целом данные названия выступают как таксономические, т.е. классифицирующие названия для специализированных понятий. В основном здесь мы видим метонимический перенос в семантике прилагательного, хотя есть и метафоры по сходству и по функциям («русская рулетка», «русский чай» и др.). О терминологизации некоторых из таких словосочетаний (т.е. о произошедшей специализации выражаемых ими понятий) может свидетельствовать в том числе их написание в кавычках.

К наименованиям из второй из выделенных нами групп относятся словосочетания, в которых сформировалось (или проходит стадию формирования) оценочное, коннотированное значение. От номенклатурных названий с прилагательным *русский* эти словосочетания отличаются тем, что их денотат гораздо менее определен, а экстенционал таких знаков может быть весьма велик, что затрудняет их интерпретацию и, следовательно, лексикографию. Любопытно, что приобретенные в результате метонимического переноса значения качества у прилагательного *русский* в данных случаях, как правило, приобретают и семантику эмоциональной оценки.

Ср.: *русский характер*, *русское гостеприимство*, *русская свадьба*, *русская зима*, *русская баня*, *русский балет*, *русский дух*, *русский крест*, *русский медведь* (о человеке), *русская лень*, *русская смекалка*, *русский мир*, *русская душа*, *русская женщина* (образ, взятый из поэм Н.А. Некрасова), *русский мужик* и т.д.

К этой же группе отнесем и те сочетания с наречием *по-русски*, в которых также произошел сдвиг семантики. В прямом значении *по-русски* значит – 'на русском языке' (читать, говорить, думать по-

русски) или 'в этнографическом русском стиле' (одеваться по-русски, т.е. в национальный костюм, танцевать по-русски – танцевать русский народный танец).

И уже здесь можно наблюдать явление неоднозначности, полисемии, свидетельствующее о переходе семантики наречия в сторону качественности. Например, *думать по-русски* может означать не только «на русском языке», но и размышлять по привычной для русского человека логике, которую обычно невозможно предугадать иностранцу. Аналогично этому возникла двойственность семантики и у сочетания *сказать по-русски*: в прямом значении – это сказать на русском языке, а переносных значений можно выделить несколько: 1) выругаться крепким словом; 2) выразить мысли ясно и доходчиво; 3) выразить свое мнение твердо и решительно. Здесь референтом наречия выступает характеристика традиционного поведения русского человека, отражающая сложившийся в народе стереотип. Ср. наличие оценочности в наречиях: *по-мужски, по-женски, по-бабы, по-ребячьи, по-детски, по-солдатски, по-человечески* и т.д.

Благодаря этому переходу возник открытый ряд номинаций: *любить по-русски, жить по-русски, поступать по-русски*, а также их антонимов с компонентом *не по-русски*, несущем отрицательную коннотацию. Ср.: *сделать что-либо не по-русски, не по-людски, не по-человечески*, т.е. поступить несправедливо, подло, эгоистично.

Разница между рассмотренными выше группами сочетаний с окачественным прилагательным *русский* состоит также в том, что для номинаций первой группы семантический признак является постоянным, зафиксированным, а его проявление у предмета-носителя регулярно и постоянно. Для номинаций второй группы атрибут определяемого с помощью прилагательного *русский* предмета или явления может быть нерегулярным в том плане, что в настоящее время он проявляется как необязательный. Даже русская зима в последние годы нас удивляет своей нетипичностью в связи с глобальными изменениями климата. Что уж тут говорить о национальном русском характере, который тоже может обмануть наши ожидания, уходя от архетипа, зафиксированного в том числе и в анекдотах! Тем не менее качественное (по функциональной семантике) определение *русский* и обстоятельство образа действия *по-русски* отражают вполне самостоятельные реалии и формируют национальную языковую картину мира, а следовательно, их можно и нужно подвергнуть специальному лексикографическому и функционально-семантическому описанию, в том числе в сопоставительном аспекте с аналогичными явлениями в других языках и культурах.

Lekareva I. N.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Lekareva O. V.

Krasnodar High Military Aviation College of Pilots, Krasnodar, Russia

**Functional semantics as the basis of lexical units transposition
(by the example of Russian adjective and adverb in Russian)**

The article deals with the phenomena of development of the semantic of quality by adjective *Russian* and semantic of estimate be adverb *in Russian*. The author comes to the conclusion that idioms with these components may be represented in special vocabularies of Russian and other languages.

Keywords: semantic attribute of quality, transposition, idioms, metonymy, estimation.

Сироткина Т. А.
*Сургутский государственный педагогический
университет*
sirotkina71@mail.ru

Актуальные вопросы современной этнонимии

В статье рассматриваются актуальные вопросы современной этнонимии, к которым автор относит: определение языкового статуса этнонима, границ этнонимии и отдельных этнонимов; описание развития этнонимикона и функционирования этнических имен в разных сферах речевой коммуникации; рассмотрение взаимодействия этнонимии с другими лексическими системами; исследование категоризации этнической семантики; построение модели системной организации этнонимической лексики; изучение этностереотипов. Делается вывод о том, что решение их требует привлечения для анализа местного языкового материала, тщательного описания истории развития и современного состояния региональных этнонимиконов, а также создания словарей.

Ключевые слова: этноним; этнонимика; этнонимикон; категория; категоризация; этнический стереотип; лексикография.

Этнонимы (названия народов) являются объектом изучения особой науки – **этнонимии**, которая начала активно развиваться в России с 70-х гг. XX в.

Назовем основные проблемы современной этнонимии, которые, по нашим наблюдениям, еще нуждаются в решении.

1. Проблема языкового статуса этнонима. Этнонимия как разряд лексики имеет двойственный характер. С одной стороны, этнонимы являются нарицательными обозначениями, с другой – традиционно рассматриваются внутри онимической системы в качестве периферийных ее единиц. Двойственный характер имеют этнонимы и с точки зрения теории референции. Они, с одной стороны, являются «идентифицирующими» именами (к которым обычно относят имена собственные), с другой – «характеризующими» (которыми традиционно являются апеллятивы). Логичнее всего, на наш взгляд, определение этнонимов как промежуточного звена между именами собственными и именами нарицательными.

2. Проблема границ этнонимии и отдельных этнонимов. Понятие «этнос» достаточно широкое. Кроме названий племен и

народов, в него могут включать названия этноконфессиональных групп, родов, субэтнических групп. Так, в словаре «Какого мы роду-племени?» Р.А. Агеевой¹ наряду с собственно этнонимами (названиями племен и народов) даются и такие именования, как *казаки* (субэтническая группа русских) и т.д. Таким образом, существует узкое и широкое значение термина “этноним”. При широком понимании в этнонимии входят даже коллективные прозвища, которые в этом случае называют микроэтнонимами.

На наш взгляд, основой определения границ этнонимии должны являться границы понятия «этнос», определенные этнографами. «Этнографическая наука выработала свой аппарат понятий и определений, с помощью которого раскрывается феномен этничности»². Основным и определяющим является понятие **этнос** – исторически сложившаяся общность людей, характеризующаяся на стадии этногенеза общностью территории и языка, а также приобретающая в ходе своего развития этническое самосознание и общие черты в материальной и духовной культуре. Важным, безусловно, является и понятие **этнической общности**. Существуют этнические общности разных уровней и порядков. К одному уровню, например, относятся *русские казаки* или *поморы* в составе русского этноса, к другому – *русские*, к третьему – *восточные славяне*, к четвертому – *славяне вообще*. Для обозначения внутренних подразделений этноса, части этнической общности, этнографы пользуются определением **этнографическая группа** или **этническая группа**. Этнографические группы складываются на основной этнической территории и не изолированы от этнического ядра. Этнические группы – те части этноса, которые расселялись и функционировали вне основной этнической территории, в большем или меньшем отдалении от нее, в иной лингвокультурной среде³.

Таким образом, мы придерживаемся такого определения границ этнонимии, при котором в поле исследования попадают **этнические общности разных уровней**. Однако ученый, описывающий эти разные типы общностей, должен обязательно помнить, об этносе какого уровня идет речь.

3. Проблема развития этнонимикона. Она касается не только этнонимикона определенного языка, но и региональных этнонимиконов.

Например, со временем могут расширяться границы этнонимического поля. На примере этнонимикона Пермского края можно проследить, что в него, помимо имен народов, исторически освоив-

ших данную территорию, в данный момент входят такие этнонимы, как *цыгане, армяне, таджики* и многие другие.

4. Проблема функционирования этнонимов в разных сферах речевой коммуникации. Этнонимы – это и научные термины, и единицы разговорно-бытового общения, и средства художественного описания. В различных сферах речевой коммуникации они выполняют определенные роли, отличаются особенностями функционирования.

Только описав функционирование этнических имен в разных типах дискурса, мы сможем представить более полную картину этнонимикона в целом.

5. Проблема взаимодействия этнонимии с другими лексическими системами. Поскольку этнонимия имеет двойственный характер, логично рассматривать взаимодействие ее 1) с системами имен собственных (прежде всего топонимов и антропонимов), 2) с системой нарицательной лексики определенной территории.

Взаимодействие этнонимической и топонимической систем проявляется в наличии этнотопонимов, например ойконимов, имеющих в основе этноним. Но связь ойконима с этнонимом может быть как прямой, так и опосредованной (через антропоним).

Г.Н. Чагин, исследовавший топонимию Чердынского уезда по письменным памятникам XVI – XVII вв., выделяет группу онимов, связанных с родовыми и племенными именами, и отмечает, что «топонимические пласты, восходящие к наименованию племен и народов, живших на территории Чердынского уезда, восходят к очень древним временам»⁴.

Такие же сложные связи отмечаются во взаимодействии этнонимии и антропонимии. Человек мог получить прозвище, давшее впоследствии фамилию, не по этнониму, а по нарицательному слову живой диалектной речи, например, *зырянином* в Прикамье могли назвать человека, который таращит глаза (от глагола *зырять* «смотреть»).

Отражению этнических имен в апеллятивной лексике посвящены лишь отдельные статьи. Вместе с тем использование этнических имен в качестве нарицательных характеристик человека – явление очень распространенное и требующее особого исследования.

По мнению исследователей, семантика любого имени лица может быть представлена в виде многослойной структуры, каждый из слоев которой состоит из набора компонентов, характеризующих тот или иной смысловой аспект имени лица. «Данная структура представляет

собой матрицу, состоящую из компонентов, обозначающих признаки человека – объекта восприятия, которые осознаются познающим субъектом как онтологически присущие данному объекту»⁵.

Таким же образом может быть представлена, на наш взгляд, и семантика этнонимов, выступающих в нарицательном значении.

6. Проблема категоризации этнической семантики.

При исследовании любых языковых категорий неизбежно встают вопросы их структурной организации. Эти вопросы решаются лингвистами по-разному. Один из подходов можно назвать «ярусным» – описываемая категория, представляющая определенный формат знания, членится на ярусы, путем отнесения к каждому из них базовых слов-идентификаторов. Так, И.Н. Ивашкевич, рассматривая категорию «Природные пространства», делит ее на четыре яруса: «Первый ярус микросистемы занимают базовые слова-идентификаторы с самым широким пространственным значением: space, area, place. На втором ярусе находятся слова-идентификаторы с более конкретным значением: land, water, которые закладывают фундамент дальнейшего членения категории на определенные тематические группы. На третьем ярусе выделяются субидентификаторы, каждый из которых может стать отдельным словом-идентификатором и начать дробление категории на субкатегории. Замыкает данную схему четвертый ярус – это конкретизаторы, которые детализируют категорию и, таким образом, значительно увеличивают и расширяют ее объем»⁶.

При исследовании регионального этнонимикона также необходимо выяснить, каким образом происходит категоризация этнической семантики, какие концепты образуют категорию этничности.

Этнонимы как средства репрезентации категории этничности являются ключевыми словами для национальной русской культуры, к которым относят обычно «слова не только с высокой частотностью употребления в повседневной речи, но и обладающие историческим «багажом», позволяющим рассматривать семантическую структуру данных слов с учетом их концептуального содержания»⁷.

Данная категория обладает не только лингвистической, но и когнитивной значимостью. Единицы ее достаточно частотны, структурно просты и достаточно информативны – они не только способствуют распознаванию объекта, но и его противопоставлению другим объектам.

7. Проблема системной организации этнонимической лексики.

Названия народов, функционирующие в рамках определенной

территории, безусловно, образуют некую систему взаимосвязанных единиц. Эту систему, на наш взгляд, логичнее всего представить в виде семантического поля. Однако вопросы конструирования регионального поля этнонимии в современной науке остаются открытыми. Попытка выстроить такое поле на примере этнонимии Пермского края осуществлена нами⁸.

8. Проблема изучения этностереотипов.

В рамках той или иной этнической культуры формируются представления о различных этносах. Эти представления отражаются в языковой картине мира через набор оценочных смыслов, которые, в свою очередь, находят отражение в национально-культурных стереотипах.

Исследованием этнических стереотипов русских и коми-пермяков занимаются пермские психологи. «Этническая психика», по наблюдениям Т.А. Поповой, насыщена стереотипами о себе, о других этносах, а также представлениями данного этноса о том, какие представления имеют данные этносы о нем⁹.

При описании регионального этнонимикона также не обойтись без анализа проблем этнических стереотипов.

Таким образом, актуальных проблем в региональной этнонимии достаточно, и решение их требует от лингвистов многого: привлечения для анализа местного языкового материала, использования новых научных методов, тщательного описания истории развития и современного состояния региональных этнонимиконов, а также лексикографической обработки материала и создания словарей.

¹ Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: Словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 424 с.

² Черных А.В. Основные этапы этнической истории Прикамья в XVI – XX вв. // Этнический мир Прикамья. Пермь, 2003. С. 7.

³ Кузеев Р.Г. Этнографические и этнические группы (к проблеме гетерогенности этноса) // Этнос и его подразделения. М.: Наука, 1992. Ч. 1. С. 18 – 24.

⁴ Чагин Г.Н. Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь, 2003. С. 22.

⁵ Саржина О.В. Русские инвективные имена лица: комплексный анализ: автореф. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. С. 9.

⁶ Ивашкевич И.Н. К вопросу о границах и строении категории «Природные пространства» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4. С. 46.

⁷ Семененко Н.Н. Переходные явления в семантической структуре концепта НАДЕЖДА в контексте русской пословицы // Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков. Великий Новгород, 2001. С. 198.

⁸ Сироткина, Т.А. Региональное поле этнонимии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. № 3. С. 101 – 107.

⁹ Попова Т.А. Особенности этнических стереотипов русских и коми-пермяков // Язык, культура, образование в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции. Ч. II. Пермь, 2006. С. 26 – 27.

Sirotkina T. A.

Surgut State Pedagogical University, Russia

Relevant Issues of Contemporary Ethnonymy

The article deals with the problems of modern ethnonymy in which the author includes: the definition of language status of ethnonym; boundaries between ethnonymy and particular ethnonyms; description of the etnonimikon development and the functioning of ethnic names in different spheres of speech communication; consideration of interactions between ethnonymy and other lexical systems; the study of ethnic semantics categorization; construction of the model of systemic organization of ethnonymic lexicon; study of ethnotypes. The conclusion is that to the solution of these problems requires the use of their analysis of the local language material, a careful description of the historical development and current status of regional etnonimikons, as well as the creation of dictionaries.

Keywords: ethnonym; ethnonymy; etnonimikon; category, categorization, ethnic stereotype, lexicography.

Сирота Е. В.

*Бельцкий государственный университет
имени Алеку Руссо, Бельцы, Молдова
sirotaelena@mail.ru*

Особенности функционирования иконической паремии в художественном дискурсе

В работе рассматривается специфика функционирования иконической паремии в художественном дискурсе. Актуальность темы исследования обусловлена ролью паремий как трансляторов особенностей мировосприятия этносов. Паремии рассматриваются с разных ракурсов и моделей функционирования языка, представлены разные точки зрения на проблему. Материалом для исследования послужили паремические единицы в текстах В. М. Шукшина. Анализ фактического материала позволил выделить три типа единиц: иконическую паремию, выражения, стоящие на границе между паремами и фразеологизмами, и идиомы, возникшие в результате перехода единиц паремии во фразеологизмы. Теоретическая ценность исследования заключается в том, что акцентируется внимание на анализе системы иконической паремии и ее структурных моделях.

Ключевые слова: паремия, фразеологизм, иконическая паремия, идиостиль, трансформация.

Актуальность темы исследования обусловлена важностью функционирования иконической паремии в текстах В. М. Шукшина, так как, несмотря на повышенный интерес к изучению паремий в последние годы, данная область остается мало изученной сферой.

Изучение пословиц и поговорок русского народа всегда было чрезвычайно важным в силу того, что они являются трансляторами народной мудрости, опыта и знания русских людей, несут в себе богатейшую информацию об особенностях мировосприятия русского народа, и это все писатели отражают в своих художественных произведениях.

Современные концепции в области фразеологии формировались на протяжении длительного времени, зарождаясь в трудах ученых-языковедов XVIII–XIX вв. и первой половины XX столетия (М.В. Ломоносова, И.И. Срезневского, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова). «Классическим» периодом в истории развития фразеологии являются 40–60-е годы

XX столетия – время выхода в свет работ Ш. Балли, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, В.Н. Телии и др. Положения трудов русских лингвистов составляют теоретическую базу нашего исследования.

Целью данной работы является выявление особенностей авторской переработки фразеологизмов в рассказах Шукшина, а также рассмотрение особенностей употребления паремических выражений. Материалом для исследования послужили паремические единицы в текстах В. М. Шукшина.

Мы считаем, что есть все основания, по крайней мере поговорки, не выводить за рамки фразеологических единиц, так как они обладают теми же дифференциальными признаками, что и идиомы. Так, сопоставляя выражения – «съесть собаку» и «собака на сене», мы убеждаемся, что данные фразеологизмы обладают инвариантными дифференциальными признаками. Во-первых, они характеризуются семантической слитностью – общий смысл выражений невозможно вывести из суммы значений, составляющих их компонентов. Во-вторых, оба выражения характеризуются синтаксической цельностью, их нельзя рассматривать с точки зрения синтаксической позиции как реализацию моделей $V_{fin} + N_4$ или $N_1 + Pr. + N_6$. В-третьих, обе единицы языка не допускают перестановки компонентов. В-четвертых, и в первом и во втором случае невозможно развертывание новых моделей путем вставки новых компонентов «съесть жирную собаку», «собака на свежем сене».

Таким образом, сопоставительный анализ позволяет сделать вывод, что поговорки, возникнув на базе пословиц, переходят в разряд фразеологических единиц русского языка, и, как нам кажется, только пословицы могут рассматриваться как особый вид коммуникатов, и только пословицы следует включать в особый класс единиц, называемых иконической паремией.

Анализ произведений В. М. Шукшина позволил нам заметить, что в его текстах встречаются все три типа единиц: и иконическая паремия, и выражения, стоящие на границе между паремами и фразеологизмами, и идиомы, возникшие в результате перехода единиц паремии во фразеологизмы. Все сказанное позволяет внести коррективы в традиционное учение о генезисе идиоматических выражений.

В лингвистической литературе, как правило, называют такие способы пополнения состава фразеологизмов, как: реминисценции, крылатые слова и выражения, кальки из других языков. Но необходимо учитывать и такой важный источник пополнения фразеологи-

ческого фонда языка, как трансформация пословиц в поговорки и их переход в результате максимального эллипсиса компонентов первичного выражения в состав фразеологических единиц.

Не все пословицы трансформируются – через сокращения до поговорок – во фразеологические единицы языка, например: «Умный рассудит, а глупый осудит».

Заслуга введения термина «icon» принадлежит американскому философу и логичу Ч.С. Пирсу в начале XX века (другими элементами в его интерпретации данной трихотомии являются «знак-индекс» и «знак-символ»). Ученый выделял несколько разновидностей иконического знака: образы (например, «Полет шмеля» или «Море» Дебюсси); метафоры (этот подкласс активно задействован в театральной практике и литературе); диаграммы, схемы, чертежи и другие виды «нефигуративных» изображений, которые Ч.С. Пирс называл «логическими иконическими знаками»¹.

Иконическая паремия – это знаки, не требующие интерпретации, напрямую соотносящиеся с означаемым.

Особый интерес вызывает функционирование понятия «иконическая паремия» в филологии. Термин «паремия» происходит от греческого слова *παροιμία* и означает – поговорка, пословица, притча, то есть понятие является родовым для трихотомии «поговорка», «пословица», «притча».

Таким образом, к паремиям относятся **пословицы**, представляющие собой целостные предложения (например, *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*), и **поговорки**, являющиеся фрагментами предложений (*поживем – увидим*). Паремии представляют собой речевые клише, близкие по образности и афористичности, **крылатым словам**, однако, в отличие от последних, являются анонимными изречениями.

Фразеологические единицы (пословицы, поговорки, притчи) являются коммуникатами, то есть текстами, а значит, их функционирование в художественном произведении представляет собой один из видов подтекста в тексте.

Типичный случай использования паремий – это ее отнесение к стереотипам. В данном случае паремия выступает как константа отнесенности известного типа событий к положению вещей, к некоей паремически облигаторной закоомерности.

Идиостиль произведений В. Шукшина – обширная и еще не до конца изученная область. Многие ученые отмечали специфику художественно-речевой структуры прозы писателя, и своеобразие уровней шукшинского языка. А.А. Чувакин полагает, что произведения

В. Шукшина «синтаксически устроены на основе действия противоречивых тенденций: с одной стороны, это внешняя несвязность синтаксических компонентов разных уровней (чужой речи и авторских ремарок, абзацев, простых предложений), а с другой – их тесная спаянность (неполные и «усеченные» предложения, оценочные предложения и имя объекта оценки»²).

На творческую манеру В. Шукшина оказал влияние разговорный народный язык. Это влияние не отрицает оригинальности писателя, да и его рассказов в целом. Поэтому шукшинским текстам свойственны диалектизмы, неологизмы, жаргонные слова и выражения. Именно эти средства способствуют таким характеристикам языка писателя, как сочность, живость, динамичность.

Среди наиболее ярких черт идиостиля писателя можно отметить следующие: наличие психологизма, выражающего интенции создателя произведения изобразить процесс жизни души человека, передать ее диалектические противоречия (данная особенность оказывает помощь читателю в понимании образов); лаконизм как средство компрессии повествования; доминанта диалога над описательностью (именно в диалоге раскрываются как характер, так и события).

Степень использования стилистики маркированных фразеологизмов в художественных дискурсах различных писателей обусловлена предпочтениями тот или иного автора, приверженностью его к существующим литературным течениям.

Искусно употребленное крылатое слово – сокровищница мудрости народа, пословицы, экспрессивные идиомы способствуют большей эмотивности, сочности, выразительности языка В. Шукшина.

В литературном наследии В. Шукшина особое место принадлежит фразеологизмам, состав и стилистическая окрашенность которых чрезвычайно разнообразны. Использование фразеологических оборотов в текстах также варьируется: здесь можно увидеть и штампы, принадлежащие книжному стилю, и экспрессивные, динамичные фразеологизмы, разговорной и просторечной стилевой маркированности.

В. Шукшина характеризует неопределимое достоинство – великолепное владение знанием русской фразеологии и, в частности, ее удивительной способности – способности к трансформации.

Таким образом, в рассказах Шукшина поговорки выполняют различные функции: передают эмоциональное состояние героя (например, *От одной езды сердце замирало*); используются вместо конкретного описания соответствующего положение вещей (пословица –

не было бы счастья, да несчастье помогло): дают физическое описание героя (например, пословицы – *перескакивает с пятого на десятое*, «*Вон руки-то ходуном ходят*» и другие).

Также интересно отметить, что в своих произведениях Шукшин трансформирует фразеологические единицы, добавляя, убирая или заменяя один из элементов. Например, «сердце лопнет от всего этого» (сердце падает /обрывается), «места здешние он знал как свои восемь пальцев» (Миль пардон, мадам!). На первый взгляд замена одного из элементов непонятна. Но, прочитав рассказ, мы узнаем, что главный герой Бронька Пупков не имеет двух пальцев на правой руке, поэтому замена одного из элементов поговорки оправдана.

При помощи изменений в составе некоторых фразеологизмов Шукшин создает стилистические эффекты. Шукшин употребляет наряду с фразеологическими единицами и свободные сочетания слов: «Петька твой начал уж потихоньку выходить в люди. Сперва пока в огороды...». В данном случае употребление паремической единицы «выходить в люди» наравне со свободным словосочетанием «выходить в огороды» помогает Шукшину создать иронический эффект.

То же можно и сказать о таких фразеологизмах, используемых Шукшиным в своих текстах, как: «как две капли воды», «играть роль», «реветь белугой», «наступить на большую мозоль», «согнуться в три погибели» и другие.

В контексте происходит реализация семантических потенциалов, которыми обладает значение фразеологизма, осуществляются процессы актуализации и конкретизации семантики.

Так, паремическое выражение «исчезаю с горизонта» в рассказе Шукшина «Сураз» имеет следующее значение: исчезать из определенного общества – «Я на время исчезаю с горизонта, но Сергей Юрьевич, я тебе, извини, всё же уработаю».

Анализируя фразеологизмы, мы отметили, что в рассказах Шукшина они приобретают особую окраску и значение, то есть, читая текст, мы еще и воспринимаем информацию, которая находится как бы между строк, подтекст.

Также в произведениях В. М. Шукшина частотны такие фразеологические единицы, «в которых одно из слов-компонентов связано, не свободно в своем употреблении и встречается только в данном словосочетании (реже – в двух-трех), хотя и имеет самостоятельное значение»³. Например: «Душеньку отвести» – найти

для себя утешение, успокоение, разрядку в чем-либо, обычно в каком-либо занятии, деле, разговоре.

Важную роль играют в текстах Шукшина стилистически окрашенные паремии. Так, использование паремических выражений в идиостиле В. М. Шукшина в зависимости от стилистической маркированности можно классифицировать следующим образом: межстилевые, разговорные, книжные.

1. Межстилевые фразеологизмы, стилистически нейтральные: «Лицом к лицу» – совершенно рядом, в непосредственной близости, очень близко; «Сам ты себе голова»; «Света белого не вижу» – быть обремененным непосильной работой, заботами; «Не поймешь, что у него на уме»; «Жизнь шла своим чередом».

2. Разговорные фразеологические единицы, имеющие ограниченную сферу употребления и обладающие отрицательной эмоционально-экспрессивной окрашенностью (ласки, бранности, иронии, презрения, шутки, фамильярности и т. д.): «Катил шары»; «Елки зеленые»; «Мокрое место останется» – будет совсем уничтожен; «Ни хрена с тобой не случится»; «Плевали они на эти законы».

3. Фразеологические обороты книжного стиля используются во фрагментах художественных текстов, требующих определенных выражений публицистического, официально-делового и научного характера. Они отличаются своей специфической «повышенной» экспрессивно-стилистической окраской (книжности, торжественности, поэтичности и т. д.): «Похож, как две капли воды» – очень сильно похож; «Погиб при исполнении служебных обязанностей»; «На книге, которую он подарит Анне Афанасьевне, он напишет: “Фоме неверующему – за добро и науку. Автор”». («Шире шаг, маэстро!»).

Таким образом, мы наблюдаем интереснейший процесс функционирования фразеологических единиц в художественном дискурсе, где каждое паремическое выражение получает свое назначение в тексте. Можно говорить о чрезвычайно важной роли иконической паремии не только в системе языка, но и в рамках художественного дискурса.

¹ Пирс Ч. С. Логика как семиотика: теория знаков // Метафизические исследования. Вып. 11. Язык. СПб, 1999.

² Чувакин А.А. Проза В. М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60 – 70-х годов: коллект. моногр. Барнаул, 1997. С. 93.

³ Пашкова А.В. Значение фразеологизма и контекст. М., 1994.

Sirota E. V.

Balti State University "Alecu Russo", Balti, Moldova.

The Functioning of Iconic Phraseological Units in Literary Discourse

The paper discusses the peculiarities of iconic phraseological units in literary discourse. The relevance of the research is outlined by the role played by phraseological units as carriers of the peculiarities of the world perception of ethnoses. Phraseological units are viewed from different angles and models of language functioning, several points of view on the problem being discussed. The data for the study were collected from V. M. Shukshin's works. The research focuses on the analysis of the system of iconic phraseological units and on their structural models.

Keywords: phraseological unit, iconic phraseological unit, idiostyle, transformation.

Лю Даян
 Санкт-Петербургский государственный
 университет, Россия
 cristalplane@mail.ru

Молчат как рыба в пироге (об одной потенциальной идиоме русской разговорной речи)

Статья посвящена выражению *молчат как рыба в пироге*, выявленному в корпусе «Один речевой день». Для проверки статуса, круга значений и места этой единицы в ментальном лексиконе носителей русского языка был проведен лингвистический опрос, который показал, что это выражение, несомненно, идиоматично и является отнюдь не окказиональным, а вполне устойчивым: оно хорошо знакомо респондентам, входит в их активный словарный запас и в большом количестве присутствует в русскоязычных социальных сетях.

Ключевые слова: идиома, модификация, звуковой корпус, лингвистический опрос, слово-идентификатор.

Русский язык богат *идиомами* (в самом широком смысле этого слова). В них находит отражение национальная ментальная специфика, это культурно-маркированные единицы языка, что делает любые исследования в области идиоматики актуальными как в прошлом и настоящем, так и в будущем. Актуальность настоящей работы обусловлена еще и тем, что в современной лингвистике сравнительно мало работ, посвященных лингвистическому описанию идиом на материале повседневной устной речи¹.

В данной работе рассматривается одна потенциальная идиома – *молчат как рыба в пироге*, – выявленная в ходе анализа материала Звукового корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), наиболее представительного на сегодняшний день ресурса для изучения устной речи². Контекст был следующим:

• *Вот между прочим надо найти поскорее жильё / и на фиг подальше / свалить / # сколько ты там уже прожил ? # десять уже / тусуюсь // # таки(·) / они не против ? # вот / в этом вся и фишка / что молчат все // как рыба в пироге // когда спрашиваешь / все молчат (И21#Ж1)³.*

Выражение *молчат как рыба в пироге* не зафиксировано ни в каких словарях и является, на первый взгляд, окказиональным,

контекстуальным. Несомненным представляется и его идиоматический статус. Однако для надежности этот статус был проверен в ходе специального лингвистического опроса, в котором приняли участие 80 респондентов-филологов (63 женщины и 17 мужчин).

Опрос представлял собой электронную гугл-форму с контекстом, в котором употреблено данное выражение, с просьбой ответить ДА или НЕТ на следующие вопросы: является ли это выражение идиомой? Знакомо ли Вам это выражение? Употребляете ли Вы это выражение? Респондентам было предложено также (по желанию и возможности) привести слово-идентификатор (например, *бить баклуши* = бездельничать) для данного выражения и оставить какой-нибудь комментарий.

Результаты опроса оказались следующими. Большая часть опрошенных (76,5 %) определила выражение *молчать как рыба в пироге* как **идиому**; в том числе 76,2 % женщин и 77,8 % мужчин. Это выражение оказалось знакомо почти всем респондентам: 97,5 %; в том числе 96,8 % женщин и 100,0 % мужчин. Употребляется данное выражение тоже весьма активно: положительно на этот вопрос ответили 87,5 % респондентов, в том числе 88,9 % женщин и 82,4 % мужчин. По данным показателям можно заключить, что перед нами несомненная идиома, значение и степень контекстуальности/окказиональности которой помогли определить приведенные респондентами слова-идентификаторы и многочисленные комментарии.

Так, в качестве единиц-идентификаторов для исследуемой идиомы были приведены известные фразеологизмы *молчать как рыба* (13 ответов), *молчать как рыба об лед* (5), *как воды в рот набрал* (5), *молчать в тряпочку*, а также: *молчать как немые* (3) (ср. *нем как рыба*), *молчать как мертвые*, *упорно/тотально молчать*, *тихо*. Подобный набор реакций позволяет определить значение исследуемого выражения, как 'упорно молчать, помалкивать, не высказывать своего мнения', что сближает эту идиому со словарным выражением *молчать как рыба*, ср. его определение: *разг. неодобр.* 'совсем ничего не отвечать; долго и упорно молчать'⁴.

Такое семантическое решение подтверждается и «мнением» самого говорящего, который заканчивает фразу словами *когда спрашиваешь / все молчат*.

В числе приведенных респондентами единиц-идентификаторов обнаружилось и выражение *как рыба в воде* (6 ответов), близкое к исследуемой идиоме только внешне, не совпадающее с ней семанти-

чески и определяемое словарями как *разг. экспрес.* 'свободно, непри-
нужденно, вольготно (чувствовать себя где-либо)⁵.

Содержание комментариев, которые дали респонденты (напомним, что это были только профессиональные филологи) в ходе опроса, можно разделить условно на три группы:

1) *молчать как рыба в пироге* – это модификация, изменение, трансформация идиомы молчать как рыба или молчать как рыба об лед, ср.:

- **модификация** уже ранее **модифицированной** поговорки (3);
- **трансформация** устойчивого сравнительного оборота **молчать как рыба**;

- **изменение** устойчивого выражения;

2) *молчать как рыба в пироге* – это контаминация двух идиом: *чувствовать себя как рыба в воде* и *молчать как рыба об лед*, ср.:

- **контаминация** известных поговорок **молчать как рыба об лед** и **чувствовать себя как рыба в воде**, а также ироничное переосмысление последнего компонента поговорки **как рыба в воде**;

- юмористическая **комбинация** идиом;
- *тоже бесит, когда такие контаминации возникают и запоминаются, и люди потому же не помнят, как звучит правильная фраза;*

3) *молчать как рыба в пироге* – это расширение устойчивого выражения.

В приведенных комментариях важно отметить замечания респондентов об ироничном переосмыслении и юмористической комбинации идиом. Ср. также:

- *Есть оборот «молчать как рыба». «В пироге» – это уже индивидуальное (или групповое) шутовое продолжение, развитие общеязыкового фразеологизма.*

Респонденты видят в исследуемой единице шутку, иронию, творческое начало и – очень часто – единичность, уникальность, индивидуальность (то есть контекстуальность, окказиональность) данного выражения, ср., кроме приведенного выше:

- **Без «пирога» – «пирог» – авторский идиолект или разовое употребление;**

- **первый раз** сталкиваюсь;

- *Счел бы идиомой «молчать как рыба», а дальше уже идет какая-то творческая, вариативная часть.*

С предположением о единичности исследуемой идиомы никак не вяжутся, впрочем, приведенные выше цифры: 97,5 % респондентов знают (или хотя бы узнают) это выражение, а 87,5 % даже употребляют его в своей речи. Активность использования данной идиомы подтверждает и обращение к интернет-ресурсам. В Нацио-

нальном корпусе русского языка вхождений данной единицы не нашлось (на 30.04.2018), но социальные сети оказались на нее вполне богаты: 19 вхождений в поисковой системе Яндекс, 93 – Вконтакте, 75 – в Твиттере.

Представленные три группы мнений респондентов, а также количественные данные об употреблении данного выражения в соцсетях позволяют говорить о том, что *молчать как рыба в пироге* – это модифицированная, не окказиональная, а вполне узуальная идиома, вне зависимости от того, какой прием трансформации лежит в ее основе.

Предложенное выше значение рассматриваемой идиомы вполне подтверждается и контекстами ее употреблений в социальных сетях, которые к тому же выявляют ряд новых значений (оттенков значений), несвойственных исходному, ср.:

1) *Телефон молчит, как рыба в пироге* ('нет входящих звонков, новых сообщений')⁶;

2) *а сегодня разве ВЫХОДНОЙ, что молчали как РЫБА В ПИРОГЕ???* ('нет никаких сообщений, вестей');

3) *Не пойму – это мне так не везёт, или таки яндексмузыка не работает? Молчит как рыба в пироге:-* ('приложение не работает');

4) *Снесла новую версию Safari, установила доисторическую 5.1.1. Открыто больше 10 вкладок. Web2kit молчит как рыба в пироге. Красота! (^_^)* ('что-то не работает, не срабатывает');

5) *Подняли минималку на триста рублей и шумели целую неделю, подняли плату за ЖКХ на 4 процента и молчат как рыба в пироге. Так держать. Голосуйте дальше за ЕДР и жить будем еще лучше кто выживет* ('ничего не говорят, помалкивают');

6) *Екатерина, бред какой.мой [ребёнок]в 1,7 молчал как рыба в пироге. Заговорил в 1,10, сейчас ровно 2, говорит фразами, для меня 1,7 вообще не показатель* ('не умел говорить (о ребенке)');

7) *На месте папашки взяла бы своего ребёнка, вышла из троллейбуса и заставила пешком до дома шагать, чтобы в следующий раз молчал в транспорте, как рыба в пироге* ('ничего не требовал, не капризничал, помалкивал').

В ряде контекстов данное выражение встретилось в «усеченном» или инверсированном виде, что порой (не всегда) добавляет ему и новых значений:

8) *А в модуле – как рыба в пироге* ('не разбирается, абсолютный ноль');

9) *Сидим на алгебре, училка выбирает кого вызвать и такая: «Вы такие же ленивые, как рыба в пироге»* ('ленивые').

10) *рот на замок, я нема, как рыба в пироге* ('помалкиваю, хранию тайну, секрет');

11) *Ты бы тоже закаталась как рыба в пироге и молчала* можешь говорить что угодно, мне глубоко похрен ('помалкивала');

12) *Ну хоть ты меня понимаешь. А то я тут бьюсь как рыба в пироге, пытаюсь объяснить эмоции типичного мужчины* ('тщетно стараться добиться какого-то результата, биться как рыба об лед') (см. выше о подобных словах-идентификаторах, которые привели некоторые респонденты в ходе опроса);

13) *Да, я видел. Вот только он на эту тему – как рыба в пироге) Молчит* ('помалкивает, не высказывает своего мнения').

Таким образом, выражение *молчать как рыба в пироге* вполне можно трактовать как потенциальную узуальную идиому, активно функционирующую в русской устной и интернет-речи и, несомненно, присутствующую в ментальном лексиконе⁷ носителей русского языка. Вариативность ее значения (и отчасти – формы) свидетельствует, как можно предположить, о проходящем на наших глазах процессе *идиоматизации*⁸. Внимание к такого рода процессам и такого рода единицам необходимо в самых разных целях: в аспекте коллоквиалистики, лингводидактики, практики перевода, лингвистической экспертизы и ряде др.

¹ См., например: *Филин Ф. П.* О просторечном и разговорном в русском литературном языке // Филологические науки. № 2, 1979. С. 20-26; *Нургаллина Х. Б.* Характерная особенность разговорных фразеологизмов // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2014. № 3 (332). Вып. 87. С. 74-77.

² См. о нем подробнее: *Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. *Д. Шумска, К. Озга.* Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372; Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллективная монография / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян.* СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.; *Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я.* Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. *Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин.* СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14-20.

³ Приведенный контекст – из «речевого дня»: Русский язык повседневного общения. С. 242-243.

⁴ Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с. (зд. – с. 587).

⁵ Там же.

⁶ Орфография и пунктуация оригинальных текстов сохранены.

⁷ Под *ментальным лексиконом* понимают, как минимум, словарный запас конкретной языковой личности, а как максимум – сложную многоярусную систему пересекающихся полей, представляющих собой упорядоченную по разным основаниям информацию как о явлениях действительности, так и о связанных с ними языковых единицах, сложную сеть взаимосвязей, увязывающую огромное количество знаний в памяти человека (Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 87- 88). Ср. также: «ментальный лексикон определяется не только словарем родного языка говорящего, но и всем его жизненным опытом, всей совокупностью его знаний об окружающей действительности. А значит, этот лексикон принципиально различен у разных людей ивцелом не совпадает со словарем языка» (Богданова Н. В. Слово в словаре и ментальном лексиконе носителя языка // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сборник научных трудов. Часть 4 / Отв. ред. Г. В. Судаков. Вологда: ВГПУ, 2010. С. 7- 13 (зд. – с. 8)).

⁸ Подробнее об *идиоматизации* как об одном из активных процессов русской устной речи см., например; Bogdanova-Beglarian, N. V., Filyasova, Yu. A. Active Processes in Modern Spoken Language (evidence from Russian) // Internet and Modern Society – IMS-2018. SPb., 2018. InPrint. Об идиоматическом потенциале русской разговорной речи см. также: Богданова-Бегларян Н. В. ОТКУДА ЧТО БЕРЕТСЯ: об идиоматическом потенциале русской разговорной речи // XLVII Международная филологическая конференция 19- 28 марта 2018 года. Тезисы докладов. СПб., 2018 [Электронный ресурс].

Liu Dayang

Saint-Petersburg State University, Russia

Molchat' kak Ryba v Piroge/Being Silent Like a Fish in a Pie (One Potential Idiom of Russian Colloquial Speech)

The article is devoted to the expression of *being silent like a fish in a pie* (*molchat' kakryba v piroge*), revealed in the corpus «One Speaker's Day». In order to verify the status, the array of word's meanings and the location of this unit in the mental vocabulary of Russian speakers, we make a linguistic survey which showed this expression is undoubtedly idiomatic and not occasional, but quite stable: it is well known to respondents, it enters into their active vocabulary and is presented in a large number of Russian-speaking social networks.

Keywords: idiom, modification, speech corpus, linguistic survey, identifier word.

Кранотина Т. Г.

ГБОУ ВО МО «Академия социального управления»,

Россия

tgk_phil@mail.ru

Коллоквиалы как прототипы фразеологических единиц

Данная статья посвящена одному из аспектов в изучении процессов образования фразеологизмов, в основе которых лежат речевые прототипы. Автором рассматривается вопрос о роли коллоквиалов в создании фразеологических единиц с точки зрения синхронии. Особое внимание уделяется транспозиции (пересмыслению) переменных сочетаний слов во фразеологические. Таким образом, исследование посвящено описанию “преобразовательного” потенциала языковых единиц разговорного характера в процессе создания фразеологизмов.

Ключевые слова: коллоквиалы, фразеологизация, внутренняя форма, образное основание, транспозиция, речевой прототип.

Когда мы говорим о фразеологических единицах, то неизбежно представляем комбинацию, которая состоит как минимум из двух слов. Причем такая комбинация слов характеризуется прежде всего фиксированностью компонентов, то есть устойчивостью организации такой языковой единицы. Возникает вопрос: как, каким образом происходит фразеологизация синтаксических и семантических связей, возникающих между компонентами фразеологической единицы (далее ФЕ). «Характер взаимоотношений фраземики и словосочетаний определяется фразеологизацией некоммунитивных единиц двух типов. Один из них – фразеологизация словосочетаний, или возникновение фразем из свободных словосочетаний, то есть из связанных подчинительной связью нескольких (обычно двух) знаменательных слов. Например: *дорого заплатить* <...> Второй тип – фразеологизация так называемого сочетания слов. Это могут быть сочетания знаменательных слов, соединенных сочинительной связью: *с бору по нитке* <...> Встречается также фразеологизация сочетаний знаменательных и служебных слов: *ни бельмеса*...»¹.

При этом синтаксические структуры исходного и фразеологического оборотов остаются неизменными, семантическая же структура словосочетания (или сочетания слов) со свободными связями подвергается изменениям. Как известно, специфика фразеологической

семантики состоит прежде всего в переосмыслении компонентов ФЕ. Общеизвестно, что большинство фразеологических единиц восходят к потенциальным фразеологизмам, то есть к оборотам со свободными связями слов. Рассмотрим некоторые способы и средства актуализации потенциальных значений переменных словосочетаний, служащих дериватами для ФЕ, которые проходят разные пути развития, т. к. в их основе лежат разные прототипы. Остановимся на речевых прототипах – устойчивых оборотах, возникающих в речи и обладающих, как правило, прозрачной внутренней формой. При этом заметим, что внутренняя форма фразеологизма тесно связана с его образным основанием, а точнее, с ассоциативно-образным потенциалом. Различное понимание образной основы данной ФЕ может быть обусловлено различным жизненным опытом говорящих индивидов, знанием реальной действительности, возрастными особенностями, социальным положением и т. п.

Приведем некоторые примеры относительного понимания внутренней формы ФЕ. Образная основа фразеологизма *сбоку припека (припеку)* по-разному может восприниматься людьми в зависимости от возраста. Старые люди, очевидно знающие, что такое *припек* (это кусочек теста, припекшийся с боку мучного изделия) (ранее фразеологизм звучал *как с боку припека*) понимают значение фразеологизма как “кто-л. или что-л. не главное, не основное, второстепенное” (главное – это коврига), молодые же люди понимают значение этого фразеологизма как “о ком-л. или о чем-л. ненужном, лишнем” (такое толкование дано и во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А. И. Молоткова²).

Весьма интересным выглядит восстановление первоначального образа фразеологизма *бить баклуши*. Внутренняя форма этого фразеологизма в современном русском языке не выявляется без раскрытия этимологических корней. Этимологии же этого фразеологизма высвечивают его различные образные основы. Наиболее известной является этимология, изложенная В. И. Далем: «*баклуши* – чурки, откалываемые от чурбана, из которых изготовляют деревянные поделки (ложки и т. п.) <...>. *Бить баклуши* – бездельничать, повесничать»³. Раскалывание дерева на чурки, в отличие от изготовления изделий из них, считалось легким делом. Если у человека «рисуется» подобная внутренняя форма ФЕ, то он усматривает в значении фразеологизма оттенок легкой, пустячной работы, *бить баклуши* – это не совсем лодырничать, а делать пустячную работу. Однако есть другие этимологии фразеологизма *бить баклуши*,

которые восстанавливают другие образные основы этой ФЕ. «Баклуша – в средней полосе России это род небольшого озерочка, или попросту большой лужи. Мальчишки бьют палками эти баклуши, брызгая друг на друга водой, или бьют лягушек и т. п. Это занятие у взрослых ассоциируется с ничегонеделанием, с лодырничеством»⁴. Значит, в этом случае *бить баклуши* – “*лодырничать*” и ничего больше. Третье предположение о происхождении ФЕ *бить баклуши* таково: «В народной речи *баклуша* – небольшая (около 25–30 см длиной) чурка для игры в городки, которую сбивали другой деревянной палкой – битой». *Бить баклуши*, следовательно, первоначально значило “*сбивать битой баклуши, то есть небольшие городошные чурки*” <...>, городки именно били, то есть “*выбивали*” из “*города*”, “*кона*” и т. п. другими бабками, чурками или чижами. Такие игры вполне логично считать забавой, развлечением, праздным времяпрепровождением и потому стали символом безделья»⁵. Таким образом, трудно восстановить, от какого именно образа происходит фразеологизм *бить баклуши*: в русском народе существуют различные понимания образной основы этой ФЕ.

Анализируя пути образования ФЕ, необходимо сказать о понятии «транспозиция» (языковая универсалия, которая была выявлена в начале XX в. Ш. Балли). Транспозиция понимается как использование языковых знаков в не свойственных им функциях (в этом случае говорят также о языковых аномалиях). Такой подход к пониманию процесса деривации языковых единиц из переменных (свободных) сочетаний во фразеологически связанные дает возможность проникнуть в суть фразеобразовательных процессов.

Так, предыдущие примеры (*с боку припека / сбоку припеку, бить баклуши*) раскрывают некоторые «секреты» возникновения ФЕ, которые, вполне очевидно, первоначально употреблялись в речи отдельных носителей (носителя) языка, то есть функционировали на уровне речи, а затем – при многообразном их употреблении (тиражировании) – становились фактами языка. Таким образом, повторенные многократно и ставшие достоянием языковой системы, данные единицы стали узуальными ФЕ. В этом отношении Б. А. Ларин уточнял: «Для того чтобы идиома как фрагмент забытого предложения, которому свойственна полная спайка компонентов (семантическая, а часто и грамматическая неразложимость), могла вполне созреть, нужны века»⁶. Далее Б. А. Ларин образно говорит о том, что именно так «кристаллизуется идиоматика языка»⁷.

Так, например, ср.: свободное сочетание *в трубы трубить* (*Ребята в трубы трубят*) и фразеологизм *в трубы трубить* (*Что за секрет, весь околоток в трубы трубит*. А. Н. Островский). Став компонентом фразеологизма, компоненты свободного сочетания (слов) лишаются своего самостоятельного значения; оборот приобретает определенную степень абстракции; внутренняя форма при этом сохраняется.

Итак, мы наблюдаем процесс формирования ФЕ посредством перехода переменного сочетания нефразеологического характера во ФЕ (это так называемая первичная транспозиция). Заметим, что «именно первичная транспозиция является наиболее универсальным процессом, ведущим к образованию большей части ФЕ русского языка – устойчивых образных сочетаний»⁸.

Ярким примером первичной транспозиции может служить «история» фразеологизма ***перемывать кости (косточки) кого, чьи*** – «сплетничать, судачить, злословить о ком-л.». В сознании современного носителя русского языка внутренняя форма данного фразеологизма является «стертой»: трудно представить, что этот оборот когда-то обозначал прямое действие, связанное с древнейшим (языческим) обрядом, требовавшим останки умершего человека после погребения выкопать и в прямом смысле промыть водой или вином, чтобы нераскаявшийся грешник не выходил из могилы в виде упыря, оборотня, вурдалака, вампира и не губил людей, высасывая у них кровь. При этом обряд сопровождался обсуждением характера и поступков умершего. В заключение надо было совершить новый обряд погребения. С забвением обряда (денотата) взаимодействие компонентов переменного сочетания перерастает во взаимодействие метафорического характера⁹.

Все рассмотренные нами ФЕ по своему происхождению являются разговорными, служат речевыми прототипами фразеологизмов – устойчивых образных оборотов. При этом особую роль в их образовании играет внутренняя форма – тот «мостик», который является связующим звеном между денотатом исходного сочетания и денотатом фразеологизма.

Разговорные языковые единицы изучает коллоквиалистика (термин введен Ю. М. Скребневым¹⁰), одной из задач которой является систематизация образцов разговорной речи, сведение их к некоторому набору моделей, к каталогизации их типов на основе доминантных черт. К средствам создания коллоквиальности, наряду с другими, относятся фразеология и паремиология. Следовательно,

можно утверждать, что ФЕ и потенциальные ФЕ (то есть фразеологизированные обороты), по происхождению разговорные, являются коллоквиалами. Причем нельзя не отметить, что путь возникновения ФЕ по принципу первичной транспозиции с использованием речевого прототипа в русском языке – один из самых распространенных (если не самый распространенный), т. к. многие фразеологизмы возникли еще в дописьменную эпоху (например, с возникновением и распространением обрядов, народных обычаев и т. п.). Однако и в современном русском языке мы можем наблюдать примеры первичной транспозиции, то есть переосмысления переменных словосочетаний с использованием речевого прототипа в сочетании с фразеологически связанными значениями компонентов, его составляющих: например, ранее был приведен фразеологизм *в трубы трубить*.

Рассмотрим примеры потенциальных ФЕ, которые еще только находятся «на пути» к фразеологии, и не будем забывать своеобразную формулу Б. А. Ларина о «кристаллизации» идиоматики языка, о том, что «нужны века», чтобы устойчивый оборот стал фразеологизмом.

Так, в современной разговорной речи используются обороты, отчасти ставшие «устойчивыми»: например: *петь под фанеру, срывать крышу, потекла крыша* (то есть голова), *выше крыши, с точностью наоборот, Крымнаш, здесь и сейчас, с места в карьер, перейти за флажки, пролетел как фанера над Парижем, ноу проблем, денег нет, но вы держитесь; природа на дачах отдыхает, стряхнуть лапшу с ушей, горячая точка, лобовая атака, белый и пушистый* и мн. др.

Что интересно, далеко не все подобные коллоквиалы войдут во фразеологическую систему, причем некоторые из них могут стать перифразами, некоторые – мемами (интернет-мемами), использоваться как прецедентные фразы и т.п.

Так, например, в интернет-пространстве все большую популярность приобретают интернет-мемы. Интернет-мем (англ. *Internet meme*) – это вошедшее в употребление в середине первого десятилетия XXI в. в средствах массовой информации и бытовой лексике название явления спонтанного распространения некоторой информации или фразы, часто бессмысленной, спонтанно приобретшей популярность в интернет-среде посредством распространения в Интернете всеми возможными способами (по электронной почте, в мессенджерах, на форумах, в блогах и др.), также сама эта инфор-

мация или фраза. В частности, фраза *Денег нет, но вы держитесь*, по данным Википедии, стала весьма популярным мемом, «выражением 2016 года»¹¹.

В данной статье мы рассмотрели лишь один из способов образования ФЕ на примере транспозиции (переосмысления) переменных сочетаний во фразеологизированные и далее – во фразеологические обороты. При этом учитывался принцип использования речевого прототипа как один из путей образования ФЕ в современном русском языке.

¹ Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремиология. М.: Флинта: Наука. 2009. С 153-154.

² Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л. А. Войнова и др. / под ред. А. И. Молоткова. 7-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2006. С. 391.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Изд-во Тип. М. О. Вольф. 1880. Т. 1. С. 40 [Электронный ресурс] // Руниверс. URL: <https://www.runivers.ru/bookreader/book10117/#page/7/mode/1up> (дата обращения 18.04.2018).

⁴ Телия В. Н. Что такое фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры». М. 1966. С. 32. (Язык. Семиотика. Культура).

⁵ Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова / под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. С. 41.

⁶ Ларин Б. А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 125-129 [Электронный ресурс] // Русский фразеологический портал. URL: <http://philology.ru/linguistics2/larin-77d.htm> (дата обращения: 18.04.2018).

⁷ Там же.

⁸ Шэнбо Ю. Фразеологизация как проблема теоретической дериватологии (на материале русского и китайского языков) [Электронный ресурс] // Известия ВГПУ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/frazemoobrazovanie-kak-problema-teoreticheskoy-derivatologii-na-materiale-russkogo-i-kitayskogo-yazykov> (дата обращения: 18.04.2018).

⁹ См. об этом, например: Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Указ. соч. С. 171-172.

¹⁰ Скрёбнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику / под ред. О. Б. Сиротиной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975. 21 с.

¹¹ См.: Денег нет, но вы держитесь // Википедия. Свободная энциклопедия // [Электронный ресурс]. :URL:

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B3_%D0%BD%D0%B5%D1%82,_%D0%BD%D0%BE_%D0%B2%D1%8B_%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%8C
(дата обращения: 18.04.2018).

Krapotina T. G.

*State budget educational institution of higher education of the Moscow region
«Academy of Social Management»*

Colloquials as Prototypes of Phraseological Units

This article is devoted to one of the aspects in the study of the processes of formation of phraseological units, which are based on speech prototypes. The author considers the question of the role of colloquialisms in the creation of phraseological units from the point of view of synchrony. Particular attention is paid to the transposition (rethinking) of variable combinations of words into phraseological ones. Thus, the study is devoted to the description of «transformative» potential of linguistic units of a conversational nature in the process of creating phraseological units.

Keywords: colloquialisms, phraseology, internal form, image base, transposition, speech prototype.

Юсунова Д. Д.

*Российский государственный гидрометеорологический
университет, Россия
yudeliya@mail.ru*

Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих состояние человека в русском и туркменском языках

В статье рассматриваются фразеологические единицы, служащие для обозначения состояния человека в русском и туркменском языках.

Ключевые слова: типология, фразеологические единицы, состояние человека.

Антропоцентрическая направленность современных исследований, рост межкультурных контактов, свидетельствуют о все возрастающем интересе специалистов к вопросам типологического изучения языков, поскольку такие исследования служат осуществлению практических целей (усовершенствованию методики преподавания неродного языка, устранению интерферентных явлений), способствуют развитию теории и практики перевода и т.д. Среди отечественных исследователей, внёсших большой вклад в разработку проблем сопоставительного изучения языков, можно отметить таких известных ученых, как И.А.Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов, А.В. Фёдоров, А.И. Смирницкий, В.Д. Аракин, В.Н. Ярцева, В.Г. Гак, А.И. Фефилов и др. Выявление сходств и различий между языками независимо от степени их родства характеризует лингвистическую типологию – отрасль общего языкознания, «которая через сравнение языков стремится постичь наиболее общие черты, свойственные языкам (универсалии), и на их фоне выявить специфику данного языка»¹.

Сопоставительная фразеология как самостоятельная дисциплина начала формироваться в конце 60-х годов XX века. Среди новых и практически не изученных направлений можно считать сопоставительные исследования фразеологии славянских и тюркских языков. Их лакунарный характер определяет насущную необходимость и объективную актуальность проводимых исследований.

Углубленное изучение отдельных групп ФЕ, которые выделяются во фразеологической системе языка на основании какого-либо ведущего критерия: семантического, структурного, типологического и т.д., обуславливает развитие фразеологии в значительной мере.

Большое внимание во фразеологии уделяется исследованию ФЕ, выражающих состояние человека. Приобрели широкую известность работы Р. И. Яранцева, Л. И. Степановой, Г.А. Багаутдиновой, И.Г. Торсуевой, Н.А. Лукьяновой, В. И. Шаховского, Н. Б. Швелидзе, А. М. Эмировой, А.Э. Хабибуллиной, Г.В. Миннуллиной, Р. В. Гатиатуллиной.

Сопоставительная фразеология образует особый отдел фразеологической теории, которая использует методы сравнительно-исторического, сопоставительного и структурно-типологического анализа в исследовании фразеологического словарного запаса различных языков, в данном случае анализируются как родственные, так и неродственные языки. Русский и туркменский языки не являются генетически родственными. Русский язык относится к славянской группе индоевропейской семьи языков. Туркменский язык входит в тюркскую семью языков. В лексической системе языка ФЕ заполняют пустоты, которые не могут полностью обеспечить названия познанных человеком новых сторон действительности и во многих случаях являются единственными обозначениями предметов, свойств, процессов, состояний, ситуаций и т.д. Ослабить противоречие между потребностями мышления и ограниченными лексическими ресурсами языка помогает образование фразеологизмов. Если фразеологизмы имеют лексические синонимы, они обычно разнятся в стилистическом отношении.

В результате анализа ФЕ, выражающих состояние человека становится возможным ярче и полнее представить картину мира, понять особенности общественной и духовной жизни народа, его мироощущения, быта, психологии, а также специфику исторического, культурного, экономического развития, природно-географической среды, национального фольклора, обрядов и обычаев данного народа

Согласно статье из «Новой философской энциклопедии»: «Состояние — это совокупность основных параметров и характеристик какого-либо объекта, явления или процесса в определенный момент (или интервал) времени. Бытие этого объекта, явления или процесса выступает как развёртывание, последовательная смена его состояний. Понятие состояния имеет исключительно широкое применение. Так, говорят о газообразном состоянии вещества, о состоянии

движения тела, о болезненном состоянии человека, о состоянии морали в обществе и т.п. »² [1].

Фразеологизмы, выражающие состояние человека в русском и туркменском языках, многочисленны. Они фиксируют проявления внутренней жизни и её внешнее отражение, а также способы реакции организма на воздействие извне. Состояние человека – это универсальная категория, свойственная людям всех национальностей. Изучение фразеологических единиц поможет выявить особенности национальной культуры и восприятия мира русского и туркменского народов. Многие виды состояний связаны друг с другом, и эта связь является настолько тесной, что некоторые из этих состояний очень сложно однозначно классифицировать.

Проанализировав собранный материал, мы разделили фразеологизмы, обозначающие состояние человека на две фразеосемантические группы, которые условно называем «физиологическое состояние» и «психологическое состояние». Однотипность соотношения семантики фразеологических единиц русского и туркменского языков свидетельствует о типологической общности их семантических основ, о наличии общей для определенной группы фразеологизмов модели. Образ же, лежащий в основе фразеологизма, может обладать национальным своеобразием, на основании чего можно заключить, что фразеология представляет собой богатейший источник лингвокультурологических знаний об истории, культуре, традициях, быте, обычаях и нравах любого народа. В каждой из указанных выше групп нами были выделены полные эквиваленты, частичные эквиваленты и безэквивалентные фразеологизмы, которые приводятся ниже:

I. Физиологическое состояние:

1. Полные эквиваленты

валиться с ног – аякдан душмек

едва (еле) на ногах стоять – аякда зордан дурмак

усталый как собака – ит ялы ядан

сна ни в одном глазу – хич бир гозунде укы йок

голодный как волк – можек ялы ач

спать как мертвый – олы ялы уклама

Осмысливание подобных фразеологических единиц не представляет трудностей для обучающихся, поскольку их значения совпадают в русском и туркменском языках, и структурное сходство способствует обоснованной догадке об их семантике. Вместе с тем, сопоставление структурно соотносительных фразеологизмов русского и

туркменского языков (в плане грамматической структуры и оформленности) показывает, что они имеют свои отличительные особенности, связанные со спецификой языка. Так, например, в русском фразеологизме имя прилагательное находится в препозиции, в туркменском – в постпозиции, что соответствует законам каждого языка. А один из наиболее продуктивных типов (глагольные фразеологизмы) позволяет обнаружить важные закономерности, характеризующие грамматический строй сопоставляемых языков. Фразеологизмам русского языка «глагол + имя существительное» в туркменском языке соответствует тип «имя существительное + глагол», Сопоставление компаративных фразеологизмов показывает, что местоположение сравнительного союза *как* в русском языке и его эквивалента *ялы* в туркменском языке также не совпадает, в русском языке союзы занимает препозицию, в туркменском – постпозицию.

2. Частичные эквиваленты

наестся до отвала – бурнуна гелянча иймек
едва (еле) ноги волочить (таскать) – аяк устинде зордан дурмак
до седьмого пота – дерине батмак
на животе блох давить можно – гарны дока бела йок
в чём [только] душа держится – жаньы гыл уссинде
крыша поехала – аклы чашан

II. Психологическое состояние

1. Полные эквиваленты

на душе праздник – говунде байрам
обливаться слезами – гоз яш докмек
не верить своим ушам – оз гулакларына ынанмазлык
не верить своим глазам – оз гозуне ынанмазлык
потерять голову – келлесини йитирмек

2. Частичные эквиваленты

душа (сердце) надрывается/разрывается на части – юрек парам парча болды

кошки скребут на душе (сердце) – ичини ит йыртмак
сердце кровью обливается – юрек ган болмак
плакать в три ручья – гоз яшы дениз болмак
душа в пятки ушла – юреги ярылмак

Безэквивалентные фразеологизмы

надуть губы (губки)
надуться как мышь на крупу
Муза посетила (нашло вдохновение)

Следует отметить, что в обоих языках существует довольно большой класс фразеологизмов, имеющих в своем составе одинаковые компоненты. К ним относится группа соматических фразеологизмов: *валиться с ног – аякдан душмек*.

Таким образом, владение фразеологией русского и родного языков способствует усвоению исторических языковых явлений, особенностей духовной культуры народов, быта, географического материала, всего того, что столь ярко проявляется во фразеологизмах. Слово, его семантика, эмоционально-экспрессивная окраска наиболее полно воспринимаются в устойчивых словосочетаниях. Фразеологические единицы представляют собой микроконтекст, дающий возможность для всесторонней работы над различными значениями и формами слова. Без знания фразеологии языка нельзя сколько-нибудь серьезно говорить о владении языком, о сформированности навыков и умений устной и письменной речи. Изучение русской фразеологии расширяет словарный состав иностранных студентов, что помогает формировать коммуникативную компетенцию. Адекватно подобранный языковой материал повышает мотивацию обучения, так как позволяет раскрыть коммуникативную, экспрессивную и образную функции не только русского, но и родного языка.

¹ Гак В.Г. Сопоставительное изучение языков и лингвистическая типология // Русский язык за рубежом. 1974. № 3. С. 52.

² Новая философская энциклопедия в 4-х томах./Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. М.: Мысль, 2010. Т. 3. 692с.

Yusupova D. D.

Russian State Hydrometeorological University, Russia

Comparative Analysis of Phraseological Units Expressing Human Condition in the Russian and Turkmen Languages

This article discusses the phraseological units used to denote human condition in the Russian and Turkmen languages.

Keywords: typology, phraseological units, human condition.

Степанов Е. Н.

*Одесский национальный университет
имени И. И. Мечникова, Украина
stepanov.odessa@gmail.com*

К вопросу о расширении класса неполных конструкций в русской синтаксической системе

Цель данной статьи – осветить противоречия в понимании категории полноты / неполноты в русском синтаксисе на материале т. н. предикативно-наречных словосочетаний; объектных словосочетаний, выражающих отношения между действием и его объектом; релятивных словосочетаний, выражающих отношения между действием и его качественной, количественной и обстоятельственной характеристиками; а также сравнительных оборотов. С помощью наблюдения, структурного, семантического, функционального и трансформационного анализа изучена грамматическая природа указанных конструкций и установлено их место в русской синтаксической системе.

Ключевые слова: словосочетание, полное и неполное предложения, двусоставное и односоставное предложения, придаточное предложение, сравнительный оборот.

Нарушение сложившейся на сегодняшний день системы русского синтаксиса в части игнорирования категории полноты / неполноты реализации синтаксической структуры нам видится в представлении грамматической природы и места в русской синтаксической системе ряда конструкций, 4 из которых рассмотрены в данной статье.

1. Изучение конструкций, квалифицируемых в некоторых работах как *предикативно-наречные словосочетания*¹, показывает, что этот термин противоречит положению о единственной синтаксической функции предикативного наречия и предикатива (безлично-предикативного слова) как главного члена однокомпонентного (односоставного) безличного предложения². Соблюдение правил, соответствующих структурно-семантическому подходу к изучению синтаксиса, приводит к выводу о том, что конструкции типа *им грустно; жаль его; пора уходить; в квартире убрано; нам не суждено*, вырванные из текста многокомпонентных односоставных безличных предложений типа *После таких разговоров **им** всегда грустно; Всем жаль его; Отсюда давно **пора уходить**; **В** нашей квартире убрано; **Нам не суждено** было узнать об этом* и под., являются не предик-

кативно-наречными словосочетаниями, а неполными односоставными безличными предложениями. Основным доводом в пользу такого решения мы считаем тот, что один из компонентов или всё сочетание представлено здесь главным членом односоставного безличного предложения, имеющего одну из данных структурных схем: *Cop/0 Praed*; *Cop/0 Praed + N₂ / N₄*; *Cop/0 Praed + Inf*. К тому же, безлично-предикативное слово выражает значение объективной модальности (предикативности) как самостоятельно, так и в сочетании с любым количеством распространителей.

2. П. А. Лекант, вступая в противоречие с поддерживаемой им же традиционной точкой зрения на взаимоотношения полного и неполного предложений как вариантов реализации одной структурно-семантической модели с полным составом структурно необходимых компонентов и с пропущенными одним или несколькими компонентами, которые легко восстанавливаются из контекста либо в определённой ситуации ([*И как будто в ту минуту что-то вспомнил генерал.*] **На бойца взглянул душевней...** (А. Твардовский); **Летит!** (об ожидаемом самолёте); **Клюёт!** (о рыбе во время ловли))³, квалифицирует конструкции, содержащие личные формы глаголов, типа *интересуется музыкой*; *посадил дерево* как объектные словосочетания, выражающие отношения «действие – его объект»⁴. Устранение противоречий приводит к выводу о том, что выделенные и в одном, и в другом случаях единицы являются предикативными. Это неполные двусоставные предложения с опущенными, но восстанавливаемыми из контекста субъектами. Напр.: **На бойца генерал взглянул душевней. Самолёт летит! Рыба клюёт! Сын / Я / Ты / Он / ... посадил дерево у ворот. Дочь моего брата / Он / Она / ... интересуется музыкой с детства.** Такие предложения имеют одинаковую структурную схему: $(N_1)V_f$

3. Аналогичные противоречия наблюдаются при квалификации конструкций с личными формами глаголов типа *кричал громко*; *сделает при желании*; *пришёл после обеда*; *бежал несмотря на усталость*; *остановились на отдых*; *много работает* и подобных. П. А. Лекант, описывая типы словосочетаний, приводит эти единицы как примеры *релятивных словосочетаний, выражающих отношения «действие – его качественная, количественная и обстоятельственная характеристика»*⁵. Как и в предыдущем случае, конструкции рассматриваемого типа предикативны. Они являются неполными двусоставными предложениями с опущенными субъектами. Их структурная схема также $(N_1)V_f$. В отличие от односоставных определённо-

личных предложений, субъект и предикат которых выражен синкретично глагольными формами 1-го и 2-го лица настоящего или будущего времени изъявительного наклонения, а также любой формой повелительного наклонения, конструкции с восстанавливаемым из контекста субъектом и предикатом – личным глаголом в форме 3 лица настоящего или будущего времени, в форме прошедшего времени изъявительного наклонения, в форме сослагательного наклонения или инфинитива принято считать двусоставными неполными предложениями. Эта норма зафиксирована тем же П. А. Лекантом, как и ошибочная⁶. Приведём примеры восстановления полноты реализации структурной схемы: **Филин / Я / Ты / Он / кричал громко; Сосед / Он / Она / ... сделает скворечник при желании; Василий / Приказ / Я / Ты / Он / ... пришёл после обеда; Костя / спортсмен / Я / Ты / Он / ... бежал несмотря на усталость; Туристы / Мы / Вы / Они / ... остановились на отдых; Отец / Мать / Он / Она / ... много работает** и под.

В «Кратком справочнике по современному русскому языку» П. А. Лекант приводит конструкцию *иду лесом* как один из примеров релятивного словосочетания. Это противоречит его же систематизации форм главных членов односоставного определённо-личного предложения (1 лицо ед. ч. наст. времени)⁷. *Иду лесом* – вполне достаточная, по законам русского языка, предикативная единица: полное односоставное определённо-личное предложение.

Дело в том, что традиционно в русском языке стержневое слово любого словосочетания, подчиняясь грамматическим законам, может иметь любую из допустимых форм парадигмы. Однако при процедуре сегментации предложения на словосочетания стержневые слова последних представляются в начальной форме. Для глаголов это инфинитив. Значит, *посадил дерево; интересуется музыкой; кричал громко; сделает при желании; пришёл после обеда; бежал несмотря на усталость; остановились на отдых; много работает; иду лесом* – предикативные единицы (предложения); а *посадить дерево; интересоваться музыкой; кричать громко; сделать при желании; прийти после обеда; бежать несмотря на усталость; остановиться на отдых; много работать; идти лесом* вне модально-временного плана следует рассматривать как непредикативные единицы – словосочетания.

4. Исследование *сравнительных оборотов* свидетельствует о том, что традиционный подход к ним как к непредикативным и/или полупредикативным конструкциям, осложняющим структуру

и семантику простого предложения, нуждается в корректировке, а сами сравнительные обороты неоднородны с точки зрения объективной модальности. Авторы работ, посвящённых изучению сравнительных конструкций в русском языке, ориентируются на разные теоретические основания в их квалификации⁸. Основные противоречия заключаются в разных подходах к соотносённости таких конструкций с категориями предикативности / непредикативности и полноты / неполноты реализации структуры. Исходя из практики квалификации разных синтаксических структур, все сравнительные конструкции – непредикативные, полупредикативные и предикативные – следует считать *сравнительными оборотами*. В этом случае сравнительный оборот в аспекте структурно-семантического его понимания является необособленной или обособленной словоформой либо словосочетанием в составе простого предложения и неполной либо полной придаточной частью сложноподчинённого предложения. Сравнительный оборот вводится в состав больших единиц сравнительными союзами для выражения отношений сравнения.

Общепринятым является положение о том, что устойчивые сравнительные обороты, которые не обособляются интонационно и не выделяются на письме запятыми, непредикативны. Это синтаксемы (словоформы) или словосочетания со сравнительными союзами. Они функционируют как необособленные члены предложения. Сравните: *Голос у него был как иерихонская труба*. – [* *Голос у него был сильный*]. Устойчивый сравнительный оборот *как иерихонская труба* занимает позицию именной части составного именного сказуемого. *На мгновение меня обдало точно кипятком* (В. Короленко). *Точно кипятком* – обстоятельство образа действия, распротраняющее простое глагольное сказуемое.

В отношении обособленных сравнительных оборотов мы имеем мнение, отличное от мнений, принятых сегодня. Так, обособленные *сравнительные обороты* мы считаем *полупредикативными конструкциями, осложняющими структуру и семантику простых предложений*, если для восстановления их полной предикативности необходимо использовать обусловленные контекстом новые слова, внося новые значения в конструкцию. Сравните: *А выше – строим иль острым клином, подобно войску, через всё небо перелетает полк журавлей* (А. Майков). – [* *А выше – строим иль острым клином, подобно передвигающемуся войску, через всё небо перелетает полк журавлей*]. Необходимость дополнить сравнительный оборот новыми словами при его трансформации в предикативную единицу свидетельствует

о том, что *подобно войску* здесь полупредикативное обособленное обстоятельство образа действия. *Нет более выгодного, чем Хаджибей, места для береговой гавани* (А. Сурилов). – [** Нет более выгодного, чем занимает Хаджибей, места для береговой гавани*]. Контекст диктует необходимость дополнить оборот при его трансформации в предикативную единицу сказуемым *занимает*. Этого слова либо его синонима нет в осложняемом предложении. Следовательно, в тексте *чем Хаджибей* – обособленное обстоятельство сравнения. Грамматическая семантика сравнительного оборота при восстановлении полной структуры предполагает наличие модально-временного плана, зависящего от предикативного значения осложняемого предложения.

Об обособленных *сравнительных оборотах как неполных предложениях* ещё в XIX в. заявляли представители логико-грамматического направления русского синтаксиса. Сравнительные обороты, интонационно обособленные в устной речи и выделенные на письме запятыми, обладают потенциальной предикативностью, которая восстанавливается из контекста. Они являются контекстуально неполными эллиптическими придаточными предложениями в составе сложноподчинённых предложений, если эти единицы восполняются компонентами основной части, их анафорами и членами словоизменительных парадигм этих компонентов. Такие сравнительные обороты выражают обстоятельственные отношения прямого или опосредованного сравнения. Сравните: *Маленький дом **стоит, как последний маяк**, на краю туманной бездны* (К. Паустовский). – [** Маленький дом **стоит, как стоит последний маяк**, на краю туманной бездны*]. *Я с удовлетворением, **точно исполнил некий очень важный и очень приятный любовный долг**, захлопываю форточку* (В. Катаев). – [** Я с удовлетворением, **точно я исполнил некий очень важный и очень приятный любовный долг**, захлопываю форточку*]. Квалификация сравнительных оборотов здесь как неполных сравнительных придаточных предложений несомненна. Пропущенные в них члены легко восстанавливаются из контекста. В оборотах они опущены, дабы избежать тавтологии.

Наименее проблемными сравнительными конструкциями (оборотами) по процедуре определения их структуры и структуры предложений, в составе которых они функционируют, являются полные придаточные предложения сравнения в составе сложноподчинённых предложений. Напр.: *Можно даже, **рискуя показаться парадоксальным**, сказать, что Пушкин так же боялся счастья, как другие боятся*

горя (А. Ахматова). *Лица у всех были пасмурны, как будто в вагоне потемнело* (А. Серафимович). Исключение составляют предложения, в которых устойчивый необособленный сравнительный оборот имеет структуру предложения. В этом случае сравнительный оборот эмоционально окрашен и является синонимом, как правило, наречия или прилагательного. В коммуникативном аспекте позиция такого оборота указывает на его непредикативную речевую природу. Сравните: *Я едва слушаю, лечу словно с цепи сорвался* (Ф. Достоевский). – [* *Я едва слушаю, лечу стремглав // быстро*].

Таким образом, в современном синтаксисе имеется немало конструкций, интерпретируя которые исследователи не учитывают функционирования в вербальном пространстве дихотомии «полнота / неполнота», которая характеризует любую единицу языка. В синтаксисе наиболее явно данная дихотомия представлена как грамматическая категория в структурно-семантической характеристике простого предложения. Внедрение предлагаемой гипотезы в практику преподавания русского языка как родного и как неродного способствует улучшению логического и системного восприятия целого ряда конструкций синтаксической системы современного русского языка и их более быстрому усвоению.

¹ *Гукова Л. Н.* Синтаксис русского языка в таблицах и схемах. Одесса: Астропринт, 2013. С. 20.

² *Русская грамматика: в 2 т. / ред. Н. Ю. Шведова; Ин-т рус. яз. АН СССР. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 706.*

³ *Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А.* Краткий справочник по современному русскому языку: компактное изложение основных научных сведений ... в соответствии с вузовскими программами для студентов-филологов. 4-е изд., испр. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. С. 317-318.

⁴ Там же. С. 375.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 329-330.

⁷ Там же. С. 329-330.

⁸ *Степанов Е. Н.* Регионализмы как компоненты сравнительных конструкций // *Русский язык в интеркультурном пространстве / ред. Z. Czapiга, A. Stasienko. Rzeszów : Wyd-wo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2016. S. 168–177.*

Stepanov Ie. N.

Odessa I. I. Mechnikov National University (Ukraine)

**On the issue of expanding the class of incomplete constructions
in the Russian syntactic system**

The purpose of this article is to highlight the contradictions in comprehension the category of completeness / incompleteness in the Russian syntax on the material of the so-called predicative-adverb word-combinations; object word-combinations expressing the relationship between the action and its object; relative word-combinations, expressing the relationship between the action and its qualitative, quantitative and adverbial characteristics; and simile constructions. Thanks to observation, structural, semantic, functional and transformational analysis, the grammatical nature of these structures was studied and their state in the Russian syntactic system was set.

Keywords: word-combination, complete and incomplete sentences, binomial and mononuclear sentences, subordinate clause, simile construction.

Цуй Лили
Санкт-Петербургский государственный
университет, Россия
lilicui@mail.ru

**Слово-предложение НЕТ как способ выражения
речевых актов несогласия/согласия/отказа и др.
в русской устной повседневной речи
(на корпусном материале)**

Статья посвящена описанию слова-предложения НЕТ в русском устном дискурсе. Анализ корпусного материала повседневной русской речи «Один речевой день» позволил выявить все варианты соотношения внешнего стимула/речевого акта говорящего (разные типы вопроса или утверждения) и реакции на него слушателя или самого говорящего (речевые акты констатива, повтора, переспроса и др.). Оказалось, что несогласие и отказ – отнюдь не единственные речевые акты, которые в устной речи способны выразить слово НЕТ.

Ключевые слова: русская устная повседневная речь, звуковой корпус, речевой акт несогласия, внутренний стимул, реакция.

Слово НЕТ в большом количестве присутствует в любой устной повседневной речи¹, прежде всего – в качестве основной формы выражения негативной реакции говорящего, хотя прямой ответ НЕТ нарушает сформулированный Дж. Личем *Принцип Вежливости*², согласно которому отказ в просьбе, предложении или желании должен сопровождаться определенным дополнительным текстом, в котором содержится извинение или сожаление с соответствующим обоснованием причин отрицательной реакции. Согласие/несогласие – это волевая реакция говорящего на побуждение его к совершению какого-либо действия и оценка этого действия как полезного или вредного для себя³. На основании значений согласия/несогласия многие исследователи делят их на: 1) согласие-несогласие с мнением; 2) согласие-несогласие в ответ на побуждение к действию; 3) согласие-несогласие в ответ на просьбу о разрешении или на речевой акт (РА), в котором говорящий предлагает выполнить какое-то действие сам⁴. По мнению Е. Р. Добрушиной, к фактам, отличающим согласие/несогласие от верификации, относятся особенности позиционального содержания реплики-стимула: в первом случае

это целенаправленное действие, субъектом которого является говорящий, во втором – любая пропозиция⁵.

Источником материала для настоящего исследования послужил корпус русской устной повседневной речи «Один речевой день», создаваемый на филологическом факультете СПбГУ и представляющий собой наиболее представительный на сегодняшний день лингвистический ресурс для изучения устной речи⁶. Конкретным материалом для анализа стал созданный автором пользовательский подкорпус: 382 контекста со словом-предложением НЕТ, расшифровки 89 макроэпизодов, записанных от 24 информантов и их коммуникантов, 26 часов звучания, 257 639 словоупотреблений.

На первом этапе анализа были описаны все контексты с непартикулярным НЕТ (НЕТ в роли не-частицы)⁷, а затем выявлены и квалифицированы все типы соотношения внешнего стимула (РА говорящего) и реакции на него (РА слушателя или самого говорящего), когда непартикулярное НЕТ выступает как слово-предложение.

Отрицательными *словами-предложениями* в русской грамматике считаются такие высказывания, которые являются отрицательным ответом на заданный вопрос, или выражают несогласие говорящего с чьим-либо высказыванием (либо с высказыванием самого говорящего), следуя за повествовательным предложением и отрицая то, что в нем утверждается⁸. В статье рассматривается ряд типичных внешних стимулов/РА говорящего (вопрос, приглашение, просьба, утверждение и т. д., вплоть до отсутствия всякого стимула) и реакции/РА слушателя или самого говорящего (согласие, несогласие, возражение, запрещение, опровержение, отказ, неодобрение и т. д.). Рассмотрим все эти разновидности более подробно.

1. Типы внешнего стимула/речевого акта говорящего

Чаще всего (53,4 % от общего количества выявленных внешних стимулов/РА) это были различные **вопросы** (в контекстах подчеркнуты), на которые слушатель дает отрицательный ответ:

- обычный вопрос:

1) не пробовал читать «Над пропастью во ржи»\$ в оригинале?

*П # **не-ет** (И02 # НЖ)⁹;

2) у тебя / серьёзные проблемы с этим есть / или просто то / что ты бегал и всё ? *П # **да нет** (И15#М2);

Из примера (2) видно, что иногда слово-предложение НЕТ в рассматриваемой функции выступает в сочетании с частицей, образуя разговорную коллокацию *да нет*¹⁰ (см. также пример (9) ниже).

- вопрос-просьба как косвенный речевой акт просьбы:

1) *Серёг% / у тебя сигареты не будет? *П # нет *П нигде* (И15 # НМ1);

• вопрос-предложение:

2) *Хомочка% / а может быть ты хочешь поиграть в конструктор? # нет* (И04# Р01);

• вопрос + приказ:

3) *какой фонтан? Хомяи% / слезай! *П купаться идёшь или нет? *П если нет / то отправляйся в постель / уже поздно // # **нет** / *П сейчас буду ... (И04#Р1).*

• вопрос-рефлексив¹¹ после некоторого утверждения:

4) *я только что у неё был / она отказалась мне () ксерокопировать // *П # сказала я занята / да ? # нет / она сказала что у меня одного Коли хватает / но думаю что она имела в виду не тебя* (И28 # М3);

5) *а ! то есть ты эту коробку не по... не попрёшь / да ? # коробку / нет // она мне *Н* (И38 # М1).

Достаточно много встретилось и стимулов-**утверждений** (33 %), на которые слушатель отвечает словом-предложением НЕТ, чтобы выразить несогласие:

1) *всё равно его не забрать / печати нету // # (э-э) нет / там забрать можно / паспорт только нужен / # нет // печать // # на почте же // # **нет** // # не ? *П я думала как обычное извещение / # нет // обязательно печать организации (Ж2#И65#Ж1).*

В данном контексте (8) можно видеть троекратный обмен репликами, в которых каждый раз на некое утверждение собеседника следует несогласие, выраженное словом НЕТ. При этом самое первое НЕТ ((э-э) *нет*) в предложенном аспекте не рассматривается, так как является частицей, а не словом-предложением¹².

Часто говорящий реагирует несогласием на **собственное утверждение**, после чего исправляется или начинает другую тему:

1) *ну где-то напротив *Н (вздыхает) как я понимаю живёт / # *Н да нет // в Москве *Н // # времени никак нету // там просто () так получилось мне дали я сначала в Домодедово жил* (И16 # НМ).

Встретились и контексты с РА несогласия, выраженным словом НЕТ, при **отсутствии внешнего стимула** и присутствии, видимо, какого-то внутреннего (говорящий фактически ведет диалог с самой собой):

1) *вон мышь // # пихни её // *П ну её (...) воткнуть / и больше ... а ты ещё блуузную // *П а / нет / нормальную // ну да / **нет***

// это *Н *В bluetooth / это(:) ... радио / у него всё есть / и вай-фай и bluetooth (M1 # I38).

Были и стимулы-просьбы:

1) сейчас я дам чемо... // у меня вот / к... () длинный провод есть / я покажу и () одну секундочку // давай сначала одно / () Лёничка% сначала // # нет / у тебя там с дамами что-то надо улаживать / улаживай ? # да **нет** ничего не надо (M1 # I38).

1. Типы реакции/речевые акты слушателя или самого говорящего

На основе вышеописанных внешних стимулов/РА говорящего анализировались также некоторые типичные реакции/РА слушателя или самого говорящего.

Самым частотным (81,4 %) ответным речевым актом вполне ожидаемо оказался репрезентатив/**оценочное несогласие**¹³, которое слушатель выражает словом-предложением НЕТ:

1) вот (и) красный квадрат // # да / который менялся // # по цвету ? # **н ... нет** / он развезжался по-разному / вот так (И45 # Ж1);

2) и уедешь ? *П # **нет** мне нужно это самое ... (И67#М8);

3) будет (...) лысы точить про нас / нам это надо ? # **нет(?)** / это же не то (И67# Ж4);

4) ну а если тебе объективно / ну никак ? # *Н идти // # **но если** совсем объективно / **то нет** // но там если *Н // или что ? (И27 # НЖ # НЖ1).

В примере (15) несогласие выражено словом НЕТ в составе грамматической конструкции *если..., то нет*.

В следующих контекстах отрицательную реакцию говорящего на собственное утверждение можно считать обычным репрезентативом, или **констативом**:

1) ну очень просто дело в том что / как бы вот обычно вот / *П вот настолько этим не хвастаются / если в самом деле так // *П # да вот // не знаю / *П я этим туфлям прямо не знаю // такое впечатление что я стала этим хвастаться // **нет** / мне кажется что **нет** (И27#НЖ); ПЕРВОЕ НЕТ – ЧАСТИЦА, СНЯЛА ВЫДЕЛЕНИЕ.

2) и человек просит скидку // *П можно / опять же обратиться / *П спросить // вы () не говорите что (...) обязательно вам будем там со второй покупки скидка / **нет** // ничего такого подобного // но если он вдруг просит (И19).

В контекстах (18)-(19) можно видеть репрезентатив/оценочное несогласие как РА **отказа**(4,7 %).

1) *это шампанское / вкусно ? *П # (э-э) вкусно ! *П # ещё хочешь ? # **нет** // # а почему ? *П # боюсь*(Ж01#Ж04 # (И04));

2) *Хомочка% / а может быть ты хочешь поиграть в конструктор ? # **нет***(И04# P01).

Интересный тип ответных РА составляет группа контекстов, в которых слово-предложение НЕТ выражает репрезентативное оценочное **согласие**. Обычно это происходит, когда внешний стимул содержит отрицательное слово или значение (нужные единицы подчеркнуты). Таких контекстов в материале исследования оказалось 4,1 %, ср.:

1) *как нет ? вообще нет ? # так **нет** / частично *С (Ж1 # И21);*

2) *ну больше ничего здесь не надо ? *П # **нет**(:) / всё / с...справку форму семь девять я ещё (...) когда ? во вторник брал*(Ж02#И07);

3) *не пишет ? # **нет***(И07#Ж1);

4) *кто его з... кроме Бондаренко никто это не *Н ? # **нет** *П / не имеет / никто не имеет права / даже заместитель* (И07#Ж1);

5) *пальцы / *П пальцы не мёрзнут ? # **нет** / как-то () по... по... по себе(:) не мёрзнут / но(:) иногда бывают такие как будто бы (...) миллион иголок (...) резко в них ...*(Ж1 # И07).

Ответом на некоторое утверждение говорящего может стать также **экспрессивный риторический вопрос-коллокация**, включающий слово НЕТ (0,5 %):

1) *вот образ смиренной рубашки // @ ну и что / где же это образ ? это... @ **почему нет** ? # скрути / пожалуйста / вот эту штучку / и это чт...* (Ж1#И45)

Встретились и еще некоторые разновидности ответных РА: повтор реплики собеседника (0,3 %), переспрос (0,3 %), несогласие-запрет (0,3 %) и ряд др.

Подводя итог проведенному анализу важно отметить, что несогласие и отказ – это отнюдь не единственные речевые акты, которые в устной речи способно выразить слово-предложение НЕТ. Ему «под силу» даже позитивный речевой акт согласия. Естественность последней ситуации была проверена в ходе небольшого лингвистического опроса, в котором приняли участие 92 носителя языка, специалиста-филолога. Респондентам предлагалось ответить ДА или НЕТ на вопрос, построенный в отрицательной форме: *Ты не пойдешь туда?* – ДА, *не пойду* или *НЕТ, не пойду*. Оказалось, что подавля-

ющее большинство испытуемых (87 %) обоего пола и любого возраста выбрали для выражения согласия форму со словом НЕТ.

Думается, что анализ функционирования слова НЕТ в устной речи может выявить еще много интересного и пока на русском материале не описанного.

¹ По данным анализа материалов корпуса «Один речевой день», слово *нет* имеет высокий 32-й ранг в частотном словнике, на его долю приходится 0,47 % всех словоупотреблений в корпусе (см.: *Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография* / Науч. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян*. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

² *Leech, G. N. Principles of Pragmatics*. London, New York: Longman, 1983. 250 p.

³ *Михайлова Е. А.* Многокомпонентные реплики-частицы, выражающие согласие, несогласие и верификацию в русской диалогической речи. Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999. 169 с. (машинопись).

⁴ *Галактионова И. В.* Средства выражения согласия/несогласия в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 16 с.

⁵ *Добрушина Е. Р.* Верификация в современной русской диалогической речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 20 с.

⁶ См. о нем подробнее: *Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // *Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2* / Под ред. *Д. Шумска, К. Озга*. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2015. С. 357–372; *Русский язык повседневного общения...; Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю.* Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // *Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара* / Под ред. *Д. А. Кочарова, П. А. Скрелина*. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.

⁷ *Цуй Лили.* Непартикулярное слово *нет* в устной повседневной речи: функционально-семантическая характеристика // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, 2018. Т. 10. № 1. С. 14–26.

⁸ *Грамматика русского языка* / Под ред. *В. В. Виноградова, Е. С. Истрина*. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2. Ч. 2. С. 83–85.

⁹ Приведенный контекст – из «речевого дня» информанта И02, который в данном случае общается с неизвестной женщиной НЖ. Знак # означает мену говорящих. Другие знаки расшифровки см. в: *Русский язык повседневного общения... С. 242–243.*

¹⁰ Под *коллокацией* в лингвистике понимается неоднословная, устойчивая и регулярно встречающаяся языковая единица, см., например: *Firth, J. R. Papers in Linguistics, 1934-1951. Oxford University Press, 1957. 233 p.; Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с. (зд. – с. 193); Захаров В. П., Хохлова М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 9 (16), 2010. С. 136-143 (зд. – с. 138).*

¹¹ Подробнее о *рефлексивах* в устной спонтанной речи см.: *Богданова-Бегларян Н. В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова, № 3, 2015. С. 11-17.*

¹² О критериях разграничения в материале исследования (очень диффузном и плохо поддающемся однозначной трактовке) НЕТ-частицы (партикулярного НЕТ) и НЕТ как слова-предложения (непартикулярного НЕТ) см. подробнее: *Цуй Лили. Указ. соч.*

¹³ Подробнее о классификации речевых актов см., например: *Боргер Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 21 с.; Еришова Н. Б. Особенности функционирования речевых актов негативной реакции // Социально-экономические явления и процессы. 2011, № 5-6. С. 296-299.*

Cui Lili

Saint-Petersburg State University, Russia

The Word-Sentence NET as a Way of Expressing Speech Acts of Disagreement/Agreement/Refusal, etc. in Russian Everyday Speech (Based on Corpus Material)

The report is devoted to the study of the word-sentence NET, which in Russian oral everyday speech is capable, in addition to the expected disagreement, to express refusal and some other speech acts. The report considers the possibility for the word-sentence NET to serve as a way of expressing speech acts in the Russian language. The study reveals the ratio of the speaker's external stimulus and the response of the listener. The study showed that disagreement is not the only one speech acts that can be express by the word NET in oral speech.

Keywords: Russian oral everyday speech, speech corpus, speech act of disagreement, internal stimulus, reaction.

Орос Арпад*Будапештский Экономический Университет**orosz.arpad@uni-bge.hu*

О статусе страдательного залога в севернорусском диалекте

В севернорусском диалекте, как и в разных языках, распространённых на берегу Балтийского моря, диатезные отношения недостаточно разграничены. Конструкции типа *У отца сдоено корову* свидетельствуют о том, что существуют ограничения на то, слова с какими значениями могут выступать в функции подлежащего. Проблематику возможно исследовать с точки зрения как ареального языкознания, так и культурологии.

Ключевые слова: ареальная лингвистика, пассив, подлежащее, винительный падеж.

Подлежащее как категория синтаксическая и субъект как категория семантическая, как правило, совпадают в конструкциях и предложениях действительного залога. Субъект определяется как производитель действия. Однако на некоторых стадиях развития языка и также в некоторых экзотических языках перед нами тенденция к избеганию употребления подлежащего. Например, в предложениях *Лодку унесло водой, Крышу сорвало ветром, Корову раздавило танком*, производитель действия не является лицом, поэтому не способен контролировать ситуацию (Klaiman 1988, 1991)^{1, 2} и стоит в падеже, отличающемся от именительного. Иными словами, отсутствуют качества морфологического кодирования, подлежащего (Keenan 1976)³. В это же время объект действия находится в винительном падеже. В корейском языке референт подлежащего предложения должен быть способным контролировать событие или состояние, описываемое предложением хотя бы в такой мере, как любая другая часть предложения. Поэтому в предложениях со значениями 'Собака укусила мальчика' или 'Человек беспокоится из-за нехватки времени' в данном языке слова со значениями 'собака' и 'время' никак не могут выступать в функции подлежащего. Если корейский язык находится на одном конце спектра, то на другом мы видим, например, английский язык. В данном языке в предложении со значением, например, 'Миллионы умирают от рака ежегодно' слово со значением 'рак' выступает как подлежащее. По-видимому, литературный

русский язык расположен между двумя концами спектра. Не вызывает сомнения, что для формирования страдательных структур подлежащее как самостоятельное и довольно отвлеченное грамматическое понятие, независимое от понятия субъекта или агенса как понятия семантического, должно выделяться в самостоятельную категорию.

В русской и международной литературе особое внимание уделяется севернорусскому диалекту, который трактуется как один из языков, распространенных на берегу Балтийского моря. Хотя Храковский (1974)⁴ анализирует и сравнивает конструкции литературного русского языка и упомянутого диалекта как конструкции одного и того же языка, этот подход, на основании значительного количества грамматических различий, представляется менее приемлемым. Изучая пассивные конструкции упомянутого диалекта русского языка, исследователь должен сделать вывод, что в данном диалекте, как и в других языках ареала, характерно употребление структур, в которых диатезные отношения недостаточно разграничены. Иначе говоря, ни субъект, ни объект не выступает в падеже, характерном для типичного подлежащего или дополнения в литературном русском языке или в других языках европейского континента. В то время как причастия на *-н/-т* однозначно толкуются в литературном русском языке как страдательные, данная характеристика может показаться менее убедительной в отношении севернорусских говоров. Кузьмина и Немченко (1971)⁵ приводят довольно большое количество примеров из разных севернорусских говоров:

(1) *У нее сварено каша*; (2) *У неё сварено кашу, У батьки у твоего сажено березку, У меня было подзаработано стажу* (Кузьмина–Немченко 1971, 65); (3) *Редко какая ночь и спана, (мы) не спаты ночь* (там же, 26); (4) *У их приехано гостей* (там же, 18); *Мною ежжено* (Храковский 1974, 15). Последний тип является красноречивым доказательством того факта, что недостаточное разграничение диатезных отношений означает и возможность пассивизации непереходных глаголов (Орос 2017)⁶.

Исследователи пытаются объяснить вышеизложенное явление по-разному. По мнению Jung (2007, 137)⁷, носители севернорусского диалекта начали использовать страдательное причастие прошедшего времени с перфектным значением и в случае действительных структур после того, как система категории времени глаголов подверглась упрощению и единственным способом выражения прошедшего времени остались глагольные формы на *л*. Таким образом, перфект-

ное значение заслонило залоговое значение в данном диалекте. Однако это может объяснить развитие страдательных структур лишь в славянских языках. Группа ученых, например, Holvoet (2001, 374)⁸, придерживается такого мнения, что притяжательная структура (предлог *y* и имя в родительном падеже), наличествующая и в вышеприведенных предложениях (1) и (2) севернорусского диалекта и в латышском, и эстонском языках (там же), указывала на настоящую притяжательность, точно так, как и предложения с перфектным значением в английском языке, и такие предложения с переходными глаголами в немецком и французском языках первоначально выражали притяжательность, а потом структура, состоящая из вспомогательного глагола *have, haben, avoir* соответственно и причастной формы глагола, постепенно приобрела перфектное значение. Согласно данной гипотезе, все это произошло под влиянием северногерманских, т.е. скандинавских языков в начале средних веков. Однако Seržant (2012, 374–377)⁹ подвергает эту гипотезу сомнению. Главной причиной этого сомнения является наличие структур со страдательным причастием от непереходных глаголов. Как будет изложено ниже, мы согласны с этим сомнением насчет влияния скандинавских языков на севернорусские говоры, однако не исключаем влияния какого-нибудь другого языка на языки данного региона.

Как следует из подхода, изложенного в работе Jung (2007), цитированной выше, бытует довольно распространенное мнение, согласно которому вышеприведенные предложения севернорусского диалекта (1) и особенно (2) стоят ближе к активу, чем к пассиву, а конструкция *y* и имя в родительном падеже представляет собой подлежащее. (В отличие от этого мнения, Кузьмина и Немченко считают (1971, 18), что данная конструкция не входит в предикативную основу предложения). Seržant (2012) в своей работе описывает индивидуальные этапы данного языкового процесса. На первом этапе развития, когда конструкция обладала чисто стательным значением и говорилось о результате (Недялков–Яхонтов, 1983)¹⁰, причастие на *-н/-т* являлось одновалентным, поскольку результативное значение никак не совместимо с производителем действия. Потом, на следующей стадии развития, когда конструкция приобрела перфектное значение и выделилось и значение, или скорее, истолкование акциональное, наряду со стательным, производитель действия выдвинулся на передний план, так как в случае перфекта мыслится уже не только результат действия или процесса, а также само предшествующее действие. Как нами было отмечено раньше (Орос

2017, 273 и 2012, 811)¹¹, и как это вытекает из упомянутого труда Seržant (2012), говорить о страдательном значении как таковом, как о его акциональном, так и о его статальном истолковании, невозможно было до появления акционального истолкования. И так, в случае севернорусского диалекта, когда производитель действия, т.е. субъект выдвинулся на передний план в сложившемся перфектном значении и появилось акциональное истолкование пассива, носители этих языков не были способны отделить понятия субъекта и подлежащего с одной стороны и, если посмотреть на примеры (2), понятия объекта и прямого дополнения с другой. Это связано с тем, о чем уже писалось в начале настоящей статьи, что языки, и, как видим, также диалекты отдельных языков, выдвигают разные требования к тому, слова с каким семантическим значением могут выступать в функции подлежащего. Иначе говоря, языки обладают своим «онтологическим оформлением» подлежащего. Seržant приводит примеры, свидетельствующие о последнем этапе развития, происходящем в настоящее время, на наших глазах, в другой работе (2013, 297)¹²: подлежащее в родительном падеже, сочетающееся с предлогом *у* может выступать и – очевидно при наличии определенных прагматических критериев – в именительном падеже, являющемся характерным и типичным для подлежащего вообще. Это встречается в разговорном варианте севернорусского диалекта. Наряду с конструкцией (2) *У него армию не отслужено*, в трактуемом диалекте находим: (5) *А он – еще армию не отслужено*.

На наш взгляд, имеются еще два аспекта излагаемой проблематики, которые нуждаются в детальном и как можно более исчерпывающем разъяснении. В специальной литературе пишется меньше касательно норвежского языка. Правда, в этом языке, как и в германских языках вообще, падежи имен существительных и прилагательных не маркируются при помощи эксплицитных суффиксов, а связанный порядок слов, в частности, синтаксическая позиция объекта, а именно, что он находится за глаголом, указывает и на его синтаксическую функцию (Орос 2017, 272):

(6) *Det ble skutt en ulv* (Wagener, 2001)¹³

плеонастическое местоимение связка PRAET стрелять
PART.PRAET>PASS неопр. артикль волк SG.ACC

'Волк (был) застрелен.'

Итак, страдательное причастие прошедшего времени сочетается со словом в (абстрактном) винительном падеже. Норвежский язык сходится в этом отношении с севернорусским диалектом (2).

С другой стороны, заслуживает внимания и вопрос о культурных, точнее, мировоззренческих различиях между носителями языков и языковых групп, легших в основу грамматических различий, в частности, различных требований к подлежащему как грамматической категории. Вопрос о том, в какой мере референт подлежащего должен быть способен контролировать ход событий или состояние, говорит и о мышлении носителей языка или диалекта.

Если посмотреть на карту, то видно, что страны, где живут носители языков, упомянутых на первой странице статьи, расположены вдоль мыслимой линии с востока на запад, а Россия находится между Кореей и Англией. Однако возможно также думать о регионе, расположенном на берегу Балтийского моря, как о месте на оси, проходящей с севера на юг. Ведь севернорусский диалект отличается от литературного русского языка и тем, что его носители живут севернее от центра России. Это важно тем, что, хотя конструкция, состоящая из причастия на *-н/-т* и прямого дополнения в (эксплицитном или имплицитном) винительном падеже сама по себе не является архаизмом, но «склонность» языка или диалекта к тому, что объект продолжает стоять в винительном падеже, а субъект вновь приобретает синтаксическую функцию подлежащего, и в итоге находится в именительном падеже, как в (5), может отражать архаичное мышление носителей языка. Северные части Европы, где плотность населения намного ниже, чем на юге континента, оказались способными сохранить большее количество архаичных языковых и, может быть, других явлений, чем густонаселенные регионы. Таким образом возникает вопрос о возможности существования древнего народа или древней группы народов, язык которого или которой оказал влияние на славянские, германские и финно-угорские языки, в силу чего они теперь отличаются от других языков Европы.

¹ *Klaiman M.H.* Affectedness and control: a typology of voice systems // ed. by M. Shibatani, *Passive and Voice* Amsterdam/Philadelphia, 1988, 25 – 83.

² *Klaiman M.H.* *Grammatical Voice*. Cambridge University Press, 323 p 1991.

³ *Keenan E.L.*, Towards a universal definition of ‘Subject’. In: Li, C.N. (Ed.), *Subject and Topic*. Academic Press, New York, 1976. 303–333.

⁴ *Храковский, В.С.* Пассивные конструкции. // *Типология пассивных конструкций: Диатезы и залог*. Л., Наука. 1974, СС. 5 – 45.

⁵ *И.Е. Кузьмина, Е.В. Немченко* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М. с. 311. 1971

⁶ *Oros A.* Ареальные вопросы страдательного залога в языках Северной Европы и в севернорусском диалекте // Вестник Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания № 31 Будапешт. 2017.

⁷ *Jung H.*, Internally conditioned language change: the development of the North Russian -no/-to perfect. *Russian Linguistics* 31, 2007. 137–156.

⁸ *Holvoet A.*, Impersonals and passives in Baltic and Fennic. //: Dahl, OË., Koptevskaja-Tamm, M. (Eds.), *The Circum-Baltic Languages: An Areal-Typological Approach. Volume 2: Grammar and Typology.* 2001. 363–390.

⁹ *Seržant, I.A.* The So-called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic rea. A diachronic and areal account. *Lingua* 122, 2012. 356–385.

¹⁰ *Недялков, В.П.–Яхонтов, С.Е.* Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций Под ред. В.П. Недялкова Л., Наука. 1983, 7 – 35.

¹¹ *Orosz Á.* A szenvedő szerkezetek kialakulásáról. Összhangban a gondolkodás változásával [О формировании страдательных конструкций. В взаимосвязи с изменением мышления] // *Élet és tudomány* [Жизнь и наука]. 2012 № 26. СС. 809-811.

¹² *Seržant I.A.* Rise of Canonical Subjecthood//: Seržant, I.A., Kulikov L. (Eds.) *The Diachronic Typology of Non-Canonical Subjects.* Language Companion Series 140. 2013. 283–310.

¹³ *Terje Wagener* – Устное сообщение, 2001.

Orosz Árpád

Budapest Business Scholl, Hungary

About the Status of the Passive Voice in the North Russian Dialect

In the North Russian dialect, just as in different Circum-Baltic languages, the diathesis relationships are not sufficiently distinguished or elaborated. Structures like *У отца сдоено корову* show that there are restrictions as to words with what meaning can function as subjects of a sentence. The issue can be approached from the perspectives of both areal linguistics and cultural studies.

Keywords: areal linguistics, passive voice, subject, accusative case.

Арефьева Н. Г.

*Одесский национальный университет
имени И. И. Мечникова, Украина
n.arefjeva@onu.edu.ua*

Лингвокультурное пространство носителей русских говоров Одесщины (на материале фразеологии)

Статья посвящена фразеологии русских говоров Одесщины как важнейшему лингвокультурному коду, в котором зашифрована информация о культуре, быте, архаичных представлениях и духовных ценностях диалектоносителей. Исследование носит междисциплинарный характер и находится на стыке лингвокультурологии, лингво-семиотики, диалектологии и этнолингвистики.

Ключевые слова: русские говоры Одесщины, фразеологизм, лингвокультурный код, культурный символ.

Русские островные говоры Одесской области, оторванные от основного языкового массива, длительное время находящиеся в полилингвальном и поликультурном окружении, представляют собой ценнейший кладезь лингвокультурной информации, которую во многом отражает обширный и разнообразный фразеологический материал, транслирующий важную культурную информацию и который в настоящем исследовании мы предлагаем рассматривать сквозь призму лингвокультурных кодов как «глубинных культурных пространств», в которых «разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код»¹. Выделенные коды помогают, на наш взгляд, не только структурировать диалектную картину мира, но и раскрывают древнейшие представления о мире, важнейшие культурные символы, тем самым реконструируя лингвокультурное пространство носителей говоров как органичную часть единого национального культурного пространства. На обширном фразеологическом материале нами были выделены следующие лингвокультурные коды (указываем в порядке убывания их репрезентативности): **хозяйственный** (*способное хозяйство 'подсобное хозяйство', работать под сапой 'разрыхлять почву, выталывать сорняки небольшой мотыгой, сапкой'*); **социальный** (*тряпичное радио 'болтун, болтунья', жить толсто 'зажиточно, хорошо, богато'*); **флористический** (*полевая роза 'мальва', красные баклажаны 'помидоры'*); **соматический** (*потерять ноги 'получить*

болезнь ног', порожняя голова 'глупый человек'); **анималистический** (показывать горобцам дули 'бездельничать', дивьи патки 'дикие гуси'); **свадебный** (делать / сделать пропой 'обряд, суть которого заключается в сговоре невесты с женихом и его родителями перед свадьбой; обряд сватанья невесты, завершающийся выпивкой', старшая подруга 'главная подруга невесты на свадьбе'); **гендерный** (у приймах (жить) 'жить в доме жены', старая девка 'старая дева'); **природный** (вечерняя звёздочка (вечёрняя зарничка) 'планета Венера', маловный дождь 'непродолжительный дождь'); **бытовой** (порожний дом 'неуютный дом', тыр да ёр 'беспорядок'); **предметный** (цыганские ложки 'большие деревянные ложки', весёлая лавка 'скамейка у окна на улице'); **гастрономический** (белый борщ 'борщ, заправленный сметаной и яйцами', нольная мука 'мука высшего сорта'); **временной** (белый день 'время до захода солнца', по сёдни 'по сей день'); **пространственный** (с-под споду 'снизу', тиди-води 'здесь, там'); **духовный** (бог-бог 'о большом количестве чего-либо', дашь-на-дашь '1) поровну; 2) взаймы'); **космогонический** (покласть зло на кого-либо 'обозлиться', у трахтарары 'сквозь землю, в преисподнюю'); **интеллектуальный** (сшибеть с толку 'сбить с толку', старину составить 'написать о старине, восстановить старину'); **семейный** (двойные дети 'сводные дети', природная сестра 'двоюродная сестра'); **транспортный** (тянуть на тяголу 'перемещать лодку против течения', тихий поезд 'пассажирский'); **антропонимический** (Ванька-встанька 'божья коровка', Ваня-рутюто 'божья коровка'); **ландшафтный** (в гору крычать 'петь высоким голосом'); **эмоциональный** (в горячках 'сгоряча').

По нашим наблюдениям, в каждом из вышеперечисленных кодов зашифрована важная культурная информация о быте, хозяйственной деятельности, климатических условиях, обычаях и обрядах, архаических представлениях русских переселенцев. Так, к примеру, наполнением хозяйственного лингвокультурного кода – кода наиболее репрезентативного – являются фразеологизмы, раскрывающие особенности хозяйственной деятельности диалектоносителей, заключающиеся прежде всего в земледелии, например: *город делать* 'обрабатывать огород': *У нас римесил нет, мы фсе гароды делаим* (Ст. Некр.)². Этот важнейший фрагмент лингвокультурного пространства носителей говоров эксплицитно и имплицитно представлен многочисленными устойчивыми сочетаниями и иллюстрациями к ним. Земля здесь предстаёт в качестве культурного символа, не только регионального, но и общенационального. Лексема *земля*, как правило, сопровождается позитивно окрашенными лексемами

родимая, улаживать и другими. Ср.: *родимая земля 'урожайная земля': Чирназём – эта хорошая зимля, радимая зимля (Вас.)³; улаживать/уладить землю 'распахать, разрыхлить, обработать землю': Пришло время уладить землю (Вилк.) Вясной землю улажывали (Вилк.)⁴. В русских говорах Одесщины *земь* в первом значении – 'обрабатываемая земля': *На зими ентай скольки ни сади, фсягда уражай даёть (Прив.). Земь-та мать кормилица наша (Б. Пл.)⁵. Ср. также общенациональное представление о земле-кормилице. Необработанная земля или участок земли негативно оценивается в народном сознании: *стоять дичиной 'о необработанном, заброшенном участке земли, поле': Степь тую работают, а тая дичиной стаит⁶ (Ст. Некр.).***

С земледелием связаны и многочисленные фразеологизмы с ключевыми словами *лопата, вилы, плуги* другими, например: *вилы трёхрожковые 'вилы с тремя зубьями (рожками)': Трёхрашковьи вилы – эта трёхзупчатьи вилы. Вилы трёхрашковьи для сена, для саломы (Возн.). У нас вилы чащи фсиво бувають трёхпашковьи (Ст. Некр.)⁷.*

Земледельческая деятельность русских переселенцев так или иначе представлена во многих фразеологизмах, и здесь можно говорить о пересечении кодов. Как справедливо отмечает Е. А. Селиванова, говоря о достаточно зыбкой границе между культурными кодами, «одним из механизмов такого взаимного проникновения является переинтерпретация кодов на основе онтологической концептуальной метафоры – представление одной кодовой системы обозначений знаками другой (перевод наш – Н. А.)»⁸. Так, например, в русских островных говорах Одесщины код хозяйственный может пересекаться с природным, предметным, анималистическим, флористическим и другими. Ср., например, некоторые фразеологизмы и иллюстрации к ним: *спокойный дождь 'тихий дождь': Спокойный дождь – тихий, без ветра, самый хороший для уражаю (Введ.)⁹; маловный дождь 'непродолжительный дождь': Маловний дождь прайдёт и можна снова у поле итти (Рус. Ив.)¹⁰; *цыбуля-сошка 'семенной лук': Цыбуля-сошка расте маленькая-маленькая – на высатку (Возн.)¹¹.**

Чрезвычайно важны также были для русских переселенцев такие виды хозяйственной деятельности, как скотоводство, рыболовство, пчеловодство, что и фиксирует обширный фразеологический материал. Ср., например, соответственно: *табунское поле 'выгон': Табунское поле у нас очинь бальшое, фсех каней там пасём (Б. Пл.)¹²;*

тягловый невод 'разновидность невода': Фсем давали нивада – и ставня, и тяглавя (Троиц.)¹³; ульный домик 'улей': Ульнии домик и диржали (Ст. Некр.)¹⁴.

Важнейшим символом лингвокультурного пространства носителей русских говоров юга Украины является *степь*, отражающая характерные природные особенности региона и находящаяся на пересечении кодов ландшафтного, хозяйственного, флористического¹⁵. Ср., к примеру, названия растений: *степовая василька 'сорняк', степовой ковёрчик 'сорняк, который расстилается по земле'; степовые ротики 'степной сорняк', а также степнячок 'полевой цветок'*. При этом *стен* (*степь*) в русских говорах Одесщины употребляется в значении *'поле, степь'*, о чём свидетельствуют высказывания диалектоносителей: *На степену сапали, прашавали (Возн.). Степ был эта шырокий и весь наш (Ст. Некр.). Деды имели в сваём пользовании сопственный степ. (Усп.). В степену кукуруза, винаград, патсолнух растёт (Рус. Ив.). Работали на степену весь день (Троиц.) С утра до ночи у степи робим (Мур., Анат.)¹⁶. Хотя в речи диалектоносителей присутствуют и «флористические» фразеологизмы со словом *полевой*: *полевая роза 'мальва'; полевой цветок 'цветок красного цвета, по форме напоминающий кисточку'¹⁷. Степь также 'окраина села': Живу я одна на стипе, дочка в городе живёт(Ст. Некр.)¹⁸. Как видим, лексема *степь* полифункциональна в семантическом плане, часто коррелирует с понятиями «широкая, расстилающаяся, дальняя, бескрайняя; та, на которой работают» и занимает значимое место в лингвокультурном пространстве диалектоносителей.**

Мифологические представления древних славян закрепились в анималистическом фразеологизме *показывать горобцам дули 'бездельничать'*, заимствованного из близкородственного украинского языка. Фразеологизм находится на пересечении космогонического и анималистического кодов и фиксирует древнейшие представления о *воробье* как носителя нечистой силы и *дуле* как мощнейшем апотропейном средстве. Подробнее об этом см.¹⁹

Таким образом, можно констатировать, что лингвокультурное пространство носителей русских островных говоров юга Украины широко, многообразно и может быть раскрыто с помощью лингвокультурных кодов как «глубинных культурных пространств», «контейнеров» (по терминологии В. А. Масловой), внутри которых выделяются культурные символы, как региональные, так и национальные.

¹ Маслова В. А. Особенности описания языка сквозь призму лингвокультурных кодов // Матеріали VВсеукраїнської науково-практичної конференції «Лінгвістичні та лінгвокультурологічні аспекти навчання іноземних студентів у вищих навчальних закладах України (31 березня – 1 квітня 2016 р.)». Дніпропетровськ, 2016. С. 81.

² Словарь русских говоров Одесщины / [ред. коллегия: проф. Ю. А. Карпенко (отв. ред.), проф. Уэмура, проф. Д. С. Ищенко, доц. Л. Ф. Баранник]: в 2 т. Одесса: АстроПринт. 2000, 2001. Т. 1. С. 140.

³ Словарь русских говоров Одесщины / [ред. коллегия: проф. Ю. А. Карпенко (отв. ред.), проф. Уэмура, проф. Д. С. Ищенко, доц. Л. Ф. Баранник]: в 2 т. Одесса: АстроПринт. 2000, 2001. Т. 2. С. 146.

⁴ Там же. С. 243.

⁵ Там же. Т. 1. С. 234.

⁶ Там же. Т. 2. С. 194.

⁷ Там же. Т. 1. С. 83-84.

⁸ Селіванова О. О. Сучасна лінгвістична енциклопедія. Полтава : Довкілля – К., 2006. С. 248 .

⁹ Словарь русских говоров Одесщины / [ред. коллегия: проф. Ю. А. Карпенко (отв. ред.), проф. Уэмура, проф. Д. С. Ищенко, доц. Л. Ф. Баранник]: в 2 т. Одесса: АстроПринт. 2000, 2001. Т. 2. С. 184.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 296.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 268.

¹² Там же. С. 206.

¹³ Там же. С. 234.

¹⁴ Там же. С. 243.

¹⁵ Арефьева Н. Г. Фразеологическая картина мира сквозь призму лингвокультурных кодов (на материале русских говоров Одесщины) // Мова:науково-теоретичний часопис з мовознавства. Одеса, 2017. № 27. С. 137.

¹⁶ Словарь русских говоров Одесщины / [ред. коллегия: проф. Ю. А. Карпенко (отв. ред.), проф. Уэмура, проф. Д. С. Ищенко, доц. Л. Ф. Баранник]: в 2 т. Одесса: АстроПринт. 2000, 2001. Т. 2. С. 192.

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 192, 65.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Арефьева Н. Г. О диалектном фразеологизме *показывать горбцам дули* // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24-26 мая 2018 г.) / Под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. Брянск: ООО «АВЕРС», 2018. С. 71-80.

Arefieva N. G.

Odessa Mechnikov National University, Ukraine

**Linguocultural Space of Speakers of Russian Dialects in Odessa Region
(on the material of phraseology)**

The article is dedicated to the problem of Russian dialects of Odessa region's phraseology as to one of the important linguocultural code in which the information about culture, mode of life, archaic perspectives of the world and spiritual values of the dialect speakers are coded. The research can be characterized as an interdisciplinary one, so far as it presents an intersection of linguoculturology, linguosemiotics, dialectology and ethnolinguistic material.

Keywords: Russian dialects of Odessa region, phraseological unit, linguocultural code, cultural symbol.

Самолina А. В.

*Лицей «Жулебино» № 1793 г. Москвы, Россия
a.samolina2015@yandex.ru*

Экспериментальное исследование особенностей интонации в речи современных московских школьников

В статье описаны результаты экспериментального исследования типичного интонационного оформления речи московских школьников. Было обнаружено существенное понижение активности большинства типов интонационных конструкций, кроме двух.

Ключевые слова: русский язык, речь, интонация, интонационные конструкции.

Еще в начале нашего века профессор В.Э. Морозов¹ выразил беспокойство в связи с «интонационным однообразием», которое наблюдается в речи молодежи. Проведенное нами исследование показало, что зарождается, позволим себе заметить, нежелательная тенденция: интонационное оформление речи современного молодого поколения все меньше соответствует системе интонационных конструкций (ИК), описанных Е.А. Брызгуновой² и включенных в число литературных норм составителями Русской грамматики АН СССР³. Для того чтобы убедиться в объективности замеченных изменений и уточнить направление тенденций развития (правильнее было бы сказать: обеднения) интонационной системы русского языка в идиолектах школьников, мы разработали и провели четыре экспериментальных исследования интонационного оформления речи учащихся московской средней школы Лицей «Жулебино» №1793.

Вначале был проведен *поисковый эксперимент* с целью внести уточнение в *предварительную гипотезу*, согласно которой, типичное интонационное оформление речи школьников среднего звена не во всем соответствует литературным нормам. Экспериментальный материал состоял из двух частей. Во-первых, на основе трудов Е.А. Брызгуновой были составлены высказывания из одного-двух предложений, в каждом из которых ожидалось употребление того или иного ИК, в наибольшей степени соответствующих его речевому жанру⁴ и целевой установке. Было составлено по четыре высказывания для каждого из семи типов ИК. Задача этой части первого эксперимента – выяснение степени владения системой ИК на уровне

навыков их реализации. Эталоном для сравнения послужили звукозаписи наборов фраз, начитанные В.Э. Морозовым и А.В. Самолыной.

Вторая часть поискового эксперимента заключалась в чтении по ролям диалога отца и дочери из книги А.П. Гайдара «Голубая чашка» (с реплики «Вот тебе и на лодке поехали!» до реплики «...Чуть-чуть до смерти не заела»). Эталоном послужили: звукозапись чтения того же диалога народным артистом РСФСР, одним из ведущих советских мастеров радиовещания для детей Н.В. Литвиновым и аналогичный диалог из кинофильма М. Марковой и В. Храмова «Голубая чашка» 1964 г., исключая отдельные фразы, существенно измененные в сценарии, по сравнению с текстом А. Гайдара. Задача этой части эксперимента состояла в выяснении степени владения ИК на уровне умений их использования в тексте.

Цель найти ошибочные употребления одних ИК вместо других не ставилась. Выяснялось лишь то, насколько многообразно детский коллектив в целом использует ИК родного языка. Однако оценка результатов эксперимента выявила необходимость особого выделения неправильного употребления ИК ввиду нередкости таких случаев. В результате анализа сделанных записей, были разграничены следующие случаи выбора ИК информантами. 1. **Ожидаемый выбор**, т.е. совпадающий с одним из эталонов. 2. **Возможный выбор**, не совпадающий с эталонами, но допустимый, по Е.А. Брызгуновой. Преобладание какой-либо одной ИК в таких случаях в речи большинства информантов можно рассматривать как *экспансию* этой интонационной конструкции. 3. **Сомнительный выбор**, который был бы удачным для этого же предложения в определенных контекстах и речевых ситуациях, но который в предложенных условиях не представляется мотивированным и квалифицируется как *злоупотребление* данной ИК. 4. **Неправильный выбор** такой ИК, которая не может применяться в данном высказывании ни при каких обстоятельствах. Такие случаи были квалифицированы как *ошибки*.

Проанализировав полученный материал, мы пришли к следующим выводам. В речи московских школьников среднего звена наблюдается экспансия двух интонационных конструкций: восклицательной ИК-3 и ИК-4, злоупотребление ими и даже их ошибочное употребление. В связи с этим считаем нужным напомнить основные характеристики ИК-3 и ИК-4.

ИК-3 рассматривается как интонационная конструкция общего вопроса, незавершенности, сопоставления и перечисления. Типичным случаем употребления ИК-3 является вопросительное предложение

без вопросительного слова. Центр ИК-3 может передвигаться в предложении в зависимости от цели высказывания и содержания разговора. Интонационный центр в ИК-3 находится на слове, которое несет основную смысловую нагрузку. *У вас **есть** ↑ *простой* ∇ *карандаш* ↓?* Или: *У вас **есть** *простой карандаш* ↑?* Кроме того, ИК-3 имеет особую эмоциональную модальную реализацию (далее – ИК-!3), свойственную восклицательным предложениям, выражающую всплеск чувств. Она отличается от вопросительной и повествовательной реализаций более крутым падением тона в постцентральной части, например: *У вас **есть** ↑ *простой* ↓ *карандаш!** ИК-4 характерна для вопросительных предложений со значением сопоставления: *Я **иду**. А Вы ↑?* Предцентровая часть произносится на обычном тоне говорящего. На гласном центра тон понижается и тут же повышается, а потом опять плавно понижается: *У вас ↓ **есть** ↑ *простой* ∇ *карандаш* ↓?* ИК-4 может употребляется и вместо других, но придает речи официальное или назидательное звучание, создает так называемый «менторский тон». Она выражает отчужденность, настороженность, недоверие, неприятное удивление, недовольство, наставление и др.

В первой части эксперимента приняли участие 38 информантов: 19 мальчиков и 19 девочек. Для чтения мы предложили им по 15 фраз каждому, что в сумме составляет 570 начитанных предложений. Нами было подсчитано, что эти предложения состоят из 929 синтагм, т.е. сочетаний слов (целых предложений или частей предложений), объединенных одной интонационной конструкцией. ИК-3! было употреблено в них 104 раза. Мы нигде в этой части не рассматриваем употребление ИК-!3 как «ожидаемый выбор», поскольку не давали фраз на ИК-!3, а предполагали только ИК-3. Но 84 раза употребление ИК-3! все-таки было возможно, и, что важно, почти везде, где был возможен этот вариант, участники эксперимента отдают предпочтение именно ему. 5 раз мы поставили выбор ИК-3! под сомнение, 15 раз посчитали неправильным. Интонация ИК-4 прослеживается 117 раз: ожидаемый выбор 32 раза, возможный 40, сомнительный 26, неправильный 19. В сумме ИК-3! и ИК-4 были употреблены 221 раз. При этом употребление ими ИК-6 и ИК-7 фактически стремятся к нулю.

В отрывке из произведения Гайдара «Голубая чашка» нами были насчитаны 1442 синтагмы. Интонационная конструкция ИК-3! встречается 396 раз. 248 раз мы посчитали это употребление возможным, 98 раз сомнительным, 50 раз неправильным. ИК4

присутствует 218 раз. Возможный вариант прозвучал 58 раз, сомнительный 115, а неправильный 45. В сумме ИК-3! и ИК-4 были употреблены 614 раз.

По итогам поискового эксперимента нами было установлено, что на суммарное количество 2371 синтагм число употребленных детьми ИК-3! составляет 500 единиц, ИК-4 335, всего 885.

В результате поискового эксперимента была сформирована *уточненная гипотеза*: в речи детей наблюдается экспансивное, неуместное и ошибочное употребление ИК-3! и ИК-4. Проверка истинности данной гипотезы была проведена в ходе *контрольного эксперимента*. В нем приняли участие 14 мальчиков и 10 девочек. Материалом послужили два аналогичных друг другу набора трех односинтагменных фраз из Русской грамматики, в которых не могло быть мотивированного применения ИК-3 и ИК-4. *1 вариант*: Студенты вернулись (ожидается ИК-1). У вас есть простой карандаш? (ИК-?3) Выключите свет! (ИК-!2); *2 вариант*: Он уехал в институт (ИК-1). И лицо похоже? (ИК-?3) Закройте окно! (ИК-!2).

Тем не менее, проанализировав звукозаписи, мы вновь увидели неоправданно активное использование интонационных конструкций ИК-3 и ИК-4. ИК-3 присутствует 42 раза. Мы не вправе рассматривать их выбор как «ожидаемый вариант», так как данные предложения в силу своей достаточной однозначности не предполагают использования этих конструкций. Возможное употребление наблюдалось 25 раз, сомнительное 10 раз, неправильное 7 раз. Что касается ИК-4, то эта интонационная конструкция встретилась нам 27 раз: возможный выбор был сделан 15 раз, сомнительный 7 раз, а неправильный 5 раз. **Итого, в ходе контрольного эксперимента было начитано 75 односинтагменных предложений, причем ИК-3 и ИК-4 в сумме прозвучали 69 раз, хотя нами их употребление не ожидалось вовсе.**

Таким образом, ИК-3 и ИК-4 используются информантами не только в соответствии со своими основными функциями, но и вместо любых других ИК. Из-за этого со стороны может показаться, что разговор ведется на «повышенных тонах» или что общающиеся просто находятся в состоянии некоего возбуждения. На деле эти конструкции фактически утрачивают свое изначальное предназначение и становятся основными, стилистически нейтральными, ИК. Это в свою очередь и приводит к обеднению интонационной выразительности речи. Данные интонационные конструкции могут быть использованы в определенном контексте, а по результатам проведенного нами исследования ученики злоупотребляют ими без учета

контекста и типа предложения. **В результате можно сделать вывод: в речи современных школьников действует тенденция к стилистически однородной, нивелированной, интонации на основе ИК-!З и ИК-4.**

Причина возникновения этой тенденции частично лежит в обратной интерференции со стороны английского языка, который, по свидетельству специалистов, оказывает большое влияние на устную речь СМИ, а также и на речь молодежи, в большинстве своем изучающей английский язык.

Опыт обучения языкам показывает, что отрицательное воздействие может быть оказано не только родным языком на изучаемый, но и наоборот. Такое явление названо обратной интерференцией. Оно не находится в центре внимания лингвистов и методистов, но все же есть работы, в которых рассматриваются разные виды обратной интерференции⁵. Проявление английских элементов в интонационном оформлении русской речи было отмечено вузовскими преподавателями, напр.: «Справедливости ради заметим, что в последнее время, к счастью для преподавателей-фонетистов английского языка и к несчастью для всех носителей русского языка, английские интонационные модели стали всё чаще звучать в русской речи, причем не только в речи рядовых носителей русского языка (главным образом, молодежи), но и в речи дикторов средств массовой информации, особенно телевидения...»⁶.

Мы полностью разделяем озабоченность коллег судьбой русской интонации, но не имеем повода для радости и с точки зрения преподавания английского языка. Нами было замечено взаимодействие отрицательной интерференции при изучении школьниками английской интонации с обратной интерференцией в интонационном оформлении их же русской речи. Причем оба эти вида интерференции действуют в одном направлении, а именно: школьники минимизируют выбор интонационных конструкций в обоих языках. Они в своей речи не только на изучаемом, но и на родном языке употребляют лишь наиболее сходные друг с другом типы русской и английской интонации. С целью изучения того, как русская и английская интонации влияют друг на друга в речи московских школьников, мы провели осциллографическое сопоставительное исследование их речи на английском и на русском языках.

В исследовании принимало участие 36 учащихся 5-х, изучающих английский язык четвертый год. Им было предложено прочитать 5 предложений на английском языке и их перевод на русский

язык, сделанный учителем. Каждая английская фраза соответствует определенной английской интонации. Результаты экспериментов убеждают в том, что, читая предложения на английском, учащиеся упорно произносят ИК-13 и ИК-4, которые напоминают восходящий тон в английском языке. ИК-13 прозвучало 92 раза, а ИК-4 – 24 раза. Среди английских неправильно выбранных интонационных шкал первое место принадлежит Low Level Scale (10 раз), которая в наибольшей степени напоминает ИК-3, и Low Stepping Head (13 раз), напоминающее ИК-4. Только при чтении пятого предложения большое место заняла внутренняя интерференция: употребление High Stepping Head (10 раз) вместо Low Stepping Head. Осциллограммы начитанных русских фраз, которые учитель сам дал школьникам в качестве перевода английских предложений для единообразия сопоставляемого материала, свидетельствуют, что и здесь происходит широкая экспансия тех же русских интонационных конструкций: ИК-13 и ИК-4.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы можем прийти к следующим выводам. **При явной тенденции к упрощению интонации в речи современного подрастающего поколения, наблюдается отсутствие системного подхода к обучению школьников интонационному оформлению речи.** Отсутствие в современных школьных программах требований к обучению интонационным конструкциям ведет к обеднению выразительности устной речи. Если мы хотим в будущем слышать ту русскую интонацию, богатство которой образно описал еще Н.В. Гоголь, то стоит задуматься о некоторых компонентах содержания обучения родному языку и использования в нем элементов интонационной работы из РКИ.

¹ Морозов В.Э. Ради красного словца. По поводу интернет-сайта udaff.com // Русская речь. № 6. 2006. С. 51-52.

² Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М.: Русский язык, 1983. 281 с.

³ Русская грамматика: в 2-х т. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 96-98.

⁴ О понятии «речевой жанр» см.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 240-241.

⁵ См. напр.: Бабушкина Е.А. Билингвизм и просодическая интерференция // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 607. С. 9-15.

⁶ Веренинова Ж.Б. Формирование фонетических компетенций на первом курсе языкового вуза // Вестник Московского лингвистического университета. 2011. Вып. 607. С.64-75.

Samolina A. V.

*Teacher of the English and Russian Languages
Lyceum "Zhulebino" № 1793, Moscow, Russia*

**The Experimental Study of Peculiarities of Intonation
in Speech of Modern Moscow Students**

This article is devoted to the analysis of what intonation patterns students of the secondary school use and how they arrange in their speech from the point of view of the used intonation.

Keywords: the Russian language, speech, intonation, intonation patterns.

Бузальская Е. В.
*Санкт-Петербургский государственный
университет, Россия
e.buzalskaya@spbu.ru*

Роль категорий *стратегия* и *интенция* в описании сложного речевого жанра

Автор статьи рассматривает категории анализа сложного речевого жанра, формирующие терминологический аппарат, направленный на интегративное описание речевого жанра как лингво-когнитивного объекта. Основное внимание в статье сосредоточено на анализе двух параметров – речевой стратегии и интенции, характеризующих речевой жанр с прагмалингвистической и психолингвистической позиций и являющихся критериями оценки принадлежности речевого объекта к системе речевых жанров в целом, что показано на примере группы функционально-смысловых типов речи (повествования, описания, рассуждения), которые, по мысли автора, не являются речевыми жанрами. Выделяемые в итоге четыре способа взаимосвязи стратегии и интенции (индивидуальная стратегия + индивидуальная интенция, коллективная стратегия + индивидуальная интенция, индивидуальная стратегия + коллективная интенция, коллективная стратегия + коллективная интенция) реализуются по-разному для речевых жанров устной коммуникации и письменной. Выявленные закономерности формируют одно из оснований построения классификации речевых жанров.

Ключевые слова: речевой жанр, стратегия, интенция, инвариант, пропозиция жанра.

В настоящее время в теории жанроведения существует множество классификаций речевых жанров, ни одна из которых не претендует на глобальность ввиду того, что речевой жанр представляет собой не только результат речевой деятельности, но и определенную схему речевого поведения, принятую обществом и культурой. С этих позиций к описанию речевого жанра (далее – РЖ) можно подходить когнитивно, (как к модели, фиксирующей определенный фрагмент системы мировидения) прагмалингвистически (с позиций выявления основных стратегий и тактик речевого взаимодействия коммуникантов), психолингвистически (с позиций механизмов речепорождения), стилистически (определение номенклатуры частотных

языковых средств) или тексто-ориентировано (выявление доминирующих текстовых категорий, влияющих на становление канона речевого жанра в пространстве культуры). В связи с этим в число речевых жанров включают и отдельные речевые акты, и функционально-смысловые типы речи, и художественные произведения, и реплики из интернет-форумов и многое другое.

Принимая когнитивно ориентированный подход к описанию речевого жанра как наиболее продуктивный, вбирающий в себя в качестве этапов выявления модели все указанные направления, представляется целесообразным обратить внимание на смысловую близость некоторых терминов и понятий, включенных в такое описание. Согласно существующим исследованиям¹, необходимо различать 1) РЖ и речевой акт (далее – РА), поскольку не все РА могут являться РЖ; 2) РЖ и жанр в широком понимании как вид, вариант (что до их пор сохраняется, например, в литературоведческих работах); 3) РЖ и форму организации коммуникации (диалог, монолог, и пр.); 4) РЖ и способ технической поддержки (например, мнения о том, что не может считаться отдельным речевым жанром комментарий в ответ на запись в социальной сети); 5) РЖ и тип речи (описание, повествование и рассуждение).

Если первые три принципа многократно обсуждались в работах, четвертый является до сих пор спорным, так как можно привести огромное количество исключений – случаев, когда смена материального носителя приводила к появлению новых речевых жанров на основе модификации прежних моделей. На пятом принципе представляется необходимым остановиться подробнее.

Ответ на вопрос о том, могут ли функционально-смысловые типы речи (далее – ФСТР) быть выделены как отдельные жанры речи, является одновременно следствием разграничения в анализе речевого жанра таких категорий описания, как стратегия и интенция. В целом, оба термина свидетельствуют о намерении автора достичь определенного результата речевой деятельности, однако первый свидетельствует о наличии плана воздействия на адресата, тогда как второй – о гораздо более глубоких внутренних мотивах, во многом выходящих за пределы пресуппозиции (например, причины реакции автора на какой-либо объект могут быть продиктованы его опытом, детскими воспоминаниями и пр., они лишь опосредованно связаны с ситуацией контакта). Рассмотрим ФСТР согласно категориям, присущим РЖ.

К простым РЖ повествование, описание и рассуждение отнести невозможно, так как они состоят из нескольких РА. Так, например, рассуждение реализуется в качестве смены типов логических операций; в описании есть генерализация и детализация, а смена описания места расположения объекта чередуется с описанием его характеристик.

Для сложного РЖ характерны своя интенция и стратегия вследствие того, что у РЖ есть коммуникативная цель в определенной ситуации взаимодействия и последовательность действий. Центральная стратегия речевого жанра, апеллирующая ко всей ситуации взаимодействия, зачастую является его наименованием (например: Заявление, Рассказ, Эссе и пр. имплицитно содержат информацию об адресате и сфере деятельности), при этом отдельные поступки (речевые действия автора) не могут выступать именами РЖ². Сомнительно, чтобы целью стало «порассуждать», «сделать описание», «повествовать». Цель автора скорее могла бы быть в том, чтобы найти ответ на вопрос, передать информацию о характеристиках, поделиться своим видением объекта и пр.

Таким образом, становится очевидным, что ФСТР – это единичные поступки, лишенные связи с общим коммуникативным контекстом, а, значит, с моделью коммуникативного взаимодействия. В основании же сложного РЖ всегда лежит образ ситуации взаимодействия, например, академическое эссе читает в аудитории экзаменатор, чтобы принять решение об оценке или зачислении, а пишет студент, чтобы показать экзаменатору (или тестору) свои знания и умение мыслить логично. Для описания, повествования и рассуждения образ ситуации чрезмерно генерализован: при описании можно предположить, что есть объект описания и наблюдатель, при повествовании – что есть история и наблюдатель или ее творец; при рассуждении – что имеется мыслитель и определенная проблема. Отсутствует такой обязательный компонент, как адресат сообщения, который присутствует даже в моносубъектных РЖ (например, адресатом РЖ Дневник является сам автор или его потомки). Следовательно, невозможно говорить о наличии определенной речевой стратегии, что автоматически исключает ФСТР из числа сложных РЖ. Не являясь ни простым РЖ, ни сложным, ФСТР, очевидно, представляют собой иное образование.

ФСТР основаны на некоей интенции автора, которая становится понятной после прочтения всего текста, поскольку она оказывается частью большего замысла. Таким образом, можно предположить,

что ФСТР являются группами когнитивно однородных РА, задачей которых является упорядочение. Упорядочить внешнее пространство призвано описание; упорядочить временную последовательность – повествование; упорядочить логическую цепочку причинно-следственной связи – рассуждение.

Следовательно, ФСТР – категория, призванная объединять в когнитивные блоки информацию, относящуюся к одному референту в пространстве РЖ.

Несмотря на то, что интенция и стратегия – две категории, которые есть у всех сложных РЖ, их роль в процессе формирования узнаваемого канона РЖ различна: для всех письменных РЖ стратегия связана с формой пошагового отображения текста – с моделью (результат – текст); для устных – с эффектом воздействия на собеседника, успешностью взаимодействия с ним (результат – получение ожидаемой реакции). Поэтому письменные РЖ имеют модель реализации, сформировавшуюся в процессе становления канона речевого жанра. Такой модели не имеет большинство устных РЖ – их стратегия зависит от контекста и все время меняется, будучи производной от ситуации общения. Соответственно, для письменных РЖ ведущим компонентом описания и анализа является психолингвистический (интенция), тогда как для устных – прагмалингвистический (стратегия). При этом возникает следующий вопрос о том, насколько можно говорить о стратегии (связанной с планированием пошаговой реализации замысла), если сложный РЖ жестко структурирован. Так, например, такие сложные РЖ, как официальные бумаги, имеют интенцию и шаблон формы. Было бы неверным предположить, что автор самостоятельно моделировал, выстраивал данную стратегию взаимодействия.

Следовательно, для РЖ с жесткой структурой стратегия имеет коллективную, конвенциональную природу и не является активным моделирующим инструментом, их канон меняется только в зависимости от требований времени, то есть:

– он имеет инвариант, как «отражение наиболее общих, всегда неизменно сохраняемых свойств <...> Инвариант учитывает только минимум необходимых системообразующих признаков»³;

– но не имеет прототипа, который трактуется как «лучший – с когнитивной точки зрения – представитель данной классификационной категории, с которым у человека, носителя определённой культурной традиции, ассоциируется сама категория как таковая»⁴.

Таким образом, РЖ с коллективной стратегией не может развиваться, иметь историю своего становления в пространстве культуры, не может становится производящей основой для появления новых вариантов. Подсистему РЖ с коллективно сформированной стратегией взаимодействия можно построить, исходя из их наименований, взятых из официальных бумаг, однако при этом форма реализации будет варьироваться в зависимости от области, города и даже учреждения.

Сформировать подобную иерархию для РЖ, в которых стратегия является индивидуальным решением, гораздо сложнее, поскольку они изменчивы и формируют цепочки из производных субжанров. Более того, в случае, когда речевое действие совершено автоматически или по принуждению, можно говорить об отсутствии субъективного намерения, но не об отсутствии интенциальной категории описания самого РЖ. Так, например, произнесенный тост может не иметь внутренней ценности для самого произносящего, но имеет ее для остальных собравшихся, воспринимающих его по крайней мере в качестве части ситуации ритуального поведения.

Исходя из сказанного, представляется возможным предположить следующие тенденции: а) индивидуальная интенция характерна преимущественно для жанров письменной речевой деятельности, реализованных в художественном и публицистическом стиле; б) коллективная интенция маркирует условно-коммуникативные жанры, используемые в процессе обучения, поскольку необходимость их создания «навязана» автору внешними обстоятельствами; в) индивидуальная стратегия характерна для всех речевых жанров устного взаимодействия (так, даже в таких РЖ, как анекдот, где автор становится всего лишь рассказчиком, ситуация приводит к замене, дополнению и перестановке компонентов), в письменной речи индивидуальная стратегия приводит к формированию РЖ свободной структуры; г) коллективная стратегия маркирует РЖ фиксированной структуры – официально-деловые бумаги, некоторые жанры учебной сферы, инструкции.

Интенция в большей мере связана со стилистической стороной речевого продукта, тогда как стратегия – с логичностью изложения информации, в связи с чем при составлении классификации оказывается важным исследовать сочетания данных категорий, учитывая при этом, какой из них отводится ведущая роль: 1) индивидуальная интенция + индивидуальная стратегия (например, художественное или публицистическое эссе, литературная автобиогра-

фия); 2) индивидуальная интенция + коллективная стратегия (например, объявление, которое содержит стереотипные структурные компоненты, но продиктовано исключительно личным желанием автора решить определенную проблему); 3) коллективная интенция + коллективная стратегия (академическое эссе, написание которого продиктовано необходимостью сдать тест или экзамен, а структура имеет жесткие правила вплоть до регламентированного количества слов, в том числе специальной терминологии); 4) коллективная интенция + индивидуальная стратегия (например, блог в социальной сети, появление которого продиктовано коммуникативной необходимостью, но содержание автор может варьировать по своему усмотрению).

Являясь одними из ведущих категорий описания сложного речевого жанра, речевая стратегия и интенция, взятые отдельно, не формируют достаточного основания для дифференциации всего многообразия жанров, необходимо рассматривать также такие моделирующие категории, как Картина мира, тип концепта, тип ментального пространства, тип речевой стратегии, тип референтной отнесенности, тип модального субъекта, формальная организация⁵.

¹ *Вежбицкая, А.* Речевые жанры [Текст] / А. Вежбицкая/ Жанры Речи. Саратов: изд-во ГосУНУ «Колледж», 1997. С. 99-111; *Бахтин, М.М.* Собрание сочинений: [В 7 т.]. Т. 5 : Работы 1940-х – начала 1960-х годов / [Ред. С.Г. Бочаров, Л.А. Гоготишвили]. М.: «Русские словари», 1996. 731 с.; *Дементьев, В.В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600с.; *Долинин, К.А.* Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи. Саратов: изд-во гос. уч. науч. центра «Колледж», 1999. С. 7-12; *Салимовский В.А.* Коммуникативная ситуация и принципы знакового преломления действительности// Я и другой в пространстве текста: межвузовский сб. науч. трудов. Перм. Ун-т. В Любляне. Пермь-Любляна, 2007. С. 180-192; *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры Речи. – Саратов: Изд-во Гос УНУ «Колледж», 1997. С.88-98; *Седов К.Ф.* Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации// Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. С. 7-38 и др.

² *Гольдин, В. Е.* Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи [Текст] / В. Е. Гольдин // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 23-34.

³ *Чернявская В.Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.

⁴ *Касевич 2004: 90 Касевич, В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. 2-е изд. СПб.: изд-во С.-Петербург.ун-та, 2004. 282 с.

⁵ Бузальская Е.В. Типология русского эссе (лингвокогнитивный аспект) Дисс. ... д. филол. наук по специальности 10.02.19 (Теория языка). СПб, 2017. 411 с.

Buzalskaya E. V.

Saint Petersburg State university, Russia

The Role of Strategy and Intention in the Description of Complex Speech Genre

The author considers the categories of analysis of complex speech genre aimed at the integrative description of speech genre as a cognitive and linguistic object. The focus of the article is the analysis of two parameters – speech strategy (in its ability to characterise pragmatic aspect of a genre model) and intention (characteristic of speech genre from psycholinguistic point of view). They form the criteria for assessing the belonging of a speech object to the system of speech genres as a whole, which is shown on the example of a group of functional-semantic types of speech (narration, description, argumentation), which, according to the author, are not speech genres. The allocated four ways of interrelation between strategy and intention (individual strategy + individual intention, collective strategy + individual intention, individual strategy + collective intention, collective strategy + collective intention) are realized differently in speech genres of oral communication and writing. The revealed regularities form one of the basic rules for the classification of speech genres.

Keywords: speechgenre, speechstrategy, intention, invariant, proposition.

Голосная Н. П.

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский
университет информационных технологий,
механики и оптики, Россия
golosnaya@mail.ru*

Приветствия и прощания в системе речевых жанров

Статья посвящена анализу письменных формул приветствия и прощания в системе речевых жанров. Нормы общения предполагают изучение различных аспектов диалога, в частности их жанровых особенностей. В статье определяется специфика письменных речевых жанров. Дается краткий анализ компонентов письменных речевых жанров приветствия и прощания на примере русского и французского языков. Рассматриваются их функциональные особенности. Исследование малых жанровых форм позволяет описать их специфику и показать их значимость в коммуникации.

Ключевые слова: речевые жанры, приветствие, прощание, русский язык, французский язык.

Языковая личность несет в себе опыт языкового развития поколений, а также и свой собственный неповторимый опыт и облик. Обращаясь к другим людям, мы всегда обнаруживаем себя в качестве социальной личности и всегда находимся в рамках заданного многообразными условиями речевого поведения.

В данной работе речь идет о привычных, обыденных речевых ситуациях, которые в силу многократного повторения стали типизированными. Подобные речевые ситуации задают устойчивые образцы речевого поведения, которые позволяют регулировать взаимодействие коммуникантов и которые делают общение понятным, удобным и экономичным.

Формулы приветствия и прощания являются такими образцами речевого поведения, т.е. речевыми жанрами (далее РЖ). Под речевым жанром понимается «культурно и исторически оформленный, общественно конвенционализированный образец построения текста»¹. Выбор необходимого РЖ в процессе общения определяется параметрами коммуникативной ситуации, которые, по К.А. Долину, включают субъекта речи, адресата, наблюдателя, референтную ситуацию, канал связи, место, время и окружающую обстановку².

Речевые жанры приветствия и прощания относятся к фактическим РЖ малой формы, которые функционируют в сфере официального и неофициального общения и представлены устной и письменной разновидностью. В данной работе рассматриваются письменные РЖ приветствия и прощания.

Речевые жанры, преимущественно устной речи, являются предметом жанроведения. Одним из актуальных вопросов этой дисциплины является проблема построения многоаспектной типологии РЖ. Пока не существует относительно полного перечня жанров речи. В частности, письменные РЖ приветствия и прощания еще слабо изучены в жанроведении. Встречаются только упоминания о них в работах некоторых исследователей (Л.П. Алексеенко, М.М. Бахтин, Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяева, Л.А. Капанадзе), но полный анализ этих жанров не проводился. Следовательно, их можно назвать новыми «претендентами» на место в ряду уже изученных речевых жанров.

Мы рассмотрим РЖ приветствия и прощания в сопоставительном аспекте на материале русского и французского языков с целью выявления универсальных компонентов, присущих этому жанру.

В качестве материала были использованы письма на русском и французском языках разных времен. Была привлечена корреспонденция русских писателей и государственных деятелей XVIII–XX вв. (Н.М. Карамзин, Екатерина II, П.А. Вяземский, В.В. Маяковский, А.Т. Твардовский, С.Д. Довлатов); французских писателей и государственных деятелей XVI–XX вв. (Изабель де Шаррьер, маркиза де Севинье, Наполеон Бонапарт, Шарль Бодлер, Пабло Пикассо, Гийом Аполлинер); а также современная русская и французская переписка личного характера разных людей.

Следует отметить, что в данном исследовании не рассматривалась электронная переписка. В силу технического прогресса эпистолярный жанр приобрел виртуальную форму существования. Интернет сообщает ему новые черты и особенности, но так или иначе жанр письма сохраняет свои основные характеристики и функции. Это тема отдельного исследования.

Письменный канал связи, безусловно, определяет специфику рассматриваемых РЖ. Интерперсональное письменное общение характеризуется двумя основными признаками: дистантностью (коммуниканты разделены пространством и временем) и опосредованностью (передача информации посредством книги, письма, телефонного аппарата и др., в нашем случае — письма, визуально). Отсутствие непосредственного контакта ведет к более сложному и

формальному выражению мыслей по сравнению с устной речью. «Именно здесь бытуют разного рода обособленные обороты, в том числе причастные и деепричастные, ряды однородных членов, структурный параллелизм, многочисленные структуры сложных предложений, экспрессивные синтаксические фигуры и мн. др.»³.

Главное отличие устных и письменных РЖ приветствия и прощания заключается в том, что в устной речи РЖ реализуются только посредством формул речевого этикета, представляющих собой речевые стереотипы, а в письменной функционирование жанров приветствия и прощания представлено более широким кругом формул.

Говоря о коммуникативной роли рассматриваемых речевых жанрах, стоит выделить, прежде всего, этикетную функцию, то есть они являются регуляторами отношений коммуникантов, актуализаторами категории вежливости. Важен тот факт, что этикетная функция реализуется не на контекстуальном уровне, а на событийном. Как правило, выбор начальной или заключительной формулы обусловлен не содержанием письма, а параметрами коммуникативной ситуации. Наряду с этикетной функцией, приветствия и прощания, являясь композиционными компонентами письма, выполняют функцию установления и прекращения контакта. «Ситуации вступления в речевой контакт и его размыкания предназначены для создания и сохранения «общей речевой территории» с коммуникативным партнёром. Говорящий задаёт направление речевого взаимодействия и обеспечивает условия для успешного и эффективного осуществления своих намерений»⁴.

Речевой жанр — тип высказывания, устойчивый в плане содержания и в плане выражения. В процессе коммуникации определенный тип высказывания представлен определенными функциональными разновидностями (компонентами), которые в свою очередь представлены варьируемым в соответствии с параметрами коммуникативной ситуации лексическим наполнением. Разновидность в каждом ее лексическом выражении обозначим термином формула.

В структуре РЖ приветствия вычлняются два основных компонента: собственно приветствие (*bonjour 'здравствуйте', добрый день*) и обращение (*дорогой старик, любимые родители, уважаемы Иван Иванович*). В структуре РЖ прощания выделяется большее количество компонентов: обращение, собственно прощание (*до скорой встречи; adieu 'прощай'*), вербализация действия (*крепко жму руку; нежно обнимаю и целую*), направленность в будущее (*жду твоего*

скорого ответа), логическое завершение (*не распространяясь в словах, делаю заключение письма* (А.П. Чехов); *к сожалению, должен заканчивать* (А.П. Ершов)), пожелание (*желаю вам обоим всяческого благополучия* (В.В. Маяковский)), благодарность (*mille et mille millions de remerciements pour toutes les courses que vous avez faites* 'тысяча, тысяча миллионов благодарностей за сделанные дела' (Жорж Санд)), выражение положительного настроя к адресату (*agréez, Madame, les assurances de mon respectueux dévouement* 'примите, мадам, уверение в моем глубоком уважении и преданности'), подпись (*твой цен* (В.В. Маяковский), *ton meilleur ami* 'твой лучший друг').

В процессе общения реализуются те или иные компоненты в соответствии с параметрами коммуникативной ситуации. Различное сочетание этих компонентов порождает ряд вариативных формул приветствия и прощания, которые в свою очередь дифференцируются по лексическому наполнению: употребляется именно то слово, которое в наибольшей степени отвечает данной речевой ситуации. Следовательно, выбор присутствует, но он обусловлен и тем самым ограничен. Таким образом сформировался определенный лексический состав РЖ приветствия и прощания.

В семантическом плане все формулы письменных приветствий и прощаний по своей коммуникативной природе могут иметь стереотипное и нестереотипное лексическое выражение. Рассмотрим эти формулы подробнее.

1. Формулы речевого этикета — «фразы, модели которых непродуктивны и их лексический состав устойчив, иначе говоря, они обладают устойчивой структурой при постоянстве лексического состава»⁵. «Говорящий использует эту речь как чужую»⁶. Задача коммуниканта сводится к выбору речевой формулы, наиболее соответствующей коммуникативной ситуации. Так, в письме к коллеге употребляются приветственная формула *«здравствуйте, уважаемый + имя-отчество»* и прощальная — *«с уважением»*; к близкому человеку — *«мой дорогой друг»* *«люблю, скучаю»*.

2. Нетипичные, нестандартные в лексическом выражении формулы, в которых проявляется творческая способность говорящего. Как правило, они употребляются в неформальном общении. Нестандартные формулы подразделяются на формулы, имеющие потенциальную возможность быть общеупотребительными, и индивидуальные, авторские формулы.

Последние, в свою очередь, представлены двумя разновидностями:

1) формулы, функционирующие в заданных жанрами пределах, их отличительной особенностью является оригинальность лексического выражения. Например: «*Обнимаю тебя до хруста костей*» (В.В. Маяковский);

2) формулы, раздвигающие жанровые рамки. Выход за пределы жанровой формы и содержания осуществляется посредством

а) комментария:

– жанровых элементов. Например, в обращении к другу: «*Adieu, mon ami. Quand j'appelle Monin mon ami, le mot ami signifie toute autre chose que quand je dis mon ami Godefroy Dorville. Monin est un joli garçon que j'oblige, qui me rend la vie agréable...*» «Прощай, мой друг. Когда я говорю мой друг Монян и мой друг Годфрой, слово друг имеет разные смыслы. Монян – милый парень, которому я должна, который возвращает меня к приятной жизни...» (Изабель де Шаррьер);

– жанра в целом. Например: «*Veillez agréer, Monsieur, l'expression de ma bien sincère reconnaissance, et croyez que cette formule adressée a vous n'a pas la banalité des phrases semblables adressées a de gros personnages*» «Не облагодетельте ли принять, месье, выражение моей очень искренней признательности, и поверьте, эта адресованная Вам формула не содержит банальности подобных фраз, обращенных к большим людям» (Шарль Бодлер);

б) экспликации смысла. Например: «*J'irai vous assurer qu'il y a des sortes d'amitié que l'absence et le temps ne finissent jamais*» «Снесу Вас уверить, что существует такая дружба, которую ни время, ни расстояние не уничтожат никогда» (Мадам де Севинье);

– сокрытия смысла. Например: «*Прощай, гуяр, москов. Не люблю тебя*» (Екатерина II). Через отрицание опосредованно выражаются чувства привязанности и любви;

– стилизации. Например: «*Вам не придется пожалеть об этих и иных ваших Добрых словах о вашем покорном слуге (какие были прекрасные обороты письменной речи в старину)*» (А. Т. Твардовский).

Таким образом, тесная взаимосвязь РЖ приветствия и прощания обусловила их формальную и семантическую близость. В структурном отношении в составе русских и французских жанров выделяется одинаковое количество компонентов (в совокупности 10), выполняющих аналогичные функции. В плане содержания как русские, так и французские жанры эксплицируют опосредованно или непосредственно положительное отношение адресанта к адресату, направленное на регуляцию речевого процесса и, как следствие, достижение

коммуникативной цели. Специфика письменных РЖ приветствия и прощания задается условиями, в которых они функционируют. Данные РЖ существуют на бумаге, что определяет выполнение приписываемых им функций – этикетной и функции установления и прекращения контакта. В отличие от устных РЖ, письменные приветствия и прощания представлены не только стереотипными формулами речевого этикета, но и формулами, нетипичными в плане их лексического выражения. Безусловно, РЖ – явление типизированной сущности, но в речи субъект имеет свободу творчества, хотя и небольшую.

¹ *Гайда С.* Жанры разговорных высказываний [Электронный ресурс] // Саратовский государственный университет: [www.sgu.ru]. URL: <https://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-2>

² *Долинин К.А.* Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия [Электронный ресурс] // Саратовский государственный университет: [www.sgu.ru]. URL: <https://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-2>

³ *Формановская Н.И.* Вы сказали «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении). М.: Знание, 1989. С. 8-9.

⁴ *Козловская Т.Н.* Обращение как актуализаторы вежливости // Сибирский филологический журнал. 2004. № 2. С.87-92.

⁵ *Черданцева Т.З.* Этикетные формулы речи, жесты и культура общения // Филологические науки в МГИМО. 2001. № 6. С. 115.

⁶ *Николаева Т.М.* Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. М: Наука, 2000. С. 114.

Golosnaya N. P.

*Saint Petersburg National Research University of Information Technologies,
Mechanics and Optics, Russia*

Greeting and Farewell in a Speech Genres System

This article examines written formulas of greetings and farewells in a speech genres system. The particularities of written speech genres are defined in the article. The brief analysis of the components of written speech genres of greeting and farewell is given on the example of Russian and French. Their functional features are considered. The study of small genre forms allows us to describe their specifics and to show the role they play in communication.

Keywords: speech genres, greeting, farewell, Russian, French.

Ивушкина А. Д.

Государственный институт русского языка

им. А. С. Пушкина, Россия

alexandra.ivushkina@gmail.com

Прецедентное имя как средство формирования идентичности в печатном издании

В статье представлен дискурсивный анализ одного выпуска журнала «STORY»; анализируется роль прецедентных имён в формировании читательской идентичности.

Ключевые слова: дискурс-анализ, журнал «STORY», прецедентное имя, идентичность, формирование идентичности.

Изучение прецедентных феноменов (ПФ), их структуры, содержательной стороны и функционирования в тексте является одним из активно развивающихся исследовательских направлений современной лингвистики и филологии. Интерес исследователей к этой теме определяется спецификой самого феномена прецедентности – ярко выраженными национальными особенностями, которые находят отражение в прецедентных единицах, функционирующих в языке того или иного лингвокультурного сообщества, а в условиях глобализации изучение специфики языка и культуры того или иного народа становится особенно актуальным. В средствах массовой информации ПФ широко распространены и используются, с одной стороны, для привлечения читательского внимания (например, в заголовках), с другой – для усиления выразительности речи (в медиатекстах). Прецедентные единицы составляют ядро языковой игры к медиадискурсе российских средств массовой информации: с целью достижения большей степени экспрессивности текста журналисты трансформируют языковые единицы (лексические замены, синтаксические перестановки элементов), интригуя аудиторию – создавая эффект новизны при узнавании известных текстов, высказываний¹.

Материалом для исследования прецедентности в СМИ был избран журнал «STORY», который в научных работах рассматривается как мидл-журнал². Понятие мидл-журнала подразумевает, что под обложкой того или иного издания содержится продукт, совмещающий в себе черты литературно-художественных журналов, направленных на удовлетворение потребностей интеллектуальной

элиты, и массовой прессы, рассчитанной на более широкую аудиторию. Таким образом, журнал «STORY» можно коротко описать как «интеллектуальное чтение» – издание, «внешне закамуфлированное под формат глянца, но предельно отличающееся от него концептуально; современное по формам и способам выражения и отстаивающее вместе с тем традиции, понимаемые как следование классике, традиционным ценностям, информативность и развлекательность (которая, впрочем, не лишена познавательности)»³.

Одной из типологических характеристик, определяющих любое средство массовой информации, является аудитория: ориентация издания на тот или иной круг читателей предоставляет «для фактических читателей пространство, в котором они могут позиционировать себя по отношению к тексту, и тем самым формировать свою самость, которую тексты «преподносят» людям»⁴, в связи с этим одной из задач дискурс-анализа становится выявление в тексте признаков читательской идентичности, которая конструируется изданием, а также обнаружение тех средств (в том числе и языковых), с помощью которых это происходит.

Говоря о той идентичности, которая формируется с посредством текстов журнала «Story», необходимо упомянуть о том, что, несмотря на элементы «глянцевого», издание рассчитано на «потребителя, понимаемого в первую очередь не как человека общества потребления, а как читателя»⁵.

На официальном сайте «STORY» издание названо журналом-книгой. Стремление соединить под одной обложкой журнальный и книжный форматы выражается в первую очередь в композиционном решении, которое приняли создатели журнала по расположению текстовых материалов. Издание условно разделено на 5 глав, каждая из которых носит своё название («Кто, где, когда», «Личное дело», «Отгадки», «Опыты любви», «Люди и вещи») и имеет набор рубрик, часть из которых пишется известными российскими писателями и поэтами (Дмитрием Воденниковым, Верой Павловой и др.). Связь с литературной традицией проявляется также в тематике издания, и в его жанровой специфике, и в манере подачи материала, в том числе в использовании определённых языковых единиц.

Одним из наиболее ярких средств формирования идентичности в журнале «STORY» являются прецедентные феномены. Сам феномен прецедентности впервые был научно обоснован в труде Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» в 1987 году. В работе исследователь даёт классическое определение ПФ: «Назовём

прецедентными – тексты, 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности»⁶.

Общепризнанная классификация прецедентных феноменов делит их на четыре группы: 1) прецедентный текст; 2) прецедентная ситуация; 3) прецедентное высказывание; 4) прецедентное имя (ПИ).

Сплошная выборка данных единиц (контент-анализ), выявленных в одном выпуске журнала «STORY» (декабрь 2016, №12 (98), показала, что наиболее распространённый тип ПФ в текстах данного издания – прецедентное имя (55,12%). Под прецедентным именем понимается индивидуальное имя, связанное с той или иной прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин, Колумб) или с прецедентным текстом (например, Тарас Бульба, Григорий Печорин)⁷.

Преобладание количества имён среди других ПФ в медиатекстах соответствует современным тенденциям в СМИ. Например, согласно подсчётам В.В. Джанаевой, прецедентные имена составляют около 48,12% от всех прецедентных единиц, использующихся в прессе⁸. Главной причиной широкого распространения ПИ в печати можно назвать то, что «имена, названия гораздо проще ассоциируются в сознании с определенным эталоном, образом поведения, становятся символами и приобретают оценочность»⁹. Кроме того, по сравнению с остальными типами прецедентных феноменов, которые обладают сложной структурой, прецедентные имена просты и являются «экономичным способом усложнения текста, создания «вертикального текста» в тексте, позволяющим автору вызвать у читателя требуемые представления и ассоциации и тем самым расширить рамки текста»¹⁰.

Систематизируя ПИ, которые были выявлены в контенте журнала, мы обратились к классификации источников их происхождения – сфер заимствования – что позволило нам представить массив прецедентных феноменов в логике с учетом степени их употребительности. Происхождение ПФ (том числе и прецедентных имён) – один из аспектов, на основании которых предложила их классифицировала В.Н. Силантьева. Исследователь выделяет 6 сфер-источников заимствования прецедентных феноменов в современной печатной прессе («Литература/Фольклор», «Музыка», «Религия/Мифология», «Спорт», «Кино/Телевидение», «История/Политика»)¹¹. Однако в результате проведенного нами анализа источников заимствования

прецедентных имен в текстах одного номера журнала «STORY» было выявлено ещё три сферы заимствования ПИ, условно обозначенные, как «Искусство», «Мода», «Философия».

Таким образом, общее количественное и процентное соотношение сфер-источников ПИ, употребляющихся в текстах номера «STORY» за декабрь 2016 г., представлено в таблице:

Сфера-источник	Количество (%)
«Литература/Фольклор»	84 (40%)
«История/Политика»	39 (18,57%)
«Кино/телевидение»	20 (9,52%)
«Религия/мифология»	18 (8,57%)
«Музыка»	16 (7,62%)
«Мода»	12 (5,71%)
«Искусство»	11 (5,24%)
«Спорт» 5	(2,38%)
«Философия»	4 (1,9%)
Всего	210 (100%)

Как видно из таблицы, абсолютное большинство используемых в текстах издания ПИ относится к сфере-источнику «Литература / Фольклор» (40 %), что, как показывают научные исследования российской прессы, отражает общую тенденцию использования прецедентных единиц в СМИ¹². Можно предположить, что отчасти это объясняется литературоцентричностью русской национальной культуры, менталитетом народа, который всегда с почтительностью относился к художественному слову. Если же говорить о проведенном нами контент-анализе материалов журнала «STORY» с одной из задач выявления употребления ПИ в текстах печатного издания – то преобладание единиц, заимствованных из художественной литературы, безусловно обуславливается также и типом конкретного издания, которое характеризуется как мидл-журнал и сохраняет часть типовых черт качественных литературно-художественных изданий¹³, а также с формированием читательской идентичности

(ведь редакция «STORY» представляет журнал широкой публике как издание «для тех, кто умеет и любит читать»). Например, в статье Дм. Воденникова о Мэрилин Монро автор называет актрису «*Настасьей Филипповной*», а её мужа, спортсмена Джо Ди Маджо «*американским Рогожиным*», при этом имя Ф.М. Достоевского или название его романа не упоминается: предполагается, что читатель знаком с этим произведением настолько, чтобы понять, что имел в виду автор: «*Ты не представляешь, как мне аплодировали, как меня встречали!*» – с восторгом рассказывает дурочка Настасья Филипповна своему американскому Рогожину. На что он холодно замечает, позвякивая воображаемыми склянками со ждановской жидкостью: «*Почему же, представляю. Я это слышу постоянно*». В общем, он её тоже «убил». В символическом смысле, разумеется).

Второе место по количеству заимствований занимает сфера-источник «*Политика/История*» (около 19%), что, с одной стороны, обусловлено всплеском политической активности во всем мире и усиливающемуся интересу широких масс к политической проблематике страны, с другой стороны, опять-таки является проявлением идентичности читателя, которые для адекватного понимания написанного текста должны обладать знаниями, в том числе и об основных исторических личностях и событиях мировой истории. Соответственно, когда в тексте о легендарном посещении Грузии известным французским писателем автор пишет: «*Покидал Дюма Грузию, как Наполеон Россию...*», читателю для правильного осознания написанного необходимо обладать знаниями об Отечественной войне 1812 года.

Значительное количество ПИ сферы-источника «*Кино/телевидение*» (около 10%) естественно, поскольку наиболее распространённым на территории РФ средством массовой информации является телевидение. Информация, которая воспринимается народом с экранов телевизоров, так или иначе влияет на восприятие действительности, оставляя в памяти «следы» – имена известных телеведущих, звёзд эстрады, актёров и актрис, героев фильмов и телесериалов и др. Таким образом, прочитав фразу: «*Это была история в духе Индианы Джонса*», характеризующая авантюрную историю о драгоценностях императорской семьи, читатель понимает, что имел в виду автор именно за счёт знаний, полученных из телевизионного дискурса.

Появление сферы-источника «*Мода*» в качестве области заимствования прецедентных имён в текстах «STORY» нельзя назвать

случайным, поскольку тип мидл-журнала сохраняет связь с форматом глянцевого издания, очевидно, что отголоски этой связи проявляются в том числе и в выборе прецедентных единиц.

Таким образом, использование прецедентных имён в журнале «STORY», с одной стороны, соответствует общим тенденциям употребления прецедентных феноменов, свойственным современным масс-медиа, с другой стороны, отражает читательскую идентичность, формирующуюся в текстах конкретного издания.

¹ Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., Богуславская В.В., Ширина Е.В. Стилистика и риторика в схемах, таблицах и иллюстрациях. Ч. 1 Экспрессивные средства языка. Ростов-на-Дону: РГУ. 1998. 24 с.

² Пономарёва Е.В. «STORY» как феномен «мидл-журнала»: жанрово-стилевые характеристики и коммуникативные стратегии // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение, № 4 (36), 2013. С. 176-181 // [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/story-kak-fenomen-midl-zhurnala-zhanrovo-stilevye-harakteristiki-i-kommunikativnye-strategii> (дата обращения: 28.03.2018).

³ Пономарёва Е.В. Там же. С. 178.

⁴ Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов / Пер. с англ. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр» (О.В. Гритчина). 2013. С. 93-94.

⁵ Пономарёва Е.В. Там же. С. 180.

⁶ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ. 2010. С. 216.

⁷ Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ. М.: Изд-во МГУ. 2000. С.55.

⁸ Джанаева В. В. Лингвокогнитивные основы коммуникации: инокультурные прецедентные феномены: автореф. дис. ... канд. филол. наук/ Ин-т филологии Кабардино-Балкар. ун-та им. Х.М. Бербекова. Владикавказ. 2008. С. 11.

⁹ Курбакова Ю. В. Национально-прецедентные феномены и единицы с метафорическим значением в СМИ (на материале современных американских журналов): дис. ... канд. филол. наук/ Моск. пед. гос. ун-т. М. 2006. С. 126.

¹⁰ Фахим И.В., Эль-Хусейни Д.Р. Прецедентные имена со сферой-источником «Политика» в российской и египетской прессе // Политическая лингвистика. Выпуск № 1. 2014. С. 144 // [Электронный ресурс] URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21354819> (дата обращения: 12.04.2018).

¹¹ Силантьева В.Н. Происхождение прецедентных текстов // Вестник АГТУ. 2010. № 2 (50). С. 106 // [Электронный ресурс] URL: http://vestnik.astu.org/content/userimages/file/gen_2_50_2010/19.pdf (дата обращения: 12.04.2018).

¹²Силантьева В.Н. Там же. С. 106-111; Фахим И.В., Эль-Хусейни Д.Р. Там же. С. 144-148.

¹³Пономарёва Е.В. Там же. С. 176-181.

Ivushkina A. D.

*Pushkin State Russian Language Institute,
Russia*

Precedent name as a way of identity formation in the printed media

The article presents a discourse-analysis of the one issue of the magazine «STORY». The role of precedent names in consumer identity formation was analyzed.

Keywords: discourse-analysis, magazine «STORY», precedent name, identity, identity formation.

Каховская Ю. В.

*ВШ МОП Политехнического университета Петра Великого
jk18.78@mail.ru*

Конвенциональность как основа исполнения коммуникативных и социальных ролей в ситуации общения «взрослый-ребенок»

Конвенциональность является неотъемлемой составляющей социального взаимодействия и проявляется в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Невнимание к установлению и использованию конвенций в межличностных отношениях может служить причиной дестабилизации организационной структуры. Рассмотрение конвенциональных механизмов в речи взрослого, обращенной к ребенку с целью достижения успешной коммуникации, обусловлено значимостью для выявления основных приемов, тактик и языковых средств.

Речевая деятельность так же многообразна, как социальная составляющая носителей языка. Коммуникативные ситуации, стили общения и жанры речи требуют применения различных стратегий, тактик и использования неодинаковых конвенциональных механизмов.

В процессе анализа коммуникативного поведения информанта в различных ситуациях и с учетом возрастных и гендерных особенностей адресата возможно выяснить, соблюдаются ли представителями русской культуры принцип Кооперации, используются ли митингативные стратегии и тактика вежливости при вербализации просьб и отказа и ситуациях сближенной коммуникативной дистанции. Развитие успешной коммуникации и, соответственно, поддержание благоприятной атмосферы диалогического общения напрямую связано с конвенциональностью – важнейшей коммуникативной характеристикой процесса речевого взаимодействия «взрослый – ребенок».

Ключевые слова: конвенциональность, коммуникативная ситуация, взрослый, ребенок, речь.

1. Детская речь на протяжении десятилетий продолжает интересовать отечественных и зарубежных ученых. Филология, психология, педагогика, социология, с разных позиций исследуют особенности «языка ребенка». Проблема материала исследования детской речи является весьма непростой, так как трудно получить объективные данные у детей. Многие лингвисты считают ребенка носителем «экзотического» языка, а исследователя детской речи сравнивают с диалектологом. «Процесс приобретения ребенком навыков диалогического общения неразрывно связан с тактикой речевого поведения взрослого».¹

Традиционно в рамках понятия детская речь рассматривается речевая деятельность ребенка с рождения и до 8-9 лет. В соответствии с этапами речевого онтогенеза детскую речь принято подразделять на три основных периода: раннее детство 1-3, дошкольный возраст 3-7, младший школьный возраст - 7-9. В рамках дошкольного возраста некоторые исследователи выделяют «младший» и «старший» дошкольный возраст. «Старший» дошкольный возраст характеризуется оформлением всех уровней речевой системы, за исключением письменной речи.

Ученые, в фокус внимания которых входят проблемы онтогенеза детской речи, убеждены, что формирующийся детский язык «является копией конвенционального языка и вместе с тем относительно автономным образованием». ² Речь взрослого призвана облегчить понимание ребенком сказанного, а также «дальнейшую категоризацию языковых явлений». ³ В доречевом периоде жизни ребенка взрослый обращает к нему реплики, содержащие словоформы, с возникновением ситуации диалогического взаимодействия «взрослый – ребенок» словоформы обретают вид лексем. Лексикон и грамматика формируются сначала в процессе восприятия речи взрослых носителей языка, а уже потом в постепенно складывающейся языковой системе ребенка.

Взрослый, вступая в коммуникацию с ребенком, меняет тактику речевого поведения в сравнении с диалогическим взаимодействием «взрослый-взрослый». Стратегии, тактики, конвенциональные механизмы и приемы ведения диалога, используемые взрослым в его общении с ребенком, зависят непосредственно от возраста адресата, его гендерных особенностей, а также от коммуникативной роли самого взрослого и сферы конкретного диалогического взаимодействия.

В работах по онтолингвистике спонтанная речь взрослых, обращенная к ребенку, рассматривается как основной источник усвоения (input), анализ которого является примером для подражания, основой для формирующейся языковой системы. В зависимости от научного взгляда исследователя речь взрослого и усвоение ее ребенком рассматриваются по-разному:

- как образец для повторения (в этом случае деятельность ребенка при усвоении языка сводится к подражанию и повторению с различной степенью активности);
- как особая когнитивная деятельность, в которой взаимодействие с партнёром и его реакции являются решающим фактором. В этом случае речь взрослого и его вербальные и невербальные реакции признаются единственным источником находящейся в процессе становления языковой системы ребенка;

– согласно взглядам, разделяемым школой Ж. Пиаже, развитие познавательных процессов происходит самостоятельно, а речевое развитие является их отражением. Интеллект ребенка развивается благодаря взаимодействию с окружающими его людьми и под влиянием действительности, а речь представляет собой физический материальный процесс, а язык – это абстрактная система значений и структур; он является своего рода «репрезентацией» (существует еще два способа репрезентации - образ и действие)».⁴

– конструктивистский взгляд предполагает, что языковые знания не являются врожденными, а формируются, конструируются носителем языка на начальном этапе усвоения. В русской онтолингвистике подобный взгляд характерен для большинства традиционных исследователей (А.А. Потебни, И.А. Будуэна де Куртенэ, Л.С. Выготского, А.Н. Гвоздева). Из современных исследователей нам наиболее близок взгляд С.Н. Цейтлин, которая рассматривает с конструктивистских позиций более поздние этапы усвоения языка ребенком.⁵

Наряду с лексикой, в процессе понимания во взаимоотношениях между взрослым и ребенком немаловажную роль играет и грамматика, отвечающая за правила связанного высказывания, т.е. «законы соединения языковых единиц в речевом потоке».⁶

Процесс освоения ребенком речи, грамматики языка, форм и средств коммуникации заслуживает особого внимания в связи с ростом в современной науке интереса к коммуникативному взаимодействию в диахронном и синхронном аспектах, а также в связи с рассмотрением проблемы речевого взаимодействия между ребенком и взрослым в рамках национально-языковой культуры.

Формирование языковой компетенции ребенка 2-12 лет происходит поэтапно: от произношения букв до умения свободно оперировать языковым материалом, и включает в себя знания о языке и речевой опыт. С.Л. Рубинштейн рассматривает речевой опыт как результат взаимодействия человека со средой, опыт, включающий практику общения на языке, понимание особенностей своей и чужой речи.

Интересно определить, какие нормы и правила диалогического взаимодействия (институционального и межличностного) в ситуации общения «взрослый – ребенок» можно считать основными, что выступает в качестве регулятора диалогических отношений в данном конкретном случае, какова специфика норм и правил, отражающих Принципы Кооперации.

Принцип кооперации Г.П. Грайса, по мнению С.Н. Цейтлин и В.В. Казаковской, лежит в основе успешного коммуникативного сотрудничества взрослого и ребенка вне зависимости от возраста последнего.

Отличительной особенностью понятия «адресата» как коммуникативной категории Л. Азнабаева определяет «двойственность содержания, так как он одновременно включает в себя и субъект речевого взаимодействия, и объект речевого воздействия»,⁷ что и отличает его от «адресанта», иницилирующего субъекта коммуникативного процесса.

Основной особенностью ситуации общения «взрослый – ребенок» являются возрастные особенности адресата, локализованность ситуации речевого взаимодействия, его коммуникативная роль по отношению к адресанту (кто он: ученик, воспитанник детского сада, ребенок своих родителей, младший родственник, участник детской теле-, радиопрограммы и т.п.).

Одним из основных условий успешной коммуникации считается соблюдение Принципа Кооперации и непосредственная ориентация на собеседника, включающие в себя анализ реакций собеседника и согласованность действий. Учет вышеназванных неперенных условий конвенционального взаимодействия особенно важен в ситуации общения взрослого с ребенком.

М.В. Колтунова, анализируя приемы выхода из конфликтной ситуации «взрослый-взрослый» в сфере делового общения, называет правила, основанные на национальных традициях коммуникантов.⁸ Отметим наиболее актуальные для поддержания оптимальной атмосферы и снижения напряжения в ситуации общения «взрослый – ребенок». Итак, важными правилами при регулировании взаимоотношений в обозначенной ситуации являются:

- 1) установка на конвенциональное общение;
- 2) стремление к недопущению и выявлению разногласий;
- 3) выяснение причин непонимания;
- 4) нахождение «общего языка» и оптимальных языковых средств для выхода из зоны конфликта;
- 5) демонстрация дружелюбия;
- 6) отказ от агрессии, стремление сгладить противоречия;
- 7) стремление к достижению компромисса (использование тактики уступок), учет интересов и возраста собеседника;
- 8) предупреждение возникновения враждебности, отказ от принципа собственной абсолютной правоты.

Процесс формирования коммуникативной компетенции ребенка происходит постепенно, под влиянием социального окружения, в первую очередь, взрослых. Степень жесткости соблюдения конвенциональных правил, характерных для той или иной категории адресата, определяется сферой общения, возрастом адресанта и установками, выбранными говорящим – взрослым в его общении с ребенком.

От выбора стратегий, тактик, приемов и речевых механизмов, используемых взрослым, зависит успешность формирования коммуникативной компетенции ребенка и последовательность процесса познания окружающего мира.

В условиях активной глобализации коммуникативных процессов возникает проблема поиска эффективных путей достижения взаимопонимания в процессе диалогического взаимодействия. Поиск рациональных решений данного вопроса ведется представителями различных дисциплин современной науки. В результате исследований формируются конвенциональные нормы и правила, регулирующие процесс коммуникации. Конвенциональная природа языка способствует его успешному усвоению и непрерывному обновлению, что, в свою очередь, дает возможность своевременного формирования и развития речевых способностей и необходимого уровня коммуникативной компетенции.

Существенное влияние на процесс формирования конвенциональности оказывают также контекст употребления, заданные установки и изменяемые стратегии и тактики, обеспечивающие, в своей совокупности, достижение взаимопонимания.

Психолого-педагогический аспект изучения конвенциональности взрослого в его общении с ребенком предполагает рассмотрение понятий «речевая функция», «речевые навыки», «речевые умения», «конвенциональные речевые механизмы», активно участвующие в социализации личности.

Языковая способность индивида – это лишь часть коммуникативной способности, поскольку интенция к коммуникации может быть выражена как вербально, так и с помощью языка жестов и мимики. Таким образом, истоки коммуникативной интенции, выраженной с помощью коммуникативных способностей, следует искать в психологии человека. Цель коммуникативной интенции заключается в удовлетворении потребности в общении, в интеграции в социальное пространство.

Формирование коммуникативной компетенции ребенка – последовательный процесс, на который огромное воздействие оказывает социальное окружение, в первую очередь, взрослые. Сфера общения предопределяет жесткость соблюдения конвенциональных правил, свойственных определенной возрастной категории адресата, как следствие, выбор стратегий, которые, в отличие от правил и принципов, должны быть гибкими.

Следует отметить, что процесс становления детской речи напрямую связан с общей установкой взрослого на ситуацию коммуникации в целом, а также с выбранными им стратегиями и приемами

достижения соглашения. Особенности определенных фаз диалога могут свидетельствовать о степени кооперативности или конфликтности отношений между взрослым и ребенком.

Таким образом, в зависимости от коммуникативной роли говорящего взрослого, используемых им приемов ведения диалога, тех или иных конвенциональных механизмов, зависит, будет ли достигнуто взаимопонимание между⁹ собеседниками.

¹ Казаковская В.В. Вопросы единства в диалоге «взрослый – ребенок». СПб.: Наука, 2006. С. 11.

² Цейтлин С.Н. «Формообразования в детской речи». М., 2013. С. 110.

³ Там же.

⁴ Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. Л., 1989. С. 200.

⁵ Слобин Д. Психоллингвистика. М.: Прогресс, 1976. С. 183.

⁶ Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психоллингвистики. М.: Лабиринт, 2001. С. 79.

⁷ Азнабаева Л.А. Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении. // Дисс. на соиск. доктора фил. наук. Уфа, 1999. С. 19.

⁸ Колтунова М.В. Конвенциональность как основа делового общения / Дисс. на соиск. ст. док. фил. наук. М., 2006. С. 49.

Kahovskaya J. V.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

**Conventionality as the Basis of Communicative and Social Roles
in the Situation of Communication «Adult –Child»**

Conventionality is an integral part of social interaction and manifests itself in various spheres of human life. The lack of attention to the establishment and use of conventions in interpersonal communication may lead to organizational structure destabilization. The research of conventional mechanisms in adult speech addressed to a child in order to achieve successful communication is significant due to the importance of identifying the basic techniques, tactics and language tools.

Speech activity is as diverse as a social component of native speakers. Different communication styles and genres of speech require different strategies, tactics and the use of different conventional mechanisms.

In the process of analyzing the communicative behavior of the informant in various situations and taking into account the age and the gender characteristics of an addressee, it possible to find out whether the representatives of the Russian linguistic culture observe the principle of Cooperation, whether demonstrative strategies and courtesy tactics are used in the verbalization of requests and refuse.

Keyword: conventionality, communicative situation, adult, child, speech.

Глава 2.

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ
МИРОВЫХ ГУМАНИТАРНЫХ
ПРОЦЕССОВ**

Хромов С. С.

*Московский политехнический университет, Россия
chelovek653@mail.ru*

**Русский язык и русская литература
в системе нефилологических университетских
образовательных программ
как инструмент формирования
профессиональных компетенций разного уровня**

В статье рассматривается роль и место русского языка и русской литературы, а шире – филологических дисциплин – в формировании общепрофессиональных и специальных профессиональных компетенций бакалавров и магистров нефилологических направлений подготовки. Анализируется филологическая составляющая сопровождения университетских образовательных программ бакалавриата и магистратуры на примере кафедры русского языка и истории литературы Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политеха. Показывается значимость филологизации и междисциплинарности учебного процесса как инструмента формирования профессиональных компетенций разного уровня в России.

Ключевые слова: русский язык, русская литература, профессиональные компетенции, университетские образовательные программы, филологические дисциплины.

За последнее время в России не только в публичной речи, в нашем повседневном общении, но и на государственном уровне в отношении к русскому языку наметился явный позитивный сдвиг в том числе благодаря тому, что проблемы правильности русской речи, ее нормативности, истории русского языка и русской литературы и современного состояния оказались в центре внимания всего общества, стали актуальными и востребованными, на них обратили внимание не только на государственном, общенациональном уровне, в официальных, деловых контактах, но и на уровне повседневного межличностного общения.

Филологические дисциплины, прежде всего, русский язык и русская литература, играют большую роль в гуманитарном университетском образовании современной России, что обусловлено целым рядом факторов. К ним относятся следующие:

- во-первых, филология, наряду с философией, является одной из древнейших отраслей гуманитарного знания, зародившихся еще в античные времена. Академик Д.С. Лихачев определил филологию как высшую форму гуманитарного образования¹ ;

- во-вторых, филологическая компетентность формирует ценностно-целевые установки, определяющие совокупность общекультурных, прикладных и научно-теоретических знаний, умений и навыков, которые являются основой для дальнейшего интеллектуального и нравственного развития языковой личности будущего специалиста любого направления и профиля подготовки, но в первую очередь это касается гуманитариев;

- в-третьих, в современном образовательном процессе актуальность межпредметных, междисциплинарных связей определяется интеграцией научных знаний, а также новыми требованиями Федерального государственного образовательного стандарта, а в конечном счете требованиями самой жизни;

- в-четвертых, в современном социуме устное, письменное или виртуальное слово остается важным каналом и инструментом коммуникации; наряду с коммуникативной функцией языка, эволюционируют и выдвигаются на первый план другие его функции: прагматическая, когнитивная, фатическая, функция манифестации власти и административных полномочий, утверждения социального статуса личности;

- в-пятых, филологические дисциплины способствуют формированию ноосферической личности студента;

- в-шестых, особую роль в педагогике настоящего времени отводят гуманитаризации российского образования. В него в качестве составной части входит и образование филологическое. Если общая компетентность — показатель профессиональной культуры, то филологическая компетентность, формирующая ценностно-целевые установки, определяющие совокупность общекультурных, прикладных и научно-теоретических знаний, умений и навыков, которыми должен овладеть обучающийся, — это основа для дальнейшего интеллектуального и нравственного развития языковой личности.

Нельзя забывать, что русский литературный язык и русская литература выполняют цивилизационнообразующую, культурологическую функции, обеспечивают преемственность, связь поколений, передачу необходимой культурной составляющей народа, консолидацию современного российского общества и формирование общероссийской гражданской идентичности на личностном, этническом, региональном, национальном и цивилизационном уровнях.

Наша педагогическая практика еще раз убедила в справедливости слов К.Ф. Седова, согласно которым лингвистика, а если более широко – филология – сейчас из «кабинетной» науки постепенно превращается в науку, которая все более решительно устремляется в жизнь, возвращая себе статус гуманитарной области знаний, которая, отзываясь на запросы современного общества, переключает внимание с языка как системного образования, на «человека говорящего», на изучение его способности говорить и мыслить, а также на процесс и результат коммуникации².

Филологизация, как и гуманитаризация современных университетских нефилологических образовательных программ в университетах России, рассматривается нами как насущная проблема модернизации всего современного университетского образования. При этом филологизация понимается нами широко в межкультурном и междисциплинарном аспектах как процесс усиления межпредметных связей, гуманизации образовательного процесса, повышения роли языковых и речетворческих аспектов преподаваемых дисциплин, усиления значимости великого русского слова в профессиональной коммуникации будущих бакалавров и магистров нефилологических направлений, в формировании общепрофессиональных компетенций будущих специалистов.

Следует подчеркнуть, что традиционно включение в образовательные нефилологические программы дисциплин филологического междисциплинарного цикла и, прежде всего, такой дисциплины, как «Русский язык и культура речи», рассматривается в сфере универсальных инструментальных компетенций, носящих сопровождающий характер, а также общекультурных компетенций, однако мы считаем, что вес и значимость этой дисциплины гораздо больше: в современных условиях формирование и развитие профессиональных компетенций в сфере экспертно-аналитической и профессиональной коммуникативной деятельности будет неполным без филологизации неязыковых как гуманитарных, так и естественно-научных и технических образовательных программ, что связано с компетентным подходом в подготовке современного специалиста. Так, к общепрофессиональным компетенциям относится, например, способность осуществлять деловые и публичные выступления, вести переговоры, совещания, осуществлять деловую переписку и поддерживать электронные коммуникации, а также способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением

информационно-коммуникационных технологий и с учетом основных требований информационной безопасности.

Изучение речеведческих, литературоведческих дисциплин позволит будущим бакалаврам и магистрам нефилологических направлений успешно овладеть не только общекультурными, но и (что особенно важно!) общепрофессиональными компетенциями, к которым относится, например, умение организовать и поддерживать связи с деловыми партнерами, используя системы сбора необходимой информации для расширения внешних связей и обмена опытом при реализации проектов, направленных на развитие организации, которые выражаются в знании методов установления контактов и сбора информации в деловой среде, способов эффективной аргументации и видов манипуляций в деловом общении; в умении доказательно выстраивать систему убеждения в разных ситуациях делового общения, строить речь на презентации, в прениях, речь-критику, обращение; во владении навыками проведения деловых встреч, переговоров, совещаний, а также различными жанрами убеждающей и эпидейктической речи.

При этом филологическая составляющая подготовки по этим образовательным программам не фокусируется только на языковой парадигме, она гораздо шире: включает в себя лингвокультурологический, риторический, речетворческий аспекты, что соответствует основным целям изучения дисциплины.

В качестве творческой экспериментальной площадки для апробации наших идей послужила кафедра русского языка и истории литературы (раньше кафедра называлась кафедра русского языка и стилистики) Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета, на которой филологическое сопровождение учебного процесса на всех направлениях и профилях в Университете осуществляется в двух плоскостях:

– проведение лекционных и практических занятий по традиционной дисциплине «Русский язык и культура речи». Среди базовых тем, которые должны быть рассмотрены в процессе обучения вне зависимости от профессиональной направленности подготовки студента, мы бы выделили следующие: язык как универсальная полифункциональная знаковая система; язык, речь, речевая деятельность; понятие о национальном языке, этапы становления и развития русского национального языка; территориальные и социальные разновидности языка; функциональные разновидности русского литературного языка; взаимодействие и взаимовлияние функциональных

стилей; литературная норма как основа, обеспечивающая процесс коммуникации; типы норм, варианты норм и их соотношение; ортология современного русского языка; социальный, межнациональных, межкультурный и гендерных характер современной коммуникации; структура речевого общения; условия успешной коммуникации и причины коммуникативных неудач; речевое поведение; понятие профессионального речевого этикета; культура речевого поведения и этические нормы коммуникации; культура устной и письменной научной коммуникации; эвфемизации и этическая корректность публичной коммуникации, языковая личность будущего специалиста; основы научного и официально-делового стилей речи.

– разработка междисциплинарных филологических дисциплин вариативного и факультативного цикла, ориентированных на формирование и развитие общепрофессиональных и специальных профессиональных компетенций будущих бакалавров и магистров различных направлений и профилей подготовки (реклама, менеджмент, медиаменеджмент, связи с общественностью, экономика, дизайн, графика, журналистика, редактирование и др.).

Перечислим список сопровождающих филологических дисциплин кафедры, ориентированных на формирование профессиональных навыков и умений. Этот список красноречиво свидетельствует о разностороннем междисциплинарном характере подготовки будущих бакалавров и магистров различных направлений: Аксиология языка и речи; Активные процессы в современном русском языке; Бизнес-риторика медиаменеджера; Деловая риторика и научный стиль речи медиаменеджера; Деловое общение и культура речи; Деловое общение медиаменеджера; Деловые коммуникации в медиаиндустрии; Искусство публичного выступления медиаменеджера; Копирайтинг; Лингвокультурологические проблемы дискурсов разного типа; Основы копирайтинга; Основы речевого воздействия в медиасфере; Особенности языка и стиля научной журналистики; Прагматические аспекты использования языковых средств; Практическая и функциональная стилистика русского языка; Речевая культура медиабизнеса; Речевой портрет медиаменеджера; Риторика; Семиотика и основы словесного искусства; СМИ и современный литературный процесс; Способы речевого воздействия в печатных и электронных СМИ (радио, телевидение, Интернет); Стилистика и литературное редактирование; Филологический анализ текстов разных жанров; Язык и стиль современных СМИ; Язык и стиль учебной литературы; Язык печатных СМИ.

Итак, язык, речь, речевая деятельность, речевое поведение все более смело и решительно завоевывают свое особое место в профессиональной деятельности как будущих бакалавров и магистров-гуманитариев, так и бакалавров и магистров технических направлений, подготовку которых осуществляет Высшая школа печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета. Предметы филологического междисциплинарного цикла относятся к числу **лингвоинтенсивных**, культурологических, так как владение устным и письменным словом, прежде всего на родном языке, является одним из профессионально образующих компонентов профессиограммы будущего специалиста. В связи с этим актуальной становится проблема не только расширения базы речевой деятельности, повышения речевой грамотности и культуры, формирования навыков и умений мотивированного речевого поведения в различных сферах будущей профессиональной деятельности, но и проблема риторического образования, а также постижения основ речеведения, межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, выступая на заседании президентского Совета по международным отношениям в Йошкар-Оле 20 июля 2017 г., еще раз подчеркнул особое место, которое занимает русский язык в нашем обществе, в системе государственных, международных отношений, в образовании: «Хочу напомнить, уважаемые друзья, что русский язык для нас – язык государственный, язык международного общения, и его ничем заменить нельзя, он естественный духовный каркас всей нашей многонациональной страны. Его знать должен каждый»³.

¹ Лихачев Д.С. О филологии. М.: Высшая школа, 1989.

² Седов К.Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // Вопросы психолингвистики. 2012. 1(15). С. 210-211.

³ Владимир Путин в Йошкар-Оле провел заседание Совета по международным отношениям // https://www.1tv.ru/news/2017-07-20/329185-vladimir_putin_v_yoshkar_ole_provel_zasedanie_soveta_po_mezhnatsionalnym_otnosheniyam (дата обращения: 15.03.2018 г.)

Hromov S. S.

Moscow Polytechnic University

**The Russian language and Russian literature in the system
of non-philological university educational programs as an instrument
of professional competences of different levels**

The author considers the role and the place of Russian and wider – philological disciplines – in the formation of general vocational and special vocational competencies of future bachelors and masters of non-philological programs. The experience of philological coverage of different university educational programs conducted by the department of Russian and the history of literature of Moscow Polytechnic University (Higher school of printing and media management) is analyzed. The significance of Russian and other interdisciplinary philological subjects is outlined.

Keywords: Russian, the Russian language, Russian literature, vocational competencies, university educational programs, philological disciplines.

Мухатаева А. А.

ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, Казахстан

mukhatayeva1011@gmail.com

К вопросу соотношения литературной и фольклорной сказки

Данная статья рассматривает ключевые особенности жанра современной литературной сказки в сопоставлении его с ее генетическим прототипом – жанром фольклорной сказки. Литературная сказка рассматривается здесь как самостоятельный жанр тяготеющий как к фольклорной традиции, так и к жанровому обогащению за счет интеграции других литературных жанров.

Ключевые слова: литературная сказка, фольклорная сказка, память жанра, жанровый синтез, бинарные оппозиции.

На сегодняшний день литературная сказка является одним из наиболее востребованных жанров, она представляет собой интерес для писателей, работающих в разных жанрах и направлениях, активно функционирует как в области литературы для детей, так и в традиционно «взрослой» литературе. Популярность данного жанра обоснована его синтетическим характером, который предоставляет плодотворную почву для реализации художественного потенциала современных авторов. За свою эволюцию литературная сказка интегрировала мотивы, сюжеты, поэтику фольклора, объединив их с элементами других литературных жанров; основываясь на традициях народной сказки, вместе с тем находясь в активном взаимодействии с другими жанровыми структурами (фэнтези, научная фантастика, приключенческий роман, притча и т.д.), на сегодняшний день литературная сказка представляет собой сложное многожанровое образование. Однако эта двойственная природа литературной сказки представляет собой определенную сложность для исследования данного жанра. «Отсутствие четкого разграничения жанров литературной и народной сказки – одно из проявлений теоретической неразработанности данной проблемы» пишет Л. Ю. Брауде¹.

Литературная сказка получила статус отдельного литературного жанра в начале XIX века, однако на протяжении долгого периода времени ее трактовали только как результат непосредственной переработки фольклорного материала конкретным автором. По мере развития литературная сказка удалялась от своего пражанра,

Л. В. Овчинникова выделяет следующие этапы формирования литературной сказки как самостоятельного жанра: запись народных сказок; обработка фольклорных записей сказок; авторский пересказ; авторская сказка (в ней создана своя собственная внутренняя форма, фольклорное используется с иной, художественно-оригинальной семантикой); стилизация и пародия (это путь от литературной реальности навстречу фольклорному образцу с разной художественно-педагогической задачей); собственно литературная сказка, она не содержит даже намека на известные фольклорные сюжеты, на устойчивые образы, чужда ее интонационно-речевому строю². По мнению исследовательницы, литературная сказка может быть абсолютно независимой от своего пражанра, однако большинство исследователей все же рассматривают литературную сказку в тесной связи со сказкой фольклорной. Овчинникова отмечает там же: «Большинство исследователей определяет литературную сказку через жанровые признаки литературно-фольклорного свойства и место в историко-литературном процессе»³. Например, М. Н. Липовецкий определяет литературную сказку следующим образом: «литературная сказка – это в принципе то же самое, что фольклорная сказка, но в отличие от народной литературная сказка создана писателем и поэтому несет на себе печать неповторимой творческой индивидуальности автора»⁴. Немецкий литературовед Дж. Тисмарт утверждал, что литературная сказка не является самостоятельным жанром, а может рассматриваться только через ее отношения с фольклором, который она адаптирует и ремоделирует⁵. Таким образом вопрос о зависимости литературной сказки от своего жанра-прародителя является спорным, на сегодняшний день исследователи литературной сказки не пришли к единому мнению.

Основополагающей категорией для литературной сказки является категория «памяти жанра». «Память жанра» это одна из центральных научных идей М. М. Бахтина, обоснованная ученым в 1963 году в работе посвященной поэтике Ф. М. Достоевского. Согласно Бахтину, «жанр живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало. Жанр – представитель творческой памяти в процессе литературного развития Литературный жанр по самой своей природе отражает наиболее устойчивые, “вековечные” тенденции развития литературы. В жанре всегда сохраняются неумирающие элементы архаики»⁶. М. Н. Липовецкий в своей работе посвященной поэтике литературной сказки говорит следующее: «бахтинская концепция “памяти” жанра», рассмотренная как важнейший теоретический ориентир исследова-

ния поэтики литературной сказки: ведь “категория” “памяти” жанра нацелена именно на выявление конструктивно-значимой для жанров новой и новейшей литературы внутренней связи с архаическими, фольклорными жанрами»⁷. Современные авторы литературной сказки заимствуют у традиционной сказки персонажей, сюжеты, языковые особенности. Например, преемственность жанра наиболее ярко просматривается на сюжетном уровне современных волшебных сказок. Здесь можно обнаружить функции, обоснованные В. Я. Проппом в его работе «Морфология сказки» – отлучка из дома, запрет и его нарушение, испытания героя, изменение облика героя и т.д. Также писатели используют традиционных сказочных персонажей, наделенных какими-либо функциями: герой, вредитель, волшебный помощник, вредитель, ложный герой и т.д. В современной сказочной повести «В поисках Золотой Чашы: приключения Бату и его друзей», казахстанских авторов Л. Калаус и З. Наурызбаевой главный герой – школьник Бату нарушает запрет бабушки сидеть на пороге (в казахской культуре дверные косяки и порог является священным местом), и тем самым призывает проводника в потусторонний мир – Золотого Человека Аспару. Герой получает от него дар – волшебную думбуру, попадает в подземный мир, где встречает Змеиного Короля и его дочь, проходит три испытания, сражается с вредителем, переживает трансформацию и возвращается домой с приобретением. Таким образом, используя знакомую читателю схему автор выстраивает с читателем «доверительные отношения», формируя «горизонт читательского ожидания». Необходимо также заметить, что поэтика постмодернизма особенно тяготеет к использованию традиционных формул и персонажей фольклорной сказки – таким образом авторы-постмодернисты реализуют игровую коммуникативную направленность.

Также, главным признаком литературной сказки, объединяющей ее со сказкой фольклорной, является установка на вымысел, будь то волшебная литературная сказка, бытовая, или сказка о животных. В. Г. Белинский отмечал: «В основании второго рода произведений (т.е. сказки) всегда заметна задняя мысль, заметно, что рассказчик сам не верит тому, что рассказывает, и внутренне смеется над собственным рассказом.»⁸. Данное свойство литературной сказки разграничивает ее с жанром фэнтези, научной фантастики и прочими фантастическими жанрами.

Так как элементы повествования фольклорных сказок происходят из реальных бытовых обычаев древности, они предлагают своей

аудитории «правильный» сценарий той, или иной инициации. Народные сказки поучительны. Они предупреждают читателей, или слушателей о последствия определенных видов поведения или взглядов. Символы фольклорной сказки достаточно просты – они представляют собой стереотипы: вор, лжец, злая мачеха, несправедливо обделенный принц и т.д. Например, многие сказки повествуют о некоем усредненном герое по имени Иван, Джек, Ганс, Пьер, он часто не слишком удачливый младший сын, его братья и другие люди используют или унижают его. Однако его доброта и наивность в конечном итоге позволяют ему избежать бедствий. К концу рассказа он обычно поднимается в социальном статусе и доказывает, что он более одарен и проницателен, чем кажется. Также поведение персонажей не требует объяснений – мотивировка их поступков носит онтологический характер, они являются своеобразными литературными оппортунистами. Литературная сказка отходит от условностей фольклорной сказки – бинарные оппозиции, на которых строится сюжет традиционной сказки подвергаются переосмыслению, персонажи наделяются психологизмом и индивидуальностью, антигерой становится героем и наоборот, литературная сказка отказывается от стереотипных героев. Таким образом, в литературной сказке на первый план выходит индивидуализация героя и выстраивается отличная от фольклорной иерархия персонажей. Также необходимо отметить, что в силу того, функция народной сказкой скорее онтологическая, а не эстетическая, она в известной мере лишена выразительности, тогда как литературная сказка прибегает к большому количеству художественных средств для изображения действий, персонажей и пейзажей.

В заключении приведем утверждение М. М. Бахтина: «Жанр всегда и тот и не тот, всегда стар и нов одновременно. Жанр, возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы, в каждом индивидуальном произведении данного жанра. В этом жизнь жанра. Поэтому и архаика, сохраняющаяся в жанре, не мертвая, а вечно живая, т. е. способная обновляться. Жанр живет настоящим, но он всегда помнит свое прошлое, свое начало. Жанр — представитель творческой памяти в процессе литературного развития. Вот почему для правильного понимания жанра и необходимо подняться к его истокам»⁹. Несмотря на выраженный индивидуальный характер и авторскую установку на полифункционализм, литературная сказка является преемником сказки народной, и несомненно находится с ней в интертекстуальных отношениях, что выражено на всех уровнях повествования.

¹ Брауде Л. Ю. Скандинавская литературная сказка. М.: Наука, 1979. 208 с.

² Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века: История, классификация, поэтика: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2003. 311 с.

³ Там же. С. 4.

⁴ Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки. Свердловск: Урал. ун-т, 1992. 184 с.

⁵ Tismar J. Das deutsche Kunstmдrchen des zwanzigsten Jahrhunderts. Halle: Metzler, 1981. 42 p.

⁶ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.

⁷ Там же.

⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 6. 740 с.

⁹ Там же. С. 178.

Mukhatayeva A. A.

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan

Literary and Folk Fairy Tales Correspondence

This article focuses on the key features of the contemporary literary fairy tale's genre in comparison with its genetic prototype – the folktale. The literary fairy tale is considered here as an independent genre, combining both the folklore tradition and the genre enrichment through the integration of other literary genres.

Keywords: literary fairy tale, folktale, genre memory, genre synthesis, binary oppositions.

Шерстобитова И. А.

*Санкт-Петербургская академия постдипломного
педагогического образования, Россия*

irina-sherstobitova@yandex.ru

Интертекстуальный фон романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

Статья посвящена изучению синергетических принципов организации художественного дискурса романа Ф.М. Достоевского. Ставится вопрос об эволюции терминосистемы языка и заимствования терминосистем и методов исследования текста из синергетики. Предлагается методика изучения процессов порождения дискурса на примере исследования романа «Преступление и наказание» и определение особенностей самоорганизации интертекстуальных и интердискурсивных связей в его семиотическом пространстве. Делаются выводы о роли синергетического подхода в лингвистике.

Ключевые слова: интертекст, дискурс, лингвосинергетика, терминосистема.

Эволюция метаязыка лингвистики связана с заимствованием терминологии и методов исследования из естественных или междисциплинарных наук. Применение синергетического подхода для анализа текста Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» оправдано нелинейностью дискурса романа, его интертекстуальностью. По мнению Г.М. Фридендера, Достоевский гениально умел проникать в философский смысл чужих образов и ситуаций, дополнять их чертами русской жизни, он «замечательно тонко ощущал ту потенциальную способность к новой жизни, к художественному росту, философскому углублению, творческому переосмыслению, которая была заложена в тех или иных из прочитанных им сцен и эпизодов, которая делала возможными их своеобразное оживление и возрождение»¹.

Проведем небольшое исследование романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» с помощью терминосистемы и методов исследования, заимствованных из синергетики. Изучение художественного дискурса как нелинейной системы с позиций лингвосинергетики позволяет выделить следующие принципы организации последнего: 1) иерархичность; 2) неустойчивость; 3) нелинейность; 4) эмерджентность; 5) симметричность/асимметричность;

б) открытость². В своем исследовании будем оперировать терминами «иерархичность», «открытость» и «симметричность/асимметричность». Под термином «интертекст» мы будем понимать «факт переключки двух текстов независимо от причин ее появления (случайное сходство текстов или сознательная отсылка одного текста к другому)»³.

С точки зрения *иерархичности* семиосфера состоит из микро- (интертекст), макро- (дискурс) и мега- (интердискурс) уровней⁴. Ф.М. Достоевский, используя интертекстуальный «строительный материал», в романе организует художественный дискурс на всех уровнях иерархичности. Рассмотрим звуковой, морфемный и смысловой интертексты имени, отчества и фамилии главного героя. Родион Романович Раскольников – звукопись в имени, отчестве и фамилии – создает атмосферу внутренней борьбы героя, конфликта с собой и миром. Родион – имя греческого происхождения, означает «житель острова Родос». Остров Родос славился великими полководцами, там обучались Помпей, Цезарь, Тиберий. Есть вероятность, что имя Родион – это русская форма древнегреческого имени Иродион, имеющее толкование «герой». Так возникает мотив сильных мира сего, преступивших через кровь и страдания. Покровителем имени является святой Родос – монах-отшельник, желающий искупить все грехи людей. Он был причислен к лику святых. Роман – в переводе с латинского означает «римлянин», происходит от греческого слова «крепость», «сила». Обращаясь к содержанию романа, вспомним, что Раскольников хотел испытать крепость духа, «Наполеоном сделаться». В христианской традиции почитается несколько святых с именем «Роман», проповедовавших Евангелие, веру и исповедание Иисуса Христа и принявших мученическую кончину от меча турок. Таким образом, в имени и отчестве героя, рассмотренных как интертекст, развивается не только мотив «наполеонов», сильных мира сего, но и мотив страдания за людей. Если производить поэтапный словообразовательный разбор фамилии «Раскольников», то можно увидеть следующее. Производящая основа «раскольник» прямо отсылает нас к раскольникам-староверам, ушедшим от Церкви в протестантизм, что подтверждает и значение суффикса «ник»: «определяющий отношение к предмету, занятию». С «раскольником» может быть связана историческая аллюзия. В августе 1865 года в Москве проходил военно-полевой суд над приказчиком, купеческим сыном Герасимом Чистовым, 27 лет, раскольником по вероисповеданию, убившем двух старух. Следующая производящая основа –

«раскол» – указывает на двойственность души героя, одна часть которой – бескорыстна, сострадательна и по-детски невинна (детская улыбка Раскольников, детский плач его в первом сне), другая – преступна. Выделение этимологического корня «кол» указывает на наказание для героя. Мать Родиона говорила: «Раскольниковы хорошей фамилии... Раскольниковы двести лет известны». По мнению С. В. Белова, имя героя – Родион – можно связать с идеей родины, матери-земли, которая его породила и которую он «раскалывает», а если брать отчество – Романович, – то «вполне возможно прямое толкование: раскол родины Романовых...»⁵. Таким образом, фонетический, словообразовательный и смысловой анализы создают основу для интертекстуального, который организует не только дискурс романа, интерпретируя его название – «Преступление и наказание», но и мегадискурс, показывая борьбу римской и иудейской культур в сознании человека (см. Ф.Ницше «К генеалогии морали»).

Симметричность/асимметричность. «Чтобы сохранить феноменальную целостность, текст должен стремиться к симметрии, но никогда ее не достигать, поскольку симметрия его структуры ведет к резкому снижению информативности, свойственной открытым нелинейным диссипативным, то есть синергетическим системам»⁶. Доминантный смысл, синхронизирующий симметричные (находящиеся в динамическом равновесии) и асимметричные (находящиеся в динамическом неравновесии) компоненты, выступает креативным аттрактором, организующим художественный дискурс Достоевского. С этой позиции проанализируем *внутренний интертекст*, или полифонический фон романа, и рассмотрим два взгляда на статью Раскольникова. В высказываниях о статье Раскольникова Порфирия Петровича и Разумихина есть прямая цитация и полемическая реминисценция, сюжетная и структурная парафраза. Этим достигается трансформация чужих точек зрения, сливающихся в единую систему, приоткрывающая позицию Достоевского (см. таблицу).

Открытость в терминологии синергетики позволяет эволюционировать от простого к сложному, так как каждый иерархический уровень может развиваться, усложняться только при обмене веществом, энергией, информацией с другими уровнями. Так называемая «интерпретационная» открытость обеспечивается действием категории интертекстуальности, позволяющей принципиально открытому ризоматичному пространству текста Ф.М. Достоевского вступать в коммуникацию с разными авторами.

Раскольников говорит, что написал статью «по поводу одной книги». Исторической аллюзией, или условным претекстом статьи можно считать произведения А. Шопенгауэра. Публичные лекции Вл. Соловьева о Шопенгауэре слушал Достоевский, так что можно предположить, что он (Достоевский) косвенно знал о философии Шопенгауэра. Ф.И. Евнин полагает, что это могла быть книга Наполеона III «История Юлия Цезаря», русский перевод которой появился в апреле 1865г.⁷ В.Я. Кирпотин считает, что это книга Макса Штирнера «Единственный и его собственность», вышедшая на немецком языке в Лейпциге в 1845 г. (Известно, что писатель был не только знаком с книгой философа «Единственный и его собственность», но и делал по ней доклад на одной из пятниц Петрашевского.) М.П. Алексеев доказал сходство некоторых положений статьи Раскольникова «О преступлении» с трактатом Т. Де Квинси «Убийство как одно из изящных искусств»⁸. В.Я. Кирпотин пишет, что Раскольников «был слишком сложен для того, чтобы увлечься одной книгой одного автора и на основе ее перестроить все свое мировоззрение. Он впитывал в себя то, что носилось в воздухе, дух времени, и особым образом перерабатывал его применительно к своим идеалам и своим целям. Статья его в «Периодической речи» не комментарий к «одной книге», а изложение собственного кредо «по поводу одной книги»⁹. Ю. Карякин «по поводу одной книги» замечает: «Известно, что книг таких было много, слишком много. И все они исповедовали, проповедовали необузданное своеволие личности. Раскольниковская «статья» и есть художественный образ всех этих книг. Эпоха, эпоха была одержима наполеоманией, а Достоевский – мыслью о том, к чему все это может привести»¹⁰. Ф.М. Достоевский предупреждал нас о том, то придание идее индивидуализма метафизической основы приведет к искажению идеи соборности, культивированию открытого индивидуализма.

Условным послетекстом можно считать произведения Ф. Ницше, который подчеркивал свой интерес к Достоевскому-психологу.

Прямым послетекстом можно считать постмодернистскую игру текстом романа «Преступление и наказание» у Б. Акунина. Философский подтекст романа «Ф. М.» – очень приблизительный. При внешнем сходстве фабулы и персонажей автор не вникает в психологический процесс преступления, отбрасывает основную мысль Достоевского о христианском смирении и воскресении через смерть. Акунинские герои более приземленные, для них важнее не христиан-

ские идеи, а здравый расчет, научное обоснование гармонии. В основе детективного сюжета у Акунина лежит не психология и философия, а занимательность, приключения.

Таблица

«Интертекстуальный фон идеи Раскольникова»

Автор	Теория
<p>А. Шопенгауэр «Мир как воля и представление» (условный интертекст)</p>	<p>Шопенгауэр условно делит индивидов на «людей пользы» и «людей духа». К числу первых он относит абсолютное множество обыкновенных людей, а также тех, кто обладает выдающимся талантом. Эти люди полностью подчинены слепой воле... Единственным выходом из-под власти воли «является бескорыстное и безусловное творчество – т. е. искусство гения, осуществляющего познание посредством созерцания с целью поиска возвышенного и прекрасного»¹¹.</p>
<p>М. Штирнер «Единственный и его собственность» (условный интертекст)</p>	<p>«Победить или покориться – таковы два мыслимых исхода борьбы. Победитель становится властелином, а побежденный обращается в подвластного... Сознай, что ты сильнее и властнее, чем ты себя считаешь, и тогда ты будешь властнее и сильнее. Сознай, что ты больше и ты будешь больше... Я не испугаюсь и деяния, в котором обитает дух безбожия, безнравственности, беззакония»¹².</p>
<p>Наполеон III «История Юлия Цезаря» (условный интертекст)</p>	<p>В «Предисловии» проводилась мысль, что действия людей обыкновенных судят по одной логике и одним законам, действия же «героев», «мировых гениев» – по другой логике и другим законам; в книге обосновывалось право «гения» на преступление, доказывалось, что ему «все дозволено»¹³.</p>

Автор	Теория
<p>Де Квинси «Убийство как одно из изящных искусств» (условный интертекст)</p>	<p>«Я никогда в жизни не покушался на кровопролитие, за исключением одной-единственной попытки, каковую я предпринял в 1801 году, избрав жертвой кота; однако на деле из моих намерений вышло нечто совсем противоположное. Целью моей, сознаюсь, было откровенное и недвусмысленное убийство»¹⁴.</p>
<p>Порфирий Петрович (внутренний интертекст)</p>	<p>«Одним словом, если припомните, проводится некоторый намек на то, что существуют на свете будто бы некоторые такие лица, кото-рые могут... то есть не то что могут, а полное право имеют совершать всякие бесчинства и преступления, и что для них будто бы и закон не писан». Искажение теории Раскольникова с целью искреннего сочувствия. Порфирий Петрович сумел сам вовремя разобраться в модных современных теориях и теперь пытается спасти Раскольникова: «Станьте солнцем, вас все и увидят! Солнцу, прежде всего, надо быть солнцем!»¹⁵</p>
<p>Раскольников Статья «О преступлении»</p>	<p>«...Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово»¹⁶.</p>
<p>Разумихин (внутренний интертекст)</p>	<p>«...и действительно принадлежит одному тебе, к моему ужасу, – это то, что все-таки кровь по совести разрешаешь, и, извини меня, с таким фанатизмом даже... Ведь это разрешение крови по совести, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение кровь проливать, законное...»¹⁷ Идея «крови по совести» несет в себе скрытый богоборческий смысл. Раскольников бросает вызов основам христианской религии, согласно которым закон нравственного добра исходит от Бога, а не от человека.</p>

<p>Ф. Ницше. «К генеалогии морали» (условный послетекст)</p>	<p>По мнению Ницше, одни люди от природы слабы, другие сильны опять-таки по природе. Сильные («хозяева», по терминологии Ницше) ценят личное достоинство, самоуверенность, нестигаемую волю и неистощимую энергию в достижении поставленной цели. Слабые («рабы» по той же терминологии) ценят то, что в большей мере выражается в их слабости – сострадательность, альтруизм, рассудительность и т.п.¹⁸ Всегда велась борьба между римской культурой (культурой господ и сильных духом) и иудейской (культурой рабов, слабых).</p>
<p>Свидригайлов (Б. Акунин «Ф.М.»). (послетекст)</p>	<p>«У него, – говорит тот о Раскольникове, – как раз теорийка одна имеется, прелюбопытная. Насчет человечества. Мол, всяких обыкновенных, ничемных людишек убивать вполне дозвоительно, если, конечно, для пользы дела и если сам убийца – человек необыкновенный»¹⁹. Прикрытие теорией как оправданием преступлений.</p>

Синергетический текст – это текст множественного кодирования, содержащий глубинные, непосредственно не наблюдаемые смыслы и представляющий собой совокупность внутритекстовых нелинейных отношений и процессов²⁰. Обращение к синергетической терминосистеме и методам исследования интертекста в лингвистике позволяет интерпретировать «сложное» в нелинейном дискурсе. Формируемая языком синергетики полифоническая картина мира, где есть альтернатива в понимании роли языкового феномена, отвечает философии Ф.М. Достоевского и метафизике его романа «Преступление и наказание».

¹ Назиров Р.Г. Реминисценция и парафраза в «Преступлении и наказании»//Назиров Р.Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет. Сборник статей. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 71-78.

² Олизько Н.С. Реализация интердискурсивности в семиотическом пространстве[Текст]// Вестник Челябинского государственного универси-

тета. 2012. № 22 (276). Философия. Социология. Культурология. Вып. 27. С. 88.

³ *Суханова И.А.* Филологический анализ интертекста (на материале романа В. Орлова «Альтист Данилов»): пособие по спецкурсу. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2006. 190 с. С. 41.

⁴ *Олизько Н.С.* Указ. соч. С. 89.

⁵ *Белов С.В.* Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». М.: Просвещение. 1994. С. 34.

⁶ *Герман И. А.* Введение в лингвосинергетику: моногр. / И. А. Герман, В. А. Пищальникова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 130 с.

⁷ *Евнин Ф.И.* Роман «Преступление и наказание». М., Изд-во АН СССР, 1959. С. 252.

⁸ *Белов С.В.* Указ. соч. С. 58.

⁹ *Кирпотин В.Я.* Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. Книга о романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». М.: «Сов. Писатель», 1974.

¹⁰ *Карякин Ю.Ф.* Самообман Раскольникова. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». М.: «Худож. Лит», 1976. С. 158.

¹¹ *Шопенгауэр А.* Собрание сочинений в пяти томах. Том первый. Перевод Ю. И. Айхенвальда под редакцией Ю. Н. Попова. М.: «Московский клуб», 1992. С. 325.

¹² *Белов С.В.* Указ. соч. С. 56.

¹³ Там же. С. 45.

¹⁴ *Томас Де Квинси.* Убийство как одно из изящных искусств/перевод С.Л. Сухарева. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», «Наука», 2000.

¹⁵ *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0060.shtml

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Nietzsche Friedrich.* On The Genealogy of Morals. New York: Vintage Books, 1967. P. 39.

¹⁹ *Кузмичева И.В.* Интертекстуальные связи романа Б. Акунина «Ф.М.» с романом Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Филология и литературоведение. 2014. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/05/783>

²⁰ *Муранова Е.Ю.* Синергетический анализ поэтического текста // Вестник РУДН, серия «Теория языка. Семиотика. Семантика», 2012, № 2. С. 56.

Sherstobitova I. A.

*St. Petersburg Academy
of postgraduate pedagogical education*

**Intertextual Background of the Novel by F. M. Dostoevsky
«Crime and Punishment»**

The article is devoted to the study of synergetic principles of the organization of artistic discourse of novels of F. M. Dostoevsky. It raises the question of the evolution of the terminological system of the language and the borrowing of terminology and methods of text studies of synergetics. The method of studying the processes of discourse generation is proposed by the example of the novel «Crime and punishment» and the definition of the features of self-organization of intertextual and interdiscursive relations in its semiotic space. The conclusions about the role of the synergetic approach in linguistics are made.

Keywords: intertext, discourse, linguosinergetics, terminosystem.

Хрипункова О. В.

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, Россия
khrpunkova.oxana@yandex.ru*

Мистерия умирающего и воскресающего бога в культурфилософской концепции Д. С. Мережковского

В статье рассматриваются особенности трактовки мифологической мистерии умирающего и воскресающего бога в культурфилософской концепции Д.С. Мережковского. Стремление к преодолению противостояния христианства и язычества путем их синтеза через идею «обожествления плоти», совершенным воплощением которой стал Иисус Христос, является неотъемлемой частью культурфилософских воззрений Мережковского. Истоки этого синтеза мыслитель видит в древнейших языческих религиях, в которых реализовывался архетип страдающего бога. Мережковский полагает, что все существование человечества до Иисуса было подготовкой к его приходу. В древних мистериях и культах умирающего и воскресающего бога философ видит доказательство «предвечного» существования христианства в мире. Мифологические образы богов Древнего Востока и богов античности он рассматривает строго в контексте христианского архетипа.

Ключевые слова: миф, архетип, мистерия, культ, ритуал, воскресение, язычество, христианство.

Умирающий и воскресающий бог – широко распространённый мифологический архетип. Название «умирающие и воскресающие боги» обычно применяется к мужским божествам, которые почитались в аграрных средиземноморских обществах и являлись средоточием мифов и ритуалов, ежегодно воспроизводящих их смерть и воскресение.

Впервые категория умирающих и воскресающих богов (вместе с паттерном их мифологических и культовых ассоциаций) получает свое полное оформление в пользующейся большим авторитетом работе Джеймса Дж. Фрэзера «Золотая Ветвь»¹.

Фрэзер предлагает две интерпретации: эвгемеристическую и натуралистическую. В первом случае утверждается, что, когда фертильность царя шла на убыль, его убивали. Эта практика, по предположению автора, со временем подвергается мифологизации и трансформируется в миф об умирающем боге.

Натуралистическая интерпретация говорит уже о полном цикле смерти и воскресения и объясняет это связью божеств с сезонным растительным циклом².

Древняя ближневосточная мифология умирающих и воскресающих божеств дошла до наших дней в основном при посредстве более поздних эллинистических и римских письменных источников (исключением является культ Осириса). Наиболее известными из культов страдающих богов являются культы Таммуза в Израиле, Сирии и на территории Междуречья, Осириса в Египте, Аттиса в Финикии, Адониса и Диониса-Загрея в Греции. Мистерии смерти-возрождения достигают пика своей популярности в греко-римскую эпоху и распространяются по всему эллинистическому миру и Римской империи.

Философскому осмыслению мифа об умирающем и воскресающем боге и связанных с данным мифом мистерий было положено начало ещё в античности. Орфики рассматривали растерзанного Диониса-Загрея как мировую душу, разделенную на бесчисленное множество фрагментов мироздания, и, тем не менее, всегда сохраняющую свое единство. По их мнению, Дионис стремился преодолеть раздробленность мира, символом которой являлись титаны. Растерзание Диониса титанами стало путём к установлению всеохватывающего божественного всеединства. Титаны при этом преобразовались в людей, обладающих с тех пор двойственной, титаническо-дионисийской природой³.

С другой стороны, по свидетельству Диодора Сицилийского, в античности была распространена и натуралистическая трактовка данного мифа, в которой Дионис ассоциировался с виноградной лозой в земледельческом цикле⁴.

Апологеты раннего христианства также трактовали культ умирающего и воскресающего божества как чисто аграрный. Христианские авторы были смущены сходством языческих и пасхальных христианских ритуалов, и поэтому описывали первые как сугубо сельскохозяйственные. Так, например, св. Иероним говорил, что Адонис умирает в хлебном семени, а воскресает в колосе, а Аммиан Марцелин писал, что «жатву созревших плодов означает убиение Адониса»⁵.

Впоследствии данная точка зрения утвердилась и стала общепринятой в научных кругах. Дж. Фрэзер в своей «Золотой ветви» утверждает, что Народы Египта и Западной Азии таким образом представляли себе ежегодное увядание и возрождение жизни, в особенности растительной, которую они отождествляли с определенным божеством, ежегодно умирающим и вновь возрождающимся.

Однако существуют и иные интерпретации мифа об умирающем и воскресающем боге, выходящие за рамки его понимания как исключительно земледельческого культа плодородия, в основе которого лежит сельскохозяйственный цикл.

Известный религиовед Мирча Элиаде трактует данный миф в рамках своей космогонической теории. Он утверждает, что роль божества в этих культах играет царь, который должен ритуально умереть, спуститься в преисподнюю и воскреснуть. Ритуал этот проводился ежегодно с целью обновления Вселенной: смерть царя (божества) – это разрушение и гибель мира, возврат к первичному Хаосу, а воскресение – сотворение нового мира. В этом, пишет Элиаде, проявляется единство противоположностей, поскольку жизнь невозможна без наличия смерти. Однако появление этой концепции, вышедшей позже далеко за рамки аграрных культов, Элиаде все-таки связывает с возникновением земледелия⁶.

Карл Густав Юнг объясняет глубинные истоки мифа об умирающем и воскресающем боге в рамках теории психоанализа и делает акцент на сюжетах оскотления бога и его связи с матерью. Умирающий и воскресающий бог, по мнению автора – это *«томящаяся тоскою по матери инфантильная личность, жертвующая, под видом Митры, желанием (libido), под видом же Христа идущая на смерть; оба действуют и добровольно, и недобровольно. В момент смерти жизнь – плодородие и либидо – исчезает, возвращаясь в мать, из лона которой она возвращается обновлённой. Бог умирает, принося себя в жертву для матери, и возвращается в её чрево, вступая таким образом с ней в священный брак»*⁷.

Русский философ А. Ф. Лосев также связывает представление об умирающем и воскресающем боге с древним материнским культом. Оргиастический юный бог был одновременно и сыном, и возлюбленным Великой матери-богини, ключевой фигуры в мифологии «зрелого матриархата»⁸. Этот бог, по мнению исследователя, был лишь придатком единой космической богини, этой «стихийно-чудовищной силы», управляющей решительно всем в мире.⁹

Российский религиовед Е. А. Торчинов полагает, что аграрный аспект является лишь одной из многочисленных сторон данного культа, и делать его ведущим – значит менять местами причину и следствие: *«...не исключено, что Адонис и Аттис одновременно и боги растительности, и боги побеждающего солнца, и боги возрождающегося и вновь умирающего лунного диска, и многого, многого другого. (...) Не потому Адонис умер и воскрес, что зерно в земле умирает и в колосе возрождается, а, напротив, судьба зерна такова*

потому, что некогда, во время оно (или же всегда, в вечности) умер и воскрес Адонис. Таким образом, для мифологического мышления природные явления как бы несут в себе отпечаток причастности к некоему образцовому, парадигматическому событию. (...) Ясно, что за мифом стоит мистерия»¹⁰.

Д.С. Мережковский также усматривает в культе страдающего бога мистирию, но мистирию иного плана – мистирию «Возлюбленного Сына», «Агнца, закланного от создания мира»¹¹. Мыслитель видит в древних культурах и в языческих мистериях умирающего и воскресающего бога «христианство до Христа».

Мережковский считает, что на протяжении всего своего существования человечество готовилось к приходу Иисуса, а вся вереница страдающих божеств – лишь тени, отбрасываемые Сыном Божиим на человеческую историю. Данная идея является основой одной из важнейших задач, поставленной мыслителем – всем своим творчеством Мережковский старался доказать, что христианство «предвечно» существует в мире, и было явлено еще в языческие времена в древних мистериях умирающего и воскресающего бога.

«Мир есть раздробленный, растерзанный Бог»¹², – вторит Мережковский учению орфиков и возмущенно критикует «аграрную» теорию культа: «Вся религия Адониса – только “земледельческий культ плодородья”, – это нелепое кощунство останется незабываемым от V века до XX. Ну, конечно, Адонис – хлебный злак, умирающий и воскресающий, но совсем не в том смысле, как думают “натуралисты”, от бл. Иеронима до Фразера..., а в том, как учит ап. Павел: “Что ты съешь, не оживет, если не умрет... Так, и при воскресении мертвых... Говорю вам тайну” (I Кор., 15, 36–42). “Тайна” эта и сделалась “тщетною”, увы, не только в древних Адониях»¹³.

Эта «сделавшаяся тщетною» тайна, по мнению Мережковского, заключается в том, что Бог с изначальных времен приносит себя в жертву во имя спасения человека. *«Бог умер, чтобы человек жил. Может быть, это и значит “Отец есть любовь”?»¹⁴*

«Одно из имен Озирисовых – Bata, “Душа хлеба”. Вкушая хлеб, люди вкушают плоть Озирисову, плоти его причащаются. “Ты – отец и мать всех людей: люди дышат дыханием твоим, едят плоть твою”»¹⁵, – напоминает Мережковский. В связи с этим можно вспомнить священный обряд другого бога-мученика – Диониса, связанный с разрыванием на части живого жертвенного быка или теленка. Разрывая на части и пожирая быка на празднике Диониса, участники культа верили, что убивают бога, едят его плоть и пьют его кровь. Данное действие вызывает отвращение и ужас у современ-

менного человека, но Мережковский усматривает в этом варварском обычае глубочайший смысл: «*“Бога должно заклать” – читаем мы на одной шумерийской дощечке бездонной древности. (...) Агнец, закланный от создания мира, – в основе мира и в основе всех таинств, или, точнее, одного-единственного, потому что все они ведут к одному, именно к этому: Бога должно заклать*»¹⁶.

Безмерное величие этого мистического действия заключается, по мнению философа, в том, что гибель Адониса-Таммуза-Осириса-Диониса, всех этих страдающих богов – это вольная жертва любви, это извечное проявление отеческой любви Бога к человеку, в полной мере явленное в образе Христа и лишь отраженное в ликах тех, кто приходил до него. «*В мифе сознание **вольной жертвы** потухло, и даже в мистерии чуть брезжит; полным светом засияет только в христианстве: “Я отдаю жизнь Мою, чтобы снова принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я сам отдаю ее; власть имею отдать ее и власть имею принять ее. Заповедь сию получил я от Отца Моего” (Ио. 10, 17–18)*»¹⁷.

Мережковский пишет, что от самых первых дней человечества до явления Христа смерть и воскресение Бога – тайна Христова – предречена тайной всех испокон веков страдающих, умирающих и воскресающих во имя безмерной любви к людям божеств. Мыслитель убежден, что тайное знание мистерии страдающего бога заключается в том, что задолго до возникновения христианства люди знали, что Христос придет: «*... все во всемирной истории движется от таинств к таинствам... (...) весь, от начала мира до сегодняшнего дня, пройденный человечеством путь – можно бы выразить в трех словах: тайна таинств – Христос*»¹⁸.

¹ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: / Пер. с англ. М. Рыклина. / науч. ред. Д. С. Дамте. М.: Академический проект, 2017. 799 с.

² Смит Дж. Умирающие и воскресающие боги [Электронный ресурс] // Религиозная Жизнь. Портал о религии и религиоведении. URL: <http://religious.life/2014/10/dzhonatan-smit-umirayushhie-i-voskresayushhie-bogi-anofriev/> (дата обращения: 06.06.2018)

³ Лосев А. Ф. Античная мифология в её историческом развитии. / М.: Учпедгиз, 1957. 617 с.

⁴ Диодор Сицилийский. Греческая мифология. (Историческая библиотека). / Пер. с древнегреч., статья, комментарий и указатель О.П. Цыбенко. Серия: Античное наследие. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.

⁵ Торчинов Е.А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния [Электронный ресурс] // Psylib. Самопозна-

ние и саморазвитие. Психологическая библиотека Киевского Фонда содействия развитию психической культуры. URL: <http://psylib.org.ua/books/torch01/txt05.htm> (дата обращения: 06.06.2018)

⁶ *Элиаде Мирча*. История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 1. От каменного века до Элевсинских мистерий. / науч. ред. В. Я. Петрухин. М., Критерий, 2002. 464 с.

⁷ *Юнг Карл Густав*. Либи́до, его метаморфозы и символы [Электронный ресурс] // ЛитМир - Электронная Библиотека. URL: https://www.litmir.me/br/?b=574397&p=68#section_15 (дата обращения: 06.06.2018)

⁸ *Лосев А. Ф.* Указ. соч. С. 64-65.

⁹ Там же.

¹⁰ *Торчинов Е.А.* Указ. соч.

¹¹ *Мережковский Д.С.* Тайна Трех. Египет-Вавилон / науч. ред. Е. Андрущенко. М.: Изд-во «Эксмо», 2005. С. 460.

¹² Там же. С. 229.

¹³ Там же. С. 323-324.

¹⁴ *Мережковский Д.С.* Рождение богов (Тутанкамон на Крите). Мессия / науч. ред. В.Ф. Матющенко. М.: «Вече», 2012. С. 5.

¹⁵ *Мережковский Д.С.* Тайна Трех. Египет-Вавилон / науч. ред. Е. Андрущенко. М.: Изд-во «Эксмо», 2005. С. 233.

¹⁶ Там же. С. 474.

¹⁷ *Мережковский Д.С.* Тайна Запада. Атлантида-Европа / науч. ред. Е. Андрущенко. М.: Изд-во «Эксмо», 2007. С. 316.

¹⁸ Там же. С. 553.

Khripunkova O. V.

Saint-Petersburg state university of economics, Russia

The Mystery of the dying and resurrecting God in the cultural and philosophical concepts of D. S. Merezhkovsky

The article deals with the peculiarities of the interpretation of the mythological mystery of the dying and resurrecting God in D. S. Merezhkovsky's cultural philosophy concept. The desire to overcome the opposition of Christianity and paganism through their synthesis, through the idea of «deification of the flesh» (the perfect embodiment of which was Jesus Christ), is an integral part of the cultural and philosophical views of Merezhkovsky. The thinker sees the origins of this synthesis in the ancient pagan religions, in which the archetype of suffering God was realized. Merezhkovsky believes that the entire existence of mankind before Jesus was just a preparation for the arrival of Jesus. The philosopher believes that ancient mysteries and cults of the dying and resurrecting God prove the «eternal» existence of Christianity. He considers mythological images of gods of the Ancient East and gods of antiquity only in the context of the Christian archetype.

Keywords: myth, archetype, mystery, cult, ritual, resurrection, paganism, Christianity.

Абаганова А. О.

Евразийский национальный университет им. Л.Н.

Гумилева, Астана, Казахстан

Abaganova.a@list.ru

Творчество В. О. Пелевина в контексте русского литературного пострефлексивного постмодернизма

В данной статье автор раскрывает понятие постмодернизма и причисляет Виктора Пелевина к числу авторов-постмодернистов, на основании анализа его текстов. Исследования показали, что Пелевин сам относит себя к данному течению, при этом использует основные особенности пост-модерна в своем творчестве.

Ключевые слова: постмодернизм, Пелевин, интертекст, двойничество, симулякр.

В современной русской литературе выплеск постмодерна, или накопившегося за несколько предшествующих десятилетий «андеграунда», произошло в середине 1980-х годов, в период «горбачевской перестройки». Литература «русского постмодерна» возникла как реакция на общественную ситуацию в стране, на изменение политического строя, государственного устройства и новая действительность породила потребность новых поэтических средств, продиктовала новые законы отражения реальности, так как новизна литературы середины 1980 – 1990-х годов основном сводилась именно к изменению поэтики, к трансформации художественной формы.

В середине 1990-х годов русский постмодернизм наполняется экзистенциальными проблемами. Оставаясь по форме постмодернистскими, произведения, написанные в этот период, не только констатируют утрату реальности, но пытаются найти ориентиры в образовавшейся пустоте. «Писатели сочленяют языки разных эпох и культур, обыгрывают стереотипы восприятия жизни. Они используют прием полистилистики, то есть стилевой неоднородности произведения, «вживления» элементов разных эстетических направлений, и таким образом создают текст, основанный на противоречиях, диссонансах, внутренней «борьбе» разнородных форм. Постмодернистский текст демонстрирует абсолютную неустойчивость, пренебрежение правилами и нормами языка. Текучесть, относительность текста проецируется на относительность мира»¹.

Все большее внимание обращают на себя авторы, творчество которых нельзя отнести к какому-либо одному определенному направлению. Оно, скорее, образует «пограничные зоны», вбирая в себя элементы различных поэтик и Виктор Пелевин является одним из наиболее популярных и противоречивых писателей современной России, характеризующий в своем творчестве «постсоветскую словесность». Его произведения называют настоящей энциклопедией «интеллектуальной и духовной жизни России» XX–XXI веков².

Пелевина занимает проблема соотношения вымысла и реальности, искусства и действительности, в конечном счете, упирающаяся в проблему реальности вообще. Автор делает читателя свидетелем череды кризисов: сначала демонстрируется исчезновение «объективной реальности», затем растворяется и субъект познания – собственно личность, что оставляет нас наедине с пустотой. Стилистический метапсихоз, перевоплощение идеи в разные языковые формы не меняют ее сути. Серьезность темы только выигрывает от того, что разговор о высших истинах ведется в разных стилевых регистрах.

Произведения Пелевина В.О. дают возможность изучить теоретические и эстетические основы постмодернизма, такие, как игра, концепт «мир как текст», хронотоп, взаимодействие автора с «чужим», цитация, дистанцирование, двойничество, хаос, теоретический дискурс. Сами произведения автора говорят об эстетической основательности постмодернизма.

Существуют различные мнения о его творчестве: «полное название Пелевинской школы будет Русский Классический Пострефлексивный Постмодернизм»³; Пелевин сравнительно успешно использует «поп-артистские литературные стратегии»⁴, «творчество писателя настолько разнообразно, что не укладывается в строгие рамки какого-либо одного направления»⁵.

Произведения В. Пелевина очень популярны сейчас и за пределами России. Этот автор был удостоен ряда престижных международных литературных премий. Существует также большое количество критических работ, посвященных творчеству этого писателя. В России его даже считают самым модным и культовым писателем нынешнего времени. Однако реакция читательской аудитории на творчество В. Пелевина делится строго на две категории: категорическое неприятие, с одной стороны, и восторженное признание – с другой.

Критические отзывы о специфике авторского творчества представлены в русскоязычных монографиях о постмодернизме, а также

в учебных пособиях по современной русской литературе: «Русская проза второй половины 80-х – нач. 90-х г.г. XX века» Г. Нефагиной, «Русская проза конца XX века» под редакцией В. Агеносова, Т. Колядич и др., «Русская постмодернистская литература» И. Скоропановой, «Современная русская литература» Н. Лейдермана и М. Липовецкого, «Эстетика постмодернизма» Н. Маньковской, «Русский литературный постмодернизм» В. Курицына, «Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX века – начало XXI века)» О. Богдановой, «Современная русская литература» М. Черняк и др. Литературная критика творчества В. Пелевина, главным образом, посвящена вопросу изучения стилевых и структурных особенностей его сочинений.

Решая «вечные проблемы» человечества Виктор Пелевин далёк от серой назидательности. Он погружает читателя в свой особый мир, где каждая деталь насыщена смыслом, который невольно входит в сознание, заставляя читателя переоценивать собственную систему ценностей. Он использует различные традиционные и нетрадиционные литературные приёмы. Сложное и интересное отношение пространства и времени – это тоже один из авторских приёмов Пелевина.

В романах «постижения истины» «Омон Ра», «Достижения нирваны» «Чапаев и Пустота», «карьеры» «Generation П» анализируется своеобразная инициация главных пелевинских героев от рождения протагониста через пережитое им состояние катарсиса к обретению знания о мире и себе.

В текстах Пелевина часто можно заметить использование хронотопа, разомкнутого в сферу архетипических мифологем и мифопоэтики, языковой игры, специфику диалога пелевинского текста с произведениями братьев Чапеков, Ф. Кафки, М. Пруста, Э. Ионеско, Н. Гоголя, И. Крылова, М. Осоргина, М. Булгакова, И. Бродского, Л. Борхеса, Чжуан-Цзы, К. Кастанеды, Р. Баха, Дм. Фурманова, Вен. Ерофеева, братьев Стругацких, А. Битова, Т. Толстой, Д.А. Пригова, В. Маканина и других писателей.

Несмотря на отказ от позитивной содержательности и эпатажность интертекстуальной игры, тексты Пелевина обнаруживает приверженность к онтологической проблематике, поскольку ориентируется на сюжеты и стиль произведений классической литературы. В романах часто можно заметить ностальгию по модернизму Серебряного века (сопоставление с литературой Серебряного века свойственно постмодернизму и по причине сходства ситуаций: тогда

так же нащупывались новые координаты развития литературы): имена и образы Н. Бердяева, В. Брюсова, В. Соловьева, осколки модернистских учений и текстов подвергаются постмодернистскому пародированию в повестях «Хрустальный мир», «Желтая стрела», в самом романе «Чапаев и Пустота». Еще одной характеристикой русского литературного постмодернизма, является разыгрываемый творческий хронотоп с множеством авторов (эксплицитный издатель, повествователь, писатель).

Рассматривая творчество В. Пелевина в рамках постмодернистской культуры, мы обнаружили соответствие игровой поэтики его прозы этой культуре. Проза Пелевина, на первый взгляд, так легко соотносимая с игровой культурой постмодерна, тем не менее, уходит от него в попытке обнаружения вечных истин, в подлинном трагизме фантазмагорических игровых иллюзорных миров, в использовании новых, часто внелитературных технологий, в попытке создания традиций XXI века. Концепт «перехода», актуальный для современной культуры и имманентный всей прозе В. Пелевина, позволяет видеть в творчестве исследуемого автора стремление создать новую парадигму художественности.

Специфика дискурса романов во многом определяется и ситуацией традиционного для рубежа веков кризиса культуры. Прозе Виктора Пелевина присущи концептуальная важность разных форм игрового дискурса, неомифологизма и восточных религиозных практик, новый тип «компьютерного» художественного мышления, что, таким образом, представляет собой возможное в литературе направление развития традиций в русле внелитературных технологий⁶.

Подводя итог можно отметить, что герои Пелевина имеют непосредственное отношение к миру искусства, что полностью соответствует положению исследования М. Липовецкого: *«В магнитном поле творческого хронотопа не могут сложиться специфические отношения между автором литературного произведения и его персонажами. Постмодернистский герой реализует свои авторские амбиции не только в том, что постоянно сочинительствует (плоды его сочинений, как правило, представляют солидный пласт вставных жанров постмодернистского текста), но и в том, что оно пытается строить свою жизнь по эстетическим законам <...> Тем самым такой герой либо воплощает в себе культурологическую формулу, обнажая в перипетиях своей судьбы, обязательно окруженных рефлексией самого персонажа, релятивность ориентирующих культурных моделей; либо чаще всего его личность образует то культур-*

ное поле, где пересекаются противоречащие друг другу эстетические системы, где они вступают в диалог. Его сознание, жесты, поступки то и дело обнаруживают свою «интертекстуальную» природу - вот, кстати, почему постмодернистский персонаж так часто выступает в роли профессионального гуманитария, филолога, писателя, историка»⁷.

У В. Пелевина юнкера из «Хрустального мира» серьезно интересуются учением Шпенглера, прекрасно знают поэзию Серебряного века; Петр Пустота из романа «Чапаев и Пустота» в хронотопе Серебряного века является поэтом-декадентом, описывающим свои ощущения и впечатления, полученные в хронотопе сумасшедшего дома конца XX века; Чапаев «когда-то посещал консерваторию и готовился к карьере музыканта»; Вавилен Татарский в романе «Generation П» изначально выпускник Литинститута, творящий «для вечности».

В текстах автора присутствует интертекстуальность, попытки двойного кодирования, миры-симулякры, ставшее постоянным внимание к метарассказам также ставят В. Пелевина в ряд авторов, творящих в постмодернистском ключе. Наличие намеренного полифонизма коннотаций и осознание относительности любого знания об «объективной реальности» по-прежнему оставляют актуальной проблему определения творческого метода В.Пелевина как постмодернистского.

¹ Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века: Учебное пособие для студентов филологических факультетов вузов. Минск: Экономпресс, 2003. 631с.

² Гурин С. Пелевин между буддизмом и христианством. [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html> (дата обращения: 12.04.2018).

³ Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной авантюре Виктора Пелевина // Новое литературное обозрение. М. 1997. № 28. С. 244-259.

⁴ Богданова О., Кибальник С., Сафронова Л. Литературные стратегии Виктора Пелевина. СПб.: ИД «Петрополис», 2008. 184 с.

⁵ Макеева К. Творчество Виктора Пелевина [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-mak/1.html>

⁶ Репина М.В. Творчество В. Пелевина 90-х годов XX века в контексте русского литературного постмодернизма: дис. ... канд. филол. Наук/ РУДН. Москва, 2004. С. 189.

⁷ Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург: Уральский гос.пед. университет, 1998. 320 с.

Abaganova A. O.

*L. N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Republic of Kazakhstan*

**Works of Pelevin in the Context
of Russian Literary Postreflexive Postmodernism**

In this article, the author expands the concept of postmodernism and includes Victor Pelevin in the number of postmodern authors on the basis of analysis of his texts. Studies have shown that Pelevin referred to himself as to a member of this group of authors and used main features of postmodern style in his work.

Keywords: postmodernism, Pelevin, intertext, duality, simulacrum.

Стрельникова Н. Д.
*Санкт-Петербургский Государственный
 Электротехнический университет «ЛЭТИ», Россия*
tashastrel@mail.ru

А почему Платонов – авиатор? (О роли названия в романе Е. Водолазкина «Авиатор»)

Название романа Е. Водолазкина отсылает к одноименному стихотворению А. Блока. Но смысл и объем названия гораздо шире. Название романа символично и многозначно. Это и «петербургский текст», и роман, ориенти- рованный на литературу Серебряного века, прежде всего, на Ф. Сологуба и Вл. Набокова. Возможным трактовкам прочтения посвящена данная статья.

Ключевые слова: Авиатор, многозначность, полёт, птица, символ.

Название романа Е. Г. Водолазкина о XX веке многозначно и символично. Это не только «петербургский текст», интеллектуальный и интертекстуальный роман, философско-психологическое произведение, но и роман, ориентированный на литературу Серебряного века. Название «Авиатор» совпадает с одноимённым названием стихотворения А. А. Блока (1912), которое главный герой Иннокентий Платонов знает наизусть.

К Серебряному веку отсылает и эпитафия, представляющий собой самоцитацию.

Обращение к собственному творчеству характерно для прозы символистов. Например, роман Ф. Сологуба «Мелкий бес» начинается с эпитафия: «Я сжечь её хотел, колдунью злую»¹, являющегося цитатой, первой строкой стихотворения Ф. Сологуба от 19 июня 1902 года. Е. Водолазкин осуществляет следующий шаг: в качестве эпитафия он берёт отрывок *Разговора в самолёте* между главным героем и его попутчиком. Из-за неисправного шасси самолёт не может совершить посадку, снова и снова пролетая над взлётной полосой и поднимаясь в небо. «– Что вы всё пишете? – Описываю предметы, ощущения. Людей. Я теперь каждый день пишу, надеясь спасти их от забвения. <...> если каждый опишет свою, пусть небольшую, частицу этого мира ... Хотя почему, собственно, небольшую? Всегда ведь найдётся тот, чей обзор достаточно широк. – Например? – Например, авиатор»². То есть в качестве эпитафия автор приводит цитату из этого же произведения: эпитафия к роману

«Авиатор» – фрагмент диалога последних страниц романа. Этот приём существенно раздвигает границы хронотопа и архитектоники книги Е. Водолазкина, осмысления её семантики. Начало адресует к концу, а конец возвращает к началу, совершая вираж, описывая круг, поднимаясь над текстом. Замыкая цикл, автор одновременно подчёркивает важность циклического времени, в котором пребывает жизнеописатель Платонов. Напомним, что повествование в романе отсчитывается днями недели, это циклическое время, замкнутое, нам известны лишь границы – 1900 – 1999, но сменяемость времён года при этом важна. Замкнутость художественного пространства характерна для древнерусской литературы, специалистом и знатоком которой является автор.

Иннокентий Петрович Платонов когда-то, в начале века, был художником, учился в Академии художеств в Петербурге. Проснувшись почти через семьдесят лет после чудовищного эксперимента, он пытается осознать, кто он, и обрести себя в новых обстоятельствах. Герой осознаёт, что утратил дар художника, и начинает писать, но не картины, а воспоминания, постепенно восстанавливая в памяти события, свидетелем которых случилось быть, людей, с которыми сводила судьба, впечатления, ощущения, запахи, краски, звуки, наконец, речь.

Он не авиатор, а роман называется «Авиатор». Может быть, это игра с читателем? Один из принципов художественного метода В. В. Набокова, приём, использованный не однажды в русскоязычных романах «Машенька», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь». Машенька так и не появляется, роман заканчивается накануне её возможного предполагаемого ожидаемого появления, защита не защищает, и состоялась ли казнь?

Автор «Авиатора» вряд ли мог избежать влияния, пусть косвенного, Владимира Набокова, упоминания его имени, потому что существенную роль играет «гений места». Так что отчасти автор следует за В. Набоковым, повторяя его художественный метод игры с читателем, что весьма ожидаемо и вполне логично: любимая Платоновым Сиверская, с которой связаны самые тёплые детские воспоминания, – это почти набоковские места. Усадьба Набокова в селе Рождествено Гатчинского района находится в 8 километрах от посёлка городского типа Сиверский, примерно 10 минут езды на машине. В XIX – начале XX века посёлок Сиверский относился к Рождественской волости и местность близ станции Сиверская со второй половины XIX века считалась Дачной столицей, лучшим

местом отдыха. Рождественно и Выра сейчас – окрестности Сиверской. Платонов пишет жене о впечатлениях от Мюнхена, где, в котором «Мюнхен поместился в пяти строках, остальное – Сиверская»³.

Детство и юность главного героя совпали не только с Серебряным веком, но и с эпохой аэропланов. Первые авиаторы – герои, осуществившие мечту мифологического Икара, многовековую мечту человечества. Почти через две недели после пробуждения в голове выздоравливающего героя всплывает «странное “Авиатор Платонов”»⁴ и он восстанавливает картину, как когда-то два мальчика, он и его кузен Сева, запускали на Финском заливе воздушного змея и воображали себя авиаторами. Платонов мучительно пытается понять, почему он авиатор, и вспоминает, наконец, как в возрасте 11 – 12 лет он попал на Комендантский аэродром, куда его взял отец и где он увидел и аэропланы, и авиаторов. «В тот самый миг, когда я этих людей увидел, я твёрдо решил, что стану авиатором. Не брандмейстером, не дирижёром – авиатором. Мне хотелось вот так же стоять в окружении помощников и, глядя вдаль, медленно подносить к губам папиросу. Так же подкручивать торчащие кончики усов <...> застёгивать на подбородке лямку шлема. Не спеша надевать очки-консервы. Но главная прелесть для меня заключалась даже не в этом. Меня завораживало само слово – авиатор. Его звучание соединяло в себе красоту полёта и рёв мотора, свободу и мощь. Это было прекрасное слово. Позднее появился “летчик”, которого будто бы придумал Хлебников. Слово неплохое, но какое-то куцее: есть в нём что-то от воробья. А авиатор – это большая красивая птица. Такой птицей хотел быть и я. Авиатор Платонов. Это стало не то чтобы домашним именем, но время от времени меня так называли. И мне это нравилось»⁵. Эта запись сделана Платоновым в понедельник, а воскресенье ознаменовалось старинным куплетом, вдруг вспомнившимся герою: «Птичка скачет весело / По тропинке бедствий, / Не предвидя от сего / Никаких последствий»⁶. Совсем другая птица и совсем другой взгляд. «Это не обо мне ли?» – задумывается герой.

Многое в романе двоится или дано в качестве антитезы (*Воронин, Анастасия, остров, Лазарь* ...). Два мальчика хотели стать авиаторами. Но почему-то их пути впоследствии резко разошлись. Авиатор, конечно, – метафора. Метафора способности подняться, взлететь, над временем и над собой, преодолев страх. Метафора внутренней независимости человека. Платонов всё-таки совершил свой полёт, осуществил детскую мечту, метафорически став Авиатором, а его

кузен Сева выбрал другой путь. «Как это Сева так оступися, что его аэроплан спикировал вниз?»⁷. Сева легко подчиняется и трусоват, по мнению Платонова, говорит не своими, а казёнными, слышанными уже словами тех, кто кажется ему сильным. «Сева <...> слабый, – рассуждает Платонов. – <...> Он примыкает к тем, кто ему кажется сильным, и надеется, что они отдадут ему часть своей силы. Ничего они ему не отдадут»⁸. Севу легко испугать, и Платонову легко удаётся смутить его, однако оставшись один, герой задает себе вопрос, зачем он напугал кузена, «зачем перебил его полет»⁹. И так, «Авиатор» – роман о преодолении, прежде всего, страха, о внутренней свободе человека, возможной в самых сложных обстоятельствах. Роман о России XX века, о вечных ценностях, не связанных с историческими событиями. О том, как человек обретает свободу, только преодолев страх. О важности и необходимости, если ты Человек, найти в себе силы и смелость покаяться и простить врагов своих. «Однажды в Сиверской я видел, как с плохо выкошенного поля взлетал аэроплан. Набирая разбег, авиатор объезжал выбоины, подпрыгивал на кочках и внезапно – о, радость! – оказался в воздухе. Глядя, как судорожно перемещается по полю машина, никто полёта, откровенно говоря, не ожидал. А авиатор – взлетел. И не было для него больше ни кочковатого поля, ни смеющихся зрителей – предстали небо в разметавшихся по нему облаках и пёстрая, словно лоскутная, земля под крыльями. С каких-то пор эта картинка видится мне символом надлежащего течения жизни. Мне кажется, что у людей состоявшихся есть особенность: они мало зависят от окружающих. Независимость, конечно, не цель, но она – то, что помогает достигать цели. <...> ты – взлетаешь, и все они с высоты кажутся точками <...>. В этих сферах всё зависит лишь от умения летящего. От прекрасного в своём одиночестве авиатора»¹⁰. Этими воспоминаниями Иннокентий делится с Настей, и она понимает, что рассказ о полёте авиатора в Сиверской не столько об авиаторе, сколько о самом Иннокентии. «На какой же всё-таки кочке я споткнулся? Почему не взлетел? Что погубило мои способности к живописи?»¹¹ – снова и снова задаёт себе роковые вопросы герой. Герою дан шанс понять и исправить, а еще простить и покаяться, поэтому, вероятно, он возвращен? Если преодолеть неуверенность в себе и страх, смех окружающих и их презрение, недоверие и зависть, то откроются иные горизонты, по сравнению с которыми оставшееся в прошлом – мелко, неинтересно, не стоит внимания и жизни, которая одна и слишком коротка. «Ну конечно, была и мечта о небе. В

сравнении с которым (небом) все мы на аэродроме такие маленькие: А здесь, в колеблющемся зное, / В курящейся над лугом мгле, / Ангары, люди, всё земное – /Как бы придавлено к земле ... А в небе – там всё по-другому»¹². Вспоминает Платонов и другие строки стихотворения А. Блока: «Зачем ты в небе был, отважный?», и смелого авиатора Фролова, погибшего в полёте, и приводит описание аэроплана «Фарман-4», на котором летал и разбился Фролов¹³. Потом Иннокентию снится сон, где Фролов не взлетает. «Может, и лучше было бы, – рассуждает он, – если бы не взлетел-то .. Ехал бы себе и ехал <...> Только ведь не таким мы его любили»¹⁴.

Почему так страшно и трагически разошлись пути двух воспитанных в одной семье подростков, Иннокентия и Севы, мечтавших, казалось бы, об одном? Может быть, здесь особенно важны первые жизненные уроки, впечатления и наставления. Радостный мир детства с чтением «Робинзона Крузо» помог Платонову выстоять и выжить на острове Соловки, где был настоящий ад «расчеловечивания». Но Платонову удалось «взлететь» над ужасом и невыносимостью бытия в лагере. Как? «Чтобы не позволить истребить в себе остатки человеческого, – пишет он, – нужно этот ад хоть на время покидать – хотя бы мысленно. Думать о Рае»¹⁵.

А рай – это детство и Сиверская. «Проснёшься, бывало, на даче рано утром <...> выйдешь на цыпочках на веранду <...> Удивляешься, каким густым и хвойным может быть воздух <...> В сущности, вот он, Рай. В доме спят мама, папа, бабушка. Мы любим друг друга, нам вместе хорошо и покойно. Нужно только, чтобы время перестало двигаться, чтобы не нарушило того доброго, что сложилось»¹⁶. И так, преодолеть страх помогают любовь, радостный и теплый мир детства, и первые наставления, полученные в самые первые годы жизни, воспринятые с благодарностью. «Иди бестрепетно!» – фраза, одна из самых ранних, но запомнившихся на всю жизнь. «Не всегда удавалось», – скромно скажет он о себе. Но это не совсем так. Ему удалось пройти не по жизни, а в жизни – *бестрепетно*, мужественно, несуетно, пройти свой *путь* и даже выполнить «миссию». И конечно, в формировании личности главного героя огромную роль сыграли книги. Для Платонова «Робинзон Крузо» – роман о преодолении, о том, как остаться *человеком* на безлюдном диком острове и очеловечить мир вокруг себя.

В конечном итоге, есть два пути: вверх или вниз. Сева «спикировал вниз», в свой индивидуальный ад, «подался в опричники»¹⁷. А быть Авиатором – это путь вверх, небо, мечта, полёт, новые

горизонты. Любопытно замечание Платонова конца девяностых, когда он вспоминает Петербург начала века, своего времени, и печально констатирует: «... недалеко от места, где стояла Знаменская церковь. Которой, к моему удивлению, больше нет. Есть метро: мир горный побеждён миром подземным»¹⁸. Эта фраза значит больше, чем конкретная ситуация, когда она произнесена. Это о времени, о России, о XX веке и, к сожалению, о будущем.

Платонов всё-таки стал своеобразным Авиатором, только не в пространстве, а во времени, перелетел почти 70 лет и попытался соединить две эпохи, очевидцем которых был. Книга Е. Г. Водолазкина посвящена дочери, человеку поколения XXI века. Ненавязчиво, но постоянно автор и его герой сопоставляют начало века и его конец. И сравнение – не в пользу современности. Настя – избранница Платонова, внучка его возлюбленной Анастасии, принадлежит к поколению, о котором автор скажет, что это «поколение юристов и экономистов. Только где же, спрашивается, мечта? Полёт где?»¹⁹. Платонов пишет для будущей дочери, чтобы рассказать о своём времени. «Может быть, именно слова окажутся той ниточкой, за которую когда-нибудь удастся вытащить всё, что было? Не только со мной, – размышляет он, – всё, что было вообще»²⁰. Потому что нет ничего случайного, и если дан уникальный, единственный шанс возвращения с того света, то вернувшийся, по-мнению Платонова, «имеет особые задачи. Лазарь четверодневный свидетельствовал о всемогуществе Господнем. О чём свидетельствую я? В конечном счёте, о том же. Но помимо этого, вероятно, и о времени»²¹. О своём времени, когда люди говорили и думали иначе. «Понимаете, тогда даже звуки были другие – обычные уличные звуки. Цоканье копыт совсем ушло из жизни, а если взять моторы, то и они по-другому звучали. <...> раньше старьёвщики кричали, лудильщики, молочницы. Звуки очень изменились»²². И поэтому в конце века, в 1999 году Иннокентий Петрович возмущается: «Как можно тратить бесценные слова на телесериалы, на эти убогие шоу, на рекламу? Слова должны идти на описание жизни. На выражение того, что еще не выражено». Он становится жизнеописателем, Авиатором слова, чтобы «с птичьего полёта» описать своё время. В XIX веке «как бы с птичьего полёта, Гоголь, как известно, пытался объяснить своё пребывание вдали от родины, изображение Руси из “прекрасного далека”»²³. В поэме «Мёртвые души» Н. В. Гоголь выбирает именно такой взгляд и ракурс обзора, несколько отстранённый, но позволяющий создать масштабное произведение о Руси XIX века,

показать всю Русь сразу. Именно Гоголю принадлежит мысль о том, что человек свободен только в танце и в полёте, и в «Мёртвых душах» появляется символ «птицы-тройки» и полёта. Цитата «да какой же русский...» звучит, кстати, в «Авиаторе».

Все думалось, как удалось Е. Г. Водолазкину передать и воспроизвести в слове атмосферу полёта, наполненность текста романа воздухом. Способностью материализовать текст, импрессионистически навевать живые запахи, передать почти тактильные ощущения мог, пожалуй, только И. А. Бунин, в меньшей степени – уже упоминаемый В. В. Набоков. Кстати, имя И. А. Бунина звучит в «Авиаторе» в виде цитаты: «Не нонешнего века человек», – отзывается о Платонове Гейгер. Только такой, не «нонешнего века» Авиатор смог восстановить прошлое, стараясь быть объективным летописцем, мастером, художником, реставратором прошлого. Что может быть важнее, чем искусство запечатлеть своё время в слове, будучи очевидцем, чтобы воспрепятствовать дальнейшим неизбежным искажениям и мифологизации. «Некоторые плачут, но лучше ведь писать»²⁴, говорит своему собеседнику в самолёте Платонов, но эти слова, сказанные по конкретному поводу, приобретают метафизическое значение и имеют отношение ко всему тексту «Авиатора», становятся универсальными. «Может, имеет значение только то, что слова были произнесены и сохранились, а уж кем и где – дело десятое?»²⁵

Авиатор Платонов становится не просто жизнеописателем, а летописцем. Он пишет летопись русского XX века. Жанровые особенности, присущие древнерусской литературе, прежде всего, летописи, такие как *эпическое спокойствие, компактность, анфиладность, замкнутость* при «разомкнутости» «концовки», используются в тексте «Авиатора». Кроме того, в романе Водолазкина можно найти характерные особенности и некоторых других жанров древнерусской литературы, например, *хождения и жития*, а также жанр древнерусского красноречия – *Слово*, представляющего собой послание к потомкам. Напомним, что роману предпослано посвящение – *Моей дочери*.

Изображение замкнуто и уплотнено, повествовательное время в романе то замедляется, то убыстряется, взгляды Платонова не историчны, это, скорее, взгляд беспристрастного летописца, религиозный по сути. Здесь нет противоречия. «Разве аэропланы отменили смерть?»²⁶. Немногословный в, казалось бы, значительном, автор «многоглаголив в незначительном»²⁷, согласно канону древнерус-

ской летописи, но «именно в этих описаниях, казалось, бы, случайных событий и сказывается его религиозный подъем над жизнью»²⁸ Е. Г. Водолазкин написал «многослойный» текст, который хочется перечитывать, кажется, что он и предназначен для повторного чтения. И композиция романа подчинена принципу повтора названной ранее темы или сюжета. Автор, подобно Авиатору, «кружит» над создаваемым текстом, постоянно возвращается к отдельным фразам, мотивам, героям. Эти виражи, своеобразное «кружение», возвращение к уже упомянутому, но на новом витке размышлений, одновременно позволяет автору сказать о том, что важно, а что незначительно, что не меняется со временем, остаётся в памяти человека, а что должно уйти, забыться, раствориться, исчезнуть.

Так, непостижимым образом удаётся взлетевшему над ограниченностью словесного полотна автору, подобно придуманному им Авиатору, добиться удивительного эффекта, когда текст становится объёмным, многомерным, а тончайшая ткань повествования наполняется прозрачным воздухом. Концовка разомкнута, финал открыт. Смерти нет: читатель прощается с Авиатором в полёте, продолжающим описывать мир, чтобы «спасти его от забвения»²⁹. Хотя «...чего-то отразить он не в состоянии <...> передать аромат цветов июльским вечером. И влажную духоту после дождя. <...>. Потому что настоящее искусство – это выражение невыразимого, того, без чего жизнь неполна. <...> Есть что-то, что остаётся за пределами слов и красок»³⁰ ...

¹ Сологуб Ф. К. Стихотворения. Л.: Советский писатель. Библиотека поэта. Большая серия. 1975. С. 271.

² Водолазкин Е. Авиатор: роман. М.: АСТ, 2016. С. 7.

³ Там же. С. 397.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Там же. С. 104.

⁷ Там же. С. 332.

⁸ Там же. С. 160.

⁹ Там же. С. 88.

¹⁰ Там же. С. 345 –346.

¹¹ Там же. С. 346.

¹² Там же. С. 154 – 155.

¹³ Там же. С. 326.

¹⁴ Там же. С. 327.

¹⁵ Там же. С. 163.

- ¹⁶ Там же. С. 163.
¹⁷ Там же. С. 342.
¹⁸ Там же. С. 214.
¹⁹ Там же. С.226.
²⁰ Там же. С. 26.
²¹ Там же. С. 287.
²² Там же. С. 161.
²³ *Гуковский Г. А.* Реализм Гоголя. М., Ленинград, 1959. С. 483.
²⁴ *Водолазкин Е.* Указ. соч. С. 400.
²⁵ Там же. С. 17.
²⁶ Там же. С. 91.
²⁷ *Лихачёв Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука. 1979. С. 258.
²⁸ Там же. С. 258.
²⁹ *Водолазкин Е.* Указ. соч. С. 7.
³⁰ Там же. С. 410.

Strelnikova N. D.

State Electrotechnical University "LETI"

**And why Platonov is aviator?
(About the E. Vodolazkin's "Aviator" title's role)**

The title of E.Vodolazkin's novel refers to A. Blok's poem of the same name. But the sense and scope of the title are far wider. The title of the novel is symbolic and polysemantic. It is both "the St Petersburg text" and a novel, which is quided by Silver age literature, first of all by F. Sologub and Vl. Nabokov. This article is devoted to possible interpretations of reading.

Keywords: Aviator, polysemy, flight, bird, symbol.

Жантогулова Г. У.
*Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
uralovna0402@mail.ru*

Формы жанрового смещения в современной романистике

В данной статье автором рассматривается процесс изменения жанрового мышления и жанровой контаминации. В работе представлены теоретические положения о романе Ф. Шлегеля, М. Бахтина, Ю. Тынянова, В. Шкловского, Т. Марковой и др.

Ключевые слова: жанр, роман, жанровая контаминация, жанровое смещение.

В результате длительного процесса эволюции, настолько длительного, что нет точного определения временных границ: одни ученые относят возникновение романа к XI–XIII векам, другие к XVI–XVII, вполне закономерно, что к XX веку мы подходим, уже накопив, переосмыслив и обобщив все имеющиеся знания о развитии жанрового мышления. Основной причиной коллизии романного мышления в русской литературе, надо полагать, является смена парадигмы, когда происходит формирование иных приемов жизнеописания и и мирозерцания, когда меняется и сама картина мира. Происходит это в следствие перехода от одной идеологической формы к другой, как правило, разрушающей и отрицающей предшествующую. То есть, литература неотделима от общественно-политической матрицы. Но роман не вымирает, как жанр он продолжает существовать и даже занимать ведущую позицию, так как элемент нарратива в романе обладает широкими возможностями. Только теперь на него накладываются элементы фантастические, мифологические, метафорические, а также приключенческие и авантюрные.

В русской литературе наблюдается смещение системы в определениях понятия «поэмы», «словесности» и «поэзии». Но существуют и неизменные категории. В отличительных особенностях жанра сохраняются условия, при которых поэма остается поэмой. В данном случае это величина, объем. Так, например, стихотворение от поэмы, роман от новеллы отличается формой. Достаточным и необходимым условием для единства жанра от эпохи к эпохе являются черты «второстепенные», подобно величине конструкции¹. В современном

литературном процессе мы наблюдаем изменение формы жанрового мышления как такового, первоначально сформированного в основном канонами западной литературы. Наряду с дифференциацией, существует также смешение литературных жанров.

В XVIII веке немецкие романтики говорили о литературной традиции раздвижения и смешения границ жанров. Назначение романтической поэзии, по словам Ф. Шлегеля, «состоит не только в интеграции всех изолированных типов поэзии и в приведении стихов в контакт с философией и риторикой. Она ищет и должна сначала смешивать, а затем растворять поэзию и прозу, философию и риторику, искусственную поэзию и поэзию природы, должна придать жизнеспособность и дух общительности поэзии, придать жизни и обществу поэтический характер, она должна оборачиваться остроумием, насыщать искусство серьезным познавательным содержанием и делать юмористическое одушевление»². В природе романа объединять в себе элементы разных жанров Ф. Шлегель наблюдал большие эволюционные возможности: «Другие виды поэзии завершены и могут быть полностью проанализированы. Романтическая же поэзия находится еще в становлении, более того, сама ее сущность заключается в том, что она вечно будет становиться и никогда не может быть завершена»³.

Обособляя синтетические свойства романа, Ф. Шлегель роман ставил в отдельный ряд от других жанров: «Роман – это самая изначальная, самобытная, совершенная форма романтической поэзии, отличающаяся от древней, классической, где жанры строго разделены, именно этим смешением всех форм. Это совершенно романтическая, богато и искусно сплетенная композиция, где всевозможные стили многообразно сменяют друг друга; из этих различных стилей часто развиваются новые сочетания, часто встречается пародия...»⁴.

Концепция теории романа Бахтина, опиравшаяся на германскую романтическую теорию романа, также указывала на такое свойство романа, как пародирование. «Роман пародирует другие жанры..., разоблачает условность их формы и языка, вытесняет одни жанры, другие вводит в свою собственную конструкцию, переосмысливает и переакцентирует их»⁵. Ю.Н. Тынянов («Достоевский и Гоголь» (1921), «О пародии» (1929) и М.М. Бахтин («Слово в романе» 1934-35), исследовали диахроническую функцию пародии, которая подготавливает преодоление устаревающих художественных форм и тем самым динамизируя жанр, в особенности жанр романа. Хотя у пародии есть и ахронный принцип, ведь словесное искусство

участвует в карнавализации с самых истоков, до формирования эстетико-идеологических течений (Ренессанс, барокко, Просвещение и т.д.). Пародия не только динамизирует литературу, но и предзадана ее исторической подвижностью⁶. Обращаясь к пародированию, писатель включает в произведение элементы рыцарского романа. В этой связи В.Б. Шкловский писал: «Мы знаем случаи, когда пародирование старой формы становилось новой формой»⁷. Проблема внесения в текст элементов жанровых конструкций, созданных ранее предшественниками в своих произведениях, упрощается при помощи пародирования, включающие в себя элементы подражания, в разные исторические этапы. Пародирование своими корнями уходит в античную Грецию, где подражание не считалось элементом забавы. Аристотелевский принцип пародирования обнаруживает себя не только в картинах жизни, но и в литературных трудах. Напротив, подражание, пародирование воспринимались как прием, как средство, позволяющие автору вступить в борьбу с предшественниками, тем самым приобретая возможность превзойти их. В современное же время, пародирование воспринимается как элемент творчества, наряду идущий, но не уступающий художественному принципу оригинальности.

Смешивание жанра в романе может быть осуществлено с помощью вставок, рамок в тексте, написанных в других жанровых формах и путём увязки элементов романа и элементов других жанров по всему тексту произведения. Сысоева О.А. в научно-исследовательской работе, посвящённой изучению природы жанра, показывает, что реализация автором в романе элементов другого жанра с целью пародирования – это не тотальная имитация литературных жанров, а их творческое, художественное преобразование. Межродовое и внутриродовое смешение условно можно объединить в группу – межжанровое смешение. Особенности романа как жанра дают возможность в нем отобразить некоторое количество всевозможных дискурсов. Для постмодернистской литературы характерно использование смешения дискурсов в риторических стратегиях построения игровых и иронических текстов. Смешение жанров характеризует не только эволюцию жанра романа, но литературы в целом. Развитие гибридизации, а также возникновение новых жанровых форм чаще осуществляется на основе романа, поскольку он динамичен и имеет широкие возможности, отмеченными многими учеными⁸.

Итак, авторы находятся в поисках новых форм, свободно экспериментируют, сохраняя ядро важнейших традиций, но обновляя

жанровое мышление общества. «Эпос нашего времени» - так называет роман М. Бахтин, тем самым указывая на обязательное условие его контакта со временем настоящим, действительно протекающим и необходимостью переосмыслить и переоценить происходящее и прошедшее.

Один из характерных признаков форм жанра автора – нетрадиционный подзаголовок жанра или обозначение жанра в заголовке работы. Здесь этот элемент структуры текста многоцелевой. Он не только традиционно сосредотачивает читателя на жанре, но также и становится частью фигуративной структуры работы, определяет направление изменений жанра, доносит на межтекстовые коммуникации, становится способом выражения. Анализ художественных текстов показал, что в современной литературе бытует достаточно большое количество произведений, имеющих специальное авторское указание на жанр, которое часто не соотносится с традиционными жанровыми номинациями. В авторских жанровых формах можно вычленить ряд общих структурных элементов содержательного и композиционного планов. В современной литературе обнаруживается целый ряд прозаиков, для которых создание эксклюзивных жанровых форм становится чертой их поэтики. Это А. Битов, А. Слаповский, Л. Бежин, В. Володин, А. Морозов, Е. Попов, М. Кураев, Л. Петрушевская, Г. Балл и другие. Авторские жанровые формы – это один из способов воплощения творческой индивидуальности, эстетического самовыражения. Произведения, объединенные в номинацию «авторский жанр», имеют эксклюзивные формы, и анализ их должен осуществляться с учетом этого фактора [36]. Для писателей, которые играют с жанром и создают авторские жанровые формы, последнее становится частью их поэтики, и Ю.В. Коваль – одна из самых выдающихся фигур русской прозы конца XX века. Поставив себе эстетическую задачу создания произведений в разных жанрах, Ю. Коваль в зрелый период его творчества приходит к созданию работ в традициях «авторских жанров» пергамента («Суер-Вьер»), монохронических, («Кукла-кэт»). Однако в работах Ю. Коваль, который, на первый взгляд, не отклоняется от традиционных жанровых канонов, можно найти жанровые трансформации. В частности, в повести «Пять похищенных монахов» можно проследить полигенизм, использование нескольких преобразованных жанровых основ: детектив, жанр образования, мемуарный жанр⁹. Уже в авторских обозначениях мы видим характерные черты жанровых модификаций романной формы. В постмодернистскую эру стремление к сокраще-

нию, минимализации, синтезу, к жанровому смешению не только родственных, но и разных по жанровой природе форм, демонстрирует желание современных писателей преодолеть кризис романа и поиск новой романной формы. В работах, изучающих постмодернистский период, рассматривается вопрос о трансформации именно романной формы. Об этом в своих трудах пишут М. Эпштейн, М. Липовецкий, Н. Лейдерман, П. Вайл и А. Генис, Т. Маркова, А. Марченко, А. Немзер, И. Роднянская, Г. Нефагина, О. Богданова, И. Скоропанова, Н. Иванова и др. Так, Д.В. Затонский рассматривает роман как вершинное достижение постмодерна.

Подобного рода процессы объясняются желанием писателей найти новую жанровую форму, способную глубоко и адекватно отразить многоликую действительность, тогда как архаичные средства изображения в полной мере не способны это сделать. Т.Н. Маркова указывает два пути развития жанра: гибридизации и минимализации. Иными словами, движение вперед – расширение, смещение границ и сужение семантического ореола, редукция – движение жанра назад. В условиях кризиса крупной формы, связанного с падением доверия к «авторитетному» повествованию безотносительно к идеологии, наиболее способными к формотворчеству оказываются малые жанры прозы. Малая форма становится способом переосмысления формы романа. Размер текста в этом случае – результат сжатия не в количественном, а в качественном смысле. Структура малого жанра внутренне организует отдельно взятый фрагмент, концентрируя его обобщающий смысл, координирует часть и целое, определяет место этого фрагмента в бесконечной системе мира, выверяет идею, воплощенную в “куске жизни”, всеобщим смыслом бытия¹⁰. Предметом исследований Т. Марковой явились авторские жанровые номинации в современной русской прозе и их роль показателя кризиса жанрового сознания. Опираясь на результаты современной жанрологии, ученый показывает: трансформация жанровых форм в меняющейся парадигме художественности происходит при ориентации на структурный принцип “ведущего жанра”, становящийся метажанровым принципом. Доминирование романа в эпоху реализма проявилось в “романизации” других жанров. О синтетичности жанра романа говорил В.Е. Хализев: «Роман как жанр, склонный к синтетичности, резко отличен от иных, ему предшествовавших, являвшихся «специализированными» и действовавших на неких локальных «участках» художественного постижения мира <...> «жанровая сущность романа синтетична. Этот жанр способен к непринужденной

свободе и беспрецедентной широтой соединяет в себе содержательные начала множества жанров, как смеховых, так и серьезных»¹¹.

К синтетическому типу трансформаций, когда в процессе объединения двух или нескольких жанровых моделей возникают изменения в их структурах, можно отнести такие произведения, как роман-житие С. Василенко «Дурочка», роман-комментарий Евг. Попова. Процессы, предвосхитившие преобразования в области жанрового смешения в наши дни, протекали еще на рубеже XIX–XX веков. Символистские романы Ф. Сологуба, В. Брюсова, А. Белого, модернистский «роман-миф» А. Ремизова, А. Платонова, В. Набокова, неклассическая проза К. Вагинова, Д. Хармса и тому подобные романы XIX века могут служить примером гибридизации и сложной жанровой природы. По причине принадлежности романному архитектону названные произведения характеризуются интертекстуальностью, нацеленностью на чужое слово и способностью интегрировать жанровый материал.

Таким образом, современные произведения – это невероятный массив, единство канонических и неканонических элементов, представленный сложным взаимодействием и вместе с тем отменой друг друга, в очередной раз, доказывающий огромный и неисчерпаемый потенциал романа, как в форменном, так и в содержательном аспекте.

¹ Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. М.: 1977. 255-269 с.

² Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2-х т. Т. I. М., 1983.

³ Там же. Т. II.

⁴ Там же.

⁵ Бахтин М.М. Эпос и роман. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975.

⁶ Смирнов И.П. Генезис. Философские очерки по социокультурной назидательности / Мировое литературоведение. Алматы: КазАкпарат, 2009. 271 стр. // Пародия (2003). СПб.: Алетейя, 2006. С. 192-194.

⁷ Шкловский В.Б. Избранное. В 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1983.

⁸ Шарифова С.Ш. Понятие жанрового смешения (жанровой контаминации) / Литературоведение. Анализ художественного текста. М.: Вестник ЦМО МГУ, 2013. С. 98-103.

⁹ Звягина М.Ю. Трансформация жанров в русской прозе XX века. Астрахань: 2001. 356 с.

¹⁰ *Маркова Т.* Авторские жанровые номинации в современной русской прозе как показатель кризиса жанрового сознания // «Вопросы литературы». 2011. № 1.

¹¹ *Хализев В.Е.* Теория литературы / В.Е. Хализев. М.: Изд-во Моск-го ун-та, 1991. 412 с.

Zhantogulova G. U.

L.N. Gumilev Eurasian national university, Kazakhstan

Forms of Genre Mixing in Modern Romanistics

In this article the author examines the process of changing genre thinking and genre contamination. The article presents theoretical provisions on the novel by F. Schlegel, M. Bakhtin, Yu. Tynyanov, V. Shklovsky, and others.

Keywords: genre, novel, genre contamination, genre mixing.

Нургали К. Р., Айкын Жулдуз
Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилёва, Казахстан
nurgalik1@mail.ru
zhuldyz.aikyn@mail.ru

Интертекстуальные проявления глубоких культурных связей с русской и европейской поэтической традицией в стихах В. Муратовского

Настоящая статья посвящена явлению интертекстуальности и проявлению глубоких культурных связей с русской и европейской поэтической традицией в стихах В. Муратовского. Также в статье исследован прагматический уровень поэзии В. Муратовского, заключающий в себе цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности языковой личности Муратовского. В фокусе исследования находится отражение феномена поэта и его языковой и художественной личности. Материалом для анализа послужили художественные произведения, написанные поэтом в разные годы его жизни.

Ключевые слова: интертекстуальность, Муратовский, поэзия, культурные связи, языковая личность.

Поэтические сборники В. Муратовского «Пою, как пел, безумно бел» (1992), «Сквозь цементный росток» (2000) и «Корни и кроны» (2008)¹ свидетельствуют, что творчество художника имеет глубокие культурные связи с русской и европейской поэтической традицией. По нашим наблюдениям, поэтика цитирования, принципы обращения к «чужому» слову у В. Муратовского разные: есть прозрачные, видимые, легко узнаваемые цитаты, есть закодированные. Имеются и ритмико-синтаксические, интонационные цитаты. Все они служат основной задаче – разбудить подсознание, совершить путешествие к общечеловеческой культурной памяти. В кругу близкого общения – любимые авторы: А. Пушкин, Е. Баратынский, И. Бродский, О. Мандельштам, Б. Пастернак, А. Тарковский, Джон Донн, Т. Элиот и др. Есть переключки с авторами античной литературы, библейские реминисценции. Общение это многоуровневое, обнажающее ценностно-смысловое бытие Слова. Отраженное «чужое» слово характеризует сущность собственных размышлений поэта.

Диалог с поэтами-предшественниками в стихах Муратовского глубокий, он не исчерпывается образной или мотивной переключкой,

а включает размышления поэта о жизни и смерти, о временном и вечном, о конечности материальной формы жизни и бесконечности ее духовного начала, мысли автора о поэзии. Так, например, комментарий к стихотворению «Я, представления не имея», в развитии которого участвуют реминисценции из Мандельштама, сформулированная им «тоска по мировой культуре» в стихотворении «Я не увижу знаменитой Федры», строчка из Булата Окуджавы, эхо размышлений Бродского и Элиота, завершается словами: «поэзия, по моим убеждениям – это выстраданное и всей жизнью утверждаемое человеколюбие. В стихах любимых мной поэтов я всегда узнаю жизнь, с кровными мне стезями в ней»². А стихотворению «На моем столе» сопутствует примечание: «держится на осознании родства со всем сущим обозримым индивидуальным познанием мира, существующим вне временных и территориальных границ»³. Реминисценции и аллюзии у Муратовского представляются не случайными текстовыми схождениями. «Свое» и «чужое», порой, настолько срастается в единое целое, что создается ощущение «породненности» текстов, составляющих вместе лирический диптих. По наблюдению У.К. Абишевой, поэзию Муратовского отличает образная цельность и законченность. Через всю книгу проходит, скрепляя ее в единое целое, тема древесного. Образы «корней» и «крон» являются опорными, составляют центр тяжести поэтической книги. Познание себя и мира проистекает в художественном сознании автора не автономно, а в непосредственной связи с мирами физическими и метафизическими (стихотворения «Мой город, город современный», «Деревья нервной системой», «Как хорошо, что это, все-таки, возможно», «Затерялась река та в тумане прожитых мной лет», «Мне сон приснился плотный, как разрез», «Полетать – душу выполоскать», «Пустынное. Принимаю колючую данность», «Может, я близорук, и поэтому так происходит», «Дачное окно не упирается в листья винограда»). Созерцание природы, общение с ней целительно. Проникновение духовным взором в скрытую сущность природы, очищает дух и просветляет зрение лирического героя, помогает ему слиться с мирозданием, обрести гармонию внутреннего и внешнего, понять связь всего со всем⁴.

В. Муратовский является выдающейся языковой личностью, что особенно ясно проявляется в структуре его поэтической речи высокого вербально-семантического уровня реализации в стихах. Раскрывая когнитивные особенности поэтического синтаксиса Муратовского, следует обратить внимание на такие концепты, как

«вода», «дерево», «поэзия», скрепляющие все другие понятия, идеи, концепты его «картины мира» в системное единство, маркирующие верхние значения его иерархии ценностей, упорядочивающие духовную структуру его индивидуальности. Можно условно утверждать, что вся поэзия Муратовского является развернутой метафорой родника в пустыне для жаждущего высокой поэзии. Очевидна пейзажно-философская на правленность основных поэтических исканий Муратовского. Все имеет особое значение в пейзажном стихе Муратовского: символический Русский лес, конкретный горный лес в предгорьях Медео («В горном лесу»). Озеро в степи ночью причудливо сближается с отраженьем прибалхашской луны, пролетающие летучие мыши порождает ассоциацию с парящим крылатым сказочным львом. Часто звучит признание лирического героя горным вершинам Алатау о его любви к ним, родстве с ними, деревья на вершинах Алатау, не просто деревья, а «деревья Родины моей». В стихах постоянно идет разговор с Богом, но это разговор, ничем не отличающийся от разговора поэта с людьми. Демидург и простой человек равны друг другу. О разговоре с Богом мы узнаем, что небесный голос звучит «незримым облаком ночным, звездой, мер цающей в тумане», о разговоре с людьми поэт признается: «начну дождями нависать, деревьями шуметь над мукой...». Уверен поэт, что неразлучен с людьми «неистребимо как запах гари, запах лип...». Свою кончину лирический герой осмысливает в пантеистическом ключе, утверждая, что и после смерти он останется, остается в природе, которая передается как наследство, что вечно, как русский лес.

Русский лес – приют отеческий,

Знахарь плачей и обид.

В лес приходит человечество,

когда каждый нерв горит⁵.

Муратовский – автор замечательных миниатюр, очень напоминающие китайские картины тушью. Фоном картины служат точно и рельефно выписанные вишенки, в центре – изображение красно-кловой белой цапли. Цапля из знойного и золотого юга, она испытывает истому от жары («Рисунок»). Нередко в стихах Муратовского звучит торжественная ода деревьям. Традиция в русской поэзии столбовая, достаточно вспомнить С. Есенина, С. Кирсанова, Н. Заболоцкого, но в русскоязычной поэзии Казахстана так проникновенно и восторженно до Муратовского о деревьях никто не писал. Именно у Муратовского можно встретить такие оригинальные поэтические выверты, как, «как листья медом выблестил клен», «...о тян-шанские

ели, как павы...» (сравнение). Своеобразная переключка с Пушкиным в эпитете «сказочный дуб», возникают цветаевские рябины, появляется ольха в тени парка, непроизвольно вызывающая ассоциацию с картиной Нестерова, слышим шепот берез. Русский лес у Муратовского – это своеобразный символ-прообраз природного начала в его поэзии. Русский лес не заслоняется Тянь-шанскими и алматинскими елями. Русский лес сознательно теряет черты конкретности:

Лес в сиянье ранней осени,
лес в лучах седой звезды,
лес с телегою вдоль просеки,
лес вне горя и беды...⁶.

Горный лес в отрогах Алатау противопоставляется обобщенному русскому лесу. Лирического героя в неодолимо тянет в этот горный лес. «Устрою праздник – соберу рюкзак и поднимусь в дремучее ущелье, где мрачность елей и ручья веселье...». Муратовскому не обойтись без пастернаковского приема повтора придаточного предложения места: «Где даль пугается, где дом упасть боится...».

У Муратовского:

В лесу, где мох похож на города
под прессом времени, где заяц не боится,
где для маралов волки не беда
(и с шестиконечными рогами можно биться),
где белочка-шустрячка, как в дому
хозяйшкa, не звавшая вас в гости,
где ели по утрам в седом дыму,
где под ногами и цветы и кости...⁷.

Восприятие природы как праздника всеми фибрами души очень убедительно передано в стихотворении «Горный лес». Анафора создает лиризм, усиливает впечатление, замечательная звукопись («где синий во рон кроет синеву») перемежается с незатейливыми, но естественно-проникновенными песенными ритмами. На время возникает устойчивое ощущение, что читатель слышит песню барда у костра, когда под лопаткой спины тропы и трава, а взор устремлен в звездное небо, и душа пьет из Божьих рук. В поэтической деятельности В. Муратовского важен прежде всего прагматический уровень образной интерпретации всего того, что становится предметом его поэтической рефлексии, так как он, как истинный поэт, считает сочинение стихов главной и единственной реальной деятельностью в мире. В поэзии В. Муратовского языковая личность абсолютно смыкается с лирическим Я. Далекo не случайно, что ткань стихов

поэта пронизывают библейские мотивы. Колючий куст у Муратовского подсказывает ему образ несгораемого библейского куста купины, и начинает символизировать непокорность и выживаемость, является «символом надежды на пределе». Для лирического «Я» поэта колючий куст очень близок как метафизическая метафора:

Глубинными корнями жизнь черпает,
 По вертикали и горизонтали
 Шипы длиной в жизнь выставляет
 И гонит прочь, и открывает дали⁸.

На ум приходит факт жизни юного В. Муратовского, которому повезло участвовать в школьной геологической экспедиции. В строках стихотворения «Затерялась река та в тумане прожитых мной лет» перед глазами живо предстают неповторимые особенности ландшафта долины конкретной речки Таскайнар, что значит «кипящая на камнях», за Кордайским перевалом вблизи одноименного поселка. В стихотворении-воспоминании река предстает символом вечности. Река вернула поэту юность, он возвратился к той реке, которая течет «между гор, между тутовых рощ». И снова лирический герой с острой и факелом ловит в ночной речке стремительную форель, рад несмелому поцелую и рвет бордовые тутовые ягоды. На волнах своей памяти, «памяти тех нестареющих дней», поэт доплывает до далекого Гефсиманского сада, который для него воплощает об раз Христа. Читатель начинает верить утверждению поэта: «будет вечность дана – я до юности вновь доживу». Известно, что поэтом может считаться только тот, для кого время нелинейно. Свобода поэта проявляется в возможности выстраивать свой хронотоп, в котором он может двигаться в любом направлении. В. Муратовский обладает абсолютной способностью свободно перемещаться в собственном хронотопе. Такой способностью Муратовский обладает в полной мере. Вот он оказывается «В ущелье». Примечательна фонетика стихотворения «Роз разбой в розовом разливе». Это философское и одновременно пейзажное стихотворение строится на основе аллитераций и ассонансов. Перемежаются длинные музыкальные строки с более короткими, определяющими строками, кото рые в свою очередь сменяются резюмирующими отрицательными утверждениями-полустихами:

Роз разбой в розовом разливе сна о юности счастливой –
 еще не свет,
 Боль, созревшая багровой сливой, канувшая в пережное лет, —
 не рассвет!⁹

Пейзажно-музыкальные образы трансформируются в последней строфе-трехстишии в грустно-поэтической медитации в образ лирического «Я»:

Тронут заживо надеждой терпеливой, светозарной колышусь
нивой в лесу примет¹⁰.

Поэзия для поэта – инструмент, позволяющий проникнуть духовным взором в скрытую сущность природы, очистить дух и обострить зрение, поэтический настрой души помогает лирическому герою слиться с мирозданием, обрести гармонию внутреннего и внешнего, понять связь всего со всем.

¹ Василий Муратовский... Казахстанский Арт// <https://www.stihi.ru/2013/12/13/5552>.

² *Муратовский В.* Корни и кроны :избр. стихи. Алматы, 2008. 400 с. С. 219.

³ Там же. С. 23.

⁴ *Абишева У.К.* Интертекстуальность в поэзии В. Муратовского // Литература в контексте современности. Первые Багизбаевские чтения: межд. науч. конф. – Алматы, 2009. – С. 124-134.

⁵ *Муратовский В.* Указ. соч.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Там же. С. 38.

⁹ Там же. С. 50.

¹⁰ Там же.

Nurgali K. R., Aikyn Zhuldiz
L.N.Gumilyov Eurasian National University

Intertextual Connections of Deep Level Cultural Ties to Russian and European Poetic Traditions in the Poems of V. Muratovsky

This article is devoted to the phenomenon of intertextuality and to the manifestation of deep cultural ties of V. Muratovsky's poems to Russian and European poetic traditions. Also in the article, the pragmatic level of V. Muratovsky's poetry which includes the goals, motives, interests, attitudes and intentions of Muratovsky's language personality is studied. The research focuses on the reflection of the poet phenomenon, his language and artistic personality. The material for analysis presented the works of art written by the poet in different years of his life.

Keywords: intertextuality, Muratovsky, poetry, cultural ties, language personality.

Асан А. К.

*Евразийский национальный университет
имени Л.Н. Гумилева, Казахстан
akzhauyn07@gmail.com*

Поэтика магического реализма в романе «Радости рая» А. Кима

В данной статье проводится анализ художественного мира в романе «Радости рая» Анатолия Кима. Такой анализ дает автору возможность выявить поэтику магического реализма в исследуемом произведении.

Ключевые слова: Анатолий Кима, Радости рая, Роман, Магический реализм.

В творчестве Анатолия Кима присутствует мифопоэтическое начало, которое выделяет его среди других писателей второй половины XX века. С появлением на свет таких произведений, как «Белка», «Отец-лес», «Сбор грибов под музыку Баха» и «Поселок кентавров» имя автора стало популярным не только среди читателей, но и среди критиков и литераторов. В критических материалах на произведения Кима прослеживалось два абсолютно противоположных мнения: с одной стороны, поэтика мифотворчества автора была высоко оценена современниками, с другой стороны, были и отрицательные отзывы.

На художественное пространство романа «Радости рая» повлияла структурная природа текста: 33 главы. Следует отметить символику чисел в романе, которая имеет семантическую значимость при построении глав. 3 – священная, символическая цифра для христианского мировосприятия: небесное число символизирующее душу (Святая Троица)¹. Заметим также, что тройка является сакральным числом одновременно во многих религиозных и языческих представлениях разных видов. В художественном переосмыслении 3 как символ часто функционирует в фольклорных жанрах: в сказках – три царевича, три испытания, три попытки, три желания, 3 дня и 3 ночи и т.д. В античной литературе три сестры Мойры – символ смерти. Семантика тройки не редко выражает символику рождения, жизни и смерти, или же прошлого, настоящего и будущего².

С другой стороны, сложение или умножение чисел глав дает возможность увидеть новые сакральные смыслы других чисел,

которые так же символичны: $3+3=6$ или $3 \times 3=9$. Образуются новые числа – 6 и 9. Тридевятое царство, тридевять земель, «Девятый вал» Айвазовского. В Библии 666 – число, под которым скрыто имя зверя Апокалипсиса.

В романе Кима число 33 делит художественное пространство на 33 локации, которые различаются разными географическими данными и разным временным отрезком. Так, например, действия первой главы разворачиваются на Канарском острове La Gomera. Если обратить внимание на историю данного острова, интересным является тот факт, что проживали в нем туземцы Гуанчи³.

Имя главного героя первой главы – Аким или, как уточняет рассказчик, Иоаким. Существует несколько версий происхождения такого имени. Наиболее популярным является производное от древнееврейской «Йехояким», что означает созданный Яхве («бог»). Аким – имя, которое несет за собой религиозный характер. Встречается как в христианской, так и в мусульманской культурах. Выбор такого наименования героя основывается на древнем происхождении слова. Аким – начало человеческого сознания, которое «не может, и не умеет еще даже обманывать диких козлов»⁴. С другой стороны, Аким напоминает имя и фамилию самого автора – А. Ким (Антолий Ким).

Предметный и природный миры приобретают сакральный смысл, они различаются характерной семантикой. Например, барана-муфлона, за которым он изначально охотился, называет Берендеем. Берендеи – древнетюркское кочевое племя, выделившиеся из огузов⁵. Камень, которым он взял эту добычу называет Ондаром.

В первой главе привлекает внимание описание канарской сосны. Пресная вода на этом острове стекает с небес, промывая хвойные иглы сосны. Автор использует метафору «небесно вкусная вода», как дар божий, как райский напиток. В художественном сознании сосна символизирует жизненную силу, плодотворность и силу возрождения⁶. Это очень примечательно, так как в этой главе жизнь героя и природный мир описывается в первозданном виде. А. Ким уже с первых страниц насыщает художественный текст разными метафорами и символами, которые обязательно несут мифологическую нагрузку. Разнообразие и разноплановый характер символического мира оформляется собственным пониманием мифической основы мира. То есть, каждая аллюзия или реминисценция на религиозные, мифические мотивы приобретают в прозе Кима авторскую интерпретацию, при этом автор не в коем случае не разделяет философские

на религии, национальности или географию. Для Кима принципиально важно описать мир, который является общим для всего человечества. От этого художественное пространство и символичный мир его прозы адресуется всем и каждому, а не только для русскоязычных читателей.

Так, например, описание убийство фазана по имени Лазарь не только отсылает читателя к библейской притче о воскрешении Лазаря, но и интерпретирует эту историю для создания образа смерти как обыденное явление для человека. Главный герой рассказывает, что в ту эпоху, когда разворачиваются события первой главы, отсутствовал страх перед смертью. Смерть представляется нам как обыденный процесс, ничем не отличающийся от процесса приема пищи или сна. Но случай с фазаном, которого прозвали Лазарь, стал одним из основополагающих моментов, когда смерть начала проявлять негативный отблеск. Убить фазана или свинью ради того, чтобы съесть; убить чужого человека для того, чтобы защитить свое племя, свою женщину, считается нормальным, но убить ради того, чтобы убить, как это случилось с фазаном по имени Лазарь, воспринимается негативно и сумело вызвать страх у главного героя.

Вместе с изменениями локаций сюжета, меняется и художественное время. Субъективность временной категории дает возможность героям романа переходить на разные плоскости, не имея ограничения в выборе эпохи существования. Более того, время как обременительное явление, которое может ставить рамки чувству свободы, в романе теряет такую силу. «...Между будущим и тобою также нет ничего – одно только расстояние, лишь отрезок пространства»⁷. Таким образом, автор подчиняет категорию времени как воле каждого персонажа, так и воле каждого читателя. Непостоянство, отсутствие системы во времени передается как обыденное явление. Восприятие чудесного как обыденного, простого является одним из основных признаков магического реализма. Если многие ученые говорили о мифопоэтике прозы Кима, то роман «Радости рая» показывает трансформационные возможности мифопоэтики до магического реализма и философской прозы.

В третьей главе герой романа переносится в вводное пространство. Во время путешествия по морскому дну он встречает осьминога в двести тонн весом, зовут которого Гаргантюа. Сам герой трансформировался в нематериальное состояние, которое он сравнивает с транслируемыми изображениями по телевизору. Гаргантюа принимает главного героя за своего сына Пантагрюэля. Ножки осьминога

автор сравнивает с длиною Останкинской башни, что дает возможность читателю визуально представить его размеры. Или представить движения гигантского осьминога: «...Гаргантюа замедленно, как Барышников в прыжке, вытянул вертикально вниз свои восемь башневидных щупалец и провалился в бездну...»⁸. Как мы уже видим, имена новых персонажей являются реминисценцией на знаменитый сатирический роман «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле. Роман Рабле через образы двух великан-обжор, отца и сына высмеивает человеческие пороки. Отец и сын являются королем и принцем королевства Утопия. Гротеск и гипербола – главные приемы в романе Рабле, что сближает его по стилистике с романом «Радости рая». Элизабет Ричмонд (американка), Гаргантюа и Пантагрюэль (французские персонажи), Земфира (татарское имя), Чомбе (катарское имя) – участники сюжета в третьей главе, разные по национальным, расовым принадлежностям. Такой широкий спектр персонажей, которые совсем разные, но в то же время с легкостью разговаривают на одном языке, понимают друг друга.

Из морского пространства третьей главы мы переносимся в простую деревенскую жизнь, где поют дворовые песни, ухаживают за огородом и время течет медленно. В Октябрьском поселке Аким встречает бледную пожилую женщину, в которой видит что-то знакомое, что-то, что напоминает ему Серебряную Тосико, Элизабет Ричмонд или даже Гаргантюа. В ходе беседы старуха по имени Марфа рассказывает, что она дитё, новорожденный ребенок, и что время для нее уже давно остановилось, а выглядит она старой, потому что пережила смерть, но в то же время заново родилась. Она не пьет, не ест, потому и не умирает. Когда жители поселка уехали, старуха Марфа осталась одна и поняла, что родилась заново. И помог ей в этом ангел по имени Лобзофф Ляксандр Трофимович. На Руси по старинке период бабьего лета называли «Марфиным летом». Имя старухи Марфа является одним из библейских имен Нового завета. Марфа – сестра Марии и Лазаря Вифанского, в доме которых какое-то время жил Иисус Христос. Марфа в романе напоминает о том, что раз уж человек родился, то должен и умереть, как родился и умер Иисус Христос. Но как только люди покинули Октябрьский поселок, и Марфа осталась одна, она решает остаться в нем навсегда, в чем помогает ей ангел-агент.

В следующей главе автор переносит читателей в райский уголок Кореи. Сюжет данной главы своеобразно интерпретирует древнюю корейскую мифологию о райской земле. Одним из самых популяр-

ных мифов корейского народа является легенда о Тангуне⁹, который запомнился как мифологический родоначальник корейского государства. По легенде сын Небесного Творца по имени Хванун сошел с армией слуг на гору Тхэбоксан и возвел на этом месте «Обитель Бога». Хванун был хорошим правителем и обучил людей разным видам ремесла и искусства. В этой горе также проживали Медведь и Тигр, которые желали присоединиться к людям. Тогда Хванун объявил для них следующее испытание: прожить сто дней в темной пещере, питаясь только чесноком и полынью. Испытание проходит Медведь и превращается в красивую девушку, которая родила Хвануну сына Тангуна. Особый характер тотемизма в мифологическом представлении о сотворении мира корейского народа отразился в романе Кима. Главный герой в шестой главе находит рай в горном поселке Дирисана, у которого интересное название – «Пристанище Иисуса». Если в предыдущей главе Аким был в гостях у Марфы, как Иисус останавливался у Марфы, сестры Марии, то в этой главе он находит покой в «Пристанище Иисуса». Главный герой умирает на вершине этих гор, для того чтобы вновь появиться на свет и пуститься в поиски земных радостей рая. Герой умирает с чувством покоя. Рядом с ним будут Александр Македонский и Александр Ким, второй из них прадед самого автора, имя которого он не помнит, но предполагает. Между двумя Александрями ничего нет – опять идет повтор мыслей, заданный в самом начале в виде эпитафии. В этой же главе присутствует образ демона, Старший Брат Тигра, который по происхождению был китайцем. Называя демона Тигром, возможно, автор вспоминает о вышесказанной легенде о Тангуне, где Тигр не проходит испытание, которое присоединила бы его к людям.

В начале седьмой главы главный герой просыпается и обнаруживает возле себя огромную стрекозу по имени Нуруа, которая заводит с ним беседу: «Ну, хорошо, хотя бы скажи, кто ты был до своего появления здесь? А то тебя ведь почти не видно было, столь ты мал оказался и невесом. Два грамма всего...»¹⁰. Семантика символа стрекозы имеет достаточно объемную нагрузку. Так в древности их считали символом фей. Североамериканские индейцы верили, что стрекоза является символом возрождения. Стрекоза была одним из древних насекомых, останки которого нашли в каменных углях, принадлежащему юрскому периоду. Но самое примечательное это то, что по мифам и легендам Швеции стрекоза – служитель дьявола, который взвешивает людские души. Аналогично в романе стрекоза Нуруа

оценивает душу Акима в двести грамм. Нужно отметить, что в авторских иллюстрациях Кима, где прослеживается карта путешествия, есть пейзажные изображения Швеции. Таким образом, с помощью аллюзий и реминисценций на различные мифы и легенды разных народов, оформления текста иллюстрациями из собственного путешествия писатель связывает историю романа со своей действительностью.

В романе часто всплывает образ рыбы. Полосатая рыбка Земфира в пятой главе, черная крупная рыба Урокки или в дальнейшем образы запаха рыбы: «холодный рыбный аромат», «могуче и сладостно пахнущая рыба», «океан мощно пахнущий бризом и рыбой» и т.д. Если обратить внимание на библейское значение символа рыбы, то сразу вспоминается монограмма «Ихтис», древний акроним, который обозначает имя Иисуса Христа. Сам акроним изображается в виде рыбки:

Таким образом, можно наблюдать, как образ Иисуса Христа сопровождает главного героя через символичный мир художественного пространства.

В девятой главе главный герой попадает в еще одну известную геолокацию – на пролив Магеллана, южную часть Америки. Узкий и опасный для мореплавателей пролив разделяет Огненную землю (архипелаг между Атлантическим и Тихим океанами). Португальский мореплаватель Магеллан, открывший этот пролив, изначально назвал его в честь праздника Дня Всех Святых. География романа тщательно подобрана автором, учитывая исторические особенности, которые дополняют семантику художественного пространства.

Центральной темой в романе «Радости рая» А. Кима становится «Душа». Главный герой и все персонажи повествования не имеют ограничений в трансформационных возможностях. Категория времени не имеет значения.

Отмечается, что «в прозе А. Кима реализовано древнекитайское представление о том, что всем в мире управляет Дао – единое и неделимое жизнетворящее начало. В то же время можно проследить четкое движение, своеобразную преемственность в использовании мифологических образов и мотивов. Однако писатель основывается исключительно не на восточной философии, он исходит также из особенностей анимистического мышления как такового, что позволяет использовать весь мотивный фонд мировой мифологии»¹².

Таким образом, анализ мифологической основы повествования в романе «Радости рая» помогает видеть разнообразие символического мира произведения. И такое разнообразие интерпретируется автором по своему, создавая собственную самотытную мифологическую систему, которая проявляется в его романном творчестве. А конкретно в романе «Радостия рая» эта система становится основой художественного мира.

¹ *Аверинцев С.С.* Рай / С.С. Аверинцев // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. М.: Российская энциклопедия: Олимп, 1997. Т. 2. С. 364.

² Там же.

³ *Ким А.А.* Собрание сочинений. В 4 т. Том 2. Радости рая. Владивосток: Валентин, 2013. 732 с

⁴ Там же. С. 280.

⁵ *Элиаде М.* Аспекты мифа / Пер. с фр. / Э.Шюре // Великие посвященные. Харьков: Фолио – М.: АСТ, 1990. 126 с.

⁶ *Трессидер Д.* Словарь символов / Д. Трессидер. М.: Фаир-пресс, 1999. 448 с.

⁷ *Ким А.А.* Указ. соч. С. 298.

⁸ Там же. С. 319.

⁹ *Аверинцев С.С.* Указ. соч.

¹⁰ *Ким А.А.* Указ. соч. С. 385.

¹¹ *Аверинцев С.С.* Указ. соч.

¹² *Тодоров Ц.* Введение в фантастическую литературу. М.: 1997. С. 286.

Assan A. K.

L.N.Gumilyov Eurasian National University

**Poetics of Magical Realism
in the Novel «Joys of Paradise» by A. Kim**

This article analyzes the artistic world in the novel «Joys of Paradise» by Anatoly Kim. Such analysis gives the author an opportunity to reveal the poetics of magical realism in the researched work.

Keywords: Anatoly Kim, Joy of Paradise, Roman, Magical Realism.

Яценко И. И.

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Россия*

Волкова Д. В.

*Казахстанский филиал МГУ
имени М. В. Ломоносова, Казахстан*

Декодирование цветообозначений при анализе художественного текста на русском/иностранном языке

Статья посвящена описанию работы с цветовой деталью в процессе учебной интерпретации художественного текста. Показаны способы декодирования цветообозначений, которые создают в тексте антитезы, формируют тематические поля слов, несут символические смыслы.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, интерпретация художественного текста, цветовая деталь, цветообозначение.

Цвет, как объект изучения лингвистической науки, рассматривается с разных точек зрения: когнитивная лингвистика занимается вопросами восприятия цвета носителями разных культур и его отражения в их языковой картине мира, психолингвистика исследует цвет с позиций его воздействия и вызываемых ассоциаций, в рамках компаративистики большое внимание уделено выявлению универсальных и индивидуальных для отдельного языка переносных значений и дополнительных коннотаций цветообозначений, проводятся исследования в эволютивном и словообразовательном аспекте. В семантических исследованиях цветообозначений отмечается, что им свойственна семантическая двуплановость: одновременное обозначение прямого цветового значения и образного представления о цвете.

Из этого следует, что цветообозначения в языке выражают не только собственно названия цветов, связанные с их объективной, физической стороной, но также обусловлены социально и узуально, то есть их смыслы связаны с устоявшейся социолингвистической и социокультурной традицией, индивидуальными и общезыковыми психическими, эмоциональными коннотациями, при этом собственно цветовое значение уже не является обязательным элементом. В связи с этим можно утверждать, что цветообозначения антропоцентричны и этноцентричны в большей степени, чем другие группы

лексики, что обеспечивает открытость для появления новых контекстуальных смыслов цветообозначений, а также свидетельствует об их большом символическом потенциале

Наш интерес к данной проблематике связан с лингвометодическими целями, поскольку все вышесказанное позволяет утверждать, что цветообозначения – это весьма привлекательный материал, на котором может строиться анализ целого художественного текста или его части. Наиболее предпочтительным видом анализа художественного текста при обучении русскому языку как неродному является интерпретация текста, которая максимально приближена к ситуации реального чтения. Особенностью интерпретации художественного текста является ее ориентированность только на языковую ткань текста.

Рассматривая процесс чтения художественной литературы как процесс диалогический, т.е. как коммуникацию автора и читателя, можно сделать вывод о том, что от читателя требуется не меньшая активность при рецепции текста, чем автору при его продуцировании. В успехе коммуникативного акта обычно заинтересованы обе стороны, поэтому автор наполняет свой текст «подсказками» для реципиента, а читатель, в свою очередь, должен эти «подсказки» увидеть и правильно «прочитать», что позволит ему приблизиться к пониманию авторского концепта.

Актуализированные единицы создают детали (подробности) изображаемого, которые и являются ключом к скрытому в тексте смыслу. «Читай, – заметил В.В. Набоков, – мы должны замечать и лелеять детали. Лунный свет обобщений – вещь хорошая, но лишь после того, как любовно собраны все солнечные мелочи книги»¹.

Исследование отдельных деталей может позволить воссоздать картину мира в ее сложности и многообразии проявлений. Среди разных видов художественных деталей (речевая, портретная, пейзажная, бытовая, предметная и др.) цветовая деталь оказывается одной из наиболее функциональных. Вычленение цветовых деталей в тексте и их интерпретация позволяет читателю выйти на достаточно высокий уровень смыслового восприятия текста, проникнуть в подтекст и приблизиться к замыслу автора. Деталь может вызывать ряд ассоциаций и преобразаться в символ.

Художественные детали, связанные с цветообозначением, выполняют в тексте разнообразные функции: создают антитезу, формируют семантические цепочки, объединяются в тематические поля слов, несут смысловую нагрузку в заголовке. Основная задача и трудность,

стоящая перед читателем, – раскрыть целесообразность использования автором цветовой детали в каждом конкретном случае.

Продуманная система заданий, направленная на декодирование цветowych деталей, позволяет, используя такие небольшие текстовые «подробности», проникнуть в смысловое пространство всего художественного текста (или значительной его части).

Довольно частый прием, лежащий в основе композиции художественного текста, – антитеза. Выявление цветowych деталей, создающих антитезу, затруднений у читателей не вызывает, главное – это их толкование, выяснений скрытого за противопоставлением подтекста. Иногда «подсказки» автора могут быть скрыты в отклонении от продолжения развития антитезы, в использовании автором приема «обманутого ожидания».

Продемонстрируем ряд заданий, связанных с антитезой на основе цветowych деталей в рассказе Л.Н. Толстого «После бала». Текст построен на противопоставлении двух ситуаций: бал у губернского предводителя и наказание шпицрутенами солдата. Центральной фигурой в обеих ситуациях является полковник, который предстаёт в этих двух сценах совершенно по-разному. Противопоставлены эти две сцены с помощью разнообразных изобразительных средств, среди которых центральное место отведено актуализации цветообозначений. В связи с этим учащимся может быть предложена следующая система вопросов/заданий: Какие цвета использует Л. Толстой в сцене бала? (Белый, розовый.) Какую роль играет цветовая гамма сцены в характеристике Вареньки и ее отца? (Их отношения гармоничны, они наслаждаются обществом друга друга и тем, что все ими любят.) Представьте этот ряд цветowych деталей понятиями, которые они символизируют. (Радость, любовь, счастье, благополучие, гармония.) Какие цвета использует писатель в сцене на плацу? (Черный, красный, белый.) Какие понятия соответствуют цветowym деталям, описывающим жестокое наказание солдата? (Жестокость, насилие, боль, страдание.) Как соотносятся цветowe детали в описаниях бала и наказания солдата? (Частично противопоставлены: белый, розовый, но черный, красный; частичное совпадают – белый, румяный.)

Частичное совпадение цветowych деталей в анализируемых сценах показывает, что есть в них что-то константное, что не изменяется. Эти «неизменения» касаются полковника. В связи с этим возможна формулировка следующего задания: «В сцене на плацу полковник предстает совсем в другом облике, чем на балу. Где же он настоящий?

Почему он и в сцене бала, и в сцене на наказания шпицрутенами характеризуется одними и теми же цветовыми деталями? (Ответ: повтор деталей свидетельствует о том, что полковник «настоящий» и на балу, и на плацу – он выступает в этих двух эпизодах в двух разных социальных ролях. На балу он в роли светского человека, милого, галантного человека, любимца общества, любящего отца, а на плацу – в роли офицера николаевской армии, который убежден в правильности того, что делает.)

Подтверждением тому, что полковник – ревностный исполнитель предписаний николаевской армии и что Николай I – его кумир, свидетельствует другая (не цветовая) деталь, но обобщение, связанное с характеристикой логики поведения полковника подготовлено работой именно с цветовой деталью. Таким образом, создание антитезы, а потом осознанное разрушение ее стало ключом к пониманию и образа героя, и ситуации, описанной в тексте. И раскрыть это оказалось возможным на основе анализа использованных писателем цветообозначений.

Цветообозначения, находящиеся в антонимичных отношениях и свободные от них, образуют семантические цепочки (например, *белый, розовый, румяный* в сцене бала в рассказе Л. Толстого), создающие в конечном итоге, в том числе и путем повторов «тематические поля слов»². Существенно, что в них «входят также слова с более «далекими» семантическими отношениями. Тематические поля слов ориентированы на формирование смысла текста. Поэтому важно, чтобы читатели/учащиеся могли выделять их и затем интерпретировать. Задания, требующие расширения авторского тематического поля самим читателем, стимулируют как воссоздающее, так и творческое воображение обучаемых. Это очень важный этап интерпретации текста, так как он требует от читателя перевода словесной ткани произведения на язык смыслов, требует умения делать обобщения, переходить от конкретных тематических полей слов к оценочным обобщающим формулировкам. Именно так осуществляется диалог читателя и автора, читатель вступает в сотворчество с писателем.

Покажем функционирование семантических цепочек и тематических полей слов, связанных с цветообозначениями, на материале рассказа Д. Рубиной «На исходе августа».

Как и многие другие тексты Д.И. Рубиной, рассказ «На исходе августа» представляет собой очень личностное повествование героини о себе, о своем самочувствии, физическом и душевном (а физическое

у нее – всегда отражение душевного здоровья), о своем восприятии внешнего мира (открытость его радостям), о контактах с миром, о сострадании его болям (в рассказе фоном происходящего является сообщение о новом теракте в Иерусалиме и новых погибших) и о громадной, жадной любви к этому миру, к жизни.

Многое в этом рассказе раскрывается через цветовые детали, которые используются и в целях описания фрагментов внешнего мира, и в целях создания антитезы (действие происходит в Израиле, стране южной, солнечной, но вместе с тем постоянно живущей в атмосфере войны, тревоги, ожидания и готовности к суровым испытаниям). Цветовые детали интересны тем, что формируют тематические поля слов, которые характеризуют не столько внешние стороны действительности, сколько их смысловое наполнение, составляющее подтекст рассказа.

Ахроматичные описания в самом начале рассказа (белый цвет и *притемненный*) создают тематическое поле, связанное с подавленным эмоциональным состоянием героини. Но вскоре вступают цветообозначения группы «желтый», которые несут основную смысловую нагрузку в тексте (у шаурмы – *золотистый цвет старого янтаря; золотистые кусочки нежной индюшачьей плоти; желтый парус; золото* волн) и представляют тематическую группу «житейские радости, наслаждение жизнью». Золотой цвет появляется в описании еды, и контраст с остальным миром удовольствия, которое испытывает героиня в данный момент, усиливается, трагедия рядом (*Выходит, пока я ела шаурму, умерло трое... Три жизни погасли.*) Возникает мотив противопоставления материальных, житейских радостей остальному миру со всеми его несчастьями, миру, в какой-то мере враждебному живущим в нем людям.

Описание заката сближает цвета, используемые в описании, снимая резкий контраст: «Солнечный диск продолжал опускаться, наливаясь *пунцовым*, море вытягивало из глубин к поверхности *синие* и *фиолетовые* тени». Но даже с заходом солнца контраст желтого с другими цветами не исчезает – завершение чего-то одного не значит, что конец наступил для всего: «на блестящем ее, точеном плече таинственным тавром *чернела* замысловатая татуировка». Контрастные цветовые детали сопровождают повествование рассказа, в котором чувства и переживания героини, а также услышанное и увиденное ею соединяют в себе в равной степени плохое и хорошее, и тем не менее жизнь продолжается.

Таким образом, гамма желто-золотого цвета создает тематическое поле – жизнелюбие, способность к наслаждению, открытость человека простым радостям. Контраст с другими цветами – темных и холодных оттенков – параллелен событийному содержанию рассказа и связан с тематическим полем – жестокость, смерть, то, что не позволяет человеку в полной мере наслаждаться жизнью.

Нередко цветообозначение присутствует и в заголовке текста. Заголовок, являясь рамочным знаком, обязательно обсуждается в начале интерпретации текста (участвуя в актуализации категории проспекции, он формирует ожидания читателя, дает ему установку на смысловое восприятие текста) и обязательно требует возвращения к себе, поскольку обычно связан со сквозным мотивом текста. Цветообозначения в заголовке вызывают у читателя довольно определенные ассоциации, связанные с его представлением о символике цвета, которые он может подтвердить или опровергнуть по окончании интерпретации текста.

Например, в рассказе М. Степновой «Черная кошка», повествующей о судьбе провинциальной девушки, приехавшей покорять столицу, *черная облезлая помоечная кошка* становится символом ее собственной судьбы, символом рока, который непременно настигнет героиню. И хотя жизнь ее сложилась благополучно, страх не отпускает ее, поскольку она, которая сама *помоечной кошкой метнулась под ноги* человека, который окружил ее любовью и заботой, свою черную кошку выбросила на ту самую помойку, где когда-то подобрала ее котенком. *Черная кошка* в заголовке – это символ недолговечности счастья, особенно если его отравляют муки совести.

Таким образом, цветообозначения в художественном тексте являются весьма привлекательным для читателя актуализированным языковым материалом. И хотя, по справедливому мнению авторитетных авторов, «цель интерпретации заключается не в воссоздании, или реконструкции, первичного (авторского) смысла текста, а в создании, или конструкции, смысла заново»³, нельзя не признать того, что смысл конструируется читателем не произвольно, а через постижение смысла авторского. Следовательно, задача приближения читателя к авторскому замыслу, к его «картине мира» остается актуальной.

¹ Цит. по: Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2007. С. 283.

² Гореликова М.И., Магомедова Д.И. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Русский язык, 1982. С. 22-32.

³ Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб.-науч. пос. / под ред. проф. К.А. Роговой / К.А. Рогова, Д.В. Колесова, Н.В. Шкурина, И.В. Реброва, Т.И. Попова, И.М. Вознесенская, О.В. Хорохордина. СПб.: Златоуст, 2011. 464 с.

Yatsenko I. I.

Lomonosov Moscow State University

Volkova D. V.

Kazakh branch of the Lomonosov Lomonosov Moscow State University

**Decoding colors in the analysis of artistic text
in the Russian / foreign language**

The article is devoted to the description of work with a color detail in the process of educational interpretation of an artistic text. The article shows the ways of decoding colors that create text antitheses, form thematic fields of words, carry symbolic meanings.

Keywords: Russian as a foreign language, interpretation of artistic text, color detail, color designation.

Бичак Светлана

Силезский университет в г. Катовице, Польша

swietlana.biczak@us.edu.pl

Использование заимствований в комических текстах (на примере творчества М. М. Жванецкого)

В статье исследуется употребление заимствований в произведениях Михаила Жванецкого. Специфика его творчества заключается в разнообразии языковых приемов, реализуемых средствами всех уровней языковой системы. В своих произведениях писатель-сатирик М. Жванецкий неоднократно применяет такой вид языковой игры, как использование лексических заимствований. Они служат проявлением категории чуждости, могут также являться средством информации о национальности героев и средством создания комизма.

Ключевые слова: лексические заимствования, комизм, Жванецкий, категория чуждости.

Слова и словосочетания, заимствованные из иностранных языков, являются одними из значимых языковых средств, используемых в художественной литературе.

Заимствование — это переход элементов одного языка в другой как результат взаимодействия языков или сами элементы, перенесенные из одного языка в другой. Заимствование может быть устным, тогда воспроизводит общий фонетический облик слова, или письменным, когда производится транслитерация¹.

В данной статье мы будем рассматривать заимствования как элемент чужого языка, включающий языковые единицы, представленные как в графике языка-получателя, так и в оригинальной графике, а также калькированные слова и выражения, единицы интернационального фонда. В качестве материала для анализа мы используем тексты Михаила Жванецкого, опубликованные в «Собрании произведений в пяти томах».

Заимствования выполняют в художественном произведении ряд функций, среди которых мы хотим выделить функцию речевой характеристики персонажей, языковой игры, авторского самовыражения, детализации, создания этнического колорита, речевой индивидуализации. Заимствования могут также выступать как проявления категории чуждости, обращающие внимание адресата текста на

языковые, религиозные, аксиологические, общественные и социальные отличия персонажа².

Использование автором сатирических произведений заимствований как средства создания комизма следует рассматривать как один из видов языковой игры³.

Они используются в его произведениях, в частности, как средство представления национальности героев. Жванецкий начал писать сатирические миниатюры в 60-е годы, то есть еще в советское время, в Одессе. Будучи многонациональным городом, Одесса говорила на множестве языков. Каждый из них внес свою лепту в формирование так называемого одесского языка, на котором говорят герои одесских рассказов. В результате этого он изобилует всевозможными иноязычными заимствованиями на всех языковых уровнях⁴. На лексическом уровне языком-донором является в первую очередь украинский язык, что является очевидным, так как Одесса находится на территории Украины. Другими языками, оказавшими влияние на одесский язык, являются идиш, французский, английский, польский и другие⁵.

Наиболее многочисленны, как упоминалось, заимствования из украинского языка, что можно проиллюстрировать следующими примерами.

*Как все евреи тянут друг друга, так Кац потащил за собой Ильченко, который к тому времени уже что-то возглавлял в парходстве и уже **приобрел первые навыки в демагогии и безапелляционности**. Если б мы его не показали Райкину, он был бы замминистра или **зампредоблсовпроса** или **предзамтурбюро** «Карпаты» з **пайкамы**, з персональной черной, з храпящим шофером в сдвинутом на глаза кепаре, **він кожний рік відпочивав бы** в санатории ЦК «Лаванда» **у** «люксе» з бабою, з дитямы, гуляв по вечерам до моря, по субботам **напивавсь у компании** таких же **дундуков**, объединенных тайным знанием, что это система ни к **херам** не годится, и в любом состоянии решал бы вопросы з населением. Находясь з **ним** в крайней вражде⁶.*

В данном примере заимствование целых фраз из украинского языка служит характеристике не столько самого персонажа Ильченко, сколько целого класса управленческого аппарата Одессы 60-х годов, его происхождения и образованности. С помощью применения разговорно-сниженного существительного *дундук* автор определяет аппаратчиков как людей глупых. Представленный же сатириком способ проведения досуга *він кожний рік відпочивав бы в санатории*

ЦК «Лаванда» у «люксе» з бабою, з дитямы, по субботам напивавсь, характеризует эту социальную элиту как слабообразованную и малокультурную. Употребление украинского языка служит также средством указания на сельское происхождение чиновников. Это объясняется тем, что общепринятым разговорным языком Одессы того и настоящего времени является русский, на украинском же говорили преимущественно выходцы из близлежащих деревень. Характеристику дополняет использование вульгарной парафразы фразеологизма *ни к черту не годится* — *ни к херам не годится*. Вульгаризмы являются экспрессивным средством, часто используемым в художественной литературе. Помимо прочего, в сатирических произведениях они могут выступать в качестве средства создания комизма. «Писатели обращаются к вульгаризмам для всестороннего изображения характера образа, его позиции в общественной жизни и в быту, для естественного и реального отображения его отношений с окружающими, реакции на различные явления»⁷. В данном примере комизм вызван контрастным сопоставлением в пределах одного предложения официально-деловой и грубо-просторечной лексики.

В своих произведениях М. Жванецкий редко прибегает к использованию бранной лексики. В произведениях времен застоя это можно объяснить существованием цензуры и запретом употребления обценных выражений в выступлениях на эстраде. Дмитрий Каралис замечает, что «большинство пишущих и не терзалось от невозможности вложить в уста своего героя какую-нибудь мать или расхожее трехбуквенное ругательство. Никто не рвал на себе волосы от безысходности и недостатка лексической свободы — для художественности произведений вполне хватало общепринятых слов и выражений. Еще и оставались. Запреты, не только цензурные, но и внутренние, соблюдались на литературной площадке неукоснительно»⁸.

В 1990-е и 2000-е годы, когда на эстраде, в литературе и в прессе появилась в большом количестве ненормативная лексика, Михаил Жванецкий в своих произведениях соблюдает высокую культуру речи и редко употребляет ненормативную лексику. Его комизм трудно назвать прямым и рубашным. Одним из немногочисленных примеров юмора этого вида является заимствование польского ругательства *kurwa* в рассказе «Одесский пароход». Лексика подстандарта, к которой относятся вульгаризмы, используется с целью характеристики персонажа, эпохи или языкового обычая⁹. В приведенном ниже примере механик на пароходе с помощью руга-

тельства выражает свою крайнюю степень недовольства командующими офицерами на мостике.

– *Эммануил!*

– *Да.*

– *Ядией в по'йт: песней сидим на месте в ста сояка мет'ях от п'чала, отнялся задний ход. Штуйман Г'ойсман списан на беег, куда он сойдет, как только мы подойдем. Стайший штуйман Бенимович еще на беегу уже.*

– *Это я, ставший штувман Бенимович. Я случайно выскочил. Ну, вы понимаете, мне надо было за бовт. Ну, надо было! Ну, бывает! Ну, это жизнь. Смотрю, мы отходим, мы идем, а я стою. А кавты у меня, ну это жизнь, ну надо было. Я дал отмашку сначала ковмовым, потом носовым платком. Пвиступил к сигнальным огням, сжег всю ковобку, мол, стоп, мол, мол, я на бевегу, ну мне надо было. Ну, это же жизнь. Так эти пвидурки вазвили такой ход, какой они выжали из этой пвипадочной машины. Тогда я снял штаны и показал им все, на что способен, и они сели под гвом аплодисментов. Без специалиста не вытайся... Эй на... «Азохенвей»! Это я, Бенимович, это я квичу и издеваюсь над вами – будем вызывать спасатель? А? Там, где Гвойсману с головой, новмальному штувману по... Капитан, это я, Бенимович, квичу и издеваюсь. Как вода? Эй, в машине, пустите машины вваздвай. Эй, в машине!*

В машине: – Что в машине? Я всю жизнь в машине. Я никогда не знаю, куда мы идем. У меня такое впечатление, что на мостике все курвы. Хорошо. Они наверху. Они командуют. Я выполню любой приказ мгновенно, но пусть они мне сначала докажут. Ты, командир, докажи, что ты умней, и все, и мы уже идем¹⁰.

Выступающее в данном тексте ругательство *курва* служит эмоционально-экспрессивной реакцией на неожиданные и неприятные события, слова, действия и т. п.¹¹ Как отмечает Валерий Мокиенко, виртуозная многоэтажная брань характерна для моряков, однако советская цензура прочно следила за соблюдением запрета на употребление обсценных слов в художественных произведениях, в результате чего автор прибегнул к иноязычной лексике. Заимствования из идиша и польского языка характерны для жителей Одессы. Экипаж корабля составляют коренные одесситы, евреи по национальности. На это указывают имя *Эммануил* и фамилии *Гройсман* и *Бенимович*. Также название корабля «*Азохенвей*», которое с идиша дословно переводится как «Это просто Ох и Ах», является еврейским междометием, выражающим сочувствие, тревогу, панику или

недовольство. Но еврейский язык-идиш характеризуется одним качеством: слова в нем многозначны и часто выражают противоположные качества. Собеседник это прекрасно понимает, посторонний, как правило, — нет. Таким образом, название корабля не обязательно обозначает горестный вздох, может также иметь прямо противоположное значение — выражения гордости и силы, синоним русского восклицания «Знай наших!»

Вкрапления из других языков не являются единственными сигналами чужого в произведениях Жванецкого. Как отмечает Роман Левицки, носителями чужого в тексте могут быть такие единицы, как имена собственные и формулы обращения, названия реалий, фраземы, варваризмы, неологизмы, грамматические элементы, а также некоторые структурные детерминанты определенного текстового типа¹². Выступающие в тексте имена собственные *Эммануил*, *Гройсман*, *Бенимович*, *Азохенвей* являются типичными «сигналами чуждости», акцентирующими внимание получателя текста на национальной принадлежности персонажей.

На национальность героев указывают и особенности их произношения. У капитана корабля в речи присутствует картавость, а штурман Бенимович вместо сонорного звонкого звука *p* произносит шумный щелевой звук *v*. Перечисленные здесь фонетические дефекты речи в русском национальном сознании ассоциируется с евреями и служат средством выражения добродушно-насмешливого отношения к персонажу. Стереотипный набор фонетических аномалий обычно связан с устойчивым образом представителей данных наций или национальных меньшинств, в силу которого они способны выполнять функцию осмеяния¹³. Пародирование иностранного акцента восходит к фольклорным, литературным, сценическим традициям карнавала. «Естественно, что языковая маска направлена на комическое снижение образа, что достигается включением в речь ненормативных — часто диалектных или просторечных — элементов, пародированием «неправильной» речи»¹⁴. Как элемент карнавализации языка, маска выполняет двойную функцию: с одной стороны, скрывающую, с другой — выявляющую. Языковые, как и традиционные, маски с помощью ярко выраженных характеристик создаются именно для того, чтобы сделать характер персонажа узнаваемым¹⁵. В данном примере автор с помощью заимствований, особенно вульгаризма, придает высказываниям ярко-выраженный пародийно-комический характер.

Творчество Михаила Жванецкого представляет собой очень сложное и многогранное явление. Его специфика заключается в разнообразии языковых приемов, реализуемых средствами всех уровней языковой системы. В своих произведениях писатель-сатирик М. Жванецкий неоднократно применяет такой вид языковой игры, как использование лексических заимствований. Они служат проявлением категории чуждости, могут также являться средством информации о национальности героев. Помимо прочего, они придают тексту экспрессивность и престижность, выражают оценку и являются средством создания комизма.

¹ Большой Энциклопедический Словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedu.ru/bigenedic> (дата обращения: 10.04.2018).

² *Lewicki R.* *Obcość w odbiorze przekładu.* Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2000. S. 19.

³ *Санников В.З.* *Русский язык в зеркале языковой игры.* Москва: Языки славянской культуры, 2002. С. 181.

⁴ *Kabanen I.* Введение в особенности одесского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.helsinki.fi/venaja/opiskelu/graduaja/kabanen.pdf> (дата обращения: 04.01.2017).

⁵ *Мечковская Н.Б.* *Русский язык в Одессе: Вчера, сегодня, завтра* // *Russian Linguistics.* 2006. № 2. С. 276.

⁶ *Жванецкий М.М.* *Собрание произведений в пяти томах. Том 1. Шестидесятые.* Москва: Время, 2007. С. 10-11.

⁷ *Сафонова Е.В.* *Формы, средства и приёмы создания комического в литературе* // *Молодой ученый.* 2013. № 5. С. 477.

⁸ *Каралис Д.Н.* Немного мата в холодной воде, или «осторожно: ненормативная лексика!» // *Литературная газета.* 2002. № 30.

⁹ *Lewicki R.* *Przekład wobec zjawisk podstandardowych. Na materiale polskich przekładów współczesnej prozy rosyjskiej.* Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1986. С. 43.

¹⁰ *Жванецкий М.М.* Указ. соч. С. 236.

¹¹ *Мокиенко, В.М.* *Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное* // *Русистика.* 1994. № 1/2. С. 50-73.

¹² *Lewicki R.* *Obcość w odbiorze przekładu.* Op. Cit. S. 45.

¹³ *Лендвау Э.* Фонетика современного русского анекдота. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nyf.hu/upload/File/docs/orosz/lendvai.pdf> (дата обращения: 05.01.2018)

¹⁴ *Найдич Л. Э.* *След на песке. Очерки о русском языковом узусе.* Санкт-Петербург: СПбГУ, 1995. С. 165.

¹⁵ *Высоцкая И.В.* Кто скрывается под маской? // Карнавал в языке и коммуникации. Кол. монография / Л. Л. Федорова, Р. Ратмайр, О. Е. Фролова и др. Москва: РГГУ, 2016. С. 347.

Biczak S.

University of Silesia in Katowice

**The Usage of Borrowings in Comic Texts
(based on the work of M.M. Zhvanetsky)**

The article researches the usage of borrowings in the works of Mikhail Zhvanetsky. Specificity of his work is in the diversity of language techniques implemented by means of all levels of the language system. In his works, the writer-satirist repeatedly applies such kind of language game as the usage of lexical borrowings. They serve as a manifestation of the category of alienation, they can also be the way of conveying information about characters' nationality and means of creating comic effect.

Keywords: lexical borrowings, comic, Zhvanetsky, category of alienation.

Красовская Н. А.

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого, Россия*

nelli.krasovskaya@yandex.ru

**Место диалектизмов
в языке художественной литературы
(на материале романа В.Д. Успенского
«Неизвестные солдаты»)**

В статье анализируются разнообразные функции диалектной лексики в тексте современного русского романа, посвященного военным событиям XX века. Отмечается сложность восприятия текста произведения студента-ми-билингвами. Предлагаются некоторые приемы улучшения понимания языка данного романа.

Ключевые слова: диалекты, студенты-билингвы, художественное произведение, язык.

О роли и месте диалектной лексики в тексте произведений разных авторов написано немало исследований. Однако нельзя сказать, что рассмотрение диалектизмов в текстах художественной литературы получило свое окончательное решение. На наш взгляд, эта проблема сегодня стоит довольно остро прежде всего потому, что наблюдается разрушение самих диалектных архаических систем. Однако говорить о том, что территориальные языковые различия в русском языке в ближайшее время окончательно сгладятся, невозможно. Видимо, в данном случае мы наблюдаем переход от архаических диалектных систем к региолектам. Понятие региолекта было введено в лингвистический обиход уже довольно давно. обстоятельное рассмотрение термина *региолект* дает замечательный петербургский лингвист А.С. Герд: «Региолект – это особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Эта форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса стандартного литературного языка, а с другой, – в силу наличие многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием»¹. Таким образом, несмотря на постепенное разрушение довольно сложных архаических систем русских говоров, проблема осознания региональных вариантов русского языка существует. Непросто бывает понимать диалектные (региональные)

явления носителю русского языка, а тем более сложно справиться с задачей их вычленения и осознания, например, билингову. А сталкиваться с такими проблемами приходится, так как диалектные (региональные) явления уже традиционно стали частью языка художественных произведений.

Диалектизмы проникают на страницы художественных произведений уже в течение довольно длительного периода развития русской литературы. Неоднократно отмечалось, что диалектные явления в текстах произведений художественной литературы выполняют разнообразные функции. Обстоятельно роль диалектизмов рассматривалась в основном на примере текстов произведений классической русской литературы. В начале XXI века вполне закономерным является обращение к исследованию языка произведений XX века, которые еще можно условно относить к современной литературе. Некоторые вопросы, связанные с ролью диалектных элементов в текстах современных художественных произведений, остаются актуальными для научного и методического рассмотрения. Мы бы их обозначили так: 1) функциональная нагрузка диалектизмов в текстах художественных произведений разнообразного содержания; 2) восприятие и понимание диалектных элементов разными группами читателей.

Исходя из этих актуальных, по нашему мнению, проблем мы и обращаемся к рассмотрению диалектизмов в тексте художественного произведения и намечаем некоторые возможные пути работы с ними.

Предметом нашего научного рассмотрения на протяжении многих лет являются тульские говоры, именно поэтому мы в основном анализируем диалектизмы в произведениях авторов, чье творчество так или иначе связано с тульским краем. Для рассмотрения в данном случае мы выбрали произведение писателя, чья судьба также была связана с тульским регионом. Владимир Дмитриевич Успенский родился в п. Одоеве Тульской области, провел здесь юные годы. Затем была Великая Отечественная война, литературная деятельность. Можно сказать, что ключевым произведением в творчестве В.Д. Успенского стал роман «Неизвестные солдаты». Обращение к данному роману весьма значимо в настоящее время, потому что основное действие произведения происходит в период Великой Отечественной войны, в повествовании оказываются вовлеченными многочисленные герои, главные и второстепенные, но так или иначе в центре внимания оказываются молодые жители небольшого посел-

ка, в котором узнается родной В.Д. Успенскому п. Одоев. Каждое событие Великой Отечественной войны достойно отдельного описания, но битва за Москву, видимо, не могла оставить автора безучастным. Она и стала основной в содержании данного романа. Интересно отметить, что название романа породило устойчивое сочетание, которое теперь известно каждому – «неизвестные солдаты».

Следует сказать, что данное произведение не относится к так называемой «деревенской прозе», где наличие диалектных элементов является практически обязательной и важной чертой, это современное произведение о войне. Однако в рассматриваемом романе мы встречаемся с диалектизмами, выполняющими самые разнообразные функции.

Отметим, что диалектизмы встречаются в речи героев романа как отражение особенностей крестьянской жизни. Если следовать классификации функций диалектизмов в художественных произведениях, разработанной Л.Г. Самогик², то такую функцию можно назвать моделирующей. Действительно, в некоторых случаях диалектные элементы позволяют более точно представить жизнь крестьянского населения в военные годы: «*Картошка своя, хватит до новин* [Неизвестные солдаты, 304]»³. Слово *новина* является диалектным, поэтому о его толковании мы справляемся в «Словарь русских народных говоров» (СРНГ): «Новина... 6. Новина, собир. То же, что новизна (в 3-м знач.). Мы еще новины не мололи. Даль [без указ. места]. || Овощи, фрукты нового урожая»⁴. Моделирующую функцию выполняют и такие диалектные элементы, как *хвартук*, *полок*, *киса* и др. Эти слова, действительно, называют предметы быта, явления, процессы, которые характеризуют крестьянскую жизнь. В основном моделирующая функция проявляется, когда диалектизмы используются в речи героев-крестьян, в речи иных персонажей или в авторской речи для характеристики, описания, отражения реалий крестьянского быта.

Однако, на наш взгляд, в большей степени в рамках данного романа диалектизмы выполняют эмотивную функцию, то есть служат для выражения субъективного отношения автора или персонажей к явлениям окружающего мира. Эта функция, по нашему мнению, является ведущей в произведении, потому что абсолютное большинство персонажей оказываются «вырванными» из условий мирной крестьянской жизни, они попадают в военную обстановку. Диалектные слова в этом случае помогают более точно описать действия людей, качества характера, дать оценку определенной ситуации.

Видимо, по мысли автора, использование диалектной лексической единицы способно привлечь читателя, обратить внимание на важные, по мнению В.Д. Успенского, моменты действий, характеристики героев и их поведения и т.д. Например: «*С ним было легко служить, не то что с горластыми верхоглядами без царя в голове, которые прикрывали свое интеллектуальное бессилие жестокой требовательностью и внешним блеском*»⁵. Толкование слова *верхогляд* находим в СРНГ: «Верхогляд... Тот, кто отличается несерьезным, поверхностным отношением к чему-либо».⁶ Или автор использует слово *гаврик*: «– *Вот это народ! – с восхищением сказал Вышкварцев. – Вот таких посади 40 гавриков на километр, мы любую атаку отразим!*»⁷. Данная лексема также оказывается диалектной и толкуется в СРНГ: «Гаврик... Простак, мальчуган, глупец. Называют полуласкательно детей. Нижний Дон., Миртов, 1929... 3. Неодобр. Шеголь, ферт. Ишь, гаврики какие заявили! Дубен. Тул., 1933-1960»⁸. Подобную функцию имеют и многие другие слова: *стегать, драпать, мельтешишь, памятливей, кряжистый* и т.д.

Следующая функция, которую выполняют диалектизмы в тексте произведения, – это фатическая, то есть опознавательная функция. Напомним, что диалектными фактами богата не только речь персонажей-крестьян или выходцев из крестьянской среды, но и авторская речь. Безусловно, чаще всего диалектизмы необходимы писателю, чтобы выразить свое отношение к чему-либо, передать с помощью диалектных слов оценку тех или иных явлений, однако во многом наличие диалектизмов позволяет воспринимать автора как человека, близкого основным персонажам романа, как человека, который прекрасно знает народную речь, для которого она является родной. Так, в авторской речи встречаем: «*Тот спокойно сел рядом с водителем, да еще и напялил на нос очки с аляповатой дужкой из медной проволоки*»⁹. Лексема *альяповытый* имеется в СРНГ: «Аляповатый... Грубой отделки, несоразмерный, нескладный, неаккуратный, некрасивый... Бутурлин, 1852. Нерехт. Костром., ...Мещов. Калуж...»¹⁰. Приведем еще пример: «*Ребята принялись чистить заскорузлые разбитые ботинки и сапоги*»¹¹. Обратимся к толкованию: «Заскорузлый... 1. Черствый, затвердевший. Твер., 1852. Волог., Яросл. ... 2. Грязный. Епифан. Тул. ...»¹². Подобные примеры еще раз подчеркивают: автор специально работал над тем, чтобы вся ткань романа представляла собой стилистически единое полотно, на котором диалектные элементы заметно высвечивались бы как многогранные и многофункциональные.

Обращение к чтению данного произведения особенно неискушенным читателем или читателем, в недостаточной степени владеющим русским языком, например билингвом, требует серьезной подготовки, ему необходимы значительные комментарии или иные пояснения.

Хотелось бы остановиться на некоторых рекомендациях, связанных с постижением текста романа. Во-первых, само прочтение произведения требует предварительного знакомства с эпохой, с исторической ситуацией, которая сложилась в российской деревне и в целом – в разных слоях общества накануне начала Великой Отечественной войны. В этом смысле стоит обратить внимание на знаковые лексические единицы: *коммунист*, *комсомолец* и др., которые теперь выходят из активного употребления и могут быть малопонятны, например, студентам-билингвам.

Во-вторых, безусловно, работа, нацеленная на постижение глубокого содержания романа, должна быть предварительно связана с обозначением хотя бы основных вех истории Великой Отечественной войны: начало войны, отступление, битва за Москву и др.

В-третьих, чтение текста произведения требует тщательного анализа семантики многих слов, привлечения данных не только толковых словарей современного русского литературного языка, но и данных диалектных словарей для того, чтобы понять, что значат многие слова.

В-четвертых, в тексте романа встречаются разные типы диалектизмов. В основном мы выше приводили примеры лексических диалектизмов, однако в произведении можно найти довольно большое количество и фонетических, и словообразовательных диалектных фактов: *ишишо*, *хвартук*, *упокойник* и др. В этом случае, конечно, необходимо пояснение именно исходя из структурного своеобразия русских говоров, необходимо обращение к основным чертам русских диалектных систем. В целом нужно отметить, что чаще всего в произведении встречаются примеры южнорусских явлений. Видимо, здесь сказываются знакомые автору тульские и курско-орловские говоры, на территории распространения которых и находится родной для В.Д. Успенского Одоевский район.

Обозначим и некоторые перспективы: знакомство с диалектизмом в процессе чтения и изучения анализируемого романа способно серьезно помочь студентам-билингвам в освоении региональных особенностей современного русского языка, с которыми они могут сталкиваться в различных ситуациях неподготовленной коммуникации.

Таким образом, еще раз отметим, что наличие множественных и разнообразных диалектных явлений в текстах современной русской литературы – это не только отличительная черта «деревенской прозы», но в нашем случае – черта крупного художественного полотна, основное содержание которого связано с событиями Великой Отечественной войны. Диалектные явления в романе выполняют самые разнообразные функции: они отражают реальные жизненные ситуации, описывают природу и крестьянский быт, с их помощью автор выражает субъективное отношение к явлениям действительности, создает характеристики персонажей, они дают возможность узнать автора как «человека из народа», который прекрасно знает народную жизнь и народную речь. Обилие диалектных фактов в романе современного автора требует значительных усилий для понимания сути самого произведения. Эти усилия должны быть направлены как на понимание экстралингвистических фактов, связанных с описываемыми в романе событиями, так и на анализ разнообразных языковых явлений, которые и составляют полотно романа.

¹ Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та, 2005. С. 22.

² *Самотик Л.Г.* «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет» // Научный ежегодник Красноярского государственного педагогического университета. Вып. 3. В 2 т. Т. 2. Красноярск: РИО КГПУ, 2002.С. 179-193.

³ *Успенский В.Д.* Неизвестные солдаты. М.: Советская Россия, 1985. С. 304.

⁴ Словарь русских народных говоров. Вып. 19. Л.: Наука, 1983. С. 254.

⁵ *Успенский В.Д.* Указ. соч. С. 254.

⁶ Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Л.: Наука, 1969. С. 56.

⁷ *Успенский В.Д.* Указ. соч. С. 60.

⁸ Словарь русских народных говоров. Вып. 6. Л.: Наука, 1971. С. 78.

⁹ *Успенский В.Д.* Указ. соч. С. 127.

¹⁰ Словарь русских народных говоров. Вып. 1. Л.: Наука, 1965. С. 23.

¹¹ *Успенский В.Д.* Указ. соч. С. 185.

¹² Словарь русских народных говоров. Вып. 11. Л.: Наука, 1976. С. 52.

Krasovskaya N. A.

Tula state pedagogical University named after L. N. Tolstoy

The Place of Dialectics in the Language of Fiction (on the material of the novel by V. D. Uspensky «Unknown soldiers»)

The article analyzes various functions of dialect vocabulary in the text of the modern Russian novel devoted to the military events of XXth century. The complexity of perception of the text by students-bilinguals is noted. Some methods of improving the understanding of the language of this novel are proposed.

Keyword: dialects, bilingual students, artwork, language.

Трояновска Беата

*Университет Казимира Великого в Быдгоще, Польша
betrojan@wp.pl; beatroj@ukw.edu.pl*

**В поисках идеала – творчество Николая Лескова
и «Лавр» Евгения Водолазкина**

Целью статьи является попытка сравнить и обсудить вопрос положительных нравственных проекций, особо с учетом религиозных предпосылок, представленных Лесковым в конце XIX века и Водолазкинским – в начале XXI века. В случае творчества Лескова объектом особого внимания будут такие произведения как: хроника «Соборяне» (1872) и праведнический цикл его рассказов (1879–1889), которые становятся предметом тщательного сопоставления с положительным лицом преподобного в романе Водолазкина «Лавр» (2012). У читателя, знающего творчество Лескова и прозаический текст «Лавра» может возникнуть ощущение, что между творцами создается особый диалог на тему святости и земного пути человека к ней. Притом указанные творцами нравственные идеалы показаны сквозь древнерусскую культуру и литературу. Автор статьи пытается заодно определить роднящие творцов элементы их прозы в постановке данной темы, ставит также акцент на различия в художественных приемах. Образ праведника, а затем и святого, представлен указанными выше писателями, становится желательным идеалом человеческого поведения в разные времена. Причем каждый из прозаиков, как Лесков в конце XIX века, так и Водолазкин в начале XXI века, трансформируют древнерусское представление святого подвижника на свой способ.

Ключевые слова: нравственный идеал, праведник, святой, православие, Лесков, Водолазкин.

Ирина Столярова¹ в своей монографии, посвященной автору «Очарованного странника» обсуждая проблему идеала, показала, что богатая галерея лесковских “полнокровных разнообразных характеров”² является результатом как художественных, так и религиозных, а также этических поисков писателя на протяжении всего его творчества. Праведники в прозе Лескова являются своего рода положительными проекциями человеческого поведения, образцами для подражания среди русского народа, который хочет сохранить свою высокую духовность и русское начало. По-моему, проблема поисков идеала становится важной и в начале XXI века, который

прежде всего в российской прозе выявляет ее критический и обличительный характеры. На этом фоне жизнеописание главного персонажа романа «Лавр» (2012) Евгения Водолазкина сильно выделяется. Писатель, как бы следуя Лескову, заново осмысляет идеальные человеческие характеры сквозь призму христианства, древнерусской традиции и своего мировоззрения. Водолазкин в интервью³ на тему роли Церкви в формировании русской культуры, сообщал, что *самые важные вопросы в русском обществе – о вере, жизни и смерти – решают два института: Церковь и литература и искусство*⁴. Эти отмеченные писателем главные темы человеческого бытия нашли отражение в художественных характеристиках преподобных героев «Лавра». Мы в данном тексте сосредоточиваемся лишь на презентации заглавного героя романа Водолазкина.

В нашей статье попытаемся найти элементы роднящие и отличающие литературные портреты праведников Лескова и преподобного Лавра Водолазкина на уровне: во-первых – контекстов религиозных, затем и художественных. В романе «Лавр» на примере одного персонажа показаны разные типы достижения святости. Итак, у главного героя поочередно появляются на протяжении его жизни имена: Арсений, Устин, Амвросий и Лавр. Водолазкин дает полное жизнеописание своего главного персонажа с момента рождения до смерти. Причем в Прологомене к «Лавру» отмечается повествователем, что жизнь человека неоднородна и: *Порой случается, что ее части имеют между собой мало общего. Настолько мало, что может показаться, будто прожиты они разными людьми*⁵. Смена имен связана со сменой облика жизни преподобного, у которого как бы сочетается и накапливается несколько разных человеческих судеб. Водолазкин своего главного персонажа называет первоначально Арсением, потому что он рождается в день памяти Арсения Великого, близко Кириллова монастыря. Притом житие святого Арсения Великого⁶, который покровительствует новорожденному мальчику, позволяет идти его духовным следом: стать послушником и святым подвижником, так как и святой пребывать многие годы на едине с Богом⁷. Затем принятие очередных имен героем является результатом его судьбы: имя 'Устин' берет он в память по любимой Устине, которая умерла после родов вместе с его сыном, а принятое им позже имя 'Амвросий' напоминает ему убитого на дороге в Иерусалим итальянского друга Амброджо Флеккиа. Оттуда появляется его третье имя – 'Амвросий', с уклоном на святителя Амвросия Медиоланского, почитаемого как святого заодно Православной и

Католической Церквями. Вслед святому идет и герой Водолазкина, стремясь к святости. Зато последнее его имя 'Лавр', которое соединяется со святым мучеником Лавром, подчеркивает мученический конец пути самого героя. Причем в житии о святых Флоре и Лавре упоминается факт, что их мощи оставались нетленными. Водолазкин своему герою предзначает однако другую смерть: Лавр не хочет, чтобы после его смерти осталось его тело, еще при жизни обращается с просьбой: *Привяжите к ногам веревку и тащите его в растерзание зверям и гадам*⁸. Екатерина Федорчук⁹ замечает, что: *Арсений/Лавр/Устин, через которого автор пытается показать образ святого, святых разных типов святости, главным образом, юродивого, не борется с грехом, путь к Богу для него прост, потому что он изначально наделен особенной душой. Его слова о грехе, гибели души и покаянии — это только слова, слова очень искусные и поэтические. Этот герой избранный, грех для него — не грех, его не берут ни холод, ни болезнь, ни нож хулигана*. Причем каждое имя данного персонажа экспонирует разные пути стремления человека к святости: сначала в облике отшельника и бессребреника (Арсений), юродивого (Устин), чудотворца (Амвросий) и мученика (Лавр).

Зато в прозаических текстах Лескова его герой-праведник редко наделен от рода какими-то особенными чертами или дарованиями, он погружен в повседневности, в светском быту и часто мимо своей физической ущербности или умственной неполноценности стремится к святости. Примером могут нам служить: Василь Петрович Богословский, Левша, Котин доилец, Селиван, Иван Флягин, учителя Кадетского корпуса: Перский, Боборов и Зеленский. И в случае Лескова имена героев имеют также знаковый характер. Герой «Очарованного странника» также получает разные имена на разных этапах своего пути: первоначально он Голован, конэсер Иван Северьяныч, Иван Флягин и наконец безымянный полонник. В его случае, привязанность к «земным грехам» обнаруживается почти во всех его именах. Для примера, фамилия «Флягин» образована от слова «фляга», что означает «большой сосуд для перевозки жидкостей»¹⁰, и открывает привязанность героя к спиртным напиткам. Жизнеописание героя в целом напоминает борьбу с бесом-губителем, однако трансформация Лескова идет в сторону от агиографического жанра древнерусской литературы и сносит патетизм и пафос характерен для его описаний. Поэтому Иван Северьянович подвергает искушениям, представленным в виде коня, одержимого бесом, барина-магнетизера или монастырской коровы. Затем его имена являются

отражением поисков Бога греховным человеком. Притом и имя протопопа Савелия¹¹ содержащее в себе еврейские корни, происходит от имени 'Саул', означающего "выпрошенный у Бога" и характеризует людей чрезвычайно способных и независимых. Оно близкое также имени 'Савел', что объясняется как "тяжелый труд". Все эти элементы характеристики находим в лесковском художественном портрете протопопа Савелия Туберезова, который однако перебивается через определенные стадии к святости. Сначала он лишь протопоп в старгородской соборной поповке, потом ссыльный священник живущий в нищете, проживающий притом смерть любимой жены Натальи и наконец – отшельник, кто-то в роде учителя и наставника диакона Ахиллы. Савелий Туберезов со дня страшной бури у Гремучего ключа, в которой чудом уцелел, сказал: */.../ что отныне он живет словно вторую жизнь, не свою, а чью-то иную¹²*», *что его «жизнь кончилась, и начинается житие¹³*. В случае Савелия Туберезова ощущается своеобразный рост стремления к монашеской, затем отшельничьей жизни, к уединению и усилению молитвы в духе исихазма. Можно бы это представить при помощи графика, который начинаясь с определенной точки на земле, (связанной с местом его жилья и работы – поповкой в Старом Городе), постепенно возвышается и идет в вертикальном направлении, к небу и Богу. Похожим путем можно графически представить и поиски своего праведного пути другим лесковским героем – Иваном Флягиным из повести «Очарованный странник», с той только разницей, что точка направляющая его жизнь «ввысь» следует после его многих земных приключений и испытаний, даже как бы против его воли. Значительно иначе такой «график стремления к святости» выглядел бы в случае главного героя «Лавра». У Арсения уже с детства полное осознание духовных целей и стремление полететь высоко к Богу. Однажды живя у деда Христофора он взял веревку, прикрепил к себе перья павлина и забрался на крышу. Его полет оказался коротким, но позже в монастыре старец Никандр сказал ему: *Знаю, что собираешься на небо» и добавил: «В свое время я расскажу тебе, как это делается¹⁴*. Арсений с самого начала своей жизни идет в вертикальном направлении, пытаясь принять на себя как бы поочередно разные типы святости, но несомненно его углубление в вере связано с отречением, в котором он отказывается от себя, своих нужд и желаний в пользу спасения души любимой Устины и других людей.

Несомненно, как праведников лесковской прозы, так и Арсения – героя романа Водолазкина роднит постоянная готовность

прийти на помощь другому человеку. Но интереснейший аспект их связей с ближними образует трактовка женщин. В случае положительных героев автора «Соборян» отношения женско-мужского характера почти отсутствуют, время от времени праведники принимают лишь на себя функции их защитителей, опекунов. Многие лесковские праведники, живя в светском мире, ведут почти аскетический облик жизни и остаются холостыми. Примером могут нам служить: Василь Богословский, скоморох Памфалон, Котин Пизонский. Часть из них если связывается с женщинами, делает это не из телесной нужды, а по поводу высших целей. Итак, Селиван из рассказа «Пугало» заботится о больной осиротевшей дочке палача, Голован («Несмертельный Голован») живет с Павлой, брошенной мужем, совершенной ангельской любовью. Зато герой романа «Лавр» как бы повторяет этот путь неких лесковских праобразов. Он становится опекуном Устины, затем в нее влюбляется. Ее смерть, за которую он чувствует себя ответственным, навсегда уничтожает в нем половые влечения, он сосредоточивается на молитве и врачевании. И в случае протопопа Савелия Туберезова рост его святости особо развивается после смерти жены Натальи, когда он готов на всякие отречения во имя православной веры. Притом в жизни как лесковских праведников, так и Арсения в романе Водолазкина сильно акцентируются две линии: светская и духовная. Итак, автор рассказа «Скоморох Памфалон», уходя в древние века, показывает два типа святости. Первый персонаж — это столпник Ермий, который чтобы не подвергаться греху, пробывает на столбе, находясь в полной изоляции от людей. Это именно он отправлен Богом на поиски настоящего праведника, которым является второй персонаж рассказа — скоморох Памфалон, живущий в Дамаске и каждого дня сталкивающийся со злом и греховной человеческой жизнью. Но он в состоянии преодолеть все трудности и сохранить чистоту души и тела. Для Лескова это именно скоморох Памфалон, помогающий притом бедным людям, становится нравственным образцом христианского поведения, согласно которому праведнику труднее живется в светском быту. Правильность пути героя подчеркнута красотой его лица, наподобие ангела: «.../ а теперь скоморох спал, смыв с себя скоморошье мазанье, и лицо у него было тихое и прекрасное. Ермию казалось, будто это совсем не человек, а ангел¹⁵. В лесковских портретах праведных представлены прежде всего люди, находящиеся в светском быту, а стремящиеся к духовному росту разными доступными им путями. Они часто пытаются добиться счастья в какой-то одной сфере жизни.

Для примера Шерамур («*Sher-Amour*»), готов жениться на Tante Grillade, чтобы только обеспечить питание парижским нищим, приходящим в кабачок его жены. И в этом одном желании персонажа Лесков выражает стремление к реализации христианского идеала, наделяя своего персонажа чертами юродивого. Представлены нами литературные иллюстрации из лесковской прозы показывают, что святости добиваются они, находясь в своем повседневном быту, а их понятие к реализации духовной сферы жизни – специфическое. В романе «Лавр» намечены также две линии: светская и духовная. Причем Арсений выбирает для себя путь духовный. Светское направление ассоциируется в романе прежде всего с любимой книгой героя, древней повестью об Александре Македонском, которую он читает вслух возлюбленной Устине. После ее смерти герой полностью сосредоточивается на духовном совершенствовании. В его жизни ощутимы и черты юродства, бесребничества, подвижничества и наконец мученичества. В случае Водолазкина сохраняется атмосфера пафоса и возвышенности характерна для агиографического жанра древнерусской литературы, но зато появляются отклонения другого рода, которые будут являться предметом отдельных моих рассуждений.

¹ Столярова И.В. В поисках идеала. Творчество Н.С. Лескова. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1978, С. 230.

² Там же. С. 5.

³ http://evgenyvodolazkin.ru/1566_evgenij-vodolazkin-cerkov-sygrala-opredelyayushhuyu-rol-v-formirovanii-russkoj-kultury. Интервью от 31.01.2018.

⁴ Там же.

⁵ Водолазкин Е. Лавр. [Электронный ресурс] <https://azbyka.ru/fiction/lavr/> 2015. С. 2. (дата обращения 12.04.2018)

⁶ Bauer Z., A. Leszkiewicz, Wielka księga świętych, t. 1, A-F. Kraków 2003. S. 73.

⁷ *Иеромах Макарий Симонопетрский*, Синаксарь: Жития святых Православной церкви, т. 1. М.: Изд. Сретенского монастыря. 2011.

⁸ Водолазкин Е. Лавр. Оп. cit. С. 154.

⁹ Федорчук Е. «Лавр» Евгения Водолазкина: <http://сибирскиеогни.рф/content/lavr-evgeniya-vodolazkina-nepolnoe-pogruzhenie> (29.04.2018).

¹⁰ Ожегов С.И. Словарь русского языка /под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: «Русский Язык». С. 742.

¹¹ Trojanowska B. “Odchodz.Nęca” Ruś i Rosja w twórczości Mikołaja Leskowa, Bydgoszcz 2008. S. 103.

¹² Лесков Н.С. Собрание сочинений в одиннадцати томах. Т. IV. М.: Государственное издательство Художественной Литературы, 1957. С. 230.

¹³ Там же. С. 235:

¹⁴ *Водолазкин Е.* Лавр. Ор. cit. С. 6-7.

¹⁵ *Лесков Н.С.* Собрание сочинений в одиннадцати томах. Т. VI. М.: Государственное издательство Художественной Литературы, 1957. С. 243.

Trojanowska Beata
Kazimierz Wielki University

**In Search of an Ideal –
Nikolay Leskov's Creativity and Evgenij Vodolazkin's «Laurus»**

The purpose of the article is the attempt to compare and discuss a question of positive moral projections, especially taking into account the religious prerequisites presented by Leskov at the end of the XIX century and Vodolazkin – at the beginning of the XXI century. In case of Leskov's creativity such works as the following will be object of special attention: the chronicle «The Cathedral Clergy» (1872) and a righteous cycle of his stories (1879-1889) which become a subject of careful comparison to positive face of Reverend Vodolazkin's novel of «Laurus» (2012). The reader who knows Leskov's creativity and the prosaic text «The Cathedral Clergy» can have a feeling that the special dialogue about sanctity and an earth way of the person to it is created between authors. Besides the moral ideals specified by creators are shown through Old Russian culture and literature. The author of article tries to define the elements of their prose which are making related creators directed by this subject at the same time, and also puts emphasis on differences in artistic touches. The image of a righteous person, and then a sacred person, presented by the writers stated above, becomes a desirable ideal of human behavior at various times. And each of prose writers, both Leskov at the end of the XIX century, and Vodolazkin at the beginning of the XXI century, transform Old Russian representation of a Saint ascetic in their own way.

Keywords: moral ideal, righteous person, sacred, Orthodoxy, Leskov, Vodolazkin.

Мурадян И. В.

Одесский национальный университет

им. И. И. Мечникова, Украина

turadayn@ukr.net

Работа А. С. Пушкина над выбором антропонимов для реалистической прозы

Новая реалистическая русская проза, созданная А. С. Пушкиным, требовала нового подхода к выбору именованных персонажей. Следуя принципу историзма, А. С. Пушкин передает дух времени не только в освещении событий, развитии и столкновении характеров, но и в самой номинации героев. В реалистической прозе Пушкин выбирал частотные по употребительности в изображаемую эпоху имена из реального именника. Дворянские фамилии соответствуют известным родам из родословных книг. Следует отметить, что значительное количество реальных фамилий в произведениях А. С. Пушкина – это не только индивидуально-авторский прием, но и отражение противопоставления вычурным и условным (созданным не по русским антропонимным моделям) именам в романтической и сентименталистской литературе. Поэтому подчеркнуто реальны антропонимы в пушкинской прозе.

Ключевые слова: антропонимы, реальный именник, вымышленные номинации, антропонимная модель.

Изучение «имени-в-тексте», являясь одним из направлений современной антропонимики¹, связано с литературным методом и способами отображения действительности в художественном произведении.

Целью данной статьи является исследование тех приемов работы А. С. Пушкина с антропонимами, которые были обусловлены использованием им нового реалистического метода изображения человека в литературе. Это один из аспектов многостороннего антропонимного творчества великого поэта.

Новая реалистическая русская проза, созданная А. С. Пушкиным, требовала нового подхода к выбору именованных персонажей. В романтических произведениях поэта были необычные, экзотические именованные, соответствующие этому литературному методу. Имя нового героя реалистической литературы, такого «как вы да я, как целый свет», должно было быть обычным, употребляемым в дейст-

вительности. Следуя принципу историзма, А. С. Пушкин передает дух времени не только в освещении событий, развитии и столкновении характеров, но и в самой номинации персонажей.

Если в романтических произведениях поэта были необычные, соответствующие этому литературному методу именованию, то в реалистической прозе Пушкин выбирает частотные по употребительности в данную эпоху имена из реального именника. Это оказываются наиболее употребительные в то время имена, по подсчетам современных исследователей входящие в первую десятку. Например, в «Капитанской дочке» имена *Петр, Алексей, Иван, Андрей, Марья* входили в первую десятку по частотности в XVIII веке (время действия в названном произведении). В «Пиковой даме» имена *Павел, Лизавета*²; в «Дубровском» – *Марья, Андрей*; в «Повестях Белкина» – *Алексей, Иван, Григорий, Марья* входили в первую десятку в первой половине XIX века³.

Следует особо обратить внимание на то, что при выборе имен А. С. Пушкин обязательно учитывал временной фактор. Герои его исторических произведений носят имена частотные в изображаемую эпоху. В «Арапе Петра Великого» имена *Гаврила, Афанасий, Борис, Сергей*, входящие в имена и отчества героев произведения, оказываются наиболее употребительными в начале XVIII века. Особенно интересен выбор имени и отчества *Гаврилы Афанасьевича Ржевского*. В черновых вариантах он назван *Алексей Григорьевич и Афанасий Григорьевич*, то есть Пушкин колебался в выборе между именами *Алексей, Афанасий, Гаврила, Григорий*. Все эти четыре имени были популярны в XVIII веке, но имена *Алексей* и *Григорий* были столь же частотны и в пушкинское время, тогда как *Афанасий* и *Гаврила* уже так популярны не были. Значит, они были более характерны для XVIII века, и Пушкин выбрал их, назвав *Ржевского Гаврилой Афанасьевичем*. В повести «Пиковая дама» действие происходит в 30-х годах XIX века, но старая графиня, родившаяся в середине XVIII века, названа А. С. Пушкиным Анна, так как это имя было наиболее распространенным женским именем того времени⁴.

Кроме выбора частотного имени, А. С. Пушкин отобразил в своих прозаических произведениях некоторые традиции именованию, характерные для дворянства. Это традиция называть детей в честь царствующих особ. Например, в «Капитанской дочке» Гринев назван *Петр*, очевидно, потому, что это имя было особенно популярно, так как в начале XVIII века царствовал Петр I, а в середине века, как раз во время рождения Гринева, на престоле был Петр III. В

«Пиковой даме» племянник графини Томский, родившийся примерно на рубеже XVIII–XIX веков во время царствования Павла I, носит имя *Павел*.

Отразил А. С. Пушкин и традицию дворянских семей передавать имя от деда внуку. В «Капитанской дочке» отец Гринев *Андрей Петрович*, сам Гринев – *Петр Андреич*, а его внук опять назван *Петром* (в черновиках повести у Пушкина есть письмо Гринев к внуку, которого он называл *Петруша*). В «Повестях Белкина» Белкин назван *Иван Петрович*, а его отец *Петр Иванович*.

Выбор А. С. Пушкиным наиболее частотных личных имен для своих героев основан на типизации образов как неотъемлемом качестве реалистического метода. Герой реалистического произведения носил, как правило, типичное для своего времени имя.

А. С. Пушкин отрицательно относился к «говорящим» и не соответствующим реальным фамилиям. В статье «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов» он писал: «Г-н Булгарин наказует лица разными затейливыми именами: убийца назван у него Ножевым, взяточник – Взяткиным, дурак – Глаздуриным и проч. Историческая точность одна не позволила ему назвать Бориса Годунова Хлопоухиным, Дмитрия Самозванца Каторжниковым, а Марину Мнишек княжною Шлюхиною»⁵.

Именования для персонажей своих произведений А. С. Пушкин часто выбирал из реально существовавших. Так фамилия *Гринев* («Капитанская дочка») была взята Пушкиным из материалов Военной коллегии. В «Истории Пугачева» есть полковник Гринев. Кроме того, эта фамилия могла быть известна Пушкину от В. А. Жуковского, у которого был управляющий имением Долбино Гринев.

Фамилия *Троекуров* («Дубровский») принадлежит к старинным русским дворянским фамилиям, к княжескому роду, угасшему в XVIII веке. От рода Троекуровых тянулись связи к предку Пушкина – стольнику Никите Борисовичу Пушкину. Его жена в петровские времена написала подметное письмо на жену Ивана Борисовича Троекурова, обвиняя ее в приверженности к старинной одежде. А. С. Пушкин, несомненно, знал об этом факте, потому что в «Арапе Петра Великого» рязанский воевода *Кирилы Петрович Т.* (тезка Кирилы Петровича Троекурова, очевидно, и по фамилии) ведет у боярина Ржевского речь о женской одежде. Таким образом, фамилия *Троекуров* была известна Пушкину из собственной родословной. Фамилия *Дубровский* подсказана А. С. Пушкину псковскими преданиями о бунте крестьян помещика Дубровского.

Кроме того, фамилии многих героев прозаических текстов записаны в родословных книгах и относятся к древним дворянским родам. Например, в «Родословной книге князей и дворян российских и выезжих (Бархатная книга)» 1787 года есть фамилии Троекуровы, Верейские, использованные Пушкиным в «Дубровском», Муромские («Барышня-крестьянка»), Ржевские, Львовы, Милославские, Шеины, Лыковы, Елецкие («Арап Петра Великого»)⁶.

При том интересе, который А. С. Пушкин проявлял к собственной родословной и истории дворянства в целом, можно с уверенностью утверждать, что «Бархатная книга» была ему хорошо известна, а может быть, и служила источником для подбора фамилий.

«Бархатная книга» вообще была известна дворянству. Характеризуя своих героев как старинных русских дворян или представителей древнего боярского рода, Пушкин подбирал им соответствующие фамилии. В выборе именования для персонажей А. С. Пушкин ориентировался на читателя, который в то время хорошо чувствовал социальную значимость каждой фамилии.

Выбирая номинации своим героям, А. С. Пушкин часто использовал имена и фамилии своих знакомых или имена, известные ему из каких-либо источников. К таким относятся уже названные фамилии *Гринев*, *Дубровский*, *Троекуров*. Кроме того, Пушкин мог использовать различные компоненты антропонимной формулы какого-либо лица. Например, в «Капитанской дочке» мать Гринева зовут *Авдотья Васильевна Ю.* Это, очевидно, имя Авдотьи Петровны Юшковой, племянницы В. А. Жуковского, московской знакомой А. С. Пушкина.

Работая над повестью «Гробовщик», А. С. Пушкин использовал в черновиках имена *Тимофей* и *Самсон*, но остановил свой выбор на имени *Адриан*. Оно было сравнительно редким и необычным, что и требовалось для именования этого персонажа. Следует также учесть тот факт, что недалеко от дома Гончаровых в Москве жил гробовщик с таким именем, что, возможно, поспособствовало такому выбору.

Таким образом, во многих случаях А. С. Пушкин использует при номинации своих героев реально существовавшие имена и фамилии, это его индивидуально-авторский прием именования персонажей. В этом случае следует говорить о протонимах, а не о прототипах, потому что тогда, когда Пушкин использует имена известных ему людей при номинации своих персонажей, его герои этих реальных людей даже отдаленно не напоминают. Например,

реальный полковник Гринев, упомянутый в «Истории Пугачева», никак не соотносится с героем «Капитанской дочки».

Следует также отметить, что значительное количество реальных фамилий в прозаических произведениях А. С. Пушкина – это не только индивидуально-авторский прием создания литературных антропонимов, но и отражение противостояния вычурным и условным (созданным не по антропонимным нормам языка) именам в романтической и сентименталистской литературе. Имя нового реалистического героя должно было быть обычным, употреблявшимся в действительности. Возможно, поэтому подчеркнуто реальны антропонимы в пушкинской прозе – имена знакомых и фамилии из родословных книг.

Вымышленные фамилии А. С. Пушкин строил по существующим антропонимным нормам. Например, в «Капитанской дочке» *Миронов*, *Прохоров*, *Пармонов* – фамилии, образованные от канонических имен с наиболее частотным суффиксом русских фамилий *-ов*. В «Гробовщике» и «Дубровском» *Прохоров*, *Демьянов* то фамилии, то полудотчества, так как их носители не принадлежат к дворянам.

Следующая группа – это фамилии, образованные от прозвищ, что являлось реальным продуктивным способом образования фамилий в русском языке, например, *Курилкин* от Курилка («Гробовщик»), *Курочкин* от Курочка («Капитанская дочка»), *Белкин* от Белка («Повести Белкина»), *Фуфлыгина* от Фуфлыга («На углу маленькой площади...») с фамильным суффиксом *-ин*.

Вымышленные дворянские фамилии у А. С. Пушкина часто оформлены социально значимым суффиксом *-ск-*, при помощи которого в русском языке оформлялись княжеские и боярские фамилии от названий земельных владений, например, *Томский* («Пиковая дама»), *Минский* («Станционный смотритель»). Все эти фамилии построены по реальным антропонимным моделям, но являются вымышленными, так как, например, город Томск основан в 1604 году, когда княжеские и боярские фамилии уже сформировались.

С целью социальной характеристики А. С. Пушкин выбирает разные формы личных имен, например, пейоративы при номинации крестьян помещиками *Акулька*, *Палашка*, *Парамошка* и др. В «Капитанской дочке» и в «Дубровском», изображая разные социальные слои, Пушкин вводит в систему своих произведений имена, принадлежащие к различным социально-языковым пластам, осуществляя синтез разных социально-языковых и речевых стихий на уровне антропонимии.

Таким образом, выбирая имена и фамилии своим персонажам, А. С. Пушкин как писатель-реалист опирается на реальную антропонию описываемой в произведении эпохи. Это является характерной чертой реалистического метода. Реализм в изображении человека требовал реалистического подхода к антропонимии. Антропонимия произведений А. С. Пушкина имела ярко выраженный новаторский характер. Впервые в русской литературе это была реалистическая антропонимия реалистической прозы.

¹ Николаева Т. М. О «единстве ономастики» и/или новой ветви «антропонимики». Вопросы языкознания. Ред. Т. М. Николаева. 2009. № 3. С. 3-18.

² Все имена и фамилии приводятся в тексте статьи в пушкинской орфографии.

³ Бондалетов В. Д. Русская ономастика / ред. Г. В. Карпюк. М.: Просвещение, 1983. С. 116-118.

⁴ Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. С. 15.

⁵ Пушкин А. С. «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов» // Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Л.: Наука, 1978. Т. 6. С. 80-81.

⁶ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (Бархатная книга). М.: Унив. тип. Н. Н. Новикова, 1787. Ч. 1. С. 56, 116, 162, 225. Ч. 2. С. 225, 235.

Muradyan I. V.

Odessa I. I. Mechnikov National University

A. Pushkin's Work on the Choice of Anthroponyms for Realistic Prose

The new realistic Russian prose, created by Alexander Pushkin, required a new approach to the choice of the naming of characters. Following the principle of historicism, Pushkin conveys the spirit of the time not only in covering events, developing and colliding characters, but also in the nomination of heroes. In realistic prose, Pushkin chose frequent names out of real list of names of the depicted epoch. Noble surnames correspond to known genera from genealogical books. It should be noted that a significant number of real names in the works of Alexander Pushkin is not only an individual and author's method, but also a reflection of contrasting pretentious and conditional (created not according to Russian anthroponymic models) names in romantic and sentimentalist literature. Therefore, the realism of anthroponyms in Pushkin's prose is emphasized.

Keywords: anthroponyms, real names, fictitious nominations, anthroponym model.

Васильев Н. Л.,

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва, Россия
nikolai_vasiliev@mail.ru*

Жаткин Д. Н.,

*Российский государственный
социальный университет, Россия
ivb40@yandex.ru*

Опыт сопоставления поэтических лексиконов

А. С. Пушкина и К. Н. Батюшкова

В докладе сравниваются поэтические языки А. С. Пушкина и К. Н. Батюшкова. Основой для анализа послужили «Словарь языка Пушкина» (М., 1956–1961) и «Словарь поэтического языка К. Н. Батюшкова» (М., 2018). Доля общего в лексиконах поэтов составляет 30,4 %; словарное своеобразие Пушкина намного превышает языковую уникальность Батюшкова (соответственно, 59,8 % и 9,8 %). Полученные данные сопоставляются с результатами контрастно-статистического исследования языка других русских поэтов XIX в.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, К. Н. Батюшков, поэтический язык, словари языка писателей, лексика, статистика.

Стремительное развитие авторской лексикографии, прежде всего создание алфавитно-частотных словарей писателей-классиков¹, предоставляет лингвистам и литературоведам уникальные возможности для разноплановых исследований языка и лингвопоэтики конкретных авторов и литературных «школ», инструменты для компаративно-статистического анализа писательского словоупотребления.

В данной статье сравниваются поэтические языки А. С. Пушкина и одного из его ближайших литературных предшественников – К. Н. Батюшкова. Основой для анализа послужили «Словарь языка Пушкина»² и «Словарь поэтического языка К. Н. Батюшкова»³.

В поэзии Пушкина, по нашим наблюдениям, встречается 12 844 лексемы; в произведениях Батюшкова – 5 403 лексем. Совокупный объем учтенных словарных выборок из их поэтического наследия, соответственно, 187 тысяч⁴ и 38 тысяч словоупотреблений. Следовательно, языковой «арсенал» Пушкина в два с лишним раза богаче,

чем у его старшего современника, что вполне закономерно, учитывая, с одной стороны, жанровое многообразие пушкинского поэтического творчества (лирика, поэмы, драматургия, роман в стихах, сказки), его языковую «всеядность», с другой – относительно небольшой объем литературного наследия Батюшкова.

В качестве материала для сравнительного анализа языка поэтов были взяты подвыборки лексем на буквы А, Я, количественно и качественно вполне репрезентативные, чтобы судить о степени общего и различного в лексиконах данных авторов.

Общими для обоих поэтов являются слова *а* (союз), *авось*, *ага*, *ад*, *адский*, *азиатский* ‘азиатский’, *акация*, *алкать*, *алтарь*, *алчный*, *альпий*, *амвон*, *амврозия* ‘амброзия’, *амфора*, *ан*, *ангел*, *аониды* ‘музы’, *апельсин*, *апостол*, *аптека*, *аромат*, *арфа*, *ассессор*, *афинский*, *ах*, *я*, *яблоко*, *явить*, *явиться*, *явление/явление*, *являть*, *являться*, *явно*, *явный*, *явор* ‘разновидность клена’, *яд*, *ядовитый*, *ядро*, *язык*, *якорь*, *яма*, *янтарный*, *янтарь*, *янычар*, *яриться*, *яркий*, *ярко*, *ярмо*, *яростный*, *ярость*, *ярый*, *ясень*, *яснеть*, *ясно*, *ясный*, *яство* – всего 56 единиц, что составляет 30,4 % от совокупного числа трех сравниваемых языковых явлений (общее / свойственное Пушкину / присущее Батюшкову).

Только в поэзии Пушкина используются лексемы *а* (межд.), *автор*, *агат*, *агнец* ‘ягненок’, *агу*, *адех* ‘черкес’, *адриатический*, *адъютант*, *азбука*, *азбучный*, *айдесский* (от онима Аид), *ай*, *академик*, *академический*, *акафист*, *аккорд*, *аккуратный*, *аксельбант*, *актер*, *актриса*, *алгебра*, *алебарда*, *александрийский*, *алеть*, *али/аль*, *аллея*, *алой* ‘алоз’, *алмаз*, *алмазный*, *алчно*, *альбом*, *альманах*, *американец*, *аминь*, *амурный*, *анакреонтический*, *ананас*, *анафема*, *анахорет*, *английский*, *англичанин*, *анекдот*, *анненский* (в словосочетании *а. лента* ‘знак воинской доблести’ и др.), *аноним*, *антик*, *антихрист*, *анчар*, *аппетит*, *апрель*, *арабский*, *аравийский*, *арак* ‘крепкий алкогольный напиток из сока пальм, риса, изюма и др. ингредиентов’, *арав*, *аранник*, *арапский*, *аренда*, *ареопаг*, *арест*, *аристократ*, *ария*, *аркан*, *арлекин*, *армейский*, *армянин*, *ароматный*, *арпачайский* (от онима Арпача – река на Кавказе), *архангел*, *архив*, *архивный*, *архипастырь* ‘почтительно-торжественное именование высших духовных лиц’, *аршин*, *ассигнация*, *ассирийский*, *атаган* ‘ятаган’, *атаман*, *аттестат*, *аул*, *афедрон* ‘седалище, зад’ (греч.), *афеизм* ‘атеизм’, *афей* ‘атеист’, *ахать*, *ахнуть*, *ахти*, *ябеда*, *яблоня*, *яблочко*, *яблочный*, *ягода*, *язва*, *язвительный*, *язвить*, *яичко*, *яишница* ‘яичница’, *яйцо*, *яко*, *якшаться*, *ямб*, *ямской*, *ящик*, *январь*, *ярем*, *ярко-позлащенный*,

ярманка 'ярмарка', яростно, ясмин 'жасмин', ясность, ясской (от онама Яссы), ястреб, яхонт, ящик – всего 110 единиц (59,8 %).

Лишь в поэзии Батюшкова встречаются слова *авзонский* (от онама *Авзония* – поэтическое обозначение Италии), *авторский*, *адмиралтейский* (от онама *Адмиралтейство* – в Санкт-Петербурге), *аз* 'я' (ст.-слав.), *академия*, *алебастровый* (в перен. употреблении), *алхимия*, *амвра* 'амбра', *ансамбль* 'ансамбль', *антология*, *аполог* 'краткое иносказательное поэтическое произведение', *архонт* 'высшее должностное лицо в полисах Др. Греции', *астафьический* 'астафьевский' (от онама *Остафьево* – имение Вяземских), *астроном*, *атараксия* 'состояние душевного спокойствия, невозмутимости, к чему должен стремиться человек, по представлениям древнегреческого философа Эпикура', *аттический* (относящийся к *Аттике* – центральной области Др. Греции), *афиняне* 'жители Афин', *ахейский* 'относящийся к истории Греции II тысячелетия до н. э.; в обобщенном смысле – греческий' – всего 18 единиц (9,8 %).

В какой мере Пушкин и Батюшков близки в лексическом отношении, можно судить с учетом сравнения подобных параметров в других поэтических «тандемах», просчитанных нами ранее по той же методике⁵. Так, доля общего в лексиконах Пушкина и Веневитинова составляет 16,1 %, при этом свойственное лишь Пушкину – 81,7 %, присущее только Веневитинову – 1,2 %; общее в словарях Пушкина и Д. Давыдова – 18 %, свойственное Пушкину – 75,3 %, присущее Давыдову – 6,7 %; общее в словарях Полежаева и Тютчева⁶, выпускников Московского университета, – 20,3 %, свойственное Полежаеву – 65,5 %, присущее Тютчеву – 14,2 %; общее в словарях Пушкина и Дельвига, не просто друзей, а и во многом литературных единомышленников, – 22,1 %, свойственное лишь Пушкину – 68,5 %, присущее Дельвигу – 9,4 %; общее в словарях Полежаева и Огарева, причастных к Московскому университету и типологически близких своим трагическим мироощущением, – 23 %, свойственное Полежаеву – 41,8 %, присущее Огареву – 35,2 %; общее в словарях Полежаева и Языкова, также формировавшегося в университетской среде, – 25,1 %, свойственное Полежаеву – 46,4 %, присущее Языкову – 28,5 %; общее в словарях Давыдова и Веневитинова (поэтов совершенно разного склада) – 25,4 %, свойственное Давыдову – 49,2 %, присущее Веневитинову – 25,4 %; общее в словарях Дельвига и Языкова – 26 %, свойственное Дельвигу – 20,3 %, присущее Языкову – 53,7 %; общее в словарях Баратынского и Веневитинова, склонных к поэтической «метафизике», – 26,8 %, свойственное Баратын-

скому – 63,4 %, присущее Веневитинову – 9,8 %; общее в словарях Пушкина и Рылеева, близких своим гражданским пафосом, – 27,7 %, свойственное Пушкину – 60,6 %, присущее Рылееву – 11,7 %; общее в словарях Полежаева и Баратынского – 28,4 %, свойственное Полежаеву – 53,7 %, присущее Баратынскому – 17,9 %; общее в словарях Пушкина и Карамзина – 29,2 %, свойственное Пушкину – 59,6 %, присущее Карамзину – 11,2 %; общее в словарях представителей «пушкинской плеяды» Дельвига и Баратынского – 30 %, свойственное Дельвигу – 26 %, присущее Баратынскому – 44 %; общее в словарях Баратынского и Языкова – 35,5 %, свойственное Баратынскому – 23,4 %, присущее Языкову – 41,1 %; общее в словарях Пушкина и Дмитриева – 35,6 %, свойственное Пушкину – 50 %, присущее Дмитриеву – 14,4 %; общее в словарях Карамзина и Дмитриева – 35,9 %, свойственное Карамзину – 24,4 %, присущее Дмитриеву – 39,7 %; общее в словарях Пушкина и Языкова – 35,9 %, свойственное Пушкину – 49,2 %, присущее Языкову – 14,9 %; общее в словарях Пушкина и Полежаева – 36,1 %, свойственное Пушкину – 40,7 %, присущее Полежаеву – 23,2 %; общее в словарях Полежаева и Лермонтова, тесно связанных с Пензенской губернией и Московским университетом, а на эстетическом уровне с романтизмом и кавказским колоритом, тоже – 36,1 %, свойственное Полежаеву – 39,2 %, присущее Лермонтову – 24,7 %; общее в словарях Пушкина и Вяземского – 38,9 %, свойственное Пушкину – 40,9 %, присущее Вяземскому – 20,2 % (принимался во внимание ранний период творчества последнего, совпадающий с жизнью Пушкина); общее в словарях Пушкина и Лермонтова, вообще не знакомых друг с другом, – 41,1 %, свойственное Пушкину – 46,3 %, присущее Лермонтову – 12,6 %.

Среди 20 статистически самых активных полнозначных слов в поэзии Пушкина (в порядке убывания их частотности) – *день, один, любовь, душа, милый, мочь* (глагол.), *о* (межд.), *сказать, любить, ночь, взор, вдруг, здесь, идти, пора, молодой, конь, небо, жизнь, другой*⁷; в то время как в произведениях Батюшкова – *любовь, друг, там, день, рука, здесь, сердце, нет, так, душа, один, слава, слеза, тень, жизнь, милый, поле, небо, час, петь*. Доля словарных совпадений между поэтами в этом плане составляет 40 %. Отличия же касаются таких концептов, как *мочь* (глагол.), *о* (межд.), *сказать, любить, ночь, взор, вдруг, идти, пора, молодой, конь, другой* (у Пушкина), – и *друг, там, рука, сердце, нет, так, слава, слеза, тень, поле, час, петь* (у Батюшкова). Для сравнения отметим, что доля общего в списках

из 20 наиболее частотных поэтических концептов между Пушкиным и Дмитриевым – 30 %, Карамзиным и Дмитриевым – 35 %, Пушкиным и Дельвигом, Языковым, Рылеевым – 40 %, Пушкиным и Карамзиным, Давыдовым, Веневитиновым – 45 %, Пушкиным и Полежаевым, Дельвигом и Баратынским – 50 %, Баратынским и Веневитиновым, Дельвигом и Языковым – 55 %, Баратынским и Языковым, Давыдовым и Веневитиновым – 60 %.

Таким образом, словарная корреляция поэтических произведений Пушкина и Батюшкова относительно высока. Она статистически больше, чем у Пушкина и Давыдова, Дельвига, Рылеева, Карамзина, но уступает стилистической близости между языком Пушкина и Дмитриева, Языкова, Полежаева, Вяземского, Лермонтова. В то же время лексическая оригинальность Пушкина намного выше, чем у Батюшкова.

¹ См., напр.: *Васильев Н. Л.* Словарь языка А. И. Полежаева. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2001. 88 с.; *Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н.* Словарь языка А. А. Дельвига. М.: Флинта; Наука, 2009. 148 с.; *Васильев Н. Л.* Словарь поэтического языка Н. П. Огарева. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 124 с.; *Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н.* Словарь Н. М. Языкова. М.: Флинта; Наука, 2013. 120 с.; *Они же.* Словарь поэтического языка П. А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликованных его стихотворений). М.: Флинта; Наука, 2015. 424 с.; *Они же.* Словарь поэтического языка Д. В. Давыдова. М.: Флинта; Наука, 2016. 100 с.; *Они же.* Словарь поэтического языка Е. А. Баратынского. М.: Флинта; Наука, 2016. 156 с.; *Они же.* Словарь поэтического языка Н. М. Карамзина. М.: Флинта; Наука, 2016. 80 с.; *Они же.* Словарь поэтического языка Д. В. Веневитинова. М.: Флинта; Наука, 2017. 108 с.; *Они же.* Словарь поэтического языка К. Ф. Рылеева. Пенза: Изд-во ПензГТУ, 2017. 100 с.; *Они же.* Словарь поэтического языка И. И. Дмитриева. М.: Флинта; Наука, 2017. 128 с.

² Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956–1961.

³ *Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н.* Словарь поэтического языка К. Н. Батюшкова. М.: Флинта; Наука, 2018. 97 с.

⁴ См.: *Фрумкина Р. М.* Статистическая структура лексики Пушкина / *Вопр. языкознания.* 1960. № 3. С. 78–81.

⁵ См.: *Васильев Н. Л.* Опыт сравнения поэтических лексиконов Ф. И. Тютчева и А. И. Полежаева // Тютчев – русская поэтическая и политическая языковая личность: Междунар. науч. заочн. конф., посвященная 210-летию со дня рождения поэта, политика, дипломата / Отв. ред. А. В. Антохов. Брянск: Курсив, 2013. С. 193–196; *Они же.* Опыт сравнения поэтических лексиконов А. И. Полежаева и Н. П. Огарева // Актуальные

проблемы стилистики, риторики и лингводидактики. Вып. II / Отв. ред. В. В. Никульцева. М.: ИИУ МГОУ, 2014. С. 27-33; *Он же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов Н. М. Языкова и А. И. Полежаева // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3. С. 325-327; *Он же*. Опыт сопоставления поэтических лексиконов А. И. Полежаева и М. Ю. Лермонтова // Вестн. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 1. С. 140-146; *Он же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов Е. А. Баратынского и А. И. Полежаева // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер. «Соц.-гуманит. науки». 2016. № 4. С. 99-104; *Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н.* Опыт сравнения поэтических лексиконов Е. А. Баратынского и Д. В. Веневитинова // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. № 4. С. 23-26; *Они же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов А. С. Пушкина и П. А. Вяземского // Там же. С. 27-30; *Они же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов Е. А. Баратынского и Н. М. Языкова // Там же. С. 31-34; *Они же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов А. А. Дельвига и Е. А. Баратынского // Там же. 2016. № 4. С. 42-45; *Они же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов Д. В. Давыдова и Д. В. Веневитинова // Там же. С. 46-49; *Они же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // Там же. 2017. № 1. С. 21-24; *Они же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов А. С. Пушкина и А. А. Дельвига // Там же. С. 45-48; *Они же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов А. С. Пушкина и А. И. Полежаева // Там же. 2017. № 2. С. 24-28; *Они же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов А. С. Пушкина и Н. М. Языкова // Там же. С. 29-32; *Они же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов А. С. Пушкина и К. Ф. Рылеева // Там же. С. 36-40; *Они же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева // Там же. 2017. № 3. С. 20-24; *Они же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов А. С. Пушкина и Н. М. Карамзина // Там же. С. 25-29; *Они же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов А. С. Пушкина и И. И. Дмитриева // Там же. С. 47-51; *Они же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов А. С. Пушкина и Д. В. Давыдова // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: Мат-лы IV Международной науч.-практ. конф. (Москва–Пенза, 15–16 марта 2018 г.) / Отв. ред.: Д. Н. Жаткин, Т. С. Круглова. М.; Пенза: Изд-во ПензГТУ, 2018. С. 322-337; *Они же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов А. С. Пушкина и Д. В. Веневитинова // Там же. С. 337-351; *Они же*. Опыт сравнения поэтических лексиконов А. А. Дельвига и Н. М. Языкова // Там же. С. 352-364.

⁶ См.: *Голованевский А. Л.* Поэтический словарь Ф. И. Тютчева. Брянск: РИО БГУ, 2009. 962 с.

⁷ Материалы к Частотному словарю языка Пушкина: (Проспект) / Отв. ред. Р. М. Фрумкина. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1963. С. 32.

Vasilyev N. L.,

National Research Ogarev Mordovia State University

Zhatkin D. N.,

Russian State Social University

An Experience of Comparison of

A. S. Pushkin's and K. N. Batyushkov's Poetic Lexicon

The report deals with comparison of A. S. Pushkin's and K. N. Batyushkov's poetic languages. The basis for the analysis was «Pushkin's Language Dictionary» (M., 1956–1961) and «K. N. Batyushkov's Poetic Language Dictionary» (M., 2018). The share of common lexicon is 30.4 %; Pushkin's vocabulary originality is much higher than Batyushkov's language uniqueness (59.8 % and 9.8 % respectively). The obtained data are compared with the results of contrast-statistical research of the languages of other Russian poets of the 19th century.

Keywords: A. S. Pushkin, K. N. Batyushkov, poetic language, dictionaries of writers' languages, vocabulary, statistics.

Толбаева Д. Е.
*Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева, Казахстан
Tolbayeva.dinara@gmail.com*

Трактовка рассказа Льва Толстого «Ассирийский царь Асархадон» в контексте философского труда Шакарима Кудайбердиева «Три истины» («Уш анык»)

Статья посвящена трактовке сказке Льва Толстого «Ассирийский царь Асархадон» в контексте философских изысканий классика казахской литературы, одного из первых переводчиков Толстого на казахский язык Шакарима Кудайбердиева. Автор статьи доказывает, что произведение Толстого о царе Асархадоне послужило своеобразной иллюстрацией к идеям Шакарима Кудайбердиева о неразрывной связи совести и души, которые были отражены в одном из его главных философских трудов «Три истины».

Ключевые слова: Перевод, концепт совести, философская концепция, совесть, душа, межнациональные связи.

Шакарим Кудайбердиев – выдающийся поэт, писатель, переводчик и философ. Он родился в 1858 году в месте под названием Кен-булак Чингизской волости Семипалатинского уезда (Сейчас – Абаевский район Семипалатинской области). Его имя неразрывно связано с именем другого классика казахской литературы, родного дяди поэта, Абая Кунанбаева. Рано лишившись отца, Шакарим воспитывался у Абая, и именно он привил мальчику любовь к литературе Востока и Запада, познакомил юного Шакарима с произведениями русской литературы.

Шакарим занимался самообразованием, много путешествовал, посетил Турцию, побывал в Аравии, во Франции, совершил паломничество в Мекку, работал в библиотеках Стамбула и Парижа. При этом особенно близкой мыслям писателя была русская культура и литература, с которой он был знаком с детства. Переводы классиков русской литературы, осуществленные Шакаримом, не теряют своей популярности и в настоящее время. Среди них можно отметить переводы рассказов Л.Н. Толстого «Три вопроса» и «Ассирийский царь Асархадон»¹.

Шакарим обратился к переводам именно этих произведений Толстого, потому что отраженные в них идеи о сущности человеческой жизни и ее цели были близки переводчику.

Сюжет рассказа «Три вопроса» носит сказочный характер: царь задает мудрецам три вопроса: «Когда лучшее время для начала дела?», «Какое дело можно считать самым важным?», «С кем необходимо вступать в дело?» Поиски ответов на эти вопросы приводят к встрече царя и мудрого отшельника. Согласно сюжету рассказа, в результате этой встречи царь понимает, что лучшее время – это настоящее, лучший человек – тот, с кем свела тебя судьба в данный момент, а лучшее дело – сделать этому человеку (ближнему) добро².

Сюжет второго произведения сложнее и включает в себя фантастический (сказочный) компонент – переселение души. Именно данный прием позволил Толстому ярче продемонстрировать основную мысль рассказа – тщетность насилия и нравственный круговорот жизни.

«Мысль сказки “Царь Асархадон”, – писал Толстой, – принадлежит не мне, а взята мною из сказки неизвестного автора, напечатанной в немецком журнале “Theosophischer Wegweiser”»³.

В центре рассказа – встреча ассирийского царя с мудрым старцем, которая произошла перед казнью врага царя Лаилиэ. Старец убеждает Асархадона в том, что он, и есть Лаилиэ. Асархадон не верит старцу и тот, поливая его голову водой из кружки, перемещает его душу в тело Лаилиэ. При этом важно отметить, что сам Толстой не заостряет внимание на сущности этого перемещения и не использует слово «душа». Перемещение происходит по сказочному просто и естественно. Став Лаилиэ, Асархадон не удивляется этому, он удивлен тем, «что он до сих пор не знал этого»⁴. Так царь в теле врага проживает и мирные дни, и собственное нападение, и тяжелую жизнь Лаилиэ в плену. В этот период Асархадон-Лаилиэ переосмысливает свою жизнь, понимая, что зло, которое он совершал по отношению к Лаилиэ, он совершает себе. После того, как царь чудесным образом возвращается в свое тело, он освобождает Лаилиэ.

Слова старца подтверждают нравственный урок, вынесенный Асархадонем о взаимосвязи всех жизней на земле и о смысле жизни, который заключается в том, чтобы «разрушать пределы, отделяющие твою жизнь от других существ/.../ считать другие существа собою – *любить их*»⁵.

Произведение «Ассирийский царь Асархадон» на казахский язык Шакарим перевел как «Ассархидон-Лаэли» по имени главных героев, перевод был осуществлен прозой. Это произведение заинтересовало Шакарима-переводчика созвучием его собственным мыслями, кото-

рые нашли отражение в его программном философском труде «Три истины» (каз. «Уш анык»)⁶.

Произведение предваряет фраза о том, что истину человек видит и воспринимает «глазами разума». «Глаза разума» – это мысли, которые подверглись тщательному отбору, таким образом Шакарим призывает читателя быть вдумчивым и внимательным.

Сам трактат обладает трехчастной структурой, где в первой части автор определяет проблематику исследования вопросом о существовании бога и души человека как проявления божественного начала, во второй части Шакарим проводит большое философско-научное исследование сопоставляя точки зрения различных ученых на вопросы сущности жизни и существования бога. Шакарим сопоставляет теории об отсутствии бога-творца, выдвинутые как античными философами (Пифагор, Эпикур, Деморит и пр), так и теоретиками более поздних эпох (Линней, Декарт, Ньютон) с философскими изысканиями Шефлера, Уирша, Фонтеля и пр. Делает он это, прежде всего, для установления истины как «долга любого здравомыслящего человека»⁷. Во второй части приведены многочисленные примеры спиритизма, которые должны доказать существование души и ее бессмертие. Третья часть трактата содержит в себе основные выводы учения Шакарима.

Центральным звеном философского трактата поэта является концепт совести, который автор называет «уждан»: «человеческую скромность, доброту в их единстве я называю мусульманским словом уждан, русским – совесть»⁸. Шакарим прекрасно владел русским языком и неслучайно дал определение узловому понятию своей теории сразу на двух языках. Стоит отметить, что слово «совесть» в казахском языке – одно из ключевых понятий и его можно перевести 12-ю разными словами. Вариант, выбранный Шакаримом, означает совесть в самом широком, максимально обобщенном смысле. Теме совести, ее определения посвящены многие произведения казахского классика, поэтому его философскую концепцию называют «концепцией совести».

По Шакариму понятия совести и души нераздельны: «именно совесть является обязательным компонентом души, которая остро реагирует на любое проявление «несправедливости», потому что ее задача – «совершенствоваться и идти к возвышению»⁹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что согласно учению Шакарима, именно душа Асархадона переселилась в тело Лаилиэ вместе с совестью, как ее обязательным компонентом. Именно поэтому

Асархадон переживает все чувства своего врага, именно поэтому вернувшись в свое тело, первое, что он делает – освобождает Лаилиэ, потому что он мучим угрызениями совести.

Сам Толстой в финале произведения не использует слово «человек», он заменяет его более широким понятием «существо». Шакарим перевел слово «существо» на казахский язык как «жан иесы» то есть «обладатель души». На самом деле, в казахском языке слово «существо» может переводиться другими вариантами («жанды», «тиршилик иесы»), но вариант, выбранный Шакаримом, акцентируется именно на наличии души в существе.

Таким образом, сущность концепции совести Шакарима заключается в том, что «совесть – это первейшая потребность души», что человек должен в это искренне верить, подобно тому, как в это уверовал царь Асархадон, потому что когда человек поймет связь между душой и совестью «тогда ничто не сможет сделать его сердце черным и черствым».

Именно в вере в связь души и совести Шакарим видит исцеление от большинства людских пороков. Так, уверовав, Асархадон оставляет трон своему сын Ашурбанипалу и отправляется проповедовать открывшуюся ему истину людям.

В позднем творчестве Шакарима центральным звеном является концепт совести, который тесно связан с учением о душе и с верой в особые свойства души и ее бессмертие. Эта идея отличается от нравственных уроков Льва Толстого, автора цикла рассказов «Три сказки», но объединяет писателей общее гуманистическое начало творчества, которое полностью совпадает с идеей рассказа о царе Асархадоне «люди делают зло только себе, когда хотят делать зло другим существам»¹⁰.

¹ *Кудайберді улы Ш.* Жол табалык ақылмен : шығармаларынын бір томдық жинағы. Алматы: Дәуір, 2006 ж.

² *Есим Г.* Мудрость Шакарима. Алматы: Атамура, 2008. 344 с.

³ *Толстой Л.Н.* Ассирийский царь Асархадон // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. М. : Художественная литература, 1983. Т. 14. С. 17–21.

⁴ *Толстой Л.Н.* Указ. соч. С. 17–21.

⁵ *Толстой Л.Н.* Указ. соч. С. 17–21.

⁶ *Кудайберді улы Ш.* Указ. соч.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ *Толстой Л.Н.* Указ. соч. С. 17–21.

Tolbayeva D. E.

L.N. Gumilyov Eurasian National University

The Interpretation of Lev Tolstoy's Tale "The Assyrian Tsar Asarkhadon" in the context of Shakarim Kudaiberdiyev's Philosophical Work "Three Truths"

The article is devoted to the interpretation of Lev Tolstoy's tale "The Assyrian Tsar Asarkhadon" in the context of philosophical research of Shakarim Kudaiberdiyev, the classic of Kazakh literature, one of the first Tolstoy translators into Kazakh. The author proves that Tolstoy's work about Tsar Asarkhadon served as a kind of illustration to Shakarim Kudaiberdiyev's ideas of the inseparable connection of conscience and soul, reflected in one of his main philosophical works "Three Truths".

Keywords: Translation, concept of conscience, philosophical concept, conscience, soul, interethnic connections.

Кур-Кононович Йоланта
Жешувский университет, Польша
jolanta_malgorzata@wp.pl

Из рассуждений над символикой неба – Болеслав Лесьмян, Сергей Есенин (избранные примеры)

Целью статьи является анализ символики неба в поэзии Болеслава Лесьмяна и Сергея Есенина. Этот анализ основывается на применении семантико-культурологического метода описания языкового материала с использованием семантических полей. Материал для анализа отобран из поэтических произведений поэтов¹.

С лингвистической точки зрения “небо” принадлежит к субполю “атмосферные явления” в функционально-семантическом поле “природа”. Описание охватывает стилистические языковые средства, служащие образности с использованием отдельных символов неба в поэтических произведениях Лесьмяна и Есенина.

Небо символизирует вещи (предметы), природные и физические явления, людей, место, восприятие мира.

Ключевые слова: символика неба; поэзия; семантика; метафора; метонимия.

Небо с давних времен привлекало внимание людей. Оно воспринималось ими как верхний мир, сотворенный Богом и часто отождествляемый с Ним. В народе небо по форме часто представляется выпуклой крышкой, потолком, накрывающим землю. Народ предполагает, что небо сделано из камня, стекла, глины, металла. Часто говорится о многочисленности небес (СД² III, 376).

Небо всегда интересовало поэтов. Взгляд в небо связан с раздумьем над смыслом жизни, бытием. Лесьмян и Есенин смотрели в небо в своих стихотворениях почти в одно и то же время. В их творчестве запечатлено славянское видение неба. Польский и русский поэты воспринимают небо символически.

Мы проанализируем символику неба в двух фрагментах стихотворений польского поэта: *Boże, pełen w niebie chwały, Toast świętokradzki*.

[1] **Boże, pełen w niebie chwały.**/ A na krzyżu – pomarniały – / Gdzieś się skrywał i gdzieś bywał, / Żem Cię nigdy nie widywał?³ *Boże, pełen w niebie chwały* (1938)

Инверсия *Boże, pełen w niebie chwały* обращает внимание на то, что Бог пользуется признанием прежде всего в небе, которое здесь символизирует дом Создателя (Кор. 251). Дом, в свою очередь, ассоциируется со значением безопасности, прочности, крепости (Кор. 69).

Эвокативная метафора⁴ *A na krzyżu – pomarniały* обращается к символике креста, какой является страдание, мука, наказание, смерть (Кор 174), и далее напоминает о временности земного дома, следовательно, земной жизни, которая заканчивается и в итоге ведет к славе, победе и обретению места рядом с Создателем. Благодаря сопоставлению рядом неба и креста обнаруживается также символ неба как предела страдания и блаженства.

В этом отрывке стихотворения появилась следующая символика неба: 1) место: а) дом Создателя; 2) восприятие мира: а) безопасность; б) устойчивость (крепость); в) блаженство (счастье).

[2] *Lecz ja dłoń świętokradzką wyciągam w rozblaski / Aż po kielich, drzwi złotą dwutarczą strzeżony!.. / Na dnie jego krwi Pańskiej koral zaczajony / Ustom, skorym do wina, nie poskapi łaski! / **Więc gdy mi takie wino uderza do głowy / Mocą nieba całego aż do nieboskłonu** - / Czyż nie jestem – o, bracia, nieufni do zgonu - / **Opojem znad lazurów i sam – lazurowy?**⁵ *Toast świętokradzki.**

В эвокативной метафоре *Więc gdy mi takie wino uderza do głowy Mocą nieba całego aż do nieboskłonu* небо ассоциируется с бесконечностью, благородным, возвышенным счастьем, наивысшим блаженством, счастьем и радостью (Кор 251). Перифрастическая метафора *Mocą nieba aż do nieboskłonu* укузывает огромную, властную, неукротимую, прочную, нечеловечески могучую силу, мощь неба. Эту мощь можно определить сильной и просторной, т.е. она измеряется пространством и величиной, которые его характеризуют.

Перифрастическая метафора *Opojem znad lazurów i sam – lazurowy* определяет прочность, верность, преданность путем соотнесения со спокойной лазурью (Кор 27). Цветовая символика подвергается гиперболизации благодаря ряду метафор *znad lazurów* (соотнесение с местом, в этом случае – небом) и *lazurowy* (соотнесение с чертой – здесь: одухотворенный, спокойный).

Общая символика связана с одухотворенными знаниями, владельцем которых становится поэт под влиянием размышлений, возникших во время пребывания в храме и выраженных метафорически посредством символики неба и лазури. Кажется, что метафорическое изображение поэтом состояния ума дало возможность приблизиться к Богу и глубже понять Его таинство. Голубизна в этом стихотворении обращает внимание читателя на напиток, воду, ее живительную силу благодаря ассоциации с жидкостью. Поэт видит блаженство неба, не сосредоточивается на земном страдании.

Небо предстает символом: 1) восприятия мира: а) блаженства, б) радости; в) бесконечности; 2) физической величины: а) силы и мощи (властной, безграничной); 3) места: а) предела (края) блаженства; 4) физического явления: а) цвета (лазури).

В приведенных стихотворениях Лесьмяна небо воспринимается, прежде всего, метафизически. Оно предстает символом: 1) восприятия мира: счастье (2), безопасность, устойчивость, источник жизненной энергии, радость, бесконечность, любовь; 2) места: дом Бога, край вечного счастья; 3) физической величины: сила (властная, т.е. огромная); 4) физического явления: цвет – лазурь.

Сергей Есенин в своем поэтическом творчестве много места посвятил символически небу. Мы проанализируем два фрагмента из стихотворений *Прощай, родная пуща, Отчарь*.

[3] И не избежать бури,/ Не миновать утрат,/ Чтoб **прозвенеть в лазури/ Кольцом незримых врат**. *Прощай, родная пуща* (1916)

Метонимическая метафора *прозвенеть в лазури* (цвет вместо вещи, лазурь вместо неба) вводит колористический символ ясного, безоблачного неба (Кор 28). Глагол *прозвенеть* воспроизводит также символ колокола (посредством соотнесения его со звуком) – время, призыв, радость, рай (Кор 87). Вопросом времени надо считать жизненное правило: только после бурь и гроз, утрат и потерь можно попасть в небо – таким является смысл стихотворения.

Метафора *Кольцом незримых врат* обращается, во-первых, к символике кольца, т.е. непрерывности, бесконечности, вечности (Кор 313-316), во-вторых, к символике ворот, дверей, т.е. грани между светом и темнотой, ежедневностью и страной тайн; ворота представляют начало, конец, перемену во времени. Дверь в христианстве символизируют человеческую душу (Кор 75). Исходя из сказанного выше, не приходится удивляться многочисленности дверей и душ. Переход в иной (неземной, сверхъестественный) мир считается положительным, ведет к спасению, избавлению от грехов (Кор 251). В этом убеждают синева, голубизна, лазурь, симвоизирующие ясное, безоблачное небо (Кор 28). То, что ворот в небе много увеличивает возможность попасть в небо, воспроизводя символ надежды.

Общий символ связан с мотивом ухода от родных мест, чему сопутствует ностальгическая тоска по тому, что уже не повторится, не вернется.

Здесь присутствует метафорическо-метонимический символ (*Чтoб прозвенеть в лазури/ Кольцом незримых врат*).

В эвокативной метафоре *И не избежать бури* буря воспроизводит символ неожиданных, внезапных, потрясающих, переломных изменений в жизни людей.

Здесь отражена следующая символика семантического субполя “небо”: 1) предметы, вещи: а) ворота (врата), дверь; б) кольцо (перстень); в) колокол; г) душа; 2) цвет: а) лазурь, синева; 3) восприятие мира: а) радость; б) надежда; в) спасение (избавление); г) вечность, бесконечность; 4) место: а) рай.

Здесь представлена и символика явления природы:

1) буря: а) восприятие мира: – неожиданные, потрясающих изменения в жизни. Архетип символика неба – христианский.

[4] И горит на плечах/ Необъемлемый шар!.. / **Закинь его в небо.**/ Поставь на столпы!/ **Там лунного хлеба/ Златятся снопы.**/ Там голод и жажда/ В корнях не поют./ Но зреет однаждыный/**Свет ангельских юрт. Отчарь (1917)**

В эвокативной метафоре (*в небе*) *лунного хлеба/ Златятся снопы* сопоставляются звезды и снопы хлеба, поскольку те и другие златятся, т.е. метонимически они отсылают к символике золота – богатству, красоте, но и бессмертию, неразрушимости (Кор 496). Все эти символы опосредованно относятся к небу, описывая его, благодаря чему небо получает иное значение, другой масштаб. Оно понимается не только как атмосфера, но и как рай, место пребывания Бога (и людей после воскресения).

Хлеб воспроизводит символику изобилия, достатка, урожая, спасения от голодной смерти (угроза голода во время революции 1917 года в России была очевидной). Снопы хлеба – это также жертва Каина-земледельца Богу и одновременно напоминание о том, что жертва Богу должна исходить из глубины сердца, а не только по обязанности (Rdz 4, 3-5). Связанный сноп хлеба символизирует согласие (Кор 488-489). Люди должны молиться в согласии, искренно, с большой верой и тогда не изведают голода – физического и духовного. Цветовая символика серебра и золота позволяет утверждать, что благодаря соответствующему подходу к молитве человек достигнет вечности.

Жажда переломных, революционных и лучших изменений в стране близка и достижима. Ночное небо соотносится с прежней, дореволюционной жизнью в России. Лунные хлеба предвещают положительные изменения, у которых появляется возможность стать исцеляющими для крестьян, чего доказательством являются снопы хлеба (выращиваемого на крестьянских полях).

В глубокой метафоричности поэтического образа златящихся хлебных снопов убеждает и последующий контекст, в котором находится заверение в том, что в небе нет голода и жажды в непосредственном (физическом) значении этих понятий. Там живут ангелы в своих юртах, т.е. передвигающиеся, кочующие – Божие посланники, охраняющие людей, посредники между небом и людьми (СД I, 107). (*Там голод и жажда/ В корнях не поют./ Но зреет однаждыный/ Свет ангельских юрт.*)

Необходимо обратить внимание на символику луны, которая воспроизводит удаление от земной, человеческой жизни, а также указывает на урожай, гиперболизируя его (Кор 179).

Есенин помещает в небо предметы обыденной жизни, как, например, снопы хлеба, и таким образом придает им метафизическое, возвышенное значение. Взгляд поэта в небо всегда заставляет задуматься над сущностью человеческой жизни.

Здесь появляется следующая символика неба: 1) предметы, вещи: а) золото; 2) восприятие мира: а) богатство; б) бессмертие; в) красота; 3) место: а) рай; 4) люди: а) ангелы.

С ночным небом ассоциируются небесные тела: звезды и луна. Здесь звезды являются символом: 1) предметов, вещей: а) снопов хлеба; б) золота; 2) восприятия мира: а) достатка, богатства, урожая; б) красоты; в) согласия; г) молитвы; 3) места: а) деревни (села). Луна символизирует: 1) вещи, предметы: а) серебро; 2) восприятие мира: а) урожай. Ночь, представляющая собой явление природы, воспринимается здесь как символ: 1) восприятия мира: а) отсталости; б) прошлого (СД II, 290-293).

Есенин увидел в небе символику: 1) места: рай (2); 2) вещей, предметов: ворота-врата, кольцо, колокол, золото, душа; 3) людей: ангелы; 4) физического явления: цвет (лазурь, синева); 5) восприятия мира: радость, надежда, спасение, богатство, вечность, счастье, гнев; огонь, отвага.

Есенин часто понимает небо метонимически (элемент, часть за целое: звезды, деревья в рае воспринимаются как небо).

Оба поэта воспринимают небо благодаря цвету, как лазури с ее символикой спокойствия, равновесия. Лесьмян видит в небе источник счастья, постоянства, оптимизма. Есенин небо воспринимает как рай, напоминающий сады, растущие на русской земле. Поэт осознает, что в небо (понимаемое как место жизни людей после земной смерти) нелегко попасть – надо пройти сквозь большие ворота. Он убежден, что человеку не миновать суда Божьего. Есенин воспринимает небо более конкретно, чем польский поэт, поэтому небо у Есенина ассоциируется с колоколом, кольцом, золотом, душой. Для Есенина небо является надеждой, а для Лесьмяна, скорее, – любовью.

В заключение надо отметить, что проведенный нами семантико-культурологический, сочетаемый со сравнительным, анализ избранного художественного материала доказал, что такой метод работы является очень интересным для описания специфики писательской манеры, а также – русской и польской культуры (в которой заключается специфика славянского видения природы, ее семантических субполей).

Материал проанализирован только фрагментарно. По нашему мнению, сравнение символики отдельных семантических субполей ФСП “природа”, проведенное в более объемном масштабе позволит

сделать интересные выводы. Итоги в таком случае будут интересны не только для языковедов, но и для культурологов, а также представителей других междисциплинарных отраслей науки.

¹ *Есенин С.А.* Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. М.: Правда, 1977. 448 с.

² См. список сокращений ниже.

³ **Боже, полон в небе славы,**/ А на кресте – ничтожный/ – / Где же Ты скрывался и где же бывал,/ Чтож Тебя никогда не видал?/ (*Боже, полон в небе славы*). Все русские варианты текстов Лесьмяна составляют филологический перевод, проведенный автором статьи.

⁴ За польским теоретиком литературы, Х. Маркевичем, мы делим метафоры на конфронтативные, эвокативные, конфронтативно-эвокативные, перифрастические. У каждой метафоры – ее тема и носитель. Ср. *Markiewicz H.* 1983, *Uwagi o semantyce i budowie metafory* / М. Głowiński i А. Okopień-Sławińska (red.). *Studia o metaforze II. Z dziejów form artystycznych w literaturze polskiej.* Wrocław: Ossolineum, PAN, 1983. S. 43–59.

⁵ Но я святотатственную ладонь протягиваю в сияние/ Вплоть до бокала, дверей золотым двушитом хранимый!.../ На дне Его крови Господней бус укрытый / Устам, скорым к вину, не покуситесь на милость!/ **Итак, когда мне такое вино ударит в голову/ Силой неба всего даже до небосклона -/ Разве я не – о, братья, недоверчивые до смерти -/ Пьяница из лазури и сам лазурный** *Святотатственный (кошунственный) тост*

Список сокращений:

СД – *Толстой Н.И.* Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. I-V. М.: Международные отношения, 1995–2012.

Кор – *Kopaliński W.* Słownik symboli. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1990.

Rdz – *Pismo święte Starego i Nowego Testamentu.*/ red. nauk. ks. K. Dynarski. Poznań, Warszawa: Wydawnictwo Pallotinum, 1988. 1439 s.

Jolanta Kur-Kononowicz
University of Rzeszów, Poland

From reflections on the symbolism of the sky – Bolesław Leśmian, Sergiusz Jesienin (selected examples)

The aim of the article is to analyze the symbolism of the sky in the poetic works of Bolesław Leśmian and Sergiusz Jesienin. The semantic-cultural method of describing linguistic material with the use of semantic fields was used. From the linguistic point of view, the sky belongs to the subfield “atmospheric phenomena” in the semantic field of semantic “nature”.

For Leśmian, the sky symbolizes love above all and is metaphysically understood. Jesienin sees the sky metonymically – through its elements and sees it first and foremost as a symbol of hope.

Keywords: symbolism of heaven; poetry; semantics; metaphor; metonymy.

Глава 3.

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ
В НАУКЕ И В ОБРАЗОВАНИИ**

Хохобашвили Т. Ш.,

Цомае К. Г.,

Грузинский технический университет, Грузия

tamar.xoxobashvili@list.ru,

keta.comaia@gmail.com

Межкультурная коммуникация в науке (Грузия, Россия, мировое сообщество)

Межкультурная коммуникация – важнейший компонент для развития и укрепления общения между разными народами, особенно в сфере науки и образования. Поскольку Грузия волею судьбы расположена на перекрестке Востока и Запада, грузинская культура представляет собой гармоничный синтез оригинальной и восточной и западной направлений культур. То же самое можно сказать о раскинувшейся на евразийском пространстве России.

Сегодня, когда в мировом масштабе имеет место интенсивное внедрение инноваций во всех сферах жизни, наука играет фактически роль авангарда. Поэтому поддерживать тесные межкультурные отношения крайне важно для представителей всех культур, вовлеченных в этот процесс.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, наука, прогресс, мировое сообщество.

На фоне протекающих в мире в последние десятилетия глобальных изменений в Грузии, так же как и в других странах Европы и Центральной Азии с переходной экономикой, наблюдается значительный рост уровня бедности и безработицы и снижение доходов на душу населения за счет резкого падения объема производства валового внутреннего продукта. Все это обусловлено в основном стрессовыми сдвигами в политической, экономической, культурной и общественной жизни стран бывшего социалистического лагеря, где в одночасье рухнула эта громадная, выложенная по кирпичику и, казалось бы, навеки нерушимая «машина» – система, «подаренная» нам Октябрьским переворотом, благами которой мы беззаботно пользовались почти в течение 70 лет. В одиночку справиться со свалившейся на нас лавиной проблем логически никак невозможно, поэтому нам жизненно необходимы межкультурные коммуникации со странами, столкнувшимися с аналогичными проблемами (в том числе с Россией).

XXI век выдвигает на повестку дня совершенно новые задачи, новые подходы и приоритеты. Для того чтобы идти в ногу со временем, надо действовать решительно и в тесной взаимосвязи с другими народами, в чем первейшую помощь нам оказывают информационные технологии.

Ушла в прошлое эпоха полиэтиленовых пакетов, некогда сыгравших революционную роль в повседневном быту человека, – они были предметом гордости достижений тогдашних научных технологий. Теперь, осознав всю опасность этого продукта (для его полного разложения в земле требуется около ста лет!), человечество ищет альтернативные пути и возвращается к применению природных (древесных) материалов. То же самое можно сказать и об атомной энергетике, таящей в себе еще большую опасность. Словом, в погоне за прогрессом мир, «благодаря» осуществлению безумных идей и проектов, оказался на грани экологической катастрофы. Что же мы оставляем нашим потомкам, будущим поколениям? Если не решить эти вопросы сегодня, завтра, может, уже будет поздно. А решать их надо на основе коммуникации, и в первую очередь в области науки и образования.

Многие передовые страны все успешнее используют гораздо более дешевую и экологически чистую энергию ветра, солнца и других естественных ресурсов для добычи электричества, для обеспечения работы тех или иных агрегатов и проч. Впрочем, то, что мы называем «инновационными технологиями», нередко есть «хорошо забытое прошлое», представленное в современном, более привлекательном виде. Появились так наз. «гибридные» машины, экономящие топливо. Кстати, к использованию подобных экологически надежных ресурсов, которыми так богата наша страна, в последние годы перешли и мы и с удовольствием можем поделиться своим опытом. Думаем, и вам есть чем поделиться с нами.

Сегодня в мире идет серьезная борьба за «место под солнцем», поэтому активное внедрение в учебный процесс школ и вузов Грузии и России средств информационно-коммуникационных технологий и возникновение нового качества образования, переход на более высокий его уровень, что было недостижимо в условиях применения прежних методов и средств обучения, продиктовано определенными рациональными соображениями. Наиболее значимой составляющей глобализации в сфере образования и науки являются попытки построения общемирового и общеевропейского образовательного пространства, составной частью которых является ***Болонский***

*процесс*¹. Для налаживания межкультурной коммуникации в науке требуется систематическое осуществление таких активностей, как тематические лекции, семинары, симпозиумы, тренинги, межкультурные проекты и проч., предусматривающих совместное участие ученых наших стран с целью обмена опытом.

Распространившаяся во многих странах постсоветского пространства тенденция «престижности» таких профессий, как юрист, PR-менеджер, специалист по международному праву, управлению экономикой, туризмом и др., нанесла значительный ущерб STEM-отраслям (наука, технология, инженерия и математика). STEM-образование принимает участие в развитии рабочей силы, интеллектуальных возможностей, интересов национальной безопасности и иммиграционной политики. Наука существует во всем, что окружает нас; без технических инноваций уже невозможно представить современное общество; инженерия используется в проектировании конструкций зданий, мостов, дорог и прочих благ цивилизации; ну а математика – первооснова всех точных (и не только!) дисциплин. Недаром на Единых национальных экзаменах (ЕНЭ) для поступления в вузы Грузии на всех факультетах, наряду со специальными предметами, непременно сдаются экзамены по общим (вербальная и математическая части) навыкам для проверки умения логического мышления абитуриентов.

Вернемся к STEM-отраслям. Вследствие чрезмерной «увлеченности» молодежи «модными» гуманитарными и бизнес-факультетами в последние 20-30 лет образовался большой дефицит в сфере естественных наук, медицины, инженерии, математики, кибернетики и т. д. На рынке труда же возник невиданный спрос на специалистов этих отраслей, а у нас их нет. Очень важны межкультурные коммуникации смежных научных дисциплин (напр., биологии, антропологии, психологии, физиологии). Весь мир занят разработками новых технологий в области генной инженерии, биофизики, биохимии, агрономии, космологии, фармакологии, медицины, экологии и проч., и мы стараемся не отставать от развития вышеупомянутых технологий.

Одно из сфер в науке и в образовании, которую мы стремимся развивать – является профессионально-технические училища, поставляющие квалифицированные рабочие кадры, поскольку они нужны стране не меньше, чем учёные-исследователи.

Общества с технократическим стилем управления и мышления исчерпали ресурс своего цивилизационного развития, следовательно,

будущие мировые тенденции связаны с реализацией потенциала обществ другого типа. Поэтому ориентироваться в вопросе о выборе приоритетов в процессе информатизации системы образования и науки России и Грузии на «техническое» направление как на единственно верное (несмотря на то, что оно показало определенную эффективность в западных странах), было бы крайне опрометчивым решением.

Коммуникация в сфере науки является одной из разновидностей межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация в научной сфере протекает преимущественно на основе вторичных научных жанров информационной направленности: аннотаций, рецензий, рефератов, резюме и т. д. Эти жанры выполняют ориентировочную функцию в межкультурном научном обмене. В связи с этим особая роль отводится проблемам интерпретации и трансформации научного текста, включая и проблемы его перевода².

Наиболее очевидный и значимый признак глобализации в области межкультурной коммуникации проявляется в приоритетности какого-либо одного языка, а именно английского, взявшего на себя функцию коммуникатора и продолжающего отстаивать и укреплять свой статус языка международного общения в сфере бизнеса, политики, науки и образования³.

Современное человечество развивается по пути расширения взаимосвязи и взаимозависимости разных народов и их культур. Этот процесс охватил почти все сферы общественной жизни, в том числе и научную. Несмотря на глобальное увеличение культурного многообразия, народы находят все больше средств для сохранения и развития своей национальной культуры. Эта тенденция подтверждает общую закономерность: ***интернационализация и глобализация связей между народами не приводит к утрате культурного своеобразия народов***⁴. Аккультурация народов всегда имела и имеет место быть: это вполне естественный процесс, когда народы долгое время живут бок о бок. Но аккультурация не означает присвоения чужих культурных ценностей и выдачу их за свои, как это имело место в Самачабло (Южной Осетии) и в Абхазии, где с древнейших исконно грузинских памятников христианской культуры целенаправленно стираются все следы, идентифицирующие их грузинское происхождение. Поэтому на данном этапе как никогда важна межкультурная коммуникация Грузии и России в сфере исторической и археологической наук с тем, чтобы восстановить историческую справедливость.

Несмотря на то, что Грузия небольшая по численности населения страна, она подарила мировой науке не одно известное имя; причем, многие всемирно признанные грузинские ученые получили образование в стенах Петербургского университета, не уступавшего по уровню преподавания, образования и подготовки подлинно научных кадров ведущим европейским университетам. Можно с уверенностью сказать, что именно они стояли у истоков межкультурной коммуникации в науке между нашими странами. Назовем некоторых из них: **Иванэ Берташвили** (физиолог, основатель физиологической школы в Грузии, один из соучредителей международной организации по исследованию мозга), **Дмитрий Узнадзе** (психолог, один из основателей Тбилисского государственного университета, автор всемирно известной «*теории установки*»), **Иванэ Джавахишвили** (историк, автор многих трудов по истории грузинского права и экономической истории Грузии, один из основателей Тбилисского университета, носящего ныне его имя), **Георгий Меликишвили** (историк, видный исследователь истории государства Урарту), **Андриа Размадзе** (математик, специалист по вариационному исчислению, автор первых учебников математического анализа на грузинском языке), **Илья Векуа** (математик, специализировавшийся в направлении математической физики, в дифференциальных и интегральных уравнениях), **Элуджа Медзмаришвили** (профессор, генерал-майор, генеральный конструктор первого грузинского космического объекта), **Гия Двали** (профессор физики Центра космологии и физики элементарных частиц Нью-Йоркского университета и Мюнхенского университета Людвиг-Максимилиана; директор Института физики Макса Планка в Мюнхене, специалист по квантовой гравитации и Большому взрыву). Гия Двали стал лауреатом самой престижной научной премии – **Humboldt Prize**, благодаря которой он получил уникальную возможность потратить 3,5 млн € на научные эксперименты, которые, возможно, смогут доказать существование параллельной вселенной. Этот список можно продолжить, поскольку он постоянно пополняется новыми именами.

В заключение, хотелось бы пожелать нашим странам наладить более интенсивные межкультурные коммуникации в сфере науки.

¹ Шматков М. Н. Проблемы межкультурной коммуникации в контексте информатизации и глобализации общества и образования. <http://www.myluni.ru/journal/clauses/42/>

² *Емузова Э. А.* Межкультурная коммуникация в сфере науки: Дис. ...канд. филол. наук. Нальчик, 2004. 160 с.

³ Язык как глобальная инфраструктура // Экология и жизнь. 2005. № 7(48). С. 31.

⁴ *Емузова Э. А.* Межкультурная коммуникация в сфере науки: Дис. ...канд. филол. наук. Нальчик, 2004. 160 с.

***Khokhobashvili T.,
Tsomaia K.***

Georgian Technical University, Georgia

**Intercultural Communication in Science
(Georgia, Russia, Global Community)**

Intercultural communication is the most important component for the development and strengthening of communication between different peoples, especially in the field of science. As Georgia is destined to be located at the crossroads of East and West, Georgian culture is a harmonious synthesis of both original eastern and western directions of cultures. The same can be said about Russia stretching out on the Eurasian territory.

Today, when on a global scale there is an intensive introduction of innovations in all spheres of life, science actually plays the role of the avant-garde. Therefore, maintaining close intercultural relations in the field of science is extremely important for representatives of all the peoples involved in this process.

Keywords: Intercultural communication, science, progress, global community.

Мишатина Н. Л.,
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
mishatina-nl@yandex.ru

Горизонты методической лингвоконцептологии

В статье методическая лингвоконцептология представлена как пролог антропологического поворота в методической науке. Раскрывается содержание двух базовых взаимодополнительных идей лингвоконцептоцентрического подхода: идей филологизации и интеллектуализации школьного лингвистического образования. Поставлена проблема использования концепта как интегративной категории в образовательных целях. Выявлены основные тенденции и прогнозируются перспективы развития новой области научно-методического знания.

Ключевые слова: антропологическая лингвометодика, методическая лингвоконцептология, филологизация и интеллектуализация содержания предмета «Русский язык», учебный концептуарий культуры.

Антропологическая установка современной лингвистики уже воплощается в предметность методического дискурса и становится пригодной для актуального концептуального строительства¹, для (пере)структурирования в том числе образовательного гуманитарного универсума. Современный российский методический дискурс антропологизации приобретает реальные черты и перестает быть декларативным.

Общий антропологический и культурологический тренды современной гуманитарной науки привели к постановке вопроса о смене «идеального проекта» в лингвистической науке², что не могло не повлиять и на архитектонику сознания самой лингвометодической науки с ее ориентацией на **ведущие направления современной антропологической парадигмы в лингвистике**: (1) исследования языковой картины мира (лингвокультурология, лингвоконцептология), (2) коммуникативную лингвистику, (3) когнитивную лингвистику, (4) внутрисубъектную лингвистику, или лингвоперсонологию, теорию языковой личности.

Начало антропологического поворота в лингвометодике в определенной степени фундировано *методической лингвоконцептологией*

(термин Н.Л. Мишатиной), методологическую основу которой составляет лингвоконцептология³. Выход же последней в лингводидактику рассматривается С.Г. Воркачевым в качестве ее новой – достаточно значимой – «точки роста». Лингвоконцептоцентрический поворот (или подход) в методике – разновидность «антропологического поворота», источник современной формулы языка как «дома бытия духа» и «пространства мысли», культуры как «совокупности концептов и отношений между ними»⁴ и языковой личности и ее мировоззрения в понимании научной школы «Русская языковая личность» Ю.Н. Караулова. Содержание в рамках данного подхода строится вокруг концептосферы «Человек внутренний», куда концептуально положена «доминанта души» («образование без души опустошает душу» – В.П. Зинченко)⁵, а одним из принципов организации содержания становится реализация сформулированного еще К.Д. Ушинским *психологического закона развития души человека в единстве познания, чувства и воли*.

Высший потенциальный ресурс смыслоречетворческой модели методической лингвоконцептологии – его сердцевина – свернут в центральный тезис: «за каждым концептом стоит языковая личность» (развивающий известный тезис Ю.Н. Караулова «за каждым текстом стоит языковая личность»⁶), мировоззренческие основания которой строятся именно концептом как «архиватором культурных смыслов» (С.Г. Воркачев), «свернутым текстом» (И.А. Стернин), «культурной темой» в языке (Ю.С. Степанов).

В основе методической лингвоконцептологии лежат две методологические идеи, взаимно дополняющие друг друга.

Первая – это **идея филологизации предмета «Русский язык»** (*русский язык как язык, романтически выражающий «народный дух»*), понимаемой нами как «выход» за пределы лексики (внутреннего, «невидимого» мира человека) как системы в область языковой картины мира и концептосферы культуры (т.е. в область концепта, его прецедентных текстов и литературных образов). Филологизация, понимаемая как **расширение контекстуальных рамок для решения проблем воспитания, обучения и развития**, заложит вместе с родным языком основы филологического образования.

Вторая – **идея интеллектуализации языка обучаемых** (*русский язык как язык мысли и общения*), предполагающая также включение в корпус учебных текстов – текстов «русской филологической философии» (А. Пятигорский) как образцов критического измерения мысли, дающих возможность ученикам осваивать «метафизический»

русский язык. Идея интеллектуализации речи школьников получила методическую реализацию в введенном нами понятии **учебный «маршрут мысли»**, предполагающий не просто чёткую фиксацию этапов интеллектуально-речевой деятельности школьников при работе с текстами «филологической философии», но и осознание этих этапов, что принципиально важно.

Дальнейшее развитие методической лингвоконцептологии – это и есть (по умолчанию) развитие антропологической методики как *теории и практики обучения оптимальным средствам введения в культуру (представленной системой ее базовых концептов) сквозь призму языка современного ученика – как формирующуюся языковую личность, субъекта индивидуальной картины мира.*

В структуре лингвоконцептологии уже выделяется *лингвоконцептография*, в рамках которой разрабатываются **концептуарии культуры** как словари нового типа, объясняющие не значения слов (это делается в обычных толковых словарях), не научные понятия и реалии действительности (таковы функции энциклопедических справочников), а концепты, составляющие специфику определенной культуры⁷.

С появлением научных концептуариев связана и разработка учебных словарей культуры, в том числе электронных. Например, исследовательская и проектная работа в рамках **учебного модульного концептуария «Доминанта души»** (название относит к теории доминанты выдающегося физиолога и мыслителя А.А. Ухтомского) мотивирует учеников на творческое освоение базовых лингвоконцептов, позволяет эффективно решать проблему формирования концептуальной системы ученика, проектирования целостного контекста собственных знаний и опыта, ведет к «примирению» понятийного (формирующего линейность и системность с доминированием языка) и клипового (с его «внетекстовым» уровнем восприятия) мышления детей «цифровой эры».

Структуру концепта-модуля можно представить следующим образом:

- Разработка материального объекта как *«визитной карточки»* концепта культуры: «концепты могут «парить» над концептуализированными областями, выражаясь как в слове, так и в образе или материальном предмете». Процесс концептуализации в сфере культуры Ю.С. Степановым назван *«синонимизацией вещей и слов»*⁸. **Поэтому выбор «вещи» как «визитной карточки» того или иного концепта культуры является определяющим этапом проектирования**

концептуария культуры (например, синонимизируются *справедливость* и *архитектурный памятник* – здания Сената и Синода в Петербурге; *чувства* и *скульптурное изображение* Психеи).

- Выделение основной идеи концепта-модуля, которая может быть представлена или *афоризмом* («Научись писать обиды на песке и высекать радости на камне» – концепт «Обида»), или *проблемным вопросом* («Гордость – порок или добродетель?»), или *эвристической задачей* и т.д..

- Моделирование лингвокультурологического портрета слова – имени концепта (в рамках теории семантического портретирования слова – имени концепта⁹).

- Методическая интерпретация концепта в контексте литературоведческой, философской, культурологической и искусствоведческой концептологий (мультимедийная презентация в формате Power Point).

- Наличие пакета модельных групповых заданий к каждому концепту-модулю (например, продолжить галерею «гордецов» или «обиженных» в русской литературе: подбор текстов и соответствующего ему иллюстративного материала, в том числе кинофрагментов; конкурс авторских метафорических портретов чувств как портретов «собрания себя» и т.д.).

- Методическое сопровождение реализации проекта.

Идея концептуария как целостного контекста предполагает междисциплинарную коммуникацию, которая отвечает не только задаче усиления и расширения интегративной составляющей филологического образования, но и задаче антропологизации современного образования.

Методическая лингвоконцептология, пересекая дисциплинарные границы, сегодня начинает вписываться в **метапредметное (трансдисциплинарное) пространство школьного образования**. Это пока ещё только заявка на участие в решении задачи «гроссмейстерского» уровня. Речь идет о контекстуализации знаний как пути к **целостному знанию** и к развитию **холистического мышления** человека XXI века.

Междисциплинарная (или синтезная) сущность концепта как научной категории раскрывается через четыре его составляющие. **Понятийная** составляющая отражает дискурсивность и рациональность представления смысла, восходящие к **логике**, **образная** – метафоричность и эмотивность этого представления, восходящие к **психологии**, **ценностная** – аксиологичность такого представления,

восходящую к философии, а *значимостная* – его вербализованность, определяемую знаковой системой конкретного естественного языка¹⁰.

Концепт – это средство осуществления *интегративной мировоззренческой функции* обучения. Он помогает осуществить «переход» от конкретных знаний, выраженных в **одной системе понятий**, к мировоззренческим представлениям, выраженным в **другой системе**. Так, например, мировоззренческий концепт *истина* в научном дискурсе есть *истинностная оценка суждений и теорий*, в религиозном сознании соотносится с *истинным вероучением*, в обыденном – это *правда-справедливость*, а в художественном – *красота в искусстве как прозрение истины* (озарение).

Зная структуру концепта и понимая, что один и тот же концепт может существовать в разных типах сознания и дискурсах, учитель-предметник целенаправленно моделирует содержание концепта. Очевидно, что математик или физик будут говорить о научной истине применительно к своему предмету, историк затронет проблемы истины в религиозном сознании, учитель-словесник раскроет этноспецифическое понимание истины в русской лингвокультуре и обратится к художественному концепту «Истина». Как результат – формируется способность соотнесения и синтеза представлений из различных областей человеческой культуры, развиваются навыки самостоятельного и критического мышления, способность создавать устные и письменные тексты мировоззренческой направленности. «Интеллектуальное путешествие» (Э. Морен) по различным областям знания ведет школьников к многомерному сложному видению изучаемых объектов и явлений.

— Так, поиск «культурной родословной» природного объекта позволяет выходить на моральные категории, формирующие «доминанту души», на уроках естествознания. Например, в рамках урока химии на тему «**Кристаллы**» (11 класс) на этапе рефлексии проводится параллель между свойствами кристаллических веществ (твердость, прозрачность, четкость линий, граней....) и чертами характера человека (убежденность, чистая совесть, непоколебимость, чувство долга....). Метафоры (*кристально чистый человек; человек кристальной души, честности*), делающие восприятие текста многоканальным, поливариантным, нужны как разрядка заряженного терминами научного текста, его эмоциональная поддержка. В качестве одного из заданий с позиции понимания единства материального и духовного начал человека ученики комментируют характеристику, данную Андреем Штольцем Обломову: «*Это хрустальная,*

прозрачная душа; таких людей мало; они редки; это перлы в толпе!»

Рассмотрение концепта в разных системах познания развивает способность ума к «связыванию» разнородной информации, а научное знание, соотносимое с системой знания, передаваемого культурной традицией, обеспечивает целостность знания.

Учитывая методологические, практические и эвристические ресурсы новой области методического знания¹, можно выделить три перспективных направления развития методической лингвоконцептологии: 1) **экстенсивное**, связанное с методической разработкой концептов русской культуры, объединенных общей идеей *концептосферы внутреннего мира человека*, включающей *концептосферы человека чувствующего, мыслящего и действующего*; 2) **интенсивное**, предполагающее поиск эффективных антропокультурных практик, в том числе помогающих учителю в овладении когнитивными технологиями соединения языковой семантики со знаниями о мире и опытом смыслоречетворчества, направленных на построение мировоззренческих основ языковой личности школьника; 3) **интенсивно-экстенсивное**, связанное с расширением и углублением интеграционных связей предметной области «Русский язык» с другими предметными областями на концептологической основе, а также с активным развитием методической лингвоконцептографии в русле разработки учебных концептуариев русской культуры «Доминанта души».

¹ Хоружий С.С. Театр ситуаций. 2008. Библиотека «Института Синергийной Антропологии» Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#H

² Фрумкина Р.М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра. // Изв. АН. Сер. лит. и яз. Т. 58. № 4. 1999.

³ Мишатица Н.Л., Цыбулько И.П. Антропологическая лингвометодика: в поисках смысла, содержания и оценивания: монография / под ред. Н. Л. Мишатиной. М.: Национальное образование, 2016. 232 с.

⁴ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 38.

⁵ Зинченко В.П. О душе и ее воспитании // Развитие личности. 2002. № 1. С. 54-83.

⁶ Караулов Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 5.

⁷ Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 297 – 309.

⁸ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 68.

⁹ Воркачев С.Г. Imago verbi: опыт семантического портретирования имени: монография. Краснодар: Изд. ФГБОУ ВО «КубГУ», 2017. 284 с.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития: монография / науч. ред. Н.Л. Мишатиной. СПб: ООО «Книжный дом», 2017. С. 66 – 67.

*Mishatina N. L.,
Russian State Pedagogical University. Herzen, St. Petersburg*

The Methodological Linguoconceptology Horizons

The methodological linguoconceptology is represented in the article as the prologue of the anthropological turn in methodological studies. The two basic complementary ideas of the linguoconceptocentric approach – that of philologization of the school linguistic education and that of intellectualization of the latter – are defined in the article. The problem of using concept as an integrative category for educational purposes is stated by its author. The main trends of the new field of scientific and methodological knowledge are revealed and its future development is predicted.

Keywords: anthropological linguistic methodology, methodological linguoconceptology, philologization and intellectualization of the Russian Language subject content, educational conceptuary of culture.

Хватов С. А.

*Варшавский университет, факультет прикладной лингвистики, институт русистики, Польша
skhvatov@uw.edu.pl*

Межкультурная компетенция в рамках делового дискурса

Глобальная маркетинговая сегментация сегодня во многом определяет пути развития общества. Наблюдается коммерциализация общественного сознания и формирования новых типов моделей речевого поведения. Профессиональная подготовка студентов-филологов предполагает формирование коммуникативной компетенции, позволяющей решать коммуникативные задачи широкого спектра. Формирование «бизнес-филологической» компетенции как составной части профессиональной компетенции филолога обеспечивает успех в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: глобализация, межкультурная коммуникация, маркетинговая сегментация дискурса, деловое общение, «бизнес-филологическая» компетенция

Понятие «глобализация» прочно вошло в современный ментальный лексикон, и чаще всего понимание этого явления сводится к признаку общности, приведению социума к единому наднациональному стандарту, прежде всего в экономических отношениях производства и потребления. При всей бесспорности этого факта и при всем многообразии его проявлений за этим стоит, на наш взгляд, единый механизм – глобальная маркетинговая сегментация, или «ворынковление», выражающееся прежде всего в том, что законы рынка начинают приобретать универсальный характер и значение, а область их регулирования необратимо и неотвратимо расширяется на те области, где еще совсем недавно действовали иные правила.

В конечном счете это приводит к созданию нового, глобального формата бытия, в котором не только экономические, но и социальные, межличностные отношения унифицируются на основе рыночного спроса и рыночной цены, а формула «товар – деньги – товар» занимает центральное место. В настоящее время мы становимся свидетелями определенных сдвигов общественного сознания, его своего рода коммерциализации и формирования под влияние вышесказанного новых типов моделей речевого поведения. Как отмечает

Е. С. Гриценко, входящая в повседневную жизнь и язык рыночная метафора, идея товарности, купли-продажи «задает формат социальных отношений, в рамках которых государство, образование, наука, культура и т. п. позиционируются как частные предприятия, оказывающие услуги, а общество — студенты, граждане, организации — как клиенты, потребители данных услуг. Подобное позиционирование определяет характер коммуникативных взаимодействий, следствием чего становится дискурсивная маркетинговая — масштабная социальная тенденция, которая зарождается в языке и реализуется им»¹. Деловая коммуникация все более становится коммуникацией массовой, образцы ее активно тиражируются СМИ, формируя своеобразный коммуникативно-информационный фон, создавая представление о ее культурно-мировоззренческой значимости. Язык, использовавшийся ранее для целей специальных — торгово-коммерческих, деловых или экономических — сегодня выходит за пределы профессионального общения, получая «узурпаторскую прописку» в коммуникации массовой, в текстах, представляющих «коммуникативный лик» нашей эпохи.

Вполне закономерно, что на фоне всех этих процессов проявляется постоянно растущий профессиональный интерес филологов к деловой словесности во всем ее многообразии, а задача формирования речевых навыков и умений в этой области становится весьма актуальной.

Рассматривая главную цель обучения иностранному языку как обучение межкультурному общению, следует заметить, что необходимый для этого уровень коммуникативной компетенции в наше время вряд ли может быть достигнут без учета ее «деловой составляющей». И дело здесь не только (и не столько) в прагматической полезности отдельных навыков и умений. Вопрос, скорее, в том, что «деловая коммуникация» в настоящее время все больше приобретает черты коммуникации массовой, которая, по словам В. Г. Костомарова, «становится стержнем языкового существования современного общества»².

Известно, что филологическая профессия относится к числу профессий сугубо «коммуникативных», и подготовка студентов-филологов предполагает формирование компетенции, позволяющей решать коммуникативные задачи широкого спектра, как профессионального, так и общекультурного плана. В первом случае, говоря об освоении «языка специальности», как правило, имеют в виду овладение речевой деятельностью, связанной с конкретным набором

филологических дисциплин, прежде всего, с литературоведением и языкознанием. Между тем, как отмечает В. И. Аннушкин, целью современной филологии, которая «обращена к насущным проблемам современной речевой практики», является «описание всех видов современной словесности с выявлением целей, задач, содержания, форм общения, выражения этих форм в различных жанрах речи, стилистического разнообразия текстов»³. Ясно, что таким образом сформулированная цель требует от иностранного студента-филолога умения решать коммуникативные задачи весьма широкого спектра, предполагает широкую «стилевую диверсификацию» при выработке соответствующих речевых навыков и умений, позволяющую решать коммуникативные задачи.

Следует отметить, что в случае филологической аудиторией речь, конечно, идет о постижении лишь основ коммуникативного поведения и, прежде всего, в областях деловой жизни, имеющих понятийную прозрачность и социальную значимость. Тем не менее, имеет место и определенная «профессионализация», которая сводится к усвоению понятийного аппарата коммерческой деятельности, к освоению речевых стратегий и тактик, позволяющих решать коммуникативные задачи в рамках делового общения. Таким образом, речь идет о формировании не профессиональной коммуникативной компетенции, а скорее «деловой составляющей» межкультурной коммуникативной компетенции, или своего рода «бизнес-филологической» компетенции. Таким образом, само понятие межкультурной коммуникации предстает в осложненном виде, включая в себя освоение моделей речевого поведения не только в рамках инонациональной культуры, но и в рамках особой корпоративной культуры, что в значительной степени усложняет задачу.

Можно сказать, что формирование такого рода компетенции предполагает решение двух органически взаимосвязанных задач, которые, следуя В. Г. Костомарову, можно обозначить как освоение стилистического начала делового общения, т.е. ресурсов языка, его структуры, позволяющих осуществлять речевую деятельность в данном коммуникативном сегменте, и начала стилового, которое кроется в структуре порождаемых или воспринимаемых в этом случае текстов. Что касается первой задачи, то она традиционно решается в рамках функциональной стилистики и включает освоение официально-делового стиля современного русского языка, что позволяет студенту идентифицировать и индивидуализировать определенные тексты. Вторая же задача сводится к формированию

моделей речевого поведения в деловом общении и предполагает, прежде всего, освоение «конвенциональной природы» этого типа коммуникации⁴, т.е. активное усвоение используемых в ней норм, стереотипов, ритуалов, определяющих «конвенциональное поведение» коммуникантов, направленное на достижение коммуникативной цели, решение коммуникативных задач. Это, очевидно, и имел в виду Дейл Карнеги, определяя бизнес как «умение разговаривать с людьми». Тесная зависимость удачи профессиональной от удачи коммуникативной не подлежит сомнению, в то время как коммуникативная неудача, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, равно как и грубое нарушение коммуникативной нормы всегда ставит под сомнение успех коммерческого предприятия.

К коммуникативным особенностям корпоративного свойства можно отнести появление т.н. «новой русской вежливости», или «коммерческой вежливости», носящий формальный характер и выступающей в качестве маркетингового инструмента, прежде всего, в сфере торговли и обслуживания. Нельзя забывать, что, бизнес – это всегда конфликт (в широком понимании), скрытый или явный, которого необходимо избежать. Коммерческая деятельность, по своему определению нацеленная на получение прибыли, предполагает определенное столкновение сторон, отстаивание своих интересов, мнений, намерений. Цель каждой из сторон в любых деловых переговорах – разрешить этот конфликт по возможности в свою пользу, что определяет стратегию речевого поведения и выбор используемых моделей, эффективность которых уже проверена временем. Известные коммуникативные постулаты Грайса и «максимы вежливости» Дж. Лича определяют основы делового коммуникативного поведения в различных относительно степени конфликтогенности ситуациях. Так, Дж. Лич формулирует принцип вежливости как один из важнейших принципов делового общения следующим образом:

- максима такта – соблюдение дистанции (нельзя без желания собеседника затрагивать темы, касающиеся его личной жизни, предпочтений, религиозных убеждений, зарплаты и т.п.);
- максима великодушия – стремление создать для собеседника комфортные условия (нельзя обременять его обязательствами, ставить в неудобное положение);
- максима одобрения – позитивная оценка других, стремление к совпадению позиций по отношению к миру, людям;

- максима симпатии – доброжелательность, отказ от безучастного контакта;
- максима согласия – отказ от конфликтной позиции, снятие конфликта путём взаимной коррекции поведения;
- максима скромности – неприятие похвал и лести в свой адрес, реалистическая самооценка.

В связи с этим чрезвычайно важным в деловом общении является использование речевых моделей предупреждения конфликта, к которым относятся, прежде всего, минимализация категоричности в суждениях, скрытая императивность, имплицитность побуждения (*К сожалению, предлагаемая вами цена представляется нам несколько завышенной = мы просим вас снизить цену = снизьте цену*), аксиологическая мягченность (мягкая оценочность) эвфемистичность (*несколько завышенной, не вполне устраивает, не можем полностью согласиться*). Такие модели речевого поведения, ориентированные на сотрудничество, на выработку взаимоприемлемого решения, на компромисс, является наиболее продуктивной для достижения коммуникативной цели. В этом случае используется весь арсенал коммуникативных возможностей, включая тактики убеждения, аргументации, «мнимого согласия», внешнего подыгрывания партнеру при твердом намерении изменить ситуацию в свою пользу, уступки в деталях при сохранении приоритета главной задачи, которая может быть реализована как в виде «программы-максимум» (заключение сделки на выгодных условиях, получение неустойки, замена дефектного товара и пр.), так и «программы-минимум» (сохранение партнерских отношений на будущее, сохранение «лица» фирмы и пр.).

В последнее время появилось большое количество работ, в которых исследователи рассматривают деловую коммуникацию в рамках дискурсивного подхода, оперируя понятием «деловой дискурс», или «бизнес-дискурс». Действительно, если понимать вслед за Н.Д. Арутюновой под дискурсом «речь, погруженную в жизнь»⁵ (в нашем случае в деловую жизнь), такой подход дает широкие возможности. Прежде всего в силу того, мир бизнеса представляет собой уникальный речесмысловой континуум, а деловой текст, по словам З.И.Гурьевой, «является не только носителем специфических лингвистических характеристик, отличающих его от других видов текста (художественного, научного, публицистического и др.), но и содержит ряд уникальных национально-культурных черт, делающих его ценным лингвистическим «выразителем» национально-культурных

и коммуникативных традиций другого народа⁶. Именно эти характеристики определяют конвенциональную специфику бизнес-коммуникации, формируют корпоративные рамки моделей речевого поведения, усвоение которых позволяет успешно решать коммуникативные задачи в области делового общения.

¹ Гриценко Е. С. Глобализация и маркетингизация: рыночная метафора в различных видах дискурсивных практик // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46).

² Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М., 2005.

³ Аннушкин В.И. Термины «филология» и «словесность» в классической традиции и современном научно-педагогическом процессе. // Русский язык за рубежом, № 5, 2006.

⁴ Колтунова М. В. Конвенциональная природа сценария на примере жанра коммерческих переговоров. // Русский язык за рубежом, №2, 2004.

⁵ Арутюнова Н. Д. Дискурс // ЛЭС.- М., 1990.- С.136–137.

⁶ Гурьева З.И. Бизнес-текст как явление культуры //Язык. Этнос. Сознание. Материалы международной научной конференции (24-25 апреля 2003 г.). – Майкоп, 2003. – Т.2. С. 38-46

Khvatov S. A.
Warsaw University, Faculty of Applied Linguistics,
Department of Russian Studies, Poland

Intercultural Competence in Framework of Business Discourse

Global marketization today is considered to be one of main lines of modern society development. Presently the segment of verbal reality connected with the business communications is growing in importance. Business language exceeds the framework of professional communications and gets features of an important element of intercultural communications. The formation of «business philological» competence takes on special significance for students of philological departments and assures success in intercultural communications.

Keywords: globalization, intercultural communications, marketization of discourse, business communication, «business philological» competence.

Щепаник Анна

*Детский сад № 1 города Дембница, Польша
aniaszczepanik@o2.pl*

Перевод: Наталия Паздзиор-Мендалька

**Межкультурное образование и эффекты осуществления образовательного проекта
«Маленький Европейец – это Я и Ты».**

*«Нет в мире ничего такого же сильного, как идея,
которая вовремя родилась» (Виктор Гюго)*

Авторский образовательный проект многостороннего международного сотрудничества под лозунгом «Маленький Европейец – это Я и Ты» создан на основе межкультурного образования детей дошкольного возраста. Проект позволяет почувствовать желания и реакции других людей и эмоционально общаться с ними, одновременно понимая себя и культурные различия.

Ключевые слова: межкультурное образование, образовательный проект, взаимодействие, эмоциональные эффекты.

«Маленький Европейец – это Я и Ты», обычно называемый «Маленький Европейец», является авторским проектом международного многостороннего сотрудничества, направленным на заинтересованных учителей и педагогов из европейских стран. Основой проекта является приобретение знаний и навыков посредством различных видов деятельности. Символом проекта является искорка, огонек надежды на установление и поддержание широких, взаимных контактов. Главная цель – это сознательное развитие человека, который стремится к самореализации и извлечению удовольствия и радости от выполняемых задач и достигнутых результатов. Целью является лучше узнать себя, свою страну и отдельные европейские страны и их особенности.

В проекте воздействие направлено на всех его участников, в основном на детей, а через них и на взрослых. Проект реализуется с 2009 года в 13 странах Европы (Польша, Словакия, Украина, Германия, Венгрия, Болгария, Испания, Чехия, Россия, Франция, Ирландия, Исландия, Румыния) при участии широкого круга учителей, специалистов и сотрудников образовательных учреждений, а также родителей и местных жителей, с которыми проект косвенно

или непосредственно взаимодействует. Девять лет опыта показывает, что существует возможность сотрудничества и взаимодействия, несмотря на огромные расстояния, языковые барьеры и различия.

Автором проекта является Анна Щепаник – педагог, социотерапевт, тренер, лидер по жизненным знаниям, специалист по организации и управлению образования, а также исполнитель образовательных проектов и координатор проекта укрепления здоровья, директор Детского сада № 1 города Дембица в Польше.

В статье представлена концепция проекта и его результаты как социологическое и общественное явление. «Маленький Европеец» возник и развивается благодаря автору Анне Щепаник, реализатору и руководителю проекта в Польше, которая координирует работу всех заинтересованных учреждений в Европе в этой области, а также его партнеров – дошкольных и школьных коллективов в разных странах Старого континента.

Проект реализуется с 2009 года, он никогда не ни финансировался польским государством, ни местным самоуправлением, ни Европейским союзом. В связи с его привлекательностью и эффективностью удалось привлечь частных спонсоров, благодаря которым проект до сих пор продолжается и все время развивается.

Реализатором проекта является Детский сад № 1 города Дембица. Автор проекта, директор этого детского сада в течение первых нескольких лет его реализации делала усилия, чтобы получить средства для реализации его программных задач. К сожалению, не удалось получить и финансовую поддержку. Никто не предвидел, что самый низкий уровень образования – детский сад – может быть инициатором и эффективным реализатором образовательного проекта в рамках межкультурной педагогики, который имеет транснациональное влияние.

Содержание проекта

*«Быть может со временем увидим вещи,
которых мы пока не умеем себе представить?»
(Галилео Галилей)*

На возникновение проекта влияние оказал профессиональный путь его автора, которая более 25 лет является активным участником осуществляемого в Польше межконтинентального проекта «Школа укрепляющая здоровье». Собственный опыт, интерес к миру, восхищение и уважение к эффективным достижениям учителей и педагогов

из разных стран, принесли плоды и привели к подготовке пилотажного проекта под лозунгом «Маленький Европейец – это Я и Ты».

Идеи проекта универсальны, реализовать их возможно в каждом учебном заведении и на всех уровнях образования. В заглавии определение «маленький», потому что сначала проект был направлен только на дошкольные учреждения. Однако вскоре оказалось, что школы также заинтересованы в нём.

Дополнительное «Я и Ты» в заглавии, с большой буквы подчёркивает интерактивные отношения я между лицами и социальными группами. Субъектная интеракция, взаимодействие людей и влияние явлений друг на друга были основой для разработки главных предположений «Маленького Европейца». Встреча Я и Ты из разных стран подчёркивает открытость миру и входит в задачи, включенные в график проекта на каждый учебный год. Она движется познавательным интересом, волей к практическим действиям и креативностью.

Нам удалось создать универсальный проект, который показывает, что есть возможность эффективно взаимодействовать на международной арене, выполняя совместные задачи, которые оказывают положительное влияние на развитие личности, а через личность на учреждение, в котором она находится, а также на окружающую среду, в которой это учреждение функционирует.

Проект состоит из трех программ. I программа называется «**Есть такое место в Европе**». В неё входит ознакомление с европейскими странами, их национальными символами, избранными особенностями архитектуры и культуры, природы и кулинарии. II программа называется «**Обмен педагогической мыслью в отдельных областях работы с маленьким ребенком / учеником**». Она предполагает обмен корреспонденцией, организацию международных конференций, ознакомительных поездок, групповых консультаций и индивидуальных встреч. III программа, название которой «**Давайте познакомимся**», включает в себя различные способы коммуникации детей разных стран. Пилотаж проекта был проведен в 2009/2010 учебном году, а от 2010/2011 до 2015/2016 учебного года были реализованы его I и II этапы в трехлетних циклах.

Осуществляя вышеуказанные программы, мы имеем практическую межкультурную коммуникацию, которая заключается в совместной деятельности и контактах с преодолением барьеров, предубеждений и стереотипов. Реализация вышеуказанных задач позволяет устанавливать международные контакты и обмен опытом, приводит к повышению мобильности и развитию креативности,

обогащает и пропагандирует гражданскую активность и популяризирует знания о родной стране.

Во время пилотажа и на I этапе «Маленького Европейца» была реализована также IV программа «**Изучение английского языка – игра с картинкой и словом**», которая вдохновляла на изучение иностранного языка. К сожалению, из-за финансовых трудностей, которые были заявлены партнерами проекта во II и III этапах, надо было отказаться от реализации этой программы.

III этапе, в 2016–2019 годах, формула реализации проекта несколько изменилась. Схема программ проекта сохранилась, но во время их реализации запланировано закрепление и расширение знаний об узанных европейских странах, особенно тех, в которых находятся партнерские учреждения проекта.

Проект «Маленький Европейец – это Я и Ты» ориентирован на процесс, реализованный в небольшом масштабе, но, по мнению автора и руководителя проекта, получает значительные эффекты в разных областях образовательной деятельности. Перечислим эти эффекты.

Материальные эффекты

- Привлечение стратегических партнеров-спонсоров проекта, благодаря которым проект осуществляется.

- Издание трех книг с материалами проекта. Самыми важными являются книги под заглавием «Давайте будем вместе», том I и том II, каждый 320 страниц. Это альбомное и информационное издание о проекте, написанное на польском и русском языках. Оно включает тоже рассказы под заглавием «Бэмби – наша история одного олененка», написанные 13 партнерами проекта на восьми языках.

- Видеозапись 40 фильмов с детьми из Детского сада № 1 в Дембнице во время организации европейских дней и выступлений в конце каждого проектного года.

- Разработка 29 пакетов из европейских дней, которые были отправлены всем партнерам проекта в данном учебном году.

- Собрание проектной документации, включая сценарии мероприятий, музыкальные диски, фотографии, альбомы детских работ с особенностями 29 европейских стран.

- Собрание гардероба для выступлений детей на маленькой и большой сценах: более две тысяч костюмов и принадлежностей.

Нематериальные эффекты

- Всестороннее развитие детей и учеников, повышение компетентности, более высокий уровень знаний и навыков, повышение уровня культурного сознания и общего развития.

Индивидуальные эффекты

- Развитие коммуникативной компетенции, увеличение умения работать в группе, развитие креативности и активности в стремлении к самосовершенствованию и личным успехам.

Институциональные эффекты

- Развитые компетенции персонала, завязывание партнерских отношений с иностранными учебными заведениями и учреждениями, опыт реализации проектов, введение инноваций и хороших практик, обмен педагогической мыслью и способов получения эффектов в реализации задач.

- продвижение эффектов обучения за рубежом собственной страны.

Некоторые подробности проекта

Проект «Маленький Европеец – это Я и Ты» на протяжении 2009–2018 гг. был реализован в 24 учебных заведениях, в 21 городе из 13 стран Европы. Постоянными, самыми длительными и активными участниками проекта являются учреждения из России, Украины, Чехии и Словакии. Он был представлен на восьми международных конференциях. Конференция в Москве (2012) имела ключевое значение для распространения эффектов проекта, результатом которой были следующие конференции: в Праге в Чехии (2013), в Брюсселе в Бельгии (2015) и в Санкт-Петербурге в России (2018).

Значение межкультурного образования

*«(...) знание способствует взаимопониманию, помогает избавиться от предрассудков и побуждает узнавать больше (...) Показывает людей других национальностей и предлагает, как их воспринимать (...)»
(Иоанн Павел II- Папа Римский)*

Межкультурное образование является не только потребностью, но становится также необходимостью, чтобы умело строить картину окружающего нас мира и создавать условия для хорошей и полной жизни. Стоит спросить – умеем ли мы использовать разнообразие для обогащения собственной жизни и развития собственной личности? Межкультурное образование может быть ценностью самой по себе, но необходимо сопровождать его сознательным трудом познания и желанием понимать других. Нет возможности избежать общения между людьми разных культур и избежать углубляющегося культурного разнообразия общества. Чтобы подготовиться к

происходящим изменениям и легко с ними справляться, необходимо предпринимать различные действия, в том числе образовательные, эффектом которых будет подготовка нынешних и будущих поколений к жизни в мире, характеризующемся все более частыми, сознательными контактами с другой культурой и отличием. Чувствуя меняющуюся действительность, автор решила инициировать реализацию авторского, образовательного проекта международного сотрудничества, задачей которого было европейское образование дошкольников, помогающее на основании национального сознания знакомиться и понимать людей других национальностей и особенностей стран, в которых они живут.

Возможно, благодаря осуществлению проекта «Маленький Европейца» в первый раз, в такой форме возникла возможность у некоторых детей и учеников из разных европейских стран, сделать первые шаги на пути к изучению и пониманию неизвестного мира. Мира, который, кажется ближе благодаря начальному и элементарному образованию в этой области. Автор проекта подчеркивает, что благодаря проекту дети узнают европейские нации и страны, учатся взаимно уважать культурное наследие других людей, но также, прежде всего, учатся любить свою родину и её уникальную культуру.

Szczepanik A.

*Nursery School no 1 in Dkbica, Poland
aniaszczepanik@o2.pl*

Translation: Natalia Paździor -Mendalka

Intercultural Education and the Effects of the Educational Project - «Small European I and You»

Author's educational project of international cooperation called "Small European I and You" is based on the assumptions of intercultural education. It allows to develop syntony, i.e. the ability to cooperate with the environment, the ability to comprehend feelings, desires and reactions of other people as well as to form emotional contact with them, and at the same time to understand ourselves and cultural differences.

While noticing multiculturalism of contemporary societies in various aspects of daily life and the fact that our local life is more often influenced by global relationships, it's worth paying attention to the power of cross-cultural impact of the "Small European".

Keywords: education, project, interactions, effects.

Колесникова Л. Н.

*Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева, Россия
kolesnikova7@mail.ru*

Межкультурная коммуникация в сфере высшего образования

В статье рассмотрены актуальные проблемы и особенности современной межкультурной коммуникации в вузе и проблемы повышения ее эффективности: риторические, лингвокультурологические и аксиологические правила академического межкультурного общения преподавателей со студентами, проблемы их соблюдения при обучении иностранных студентов, находящихся на учебе в России. Проанализированы также проблемы обучения русскому языку как иностранному и межкультурной коммуникации (русскому речевому этикету, культуре речевого поведения иностранных студентов на учебных занятиях в вузе) на примере академического межкультурного общения преподавателей РКИ с аудиторией.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, академическое межкультурное общение, преподаватель РКИ, интеллектуальный шок.

Межкультурная коммуникация в сфере высшего образования играет огромную роль. Поэтому так актуальна проблема повышения эффективности межкультурного коммуникативного взаимодействия преподавателя с аудиторией. Особенности современной коммуникации в вузе, адекватность восприятия и понимания речи преподавателя аудиторией зависит от многих факторов¹, в том числе и от рассмотренных в данной статье. Опытный преподаватель одним своим присутствием, своим видом, своей дружелюбной улыбкой создает атмосферу хорошего, творческого настроения. Об этом свидетельствуют различные отзывы самих студентов о преподавателях, например, *«Когда Вы входите в аудиторию, у нас сразу поднимается настроение, мы улыбаемся, радуемся встречи с Вами!»*; *«С Вами всегда легко и интересно!»*, *«Мы Вас любим и обожаем!»* и т.д. Естественно, что у таких преподавателей студенты всегда хорошо учатся, стремятся к знаниям и к самосовершенству, потому что преподаватели являются для них примером, образцом межкультурного академического общения.

Известно, что любовь к предмету идет через любовь к преподавателю. Как правило, студенты, в том числе и иностранные, ходят на занятия только к тем преподавателям, которые им нравятся, у которых они (по их признанию) **«все понимают и не испытывают стресса»**, которые их уважают, иначе студенты переводятся в другие группы. Приведем отзывы студентов (цитируем): «Важно то, насколько сам преподаватель *уважает* своих студентов, т.к. если студента считают «никем», то ему не хочется участвовать в учебном процессе»; «...некоторые педагоги *совсем не уважают* своих студентов, *кричат* на них. Поэтому студенты не ходят к ним на занятия, студентам не хочется видаться с этими преподавателями»; «Важно чувствовать, что преподаватель *искренне* желает поделиться тем, что знает, а *не просто отработать свои часы*».

Некоторые преподаватели, например, на замечания иностранных студентов: «*Вы нас не любите!*», отвечают: «*Мы не должны вас любить, мы должны вас учить!*». Думаем, что это глубокое заблуждение. Настоящий **профессиональный преподаватель – это тот, кто любит тех, кому преподает, и то, что преподает**. Студенты прекрасно чувствуют отношение к ним преподавателя. В связи с этим современный преподаватель должен быть настроен на партнерство, **на диалог**, на равноправные, субъект-субъектные отношения, должен быть ответственным, **хорошим человеком**.

Многие отечественные педагоги писали о том, что «человек в преподавателе должен занимать первое место» (С.Л. Рубинштейн), ибо каждый преподаватель (вольно или невольно) оказывает определенное воспитательное, интеллектуальное, эмоциональное, эстетическое воздействие на аудиторию своим *словом, нравом, характером, образом*, своим *обаянием*, своим коммуникативным взаимодействием с нею². Однако бывает и так, что преподаватель, будучи хорошим человеком и обладая необходимыми знаниями, **недостаточно хорошо владеет**, например, **современной методикой** преподавания РКИ, учитывающей достижения риторики, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Вспомним, что еще Аристотель в своём труде «Риторика» сформулировал модель межкультурной коммуникации, которая сводилась к схеме: **оратор – речь – аудитория**. Эта модель является классической. Главное, чтобы **слово «дошло» до аудитории**, было правильно понято, пережито, усвоено студентами³. Так, например, преподаватель РКИ **ориентируется на адресата речи**, хорошо знает культуру, речевой этикет, языковую картину мира, менталитет своих студентов. **Диалог преподавателя**

с аудиторией – это всегда диалог культур: культуры преподавателя и культур студентов, это всегда межкультурное общение. **Межкультурное общение** рассматривается нами как межличностное, субъект-субъектное, равноправное общение любых культурных типов, т.е. как представителей разных культур, так и представителей субкультур одной культуры. Межкультурное общение имеет свои разновидности: *международное, академическое* и др.

Академическое межкультурное общение – это разновидность межкультурного общения в сфере высшего образования, в учебно-научной сфере вуза (в отличие от педагогического общения в школе). Цель академического межкультурного общения – достижение общности и согласия собеседников при сохранении неповторимой индивидуальности каждого из них. Поэтому преподавателю необходимо **разумно транслировать свое уважение и дружелюбие** к иностранным студентам, поскольку преподаватель РКИ выполняет **особую миссию дипломата**, являясь представителем **русской интеллигенции и транслятором русской речевой культуры**. Культура всегда элитарна и аристократична, ибо предполагает **отбор и выбор лучшего**. (*Аристэ* – в переводе с греч. – *лучший*). По свидетельству русских философов, «на Руси всегда в чести были души утонченные, возвышенные, ... **интеллигентные**». (И.А. Ильин),

Каждый преподаватель, в том числе и преподаватель РКИ, – это еще и **воспитатель** аудитории, поэтому ему надо учить иностранных студентов русской речевой **культуре и нравственному поведению**, используя в своей речи различные поговорки «на злобу дня», например, «*Без труда – нет добра*», «*Сказал – сделал*», «*Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня*» и т.п. Студенты-иностранцы с удовольствием заучивают русские пословицы и поговорки, уместно применяют их в речи, приводят аналогии со своим родным языком, сравнивают их, делают определенные выводы, и, как правило, лучше ведут себя и лучше учатся.

Важно также обучение **русскому речевому этикету** в процессе проведения различных деловых игр, проигрывания всевозможных речевых ситуаций⁴. Так, например, если студент опоздал на занятие, то он знает, что должен сказать: «*Здравствуйте!*», «*Извините, пожалуйста!*», «*Можно войти!*» и др. Надо научить студентов-иностранцев обращаться к преподавателям так, как принято в России, по имени-отчеству, например, *Людмила Николаевна, Владимир Васильевич*, а не так, как они привыкли: «*Преподаватель!*». Отметим, что, например, некоторые арабские студенты в знак уважения

первыми протягивают свою руку для рукопожатия преподавателю, а если преподаватель – женщина, то стараются поцеловать ей руку, говоря: «*Спасибо, мама!*». Разумеется, нужно объяснять им особенности русского речевого этикета.

Эффективным средством межкультурной коммуникации является и **демократический стиль общения** преподавателя с аудиторией. Формальные и неформальные отношения дополняют друг друга, поэтому в зависимости от ситуации можно обращаться к студентам на «ВЫ» и (или) на «ты». Студентам можно сказать: «*Друзья мои!*», но не фамильярно и снисходительно, как обращаются некоторые преподаватели к студентам: «*Зайки мои*», «*Рыбки мои*», «*Студенточки*», «*Ребятки*» и т.д., потому что студенты уже достаточно взрослые и самостоятельные люди⁵.

Преподавателю целесообразно соблюдать различные **риторические правила**, например, «*Хочешь поругать, сначала похвали!*», например, «*Молодец, старайся, сегодня уже лучше!*». Научно доказано, что **приятные слова стимулируют мозг**, заставляя его работать быстрее и эффективнее. Сила комплимента – в его конкретике. Compliments студентам – это стимул и награда за их будущие успехи. Поэтому необходимо **замечать и одобрять любой успех** студентов; необходимо их **учить, радовать, побуждать**: побуждать студентов к **публичным выступлениям**. **Публичная речь развивает всего человека**, ибо во время речи человек выражается всем своим существом, вербально и невербально, вырабатывает чувство уверенности в себе, тренирует долговременную память и снимает фобию общения с аудиторией.

В связи с этим важно обратить внимание на особенности преподавания сравнительно новой учебной дисциплины «научный стиль» (естественно-научный, экономический профиль и др.) для иностранных студентов. Сложность состоит в том, что эту дисциплину приходится вести преподавателям РКИ – филологам-русистам. Некоторые преподаватели РКИ успокаивают себя, говоря, что их «главная задача – научить иностранцев *правильно произносить* научные слова, термины и *строить* предложения». И все же, это не совсем так. Понимая и принимая во внимание все трудности преподавания этой дисциплины, нельзя соглашаться с подобными мыслями, ибо они разрушительны и не соответствуют статусу истинного преподавателя. Чтобы **преподавать** что-то, надо это что-то самому преподавателю **понять, осмыслить и подумать, как лучше объяснить студенту**, тем более, что знания не бывают лишними, и

«учитель (преподаватель – Л.К.) живет до тех пор, пока сам учится» (К.Д. Ушинский). Рене Декарт верно заметил: «**Объясняйте значения слов, и вы избавите человечество от половины его заблуждений**». Объяснять значения слов в преподавании – это значит уметь обеспечивать высокий уровень речевой культуры, взаимопонимания и межкультурного коммуникативного взаимодействия.

Часто преподавателям РКИ, которые ведут курс «Научный стиль» у студентов-иностранцев, приходится долго и **терпеливо** объяснять значения, на первый взгляд, *элементарных* слов: *пропорция, пропорционально, катализатор, концентрация, доля секунды* и т.д., а также объяснять, что такое, например, «*скорость химических реакций*». В результате терпеливого и наглядного объяснения студенты-иностранцы улыбаются, говорят, что все поняли и спрашивают с восхищением у преподавателей РКИ: «*Вы физик?*» или «*Вы химик?*», или признаются: «*Я только сейчас все понял! Спасибо Вам!*». Вследствие этого важно **дружески помогать** иностранным студентам преодолевать испытываемый ими на занятиях не только **культурный**, но и **интеллектуальный шок**.

Следовательно, межкультурная, риторическая и лингвокультурологическая компетентность преподавателей содействует совершенствованию речи студентов на русском языке, а совершенство речи ведет к нравственному, интеллектуальному, эстетическому и профессиональному совершенству личности. Поэтому решение рассмотренных актуальных проблем будет способствовать улучшению эффективности межкультурной коммуникации в сфере высшего образования.

¹ Колесникова Л.Н. Риторическая личность преподавателя-филолога в контексте профессиональной культуры. Монография: в 3-х томах. Орел: ОГУ. 2007. 478 с.

² Колесникова Л.Н. Обаяние личности как категория риторики. Орел, 1998. 200 с.

³ Колесникова Л.Н. Риторическая культура личности современного российского преподавателя вуза. Орел: ОГУ. 2013. 228 с.

⁴ Колесникова Л.Н. Этикет. Учебное пособие для студентов вузов. Орел, 1998. 98 с.

⁵ Колесникова Л.Н. Лингвокультурология. Языковая личность в аспекте диалога культур. Изд. 2-е с грифом УМО. Орел: ОГУ. 2013. 356 с.

Kolesnikova L. N.

Oryol State University behalf of I.S. Turgenev, Russia

Intercultural communication in higher education

In the article, current problems and peculiarities of modern intercultural communication in the university and the problems of increasing its effectiveness are considered: rhetorical, linguistic, cultural and axiological rules of academic intercultural communication between teachers and students, and their compliance with teaching foreign students studying in Russia. The problems of teaching Russian as a foreign language and intercultural communication (Russian speech etiquette, the culture of speech behavior of foreign students at the training sessions in the university) are also analyzed on the example of academic intercultural communication of teachers of RCTs with the audience.

Keywords: intercultural communication, academic intercultural communication, teacher of RCT, intellectual shock.

Журавлёва А. С.

*Университет Лилль 3 & MoDyCo, UMR 7114, CNRS,
университет Париж X – Нантер, Франция
hannazhu@list.ru*

Функционирование русского языка в среде русскоговорящих во Франции

Данное исследование посвящено особенностям русского языка, который используется на территории Франции русскоговорящими носителями. Употребляемая лексика носит специфический характер и развивается параллельно с русским языком, употребляющимся на территории России. Русский язык во франкоговорящей среде пополняется заимствованными из французского языка словами, которые, в свою очередь, видоизменяются и принимают своеобразные русифицированные формы. В новых образованных словах используется фонетика, орфография и словообразование, свойственные русскому языку, а корень, который несет лексическое значение, остается французским. На основании этого наблюдения можем предположить, что во Франции употребляется специфический русский язык, который не полностью понимают россияне, владеющие исключительно русским языком. Однако люди, знающие французский язык и другие романские языки, в которых имеются схожие латинские корни, с легкостью понимают русско-говорящих носителей, проживающих во Франции. Таким образом, в условиях двуязычия наблюдается дивергенция русского языка, используемого на территории Франции и «российского» русского языков.

Ключевые слова: русский, французский, язык, функционирование, двуязычие, лексический состав.

Данное исследование посвящено особенностям русского языка, который используется на территории Франции русскоговорящими носителями. Употребляемая лексика носит специфический характер и развивается параллельно с русским языком, употребляющимся на территории России. Во Франции русский язык используется в основном эмигрантами из России и других стран бывшего Советского союза, которые владеют им в разной степени. Русский язык, который используют русскоговорящие носители, имеет специфический характер. Важным фактором, влияющим на развитие русского языка на французской территории, является франкоговорящая среда,

где языком общения на официальном и бытовом уровнях является французский. Русский язык во Франции используется в основном на бытовом уровне. Степень владения русским языком не зависит от образовательного уровня носителя, в особенности русскоговорящих эмигрантов второго и третьего поколений, которые учатся в образовательных заведениях с французским языком обучения. В этом случае владение языком остаётся базовым. Однако дети эмигрантов, которые ходят в русскую школу при посольстве России, используют русский язык не только для общения и бытовых нужд, но и в образовательных целях. Они владеют русским языком лучше, но уступают по устному и письменному выражению российским школьникам. Французская действительность оказывает большое влияние на развитие самосознания, мировосприятия и выражения устной и письменной речи эмигрантов. Особенно ярко это заметно на уровне лексики. Русскоговорящие носители Франции описывают события, определяют понятия окружающей их действительности, часто изобретая новую лексику, не свойственную русскому языку в России. Эти слова и понятия отражают французскую действительность, которая не совпадает с российской. В условиях билингвизма наблюдаются лингвистические процессы, связанные с языковыми контактами и интерференцией. Явление интерференции описывается в трудах многих учёных (В. В. Алимов, Е. Бужаровская, У. Вайнрайх, Е. М. Верещагин, В. А. Виноградов, В. В. Климов, Л. Н. Ковылина, В. Н. Комиссаров, Н. А. Любимова, Р. К. Миньяр-Белоручев, Н. Б. Мечковская, Э. Петрович, В. Ю. Розенцвейг, Ю. И. Студеничник, Э. Хауген, Л. В. Щерба). Термин интерференция получил широкое признание после появления монографии У. Вайнрайха.¹ Согласно У. Вайнрайху, под интерференцией понимают «те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т. е. вследствие языкового контакта».² У Вайнрайх утверждает, что интерференция представляет собой отрицательное явление отклонения от языковой нормы, которое негативным образом сказывается на усвоении иностранных языков. В отношении интерференции важным является указание её источника, а точнее места её протекания. У. Вайнрайх указывает, что интерференция протекает «в речи двуязычных» и предлагает разделять речевую и языковую интерференцию³. Ванрайх вводит в широкое употребление термин *языковой контакт*, предложенный А. Мартине⁴, который «включает в себя целый ряд языковых взаимодействий, происходящих как внутри

одного языка (диалекты, наречия, говоры), так и между разными языками (близкородственными и совершенно различными по структуре)».⁵ Интерференция отмечается на всех языковых уровнях и проходит неоднородно. Взаимопроникновение языков происходит в разной степени и зависит от уровня владения русским языком, наличия или отсутствия других языков, которыми пользуется близкое окружение, количества других языков (славянских и неславянских), которые слышит или использует русскоговорящий. Окружение имеет важное значение для развития лингвистической культуры человека и языка, который он использует. Если русскоговорящий общается в основном с франкоговорящими и постоянно проживает на территории Франции, то русский язык будет иметь сильное влияние французского, вследствие чего насчитывать большое количество ошибок, заимствованной лексики и новообразованных слов. Употребляемая им лексика не существует в русском языке, который используется на территории России. Когда русскоговорящий общается в основном с русскоговорящим окружением, его речь будет наименее подвержена изменениям в условиях франкоговорящей среды, его языковые навыки также остаются базовыми. В условиях двуязычия сложно добиться высокого уровня владения русским языком. Важным фактором является посещение образовательных структур страны. Ситуация усложняется, когда близкое окружение говорит на нескольких языках. Тогда человек не является «чистым» русскоговорящим носителем. В его речи присутствуют элементы каждого языка, которым пользуется окружение. В результате ассимиляции такой носитель русского языка постепенно забывает не только русский, который уходит в пассив, но и другие языки, которые он использует в общении, и доминирующим становится французский. Этот носитель имеет низкий уровень владения русским языком, совершает многочисленные ошибки, неправильно строит фразы, копирует структуру французского языка и переносит её на русский. Используется новая лексика и наблюдается механическое смешивание двух языков. Таким образом, происходит путаница на всех языковых уровнях, но в большей степени на морфологическом и на синтаксическом. Чем больше человек знает языков, тем сложнее ему перестроиться с одного языка на другой и тем больше времени занимает этот процесс.

Предлагаем выделить несколько тенденций функционирования русского языка во Франции. Они зависят от следующих факторов: лингвистическая среда, окружение, уровень владения русским языком

русскоговорящего, знание других иностранных языков, влияние родного языка на речь, сознание и мировосприятие человека. Во Франции французский язык преобладает во всех сферах жизни человека. Носитель русского оказывается в русскоговорящей среде исключительно благодаря окружению и язык используется в основном на бытовом уровне. Следует различать два типа лексической интерференции: семантическую и морфологическую. В результате семантических процессов появляются «ложные друзья переводчика», например, фр. *famille* – семья, а не фамилия; фр. *canicule* – жара, а не каникулы; р. журнал переводится как *magazine*, а не *journal* (газета) на французский; р. бокал переводится как *coupe, flute* на французский, а не *bocal* (стеклянная банка).⁶ «Ложные друзья» появляются, когда интернационализм либо не во всех своих исходных значениях закрепляется в каком-то определенном языке, либо получает другие коннотации, несвойственные ему изначально (например, «афера», «аферист»).⁷ В процессе морфологического интерференционного смещения «носитель языка-источника по аналогии с родным языком образует в контактном языке корреляты по продуктивной модели интернационального типа. Такое смещение может происходить в случаях несовпадения конечных формантов интернационального типа, которые являются избыточными, поскольку в контактном языке уже существуют такие лексемы с таким же значением, но с другим словообразовательным формантом, например, *exportation* – экспорт, *raffinage* – рафинация, *speculateur* – спекулянт.⁸ В случае морфологической интерференции основой ошибочного семантического отождествления коррелятов двух языков служит формальное сходство, в случае семантической интерференции основой ошибочного формального отождествления служит сходство семантического наполнения коррелятивных слов. Межъязыковая лексическая интерференция при этом может быть интроверсивной, т. е. интерференцией с чужого языка на родной, и экстраверсивной, т. е. интерференцией с родного языка на чужой.⁹ В речи русскоговорящих Франции встречается большое количество заимствованных латинских или французских слов. Заимствованная лексика часто используется в русском языке на территории России. Эти слова вошли в русский язык и не воспринимаются как заимствованные, например, *этаж, гараж, этажерка, эскалатор, терраса, инаугурация, бисквит, майонез, эскалоп, балкон, парфюм, торе, кляр, круассан, эклер, революция, реакция, реконструкция, реставрация, пляж, активировать*. Заимствования из французского языка относятся к определенным областям

деятельности. В основном это термины из кулинарии, названия блюд и продуктов, лексика, относящаяся к сфере моды, литературы и искусства. Разнообразны проявления фонетической интерференции, связанные с произношением французских гласных, например, *e, e, u*, которых нет в русском языке, а также согласных *x, l*, артикуляция которых не совпадает в двух языках. Часто слова полностью копируются из французского языка, но произносятся согласно русским правилам. Они приобретают морфологические категории русского языка по аналогии (род, число и склонение для существительных, вид для глаголов). Формообразующие аффиксы остаются русскими (прошедшее время глаголов, категория рода и числа в прошедшем времени). Для существительных, прилагательных и причастий используются суффиксы образования прилагательных и причастий *-н-, -енн-, -ущ-(-ющ-), -ащ-(-ящ-)* или существительных *-к-, -чик- -ищ-*. Для понимания таких слов требуются базовые знания грамматики французского языка, его структуры, функционирования и словарного состава. Примеры подобной лексики приводятся с французским переводом: **мэзон** — дом (*maison*); **жамбон** — ветчина (*jambon*); **вуатюр** — машина (*voiture*); **канар** — утка (*canard*); **авторут** — скоростная трасса (*autoroute*); **тарт** — пирог (*tarte*); **кабас** — большая сумка для продуктов (*cabas*); **гляс** — мороженое (*glace*); **канапэ** — диван (*canape*); **мули** — мидии (*moules*). Среди таких слов имеется морфологическая интерференция со словообразовательными суффиксами: **шарэтка** — коляска для перевозки продуктов (*charrette*); **буланжэрка** — женщина-пекарь (*boulangere*); **фритка** — картофель фри (*frites*), используется также слово **фриты**, без суффикса; **мэзончик** — домик (*maisonnette*); **жарданчик** — садик (*jardinette*); **валидировать** — ратифицировать, утверждать (*valider*); **валидный** — действительный, законный (*valide*). Наблюдается семантическая интерференция, например, **лектриса** — преподавательница университета (*lectrice*); **профессор** или **профессор** — учитель, преподаватель (*professeur*). Семантика сходных по звучанию слов различается в двух языках. Существительное *профессор* в России употребляется в значении *должности, учёной степени*, а во Франции оно означает *университетскую должность* и имеет значение *преподаватель* или *учитель*. Слово *лектриса* не употребляется в России. Французская лексика копируется русскоговорящими в университетской среде, например, **записаться на экзамен** или **в университет** — *поступить в университет (s'inscrire a l'universite)*. Эквивалента выражения **записаться на экзамен** в России нет.

Большинство слов, отражающих процессы интерференции, касаются еды, одежды, здоровья и других бытовых проблем. На синтаксическом уровне копируются французские устойчивые выражения, с частоупотребляемыми глаголами *брать (prendre)*, *делать (faire)*, *быть (etre)* и *иметь (avoir)* и синтаксическая структура предложения: **брать автобус** – *сесть в автобус (prendre le bus)*; **брать фотоаппарат** – *сфотографировать (prendre la photo)*; **Я есть студент** – *Я студент (Je suis etudiant)*.

Таким образом, русский язык во франкоговорящей среде пополняется заимствованными из французского языка словами, которые, в свою очередь, видоизменяются и принимают своеобразные русифицированные формы. В новых образованных словах используется фонетика, орфография и словообразование, свойственные русскому языку, а корень, который несет лексическое значение, остается французским. Во Франции употребляется специфический русский язык, который не полностью понимают россияне, владеющие исключительно русским языком. Однако люди, знающие французский язык и другие романские языки, в которых имеются схожие латинские корни, с легкостью понимают русскоговорящих носителей, проживающих во Франции. В условиях двуязычия наблюдается дивергенция «французского» русского языка и «российского» русского языков, что связано с ярко выраженными процессами интерференции.

¹ Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 265 С.

² Там же. С. 127.

³ Там же. С. 79.

⁴ Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. Вып. 3. С. 366-566.

⁵ Ульяницкая Л. А. Языковые контакты и особенности их изучения в различных лингвистических дисциплинах [Электронный ресурс] // Название сайта : www.gramota.net/materials/2/2017/12-4/45.html. [Санкт-Петербург, 2017]. URL: // http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2017_12-4_45.pdf. (дата обращения: 20.05.2018).

⁶ Ценгер С. С. Семантико-морфологический тип лингвистической интерференции при контакте французского и русского языков (на материале существительных с интернациональными словообразовательными формантами) [Электронный ресурс] // Название сайта: <https://cyberleninka.ru/article/>. [Орлов, 2014]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/semantikomorfolozicheskiy-tip-lingvisticheskoy-interferentsii-pri-kontakte-frantsuzskogo-i-russkogo-yazykov-na-materiale> (дата обращения: 20.05.2018).

⁷ Савина С. С. Особенности лексической интерференции при контакте французского и русского языков [Электронный ресурс] // Название сайта: <http://pstgu.ru>. [Москва, 2011]. URL: <http://pstgu.ru/download/1315320241.53-59.pdf> (дата обращения: 20.05.2018).

⁸ Ценгер С. С. Семантико-морфологический тип лингвистической интерференции при контакте французского и русского языков (на материале существительных с интернациональными словообразовательными формантами) [Электронный ресурс] // Название сайта: <https://cyberleninka.ru/article/>. [Орлов, 2014]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/semantikomorfologicheskii-tip-lingvisticheskoy-interferentsii-pri-kontakte-frantsuzskogo-i-russkogo-yazykov-na-materiale> (дата обращения: 20.05.2018).

⁹ Савина С. С. Особенности лексической интерференции при контакте французского и русского языков [Электронный ресурс] // Название сайта: <http://pstgu.ru>. [Москва, 2011]. URL: <http://pstgu.ru/download/1315320241.53-59.pdf> (дата обращения: 20.05.2018).

Zhurauliova H. S.

*University of Lille 3 & MoDyCo, UMR 7114, CNRS,
University of Paris X—Nanterre, France*

Functioning of the Russian language among Russian speakers in France

This study is devoted to the peculiarities of the Russian language used in France by Russian speakers. The vocabulary used has a specific character and develops in parallel with the Russian language used in the territory of Russia. The Russian language used in the French environment is enriched by words borrowed from French, which, in turn, mutate and take on a peculiar Russified form. In these newly formed words, phonetics, spelling and vocabulary peculiar to the Russian language are used, and the root, which carries lexical meaning, remains French. Based on this observation, we can assume that in France a specific Russian language is used, which is not fully understood by Russians who speak only Russian. However, people who know French and other Romance languages, in which there are similar Latin roots, easily understand Russian speakers living in France, in the conditions of bilingualism, there is a divergence of the Russian language used in France and «Russian» Russian.

Keywords: Russian, French, language, functioning, bilingualism, lexical composition.

**Моисеенко И. М.,
Мальцева-Замковая Н. В.**
Таллинский университет, Эстония
irmo@tlu.ee, talyz@inbox.ru

Русский язык выпускников школ Эстонии

В статье представлены результаты исследования, проведенного в рамках проекта «Эстонский текст в русской культуре. Русский текст в эстонской культуре», в рамках которого анализировалась устная и письменная речь «естественных» билингвов (русско-эстонское двуязычие), получающих образование в школах с эстонским языком обучения, а также письменная русская речь учащихся школ с русским языком обучения. Как показало исследование, русскую речь учащихся школ с эстонским языком обучения характеризует нарушение норм практически на всех языковых уровнях. Вышеописанные тенденции можно наблюдать и в письменной речи учащихся школ с русским языком обучения, хотя проявляются они несколько иначе. Не столь заметно влияние эстонского языка. Большинство ошибок можно объяснить общими тенденциями развития русского языка в России.

Ключевые слова: нарушение языковых норм, системные речевые ошибки, методы исследования устной и письменной речи, причины возникновения речевых ошибок.

Статус большей части русскоязычного населения Эстонии остается неопределенным. Их нельзя назвать эмигрантами, так как они не выезжали из СССР, а переезжали из одной республики в другую, однако поскольку они в настоящее время проживают на территории иного в этническом и языковом отношении самостоятельного государства, их все же можно условно назвать эмигрантами. Их называют также «русскими, живущими за границей» (Протасова 2004: 235).

Среди учащихся, считающих своим родным языком русский, можно выделить 3 группы:

- новые эмигранты, приехавшие на жительство в Эстонию после восстановления ее самостоятельности (их количество постепенно растет);
- потомки эмигрантов первой и второй волны (т.е. потомственные граждане Эстонии);
- потомки переехавших на жительство в Эстонию во время существования СССР (наиболее многочисленная группа учащихся).

Дети из чисто русских или смешанных семей получают образования как в школах с русским языком обучения, так и в школах эстонским языком обучения, причем последняя группа учащихся постоянно растет. Если в 2008/9 учебном году их количество составляло 3,1% от общего количества учащихся с эстонским языком обучения, то в настоящее время оно достигает почти 8%.

В рамках проекта «Эстонский текст в русской культуре. Русский текст в эстонской культуре» анализировалась устная и письменная речь «естественных» билингвов (русско-эстонское двуязычие), а также письменная русская речь учащихся школ с русским языком обучения. Использовались такие методы исследования, как индивидуальное интервью и анализ письменных текстов учащихся. Интервьюирование проводилось в разных регионах Эстонии в школах с эстонским языком обучения. В нем приняли участие 53 информанта – учащиеся 10 – 12 классов, которые получают образование на эстонском языке преимущественно с первого класса. Лингвистический анализ письменных речевых произведений обеих групп учащихся с целью выявления языковых затруднений проводился на основе творческих работ двуязычных участников республиканской олимпиады по русскому языку как иностранному, экзаменационных работ по РКИ учащихся-билингвов, а также выпускных сочинений учащихся школ с русским языком обучения. В общей сложности было проанализировано 500 письменных текстов учащихся-билингвов и 2000 сочинений.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что русскую речь учащихся школ с эстонским языком обучения характеризует нарушение норм практически на всех языковых уровнях (исключение составляют фонетические нормы, хотя трудности в постановке ударения они также испытывают)¹.

Как и следовало ожидать, наиболее частотными оказались **орфографические ошибки**. Среди них преобладают так называемое фонетические написания: *прошлово, атистат, ристаран, интирес, геологи, праисхаждение, прозьба* и др. Обилие таких ошибок можно объяснить тем, что русская речь воспринимается большинством учащихся-билингвов преимущественно на слух, и в эстонских школах не изучаются орфографические правила русского языка.

Графические ошибки также представлены несколькими разновидностями:

- неразличение «е» и «э»: *поетому эволюция, электромагнетический, матерялов и др.*

- смешение «и» и «й»: *о свойствах, Россий, в свой 90 лет, большои, наитии и др.*
- смешение шипящих и свистящих: *лищ, шио, доказал, зеницина, музшина и др.*

Подобные ошибки можно объяснить существенными различиями в фонетических и графических системах русского и эстонского языков: в эстонском языке отсутствуют шипящие звуки и, соответственно, некоторые соответствующие им буквенные обозначения, эстонское «э» качественно отличается от русского, в эстонском языке отсутствуют графемы «Э» и «Й».

Характерными для письменной речи билингвов являются и **лексические ошибки**.

Наиболее специфические из них – замены русскоязычных слов на лексические единицы эстонского языка: *В Сакасама (в Германии), инфомесса (инфоярмарка), артикль (статья), фамилия (семья), каубамая (универмаг) и др.*

Особенно характерными для речи билингвов оказываются **ошибки в словообразовании и формообразовании**. Большинство таких ошибок имеют «системный характер». Поскольку различие между системой и нормой объективно существует и факт их неравномерного усвоения при овладении языком также не подлежит сомнению, системные ошибки неизбежны и характеризуют речь любого человека. Но особенно они характерны для детей и иностранцев². Приведем примеры ошибок системного типа.

1. Ошибки типа «заполнения пустых клеток»: *разнесторонний, долговечие, уважаемость, неприхотливен, создание, могут, пекёт, хочут.*

В рассмотренном ряду ошибок особое место занимают так называемые формообразовательные или грамматические просторечия, наличие которых можно объяснить тем, что общение билингвов на изначально родном языке зачастую происходит преимущественно на бытовом уровне.

Ошибки типа «выбор ненормативного варианта из числа предлагаемы языковой системой»: *мало времени остаётся побывать дома, мы завтра ездим, будем навестить, видев (это).*

2. Ошибки второй группы в основном представлены случаями образования видовых форм глаголов и некоторых падежных форм существительных (в основном форм именительного и родительного падежа множественного числа как наиболее проблемной), при выборе альтернативных приставок. Наиболее характерным нарушением речи

является смешение видовых форм. Такие ошибки можно объяснить отсутствием грамматической категории вида в эстонском языке.

3. Ошибки типа «устранение фактов, чуждых языковой системе»: *на пианине, (добирался) метром, мясная консерва, (добывают) нефти, (собирают) клюквы и др.*

Причиной появления ошибок такого типа, очевидно, является недостаток речевого опыта таких учащихся. Многие учащиеся-билингвы, номинально являясь полноценными носителями русского языка, образуют слова и словоформы как типичные иностранцы или маленькие дети – по существующим в языковой системе моделям без учёта норм, сложившихся в речевой практике.

Наиболее частотными и характерными для речи билингвов **грамматическими ошибками** были ошибки, связанные с управлением: *получить представление о культуры, часть аппаратуры нуждается в математических знаниях от пользователя, он видит два противоположных полюсов*. Учащиеся также смешивают предлоги, особенно часто предлоги *в* и *на*, поскольку в эстонском языке грамматические отношения выражаются преимущественно с помощью окончаний: *сложно часто быть на экспедициях, жизнь на экспедициях не сахар, в телевизоре*.

Естественно, **пунктуационные ошибки** были отмечены практически во всех работах в большом количестве, что вызвано несопадением пунктуационных норм русского и эстонского языков и тем, что правила расстановки знаков препинания не изучаются на уроках русского языка в эстонских школах. Точка использовалась в несвойственной для русского языка функции, как это принято в эстонском языке *21. век, 2007. год, 3.этаж*.

Далее рассмотрим недочеты в речи учащихся школ с русским языком и их причины.

В русской речи учащихся школ с русским языком обучения прослеживаются следующие тенденции³:

1. Сдвиги в глагольном и именном управлении, которые, вероятно, могут быть обусловлены

А) Общими тенденциями в грамматическом строе современного русского языка⁴:

– выбор падежа в конструкции с близкими по значению словами: *автор делится о своих впечатлениях* (рассказывает о своих впечатлениях); *обсуждение о том* (беседа о том); *догадался до этого* (додумался до этого);

– беспредложная конструкция вместо предложного сочетания: *этому свидетельствуют, люди страдают одиночеством, изменить свою оценку на окружающий мир;*

– предложное сочетание вместо беспредложной конструкции: *его попытка увенчалась с успехом, юмор чужд для него, осознает о случившемся;*

– при использовании предлогов для обозначения причинно-следственных отношений, не утративших полностью своего первоначального лексического значения, связанного со значением их корней: *благодаря знаний, умений;*

– при предложном управлении замена литературных форм просторечными: *сегодня мы получаем информацию с множества источников, девушка приехала совсем с другой страны; сидеть за телевизором* и т.д.

Б) Влиянием эстонского языка: *читать из Интернета* (Netist lugema), *любимый тебе человек* (inimene, kes sulle armas).

В) Влиянием английского языка: *объяснить о том* (explain about), *преданность к мастеру* (the loyalty to the master).

2. Ошибки в словообразовании

Для русской речи учащихся школ с русским языком обучения характерны такие ошибки: *почтальённые голубки (почтовые), в жизни много чудес и прекрас, совестный человек, гробница Тутанхамона – это уникаль, он не берёт подачек, невылазия (из Интернета)*. Наиболее частотны для этой группы учащихся оказались ошибки типа «заполнение пустых клеток»: *добрость, трудолюбивость, у ее* и т.д.

Как видно, в речи билингов отражаются основные тенденции, характерные для развития русского языка в России. Это раскованность, усиление личностного начала, резкое ослабление автоцензуры, неузвальное словообразование и словоупотребление, появление большого количества окказионализмов. Поскольку в школах с эстонским языком обучения получают образование все больше двуязычных учащихся, чья речь характеризуется нарушением языковых норм, это может оказать определенное влияние (не всегда положительное) на функционирование русского языка в Эстонии. Вышеописанные тенденции можно наблюдать и в письменной речи учащихся школ с русским языком обучения, хотя проявляются они несколько иначе. Не столь заметно влияние эстонского языка. Большинство ошибок можно так же, как и в речи учащихся-билингов, объяснить общими тенденциями развития русского языка в России.

Как показало проведенное исследование, язык русской диаспоры Эстонии изменяется. На него оказывают влияние общие процессы, которые можно наблюдать в речи живущих в России. Кроме того, неизбежно влияние государственного (эстонского) языка, а также наиболее распространенного языка международного общения – английского. Поэтому поддержка родного (русского) языка актуальна для Эстонии.

¹ *Моисеенко И.М., Замковская Н.В.* Нарушение языковых норм в письменной русской речи двуязычных учащихся, получающих образование на эстонском языке // «Я» и «Другой», свое и чужое в культуре Эстонии / под ред. А.А. Данилевского, С.Н. Доценко. М.: Изд-во «Флинта», изд-во «Наука», 2015. С.132-143.

² *Цейтлин С. Н.* Речевые ошибки и их предупреждение. СПб.: КД Либроком, 2013. С.9-11.

³ *Мальцева-Замковская Н.В., Моисеенко И.М.* Особенности глагольного и именного управления в письменных текстах русских гимназистов Эстонии. // Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI. Антропоцентризм в языке и речи. / под ред. И.П. Кюльмоя. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 2014. С.285-296.

⁴ *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке. ehttp://hi-edu.ru/e books/xbook050/01/part-010.htm

Moiseenko I. M., Maltseva-Zamkovaja N. V.
Tallinn University

The Russian Language of School Graduates in Estonia

The article presents the results of a research, that was carried out within the framework of the project «Estonian text in Russian culture. Russian text in Estonian culture», in which the oral and written speech of «natural» bilinguals (Russian-Estonian bilingualism), educated at schools with the Estonian language of teaching, as well as written Russian speech of pupils of schools with the Russian language of teaching were investigated. The research has shown that Russian speech of students learning at schools with the Estonian language of teaching is characterized by violation of norms at virtually all language levels. The trends described above, can also be found in the written speech of pupils of schools with the Russian language of teaching, although they are shown in a different way. The influence of the Estonian language is not so noticeable. Most of the errors can be explained by the general trends in the development of the Russian language in Russia.

Keywords: violation of linguistic norms, system speech errors, methods of oral and written speech research, causes of occurrence of speech errors.

Курпниеце Розанна

Латвийский университет (Латвия)

rozanna.kurpniece@gmail.com

Архангельская Эмма

Балтийская международная академия (Латвия)

emma.arhangelska@gmail.com

Игнатьева Лариса

Балтийская международная академия (Латвия)

larisa.ignatjeva@gmail.com

Две версии одной идеи: самоучители по освоению неродного языка, изданные в Риге в начале XX века

В статье содержится общая характеристика самоучителей, изданных в начале XX века в Риге. Авторы сравнивают два пособия, в развернутой форме представляют их содержание, демонстрируют корпус коммуникативных тем, рассуждают о причинах сходства и возможных целях изучения русского и латышского языка. На основе сопоставления делается вывод о генезисе латышского самоучителя. Последующие исследования позволят ответить на многие вопросы, связанные с социокультурной, языковой и межкультурной спецификой коммуникативного пространства не только двух самоучителей, но и повседневности, определяющей их коммуникативный облик повседневности.

Ключевые слова: самоучитель русского языка, самоучитель латышского языка, М. Фрейберг, А. Либерт, Г. Милберг, начало XX века, коммуникативное пространство.

В начале XX века, в Риге, издательство М. Фрейберга выпустило два учебных пособия практически с тождественным названием: «Русский самоучитель для латышей и инородцев»¹ и «Латышский самоучитель для русских и инородцев»². Это первые известные на сегодня учебники по освоению неродного языка в Латвии, адресованные не школьникам, а взрослым. Оба самоучителя к 1916 году выдержали несколько переизданий: русский – четыре, латышский – два, что, несомненно, говорит об их востребованности и популярности. Кроме того, титульный лист «Русского самоучителя» свидетельствует, что в 1908 году, в Ростове-на-Дону, учебник был награжден специальной медалью «За высокое качество», а это уже является фактом официального признания достоинств книги.

Первое издание «Русского самоучителя» датировано 1913 годом, латышского – 1914, а последними в обоих случаях стали, по нашим сведениям, издания 1916 года.

Однако самоучители представляют интерес не только по указанным выше причинам, они привлекают внимание целым рядом аспектов, некоторые из которых будут представлены в настоящей статье.

Издателем самоучителей выступил Микелис Фрейберг, который являлся не только известным книгоиздателем, книготорговцем, владельцем типографии в центре Риги, но и основным автором «Русского самоучителя». Автор-издатель, неоднократно переиздавая книгу, перерабатывал ее, исходя из новых коммуникативных потребностей, возникающих в условиях быстро меняющейся реальности. Например, издание 1916 года (которое и стало объектом рассмотрения) было дополнено двумя *Приложениями*, куда вошел языковой грамматический материал, тексты объемных диалогов на актуальные темы под общим названием «Новые разговоры. Разговоры беженцев», а также корпус устойчивых выражений. Соавтором *Приложений* стал Альберт Либерт.

На титульном листе «Латышского самоучителя» стоит фамилия Г. Милберг. Наиболее вероятно, что все трое (М. Фрейберг, А. Либерт и Г. Милберг) были прибалтийскими немцами, и русский язык не являлся для них родным, что объясняет множество встречающихся в учебниках ошибочных вариантов и разного рода неточностей (словоупотребление, порядок слов, собственно грамматические аспекты). При этом родным для авторов мог быть как латышский, так и немецкий язык (архивные разыскания ведутся). Заметим, что в то время создание учебника не носителями языка было вполне распространенным явлением, да и сегодня подобная практика в ряде случаев имеет место.

Однако самым интересным, на наш взгляд, является следующий факт: русский и латышский самоучитель – это не просто выпущенные одним издательством книги сосхожим названием. При обязательных различиях, обусловленных «фактором адресата» и установкой на обучение разным языкам, структура и содержание основной части пособий максимально точно повторяют, дублируют друг друга, т.е. бросающееся в глаза совпадение названий совершенно не случайно. Не вызывает сомнений, что более поздний латышский самоучитель, по существу, представляет собой версию, или адаптацию русского. Милберг убирает раздел «Краткие фразы», начиная с основных коммуникативных тем, варьирует названия ряда разделов,

а три раздела (13, 14 и 27) полностью заменяет. При этом он сохраняет структурную организацию основной части пособия и общий принцип подачи материала, а большая часть изменений носит формальный, стилистический, а не концептуальный характер.

В учебниках использован принцип разговорника, материал структурирован в виде трех колонок.

«Русский самоучитель»:

- в первой колонке слева – фраза на родном (латышском) языке, записанная латиницей (готический стиль);
- центральная колонка – ее звуковой русский аналог, переданный латиницей;
- третья (правая) колонка – русский вариант, записанный кириллицей.

В «Латышском самоучителе» аналогично с поправкой на язык:

- первая (левая) колонка – фраза на родном (русском) языке;
- центральная колонка – ее звуковой латышский аналог на кириллице;
- третья (правая) колонка – латышский вариант на латинице (готический стиль).

Коммуникативное пространство самоучителей ориентировано на ситуации повседневно-бытового общения (сегодня в этой сфере, как заметила О.Б. Сиротинина, «господствует разговорная речь с ее доминантой – минимумом заботы о форме выражения»³, этот аспект самоучителей еще ждет своего рассмотрения). В любом коммуникативном пространстве главным всегда является говорящий⁴. В пространстве самоучителя говорящий в рамках коммуникативных тем выполняет разнообразные речевые действия: спрашивает, приказывает, сообщает, предупреждает, советует и т.д. Авторы самоучителей предлагают адресату запоминать не только единичные реплики/высказывания, но и минимальные диалоги, в которых тема разговора дается в развитии, напр.:

- *Будет ли хорошая поездка?*
- *Очень хорошая, если ветер не изменится.*
- *Кажется, что море будет спокойно.*
- *Это мне все равно, потому что я никогда не страдаю морской болезнью.*
- *Я желал бы, чтобы со мною было бы то же самое.*
- *Разве нет никакого средства против этого несчастья?*
- *Перед отъездом надо довольно много кушать (тема 36. «На пароходе»)*

Несмотря на большое количество разговорных тем (43), в коммуникативном фокусе⁵ «Русского самоучителя» оказывается отъезд из Латвии в Америку, что хорошо отражено как в названиях тем раздела «Разные разговоры», так и в содержании коммуникативных тем, напр.:

- *Вам еще хочется путешествовать в Америку?*
- *Да, я надеюсь, что мне там лучше повезет...*
- *И где была бы цель вашей дороги?*
- *В Соединенных Штатах....*
- *В которых штатах платят больше всего за работу?*
- *В штатах Огайо, Кентуки, и Мичиган получают наибольшие платы, да и жизнь там обходится дешевле всего (тема 33. «Переселение»).*

Возникает вполне закономерный вопрос, какой в этом случае может быть цель изучения русского языка у потенциального адресата самоучителя, зачем ему в Америке русский язык?

Выскажем предположение, что причины, в том числе, могли быть и коммуникативными. Такое значимое событие, как отъезд, вполне могло служить предметом обсуждения, выступать темой обсуждения в обществе. Между тем одна из мотиваций была объективирована в диалоге коммуникативной темы «В Риге» (раздел «Новые разговоры: разговоры беженцев»). Участники диалога, латыш Спурис и Юрий (видимо, «инородец»), приезжают в Ригу, где встречаются и обмениваются следующей информацией:

Ю.: Скажи, пожалуйста, Спур, ведь ты и раньше чаще бывал в Риге, чем я, и потому можешь правильно судить – мне кажется, что теперь над Ригой дует такой странный ветер, которого раньше не заметил?

Сп.: В каком смысле?

Ю.: Ну, например, года три тому назад, когда мне случилось побывать в Риге, везде слышался только немецкий язык, а теперь, напротив, только русский.

Сп.: Совершенно верно, после начала войны начальство дало распоряжение запрещать немецкий разговор в публичных местах, с тех пор слышен на улицах, в трамваях, в магазинах и т. пр. только русский язык, иногда и латышский. Даже по телефону дозволается только русский разговор.

Ю.: Давно пора....

Очевидно, что указанная в диалоге причина является сугубо социальной, даже политической. Отъезд – да, но его еще надо было дожидаться, а жить в городе предстояло каждый день.

В «Латышском самоучителе» причины изучения языка обозначены непосредственно создателями самоучителя вне коммуникативных тем. Адресату сообщают, что без знания латышского языка невозможно «получить доходный пост и самую высокую прибыль».

Естественные исходные языковые различия адресата русской и латышской книги не препятствуют проведению процедуры социального портретирования, которая позволяет в рамках общего содержания констатировать максимальное совпадение социальных характеристик и сформировать общую модель адресата двух самоучителей. Модель включает следующий набор признаков: житель Латвии, латыш или инородец в одном случае и местный русский и инородец во втором, желающий «быстро и просто» выучить язык, преимущественно мужчина, горожанин среднего класса, имеющий счет в банке, ремесленник, земледelec, стремящийся / вынужденный покинуть страну.

Для «Русского самоучителя» на основе речевого материала «Приложений» (разд. «Разговоры беженцев») может быть сформирована вторая модель. Она интересна тем, что является двухкомпонентной, включает только два признака: ремесленник, беженец.

Основой для создания «совокупного портрета» послужили: а) содержание коммуникативных тем и анализ характеристик внутренних субъектов – коммуникантов, действующих внутри всех сорока трех разговорных ситуаций; б) содержание не входящих в коммуникативные ситуации «рамочных» высказываний. В частности, в рамку «Русского самоучителя» 1916 года входят:

А. два авторских высказывания:

1. Размещенное на титульном листе обещание / заверение в наличии метода, позволяющего «...*легко и основательно*» *выучить русский язык без помощи учителя*».

Заметим, что подобная установка сегодня воспринимается, прежде всего, как реклама, поскольку цель «основательного» изучения языка вряд ли достижима посредством разговорника с небольшим грамматическим блоком в виде приложений. Нереальность получения обещанного результата во многом объясняется неготовностью коммуниканта, запрашивающего информацию, адекватно воспринять и осмыслить ответ, полученный в ситуации неподготовленного общения.

2. Оценочное сообщение-признание автора: *Книга из-за своего легкого метода нашла горячий отклик среди латышского народа, рассеянного сейчас по всей широкой России. Пока суждено блуждать*

латышскому народу, издаю четвертое издание, в каком-то смысле выручая, протягивая руку помощи.

Данное высказывание обращает на себя внимание своим пафосом, коннотирующим его семантику смыслами вынужденного благородного эмоционального отклика, условно вынужденного поступка.

Б. Три персональных отзыва-благодарности:

1. *Уважаемый господин! Очень благодарен за изданный Вами самоучитель русского языка, который будет очень полезен как солдатам, так и латышам-беженцам.*

2. *Уважаемый господин Фрейбергс! Сердечно благодарен Вам за Ваш «Самоучитель русского языка», который для меня сейчас является самой драгоценной вещью. У меня была трудная жизнь в Сибири без русского языка, но сейчас она намного легче.*

3. *Уважаемый господин Фрейбергс! Я очень Вам признателен за основательно составленный «Самоучитель русского языка». Благодаря ему я очень быстро научился говорить по-русски. Рекомендую книгу каждому, кто в свободное время хочет самостоятельно выучить упомянутый язык.*

Вся группа высказываний служит примером очень важной для автора обратной связи как свидетельства эффективности «метода Фрейберга». Обратная связь, несомненно, была стратегией, призванной существенно повысить достоинства книги. Обратим внимание, что в первом высказывании оказался эксплицированным еще один «штрих» к набору социальных признаков адресата: «солдаты».

В рамочную часть «Латышского самоучителя» 1916 года тоже входит высказывание, размещенное на титульном листе, обещающее все ту же возможность «...легко и основательно» *выучить латышский язык без помощи учителя*», и два предисловия (к первому и второму изданию книги). В первом автор сообщает о том, что идет навстречу местным русским и инородцам, желающим выучить латышский язык, считая своим долгом предложить им такую книгу. О долге говорится и во втором предисловии:

Так как I издание «Латышского самоучителя» в короткое время разошлось, – лучшее доказательство полезности и необходимости книги – считаю своим долгом выпустить новое, т.е. II издание.

Обращает на себя внимание авторизация. «Предисловие к I изданию» подписано *Составитель*, а «Предисловие ко II изданию» – *Издатель*.

Предполагаем, что отсутствие номинации «автор» вряд ли является случайным. Данный факт косвенно указывает на особенности

появления книги, на возможность рассматривать самоучители не просто как первые учебные пособия по освоению неродного языка взрослым человеком, но и как первый пример адаптации, как две версии реализации одной идеи, одного первоисточника, в качестве которого выступила книга М. Фрейберга.

¹ *Фрейберг М.* Русский самоучитель для латышей и инородцев. 2 издание. Рига, 1916. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003748560#?page=1> (дата обращения: 30.05.2018).

² *Милберг Г.* Латышский самоучитель для латышей и инородцев. 4 издание. Рига, 1916. URL: <https://market.yandex.ru/product—milberg-g-latyshskii-samouchitel-dlia.../7779771> (дата обращения: 30.05.2018).

³ *Сиротинина О.Б.* Сфера повседневного общения. Хорошая речь: Сб. статей /Под ред. М.А. Кормилицына и О.Б. Сиротинина. Изд. 2-е, испр. М., 2007. С. 104.

⁴ *Сусов И.П.* Говорящая личность в лингвосоциальном и лингвопрагматическом пространствах // Социальная стратификация языка: материалы межвуз. конф. Пятигорск, 1989. С. 28-37.

⁵ *Дейк Т.А. ван.* Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М.: Прогресс, 1978. С.259-336.

Kurpniece R.
The University of Latvia
Arhangelska E.
Baltic International Academy
Ignatjeva L.
Baltic International Academy

Two Versions of One Consideration: Non-native Language Self-study Books Published in Riga at the Beginning of the 20th Century

The article provides a general description of self-study guides that were published in Riga at the beginning of the 20th century. The authors compare two text books, provide the readers with an insight into their contents, demonstrate the scope of the communicative topics, and discuss the reasons for the similarities of the aims of studying Russian and Latvian. The comparative analysis provides an opportunity to carry out a conclusion about the genesis of the Latvian self-study book. The subsequent research will allow to answer multiple questions about the sociocultural, linguistic, and cross-cultural specificity of the communicative space not only of two self-study books under research, but also of the communicative picture of everyday life that determines them.

Keywords: Russian self-study book, Latvian self-study book, M. Freiberg, A. Libert, G. Milberg, the beginning of the 20th century, communicative space.

Цомая Т. З.,

Киладзе Т. З.

Грузинский технический университет, Грузия

teatsomaia@gtu.ge, tkiladze@gmail.com

Межкультурная коммуникация в образовании между Грузией и Россией. Система финского образования

Во все времена межкультурная коммуникация играла значительную роль в деле укрепления взаимоотношений между народами мира. Тем более в современном мире, характеризующемся ежедневным, стремительным внедрением новейших технологий, межкультурная коммуникация в сфере образования приобретает особую значимость.

Образование есть основа основ всего того, на чем зиждется интеллектуальная собственность каждого народа, которая в нынешний век глобализации и высоких технологий моментально становится мировым достоянием.

В свете грузино-русских межкультурных коммуникаций в сфере образования мы обратимся к примеру финской системы образования, признанной на сегодняшний день самой совершенной в мире.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, постсоветское пространство, финская система образования.

Термин *«межкультурная коммуникация»* относительно недавно вошел в научный обиход, хотя, по сути, эти коммуникации насчитывают не одну сотню лет: фактически, вся история цивилизации охватывает разносторонние межкультурные отношения. С течением времени эти коммуникации стали проникать в сферу науки и образования, где они успешно прогрессировали.

Из года в год растет количество международных научных симпозиумов и конференций, расширяется обмен преподавательского и студенческого состава вузов разных стран. Десятки молодых ученых и студентов из Грузии ежегодно выезжают на учебу или научную стажировку в страны Западной Европы, США, постсоветского пространства, бывшие страны социалистического лагеря, что способствует изучению ими иностранных языков с целью более совершенного общения с представителями разных культур и народов.

В значительной степени развитию межкультурной коммуникации в сфере образования способствовало подписание в 1999 году изве-

стной **Болонской конвенции**, участницами которой на сегодняшний день являются 47 европейских стран, в том числе Грузия и Россия. Болонская декларация предполагает свободное образовательное пространство для всех студентов, желающих получить высшее образование в любой из стран-участниц этого процесса, что открывает перед ними широкие перспективы.

«Межкультурная коммуникация» – понятие довольно сенситивное. Это инструмент, благодаря которому стереотипное отрицательное отношение к тем или иным чужим ценностям, сложившееся в силу разных глобальных причин, в результате упорной работы в данном направлении может смениться положительным отношением.

В период существования единого советского пространства вопрос межкультурной коммуникации не стоял так остро – это был естественный процесс. Но сегодня он весьма актуален, поскольку выросли новые поколения, которые, несмотря на наличие гораздо больших возможностей коммуникации посредством новейших технологий (того же самого Интернета), в реальности отдалились друг от друга, что вызывает озабоченность прогрессивной общественности (в данном случае наших стран – Грузии и России).

Как организовать процесс межкультурного взаимодействия так, чтобы он приносил пользу образовательному и воспитательному процессу?

Пожалуй, одним из самых удачных начинаний в сфере межкультурной коммуникации можно считать **«Тотальный диктант»** – образовательное мероприятие, систематически организуемое в России и в разных странах мира с 2004 года и ставящее целью популяризацию грамотности. В текущем (2018) году «Тотальный диктант» написало рекордное количество участников – 230 тысяч человек, а по итогам прошлого (2017) года Грузия заняла третье место по числу участников за пределами России.

Обоюдопользным мероприятием, содействующим межкультурной коммуникации наших народов, можно считать, например, совместное мероприятие, предусматривающее чтение классических и современных образцов наших литератур на языке оригинала и в переводе.

На данном этапе межкультурной коммуникации первоочередной задачей нам представляется сличение историй наших стран (Грузии и России), написанных в последние годы разными авторами (причем, довольно необъективно) и освещающих одни и те же исторические явления с разных (порой абсолютно противоположных, взаимоисключающих) точек зрения, и прийти к единому справедливому

заключению, дать объективную оценку реальных событий. Непредвзятое освещение истории непременно следует начать со школьных учебников, поскольку именно в школе закладываются основы подлинных знаний, от которых в дальнейшем зависит формирование отношений будущих поколений наших народов, если мы заинтересованы в добрососедском, дружеском, а не во враждебном характере этих контактов.

В постсоветский период в Грузии, как и во многих бывших странах Союза, наряду с государственными, появились частные школы и вузы. Число частных учебных заведений и «мода» на них на рубеже 20-21 веков резко возросли, что можно рассматривать как «веяние времени». В последние 2-3 десятилетия особой популярностью в нашей стране стали пользоваться факультеты юриспруденции, бизнес-управления, международных отношений, журналистики, PR-технологий, туризма и др., куда хлынули потоки абитуриентов. «Престижность» этих профессий отбросила на задний план STEM-отрасли. В результате мы получили то, что сегодня рынок труда перенасыщен специалистами указанных областей и испытывает значительный недостаток квалифицированных кадров в STEM-е – инженерии, математике, естественных науках. Практически, в течение указанного длительного времени в средних школах было сильно ослаблено преподавание природоведческих и точных дисциплин, что повлекло за собой снижение интереса к их изучению и в вузах. Плоды этой непродуманной политики образования, к сожалению, мы пожинаем сегодня, когда в стране ощущается острый дефицит высококвалифицированных кадров в сфере энергетики, строительства, биохимии, геофизики и др. Эту глубокую «пропасть» не так-то легко восполнить, хотя надо с чего-то начинать. Иначе нам не найдется место в ряду прогрессивных мировых государств.

Культурная функция образования, как отмечает Н. П. Петрова, заключается в том, чтобы использовать преемственность исторически сложившихся культурных ценностей в процессе социализации личности, при этом рассматривая человека не только как носителя культурных ценностей, но и как творца новых¹. Этот тезис полностью созвучен сегодняшним потребностям в сфере образования.

Социальной ответственностью образовательной системы и учреждений является формирование учебного процесса, призванного подготовить личность, *конкурентоспособную* на международном рынке труда.

Вкратце сравним систему образования Грузии и России. В наших странах (как, примерно, в 150 странах мира) сегодня действует 12-летнее школьное образование. В 1-й класс в Грузии до последнего времени принимали детей с 5 лет, но с 2018–2019 учебного года в 1-й класс запретили принимать детей, не достигших к моменту начала учебного года (в Грузии он начинается 15 сентября и заканчивается 15 июня) 6-летнего возраста, что, на наш взгляд, вполне оправдано: наши школы не приспособлены к потребностям 5-летних малышей.

Выпускные экзамены учащиеся грузинских школ сдают в два этапа по принципу **САТ – адаптированного тестирования на компьютере**²: 4 экзамена (физика, химия, биология, география) – по окончании 11-го класса (в случае «провала» какого-либо из экзаменов ученик имеет возможность его пересдачи осенью) и еще 4 экзамена (грузинский язык и литература, история, математика и иностранный язык – по выбору: английский, немецкий, французский или русский) – по окончании 12-го класса. После выпускных экзаменов абитуриенты сдают **Единые национальные экзамены (ЕНЭ)** в вузы (в июле), в отличие от **ЕГЭ** в России, которые являются одновременно и школьными выпускными, и вступительными в вузы.

В качестве показательной системы образования нам хотелось бы привести пример Финляндии. Финны говорят: «либо **мы готовим к жизни**, либо – к экзаменам». В этой, на первый взгляд, простой фразе заложен глубокий смысл: если ребенок не хочет учиться, совсем не обязательно заставлять его делать это через силу – пусть лучше он овладеет какой-либо специальностью и пойдет работать. Физический труд не менее нужен обществу, чем умственный. Финское воспитание опирается на три основных принципа:

- 1) Честность: не хочешь – не учись;
- 2) Сочетание индивидуальности и коллективности;
- 3) Ориентация на будущее.

Главная суть финского образования состоит в девизе: «**Обучаясь, ты будешь находить новые идеи и получать наслаждение от жизни**»³. Согласно последним международным исследованиям, проводимым авторитетной организацией **PISA** раз в три года, финские школьники показали самый высокий уровень знаний в мире, признаны самыми читающими детьми на планете, занимают 2-е место по естественным наукам и 5-е – по математике⁴. При столь высоких результатах финские ученики тратят гораздо меньше времени на выполнение домашних заданий, больше времени проводят

на свежем воздухе, занимаются спортом, в разных кружках по интересам (искусство, танцы...), а государство затрачивает на свое *бесплатное* и *качественное* образование умеренные финансовые средства по сравнению со многими высокоразвитыми странами. Поистине парадокс! Вот у кого, полагаю, и нам, Грузии, и вам, России, следует поучиться, перенять опыт! Благодаря межкультурной коммуникации, наши педагоги могут свободно ездить в Финляндию, на наш взгляд, за беспрецедентным и столь необходимым для нас «опытом».

Нас поразила инклюзивность финской школы, где бок о бок учатся дети с ограниченными (точнее, *особенными*) физическими возможностями, которые не вызывают у сверстников отчужденности, и физически развитые, вполне здоровые дети с высоким IQ. В финских школах главенствует *принцип равенства* во всем: социальный статус родителей учеников не имеет никакого значения; здесь не принято делить учеников на «фаворитов» и «нелюбимых», на «хороших» и «плохих» – ни со стороны самих учащихся, ни со стороны учителей и администрации школы – всех их одинаково любят, уважают и, что главное, хвалят; в приоритете все предметы – будь то литература, математика, труд или рисование; нет «элитных» и «неэлитных» школ; строго соблюдается языковая и религиозная толерантность; запрещены какие бы то ни были «финансовые» сборы со стороны родителей в пользу тех или иных нужд школы, для экскурсий и проч.

Своеобразной спецификой отличается и финская система высшего образования, существующая в двух параллелях: *классические университеты* и *профессиональные / многопрофильные вузы*⁵. Наряду с финнами ежегодно абитуриентами финских вузов становится молодежь из разных стран мира, в том числе Грузии и России, которую, кроме высокого уровня преподавания, привлекает и низкая плата за обучение. На сегодняшний день финская система образования является, пожалуй, самой передовой в мире, и нам стоило бы воспользоваться межкультурными коммуникациями и перенять проверенный временем и оправдавший себя на практике опыт финнов.

В условиях нынешнего многополярного мира Россия и Грузия могут и должны стать связующим звеном между образовательным пространством Западной и Восточной Европы и динамично развивающимися образовательными системами стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

¹ *Петрова Н. П.* Открытое образование и его функции в информационном обществе // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 5. С. 120-124.

² <http://nor.ge/?p=81729>

³ *Киреева Н.* Финская школа. 3 правила, 3 задачи, 3 принципа. <http://www.infinland.net/uchitsja-v-finljandii/finskaya-shkola-3-pravila-3-zadachi-i-3-principa/>

⁴ Там же. <http://www.infinland.net/uchitsja-v-finljandii/zagadki-finskogo-obrazovaniya-7-principov/>

⁵ Там же. <http://www.infinland.net/uchitsja-v-finljandii/postupaem-v-finaskij-vuz/>

Tsomaia T.,

Kiladze T.

Georgian Technical University

Intercultural Communication in Education Between Georgia and Russia. The System of Finnish Education

At all times, intercultural communication has played a significant role in strengthening the relationship between the peoples of the world. Especially in nowadays world, characterized by the daily, rapid introduction of new technologies, intercultural communication in the field of education acquires special significance.

Education is the foundation of all that is based on the intellectual property of each people, which in the present century of globalization and high technologies instantly becomes a world heritage.

From the point of view of the Georgian-Russian intercultural communication in education, we turn to the example of the Finnish education system, which is recognized as the perfect in the world today.

Keywords: intercultural communication, the post-Soviet space, the Finnish system of education.

Карасаева Х. О.

Колледж «Кайнар» г. Актау Казахстан

karassaeva@mail.ru

Особенности межкультурно-коммуникативной парадигмы образования в Казахстане

В культурном проекте «Триединство языков» определены приоритеты языковой политики в Казахстане, среди которых важнейшими являются развитие интеллектуального потенциала страны путем реализации межкультурно-коммуникативной парадигмы образования. Основной целью образовательных учреждений страны стало формирование личности, владеющей коммуникативными компетенциями на трех языках: казахском, русском и английском. С изучением другого языка и необходимостью его практического использования происходит пересмотр традиционных технологий и методик. Одним из эффективных средств признана в педагогических кругах страны методика предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL). Обновленные когнитивные способности расширяют и разнообразят сложившуюся картину мира.

Ключевые слова: межкультурно-коммуникативная парадигма, предметно-языковое интегрированное обучение, коммуникативные компетенции.

Интеграция Казахстана в мировое информационное пространство определило поиск новой образовательной парадигмы, цель которой формирование конкурентоспособного специалиста, обладающего межкультурными коммуникативными компетенциями, предназначенными для освоения знаний и овладения современными технологиями на языке профессионалов. В XXI век Казахстан вошел с амбициозными проектами, одним из них является инновационная языковая политика, инициированная президентом Н.А. Назарбаевым. К идее полиязычия, как к консолидирующему фактору в стране, президент впервые обратился в 2004 году, в 2006 году отметил значимость для подрастающего поколения сознательного изучения и овладения иностранными языками. В 2007 году президент в Послании народу Казахстана «Новый Казахстан в новом мире» озвучил культурный проект «Триединство языков». Было отмечено, что развитие страны в последние два десятилетия позволило осознать жизненную необходимость интеграции в глобальный мир: «Казахстан должен восприниматься во всем мире как высокообразованная страна, насе-

ление которой пользуется тремя языками. Это: казахский язык – государственный язык, русский язык – как язык межнационального общения и английский язык – язык успешной интеграции в глобальную экономику»¹. Знание языков всегда было показателем интеллектуального и культурного уровня человека. Как и в других союзных республиках, в силу вековых исторических процессов, связавших народы России, а затем СССР, в Казахстане на протяжении десятилетий формировалось билингвальное общество. В практике межъязыковых контактов стало привычным попеременное и спонтанное переключение говорящего с одного языкового кода на другой. С течением времени в стране оба языка, казахский и русский, стали равно использоваться не только в бытовой, но и в профессиональной, деловой и научной сферах.

В Концепции развития полиязычного образования определены приоритеты языковой политики, среди которых важнейшими являются развитие интеллектуального потенциала страны путем реализации межкультурно-коммуникативной парадигмы образования: «...на уровне образования обеспечить повсеместное внедрение триязычия. Так мы можем построить логическую систему овладения языками. Азы будут изучать на уровне детского сада, в школе базовый уровень, в университете или в колледже – профессиональный язык по специальностям»².

Значимость казахского языка как государственного несомненна, но интеграционные процессы в глобальном сообществе стран и этносов настолько очевидны, что невозможно отгородиться от мировых тенденций и не овладевать средствами межличностной и межкультурной коммуникации. Являясь языком науки и бизнеса, английский язык стал восприниматься билингвами, как необходимый компонент успешной самореализации.

В программном документе о функционировании и развитии языков на 2011–2020 гг. прогнозируется к 2020 году увеличение доли населения, владеющего английским языком, до 20%, а число трехязычных людей должно достичь 15%. Министерство образования и науки РК разработало единый стандарт обучения языкам, который подчинен критериям международного общеевропейского стандарта лингвистической компетенции, предъявляющего унифицированные требования к владению иностранным языком на разных этапах обучения.

В целях модернизации системы образования страны с 2012 по 2016 гг. более 3000 учителей школ были охвачены трехуровневой

Программой переподготовки кадров, разработанной «Назарбаев Интеллектуальные школы» и Кембриджским университетом, согласно которой 20% занятий со слушателями проведены иностранными специалистами. Стали открываться специализированные образовательно-воспитательные учреждения с лингвистическим уклоном, с преподаванием отдельных предметов на английском языке.

Обучение трехязычию в дошкольных учреждениях начинается с освоения иноязычной предметной лексики. Азы иностранного языка осваиваются по методике раннего изучения языков, основное место в которой занимает игровая деятельность.

Начальная школа – наиболее ответственный этап в образовательном процессе. С 2012 года в 165 школах Казахстана со 2-го класса введена экспериментальная учебная программа обучения английскому языку. С 2013 года согласно Государственному общеобязательному стандарту образования преподавание английского языка начато с первого класса. В процессе чтения текста широко применяется иллюстративный материал с целью его визуализации, учащиеся должны передать своими словами основной смысл текста, для чего учитель подготавливает специальную лексику и словосочетания, облегчающие процесс выполнения задания, закрепление нового материала происходит путем заполнения заготовленных таблиц, схем, упражнений с пропуском новых слов, ролевые игры, направленные, с одной стороны, на повышение познавательной активности учащихся и, с другой стороны, на развитие речевых навыков на английском языке.

Из-за возрастающего объема изучаемого материала и без соответствующей языковой среды интерес детей младшего школьного возраста к изучению иностранного языка может постепенно убывать, ситуацию может исправить учитель, обученный правильной организации полиязычного обучения, созданию нужной атмосферы и владеющий приемами мотивации учащегося к достижению успеха.

В средней школе обучение межкультурной коммуникативной компетенции основывается на понимании роли иноязычной коммуникации в развитии личности. Образовательный процесс нацелен на изучение своего и иного культурного и коммуникативного кодов, типологических отличий национальных «картин мира», а также на приобретение культурно-фонových знаний по изучаемому языку.

Общеизвестно, что каждый народ располагает речевыми средствами, сформированными специфическими экстралингвистическими факторами, незнание которых ведет порой к неверной интерпретации

смысла высказывания. Приемы интерактивного обучения и междисциплинарная интеграция способствуют усвоению инонациональных лингвосоциокультурных норм, расширяют горизонты познания школьника и формируют образцы культуросообразного поведения и межнационального речевого общения.

В рамках программы «Дорожная карта развития трехязычного образования на 2015–2020 годы» в общеобразовательных школах Казахстана с 5 класса вводится комплексная дисциплина естествознание, с 2019–2020 учебного года преподавание физики, химии, биологии, информатики в 10–11 классах планируется осуществлять на английском языке, при изучении которых значительное время отводится освоению англоязычной научной и технической терминологии, закономерностей физической картины мира, эволюционных химико-биологических процессов. Такие предметы, как математика, география, история, казахская литература, будут изучаться на казахском языке, а преподавание русского языка и литературы, всемирной истории будет вестись на русском языке, но в содержательных рамках дисциплин новые темы изучаются с использованием межкультурного лингвострановедческого, политико-экономического и инженерно-технического материала. Электронный системно-методический комплекс, разработанный в Назарбаев Интеллектуальные Школы, аккумулирует всю нормативную, учебно-программную документацию и методическую литературу на трех языках, что значительно облегчает процесс переключения учителей и учащихся на трехязычное обучение. Все эти продуманные меры направлены на реализацию культурного проекта «Триединство языков», завершение которой по прогнозу Дорожной карты произойдет в 2023–2024 учебном году.

Учреждения технического и профессионального образования и бакалавриата непосредственно задействованы в проекте, в учебные планы включены дисциплины «Профессиональный казахский (русский) язык» и «Профессионально-ориентированный иностранный язык». Обучение производится в контексте будущей профессиональной деятельности по специальности, на занятиях моделируются механизмы встраивания в межкультурную иноязычную среду, требующие знание кода коммуникации и минимума фоновых знаний. Программа языков дает большие возможности для творчества, интегрирующего специальные знания и эрудицию преподавателя.

Социальная значимость трехязычного образования не может скрыть некоторых проблем в его реализации. Образовательный

процесс, который доныне строился на основе единства программного содержания со стандартизированными критериальными оценками результатов обучения, а также с применением унифицированных методик, претерпевает многообразие инновационных подходов и средств, заимствованных из разных источников. Эта ситуация не способствует успешному достижению целей содержательно преемственного и прогнозируемого трехязычного образования.

В программах бакалавриата по педагогическим специальностям не предусмотрено трехязычное образование, интегрированное обучение с использованием английского языка не осуществляется. Таким образом, выпускники вузов приходят в школу, не владея иностранным языком и ее методикой применения. К сожалению, и сами будущие специалисты не осознают важности овладения языками, поэтому, придя на современное технологичное производство, убеждаются в коммуникативных компетенций, что, несомненно, препятствует их карьерному росту.

Данная проблема диктует необходимость создания новой педагогической технологии, которая позволит овладеть будущими педагогами предметными знаниями на английском языке, использовать их при презентации аутентичного учебного контента, для организации взаимодействующего процесса познания и коммуникации.

Проблема формирования личности, способной на иноязычную речевую коммуникацию, всесторонне исследована теоретиками коммуникативного и межкультурного подхода в обучении иностранным языкам. Межкультурная стратегия образования предполагает интерактивно-коммуникативную организацию учебного процесса и направлена на формирование инокультурной, интракультурной и интеркультурной компетенции. При этом обе культуры, своя и иная, равноправно участвуют в достижении целей и задач проекта триединства языков, разность концептов картин мира постигается сложными когнитивными процессами в сопровождении учителя-словесника, сочетающего компетенции лингвиста, культуролога и историка, который стремится обеспечить «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам»³.

Переходный период реализации проекта «Триединство языков» требует выработки стратегии концептуальных мер по ресурсному обеспечению трехязычного образования, среди которых, выбор методологической платформы обучения с ее периодизацией и ранжированием лингвистических уровней на базе унифицированных

международных стандартов, разработка квалификационных требований к языковой подготовке педагогических кадров. Будущим учителям-предметникам необходимо преподавать инновационные педагогические технологии, в частности, известную в мировой дидактике методику предметно-языкового интегрированного обучения иностранному языку.

Как известно, в структуре языковой личности выделяются когнитивный, культурный и поведенческий уровни. Условием продуктивной межкультурно-коммуникативной компетентности является сформированность принципов толерантного отношения к разнообразию этнокультурных картин мира. В этих условиях когнитивный потенциал личности получает мотивацию к постижению этнокодов, этических норм, стилей межкультурной коммуникации.

Методика CLIL (Content and Language Integrated Learning), предметно-языковое интегрированное обучение иностранному языку, становится основным инструментом реализации трехязычия в образовательных учреждениях страны. Данная методика и термин, принадлежащие Дэвиду Маршу⁴, преследует двуединую цель – изучение учебной дисциплины и иностранного языка одновременно, при этом в поле зрения преподавателя находятся четыре аспекта обучающего процесса: содержательный компонент (Content), речевые навыки общения (Communication), мыслительная деятельность (Cognition), культуроведческие знания (Culture). Как показывает практика, изучение иностранного языка становится более интенсивным и продуктивным благодаря использованию лингво-терминологических конструкций, способствующих решению коммуникативных ситуаций. Учебная программа в большей или меньшей степени презентуется преподавателем и осваивается учащимися билингвально в зависимости от возрастных особенностей и степени погружения в CLIL.

CLIL используется на всех образовательных уровнях – от дошкольного учреждения до университетов. Изучение иностранного языка интегрируется в учебную программу, знание языка становится одновременно средством познания нового материала, таким образом у учащихся значительно повышается мотивация к овладению языком.

В языках содержится специфичная лексика, отражающая условия и предметные понятия исторической и духовной эволюции этноса. Вследствие различия бытового уклада, национальной шкалы эстетических и этических ценностей и норм данная лексика может не иметь в других языках своего словесного эквивалента. Существуют эмоциональные различия между как бы аналогичными значениями

слов и выражений с их подлинным смыслом. Эти лингвокультурные явления могут стать предметом обсуждения на учебных занятиях или проблемой исследовательского проекта в старших классах, в этом случае преподавателю не обойтись без применения элементов сопоставительного языкознания, сравнительного литературоведения, этнокультуроведческого анализа, искать возможности сопряжения и корреляции словесно-художественных аутентичных текстов с целью раскрытия их национально-культурных особенностей.

У современного педагога имеется огромное подспорье – это интернет с его познавательными и учебно-игровыми ресурсами на любом языке. По географии учащиеся могут совершать виртуальные страноведческие путешествия на английском языке, по истории войти в on-line музеи и галереи, по информатике, физике, химии и биологии увидеть внутреннее устройство оборудования и приборов, проследить эволюцию понятий и представлений о картине мира и человечестве, пронаблюдать за ходом научных экспериментов. Учащиеся приходят к пониманию того, что английский язык дает большую возможность узнать много нового из любой области знаний, при желании язык может стать инструментом познания.

Дидактическая методика предметно-языкового интегрированного обучения очень продуктивна в презентации культурологических знаний, цель которой национально-культурная самоидентификация и понимание ценности альтернативных культур. В культурологии вычленяется видимый, предметный уровень культуры, куда относятся язык, предметы материальной культуры, традиционный обрядово-ритуальный компонент, и скрытый, духовный уровень, подразумевающий этнические нормы и ценности, определяющие тип поведения этноса с его особенностями межличностного взаимодействия и межэтнической коммуникации.

В преподавательской практике изучение иностранного языка происходит с этапа знакомства с культурно-историческим фоном иной национальности, те или иные факты рассматриваются в сравнении и сопоставлении концептов картин мира, и в результате сложного когнитивного процесса происходит постижение чужого и незнакомого, а затем новые знания вовлекаются в контекст индивидуального мировосприятия. «Межкультурная компетенция начинается с вчувствования в проблематику, затем следуют такие этапы как осознание своей и, далее, чужой культуры, а отсюда осуществляется переход к пересмотру этого осознания применительно к реальному бытию целевой культуры»⁵. Национальный идиоматический

фонд языка является преддверием познания социокультурного наследия народа. Нарративные формы языка чрезвычайно информативны и иллюстрируют специфику лингвокультурного стиля общения народа. Имеются разные аспекты общения, отражающие специфику национальных традиционных занятий и правила поведения, принятые у разных народов. Овладение этими лингвистическими средствами позволяет наладить позитивную коммуникацию. В казахских и русских классах изучается так называемый ситуативный казахский/русский язык, который дает представление о традициях народа, их лингво-коммуникационной атрибутике, в рамках же трехязычия подключается английский язык. Уместное использование ситуативных выражений сближает собеседников, в какой-то степени уменьшая межнациональную дистанцию.

Процесс овладения иностранным языком изменяет языковое сознание. Претерпевает изменения традиционная национально-художественная картина мира, происходит процесс встраивания иного микромира, иной знаковой системы в мировидение индивидуума. «Сравнивая один язык с другим, мы наглядно убеждаемся в произвольности той картины внешнего мира, которая отражается в нашем языке»⁶, – отмечал Л.В. Щерба.

На современном этапе развития страны успех работы по освоению новых языков видится в обновлении сознания молодежи, расширении когнитивных способностей и приобщении к многообразию мира. Педагогические технологии и дидактические средства межкультурно-коммуникативной образовательной парадигмы направлены на формирование у молодого поколения национальной идентичности и межнациональной толерантности, социокультурной компетенции, способности к иноязычному повседневному и профессиональному общению.

¹ Назарбаев Н.А. Социальная модернизация Казахстана. Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // Казахстанская правда. 2012. № 218-219. Новый Казахстан в новом мире. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана, Астана, 28 февраля 2007 года.

² Назарбаев Н.А. Казахстан на пути к обществу знаний. Речь перед студентами Назарбаев университета 5 сентября 2012 года. Астана, 2012.

³ Верещагин Е.М., Костомарова В.Г. Язык и культура. М., 1990. С.26.

⁴ Marsh David. Bilingual Education. Content and Language Integrated Learning. Paris: University of Sorbonne, 1994.

⁵ *Kiel E.* Kulturanalyse im Landeskundeunterricht als Mittel der Entwicklung inter-kultureller Kompetenz//Fremdsprache und Hochschule. 1996. N46. S86.

⁶ *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Ленинград, 1974. С. 344.

Karassayeva Kh.

College Kainar Aktau, Kazakhstan

**Ftatures of intercultural and communicative paradigm
of education in Kazakhstan**

The cultural project «Trinity of languages» defines the priorities of language policy in Kazakhstan. One of the most important priorities is the development of the country's intellectual potential by way of implementing intercultural and communicative paradigm of education. The formation of an individual with communicative competency in three languages - Kazakh, Russian and English, has become the main objective of the country's educational institutions. The study and practical use of another language promote revision of traditional methodology and technology. The subject-language integrated learning (CLIL) has been recognised by pedagogical circles as effective means to achieve the country's educational objective. The CLIL helps to "refresh" the individual's cognitive abilities to expand and diversify their general outlook.

Keywords: intercultural and communicative paradigm, Content and language integrated learning, communicative competence.

Носова М. Б.

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, Россия
nosova.maria.spb@gmail.com*

Краткий курс межкультурной коммуникации с использованием комплексной образовательной технологии «Global classroom»

Статья посвящена описанию подготовительного курса по межкультурной коммуникации на основе проекта «Global classroom». Курс разработан для студентов, приезжающих в Россию на стажировку. Важность курса обусловлена необходимостью ознакомления с русской культурой, традициями, современными тенденциями культуры и быта в рамках подготовки к поездке в Россию.

Ключевые слова: инновационная педагогика; образовательные технологии; межкультурная коммуникация; РКИ; глобальный класс.

В период глобализации происходит стирание границ между странами и развитие международной студенческой активности. В современных условиях необходимым элементом эффективного общения становятся знания об особенностях межкультурного общения, что является принципиально важным для студентов, обычно не имеющих опыта общения с иностранцами, но стремящихся обучаться по программам обмена, участвовать в стажировках и конференциях по всему миру.

Особенностью указанных выше видов общения является длительность пребывания в чужой культуре. Очевидно, что данную характеристику необходимо учитывать при планировании курса по обучению межкультурной коммуникации для сокращения адаптационного периода к новым условиям. В случае конференций и непродолжительных стажировок, а также летних школ, приезжающему в Россию иностранцу важно начать изучение особенностей общения с русскими вне языковой среды. Помимо академического общения иностранцы вынуждены поддерживать коммуникацию с другими людьми, являющимися, возможно, впервые участниками межкультурного диалога.

Выучив русский язык, или, как говорила Тер-Минасова, преодолев языковой барьер, человек стоит перед следующим – еще более грозным и почти непреодолимым – культурным¹. Опираясь на вышесказанное, можно сформулировать актуальную проблему

приобретения практических навыков межкультурной коммуникации на изучаемом иностранном языке вне языковой среды перед приездом в языковую среду. Предполагается, что курс по межкультурной коммуникации на основе проекта “Global classroom” станет эффективным решением проблемы.

“Global classroom” представляет собой проект обучения иностранных студентов межкультурной коммуникации, разработанный Чарльзом Брайтуэйтом, профессором университета Небраски-Линкольна². В рамках проекта в режиме реального времени проводятся семинары для студентов из двух стран, заранее заключивших договор сотрудничества. На основе проекта создан краткий курс межкультурной коммуникации, реализуемый на русском языке с целью обучения иностранных студентов особенностям коммуникации с представителями русской культуры.

Курс разработан для приезжающих в Россию студентов на стажировку, что обуславливает небольшие сроки нахождения в русской культуре. Поэтому важность курса обусловлена необходимостью сократить адаптационный период в России из-за коротких сроков пребывания в другой стране путем запуска адаптационного процесса в своей стране.

Важно отметить, что занятия в глобальном классе могут стать необходимым условием перед стажировкой в Россию с целью предварительного ознакомления со студентами-представителями участвующей в обмене культуры в рамках адаптации и снятия первичного культурного шока.

На основе работ по межкультурной коммуникации Тер-Минасовой, Гудкова, Брайтуэйт, Хофштеде и других ученых были сформулированы задачи курса межкультурной коммуникации:

1. обучить общим принципам межкультурной коммуникации,
2. описать «зоны» возможных коммуникативных неудач между культурами и определить пути их нейтрализации,
3. обучить учащихся методу анализа собственных коммуникативных неудач,
4. способствовать формированию психологической установки, которая поможет в осуществлении успешной межкультурной коммуникации.

В рамках курса выделяется следующий тип общения: общение между разными лингво-культурными сообществами, одно из сообществ изучает язык другого сообщества, а носители языка – будущие преподаватели своего языка. Так как в культуре нет ничего, что не

содержалось бы в человеческой ментальности, начав изучать русский язык и затронув основные аспекты русской культуры, можно приблизиться к пониманию русского менталитета, что необходимо при проживании с русскими.

В рамках курса перед онлайн семинаром участники получают лекцию (презентацию или главу из книги) для прочтения и дальнейшего совместного обсуждения.

В курсе межкультурной коммуникации поднимается ряд основных вопросов. Количество и объем зависит от конкретной группы. Данный курс может частично меняться в зависимости от потребностей группы. В данной статье затронуты одни из обязательных направлений обсуждения.

В качестве инструмента исследования межкультурной коммуникации, достаточно важным считается обсуждение параметрических моделей Хофстеде, Клукухона и Стробека, К.-Г. Флехсига, Р. Марковски, И.Э. Ключанова³⁴. В ходе семинара длительностью 60 минут обсуждаются существующие модели, затем определяются параметры, по которым в дальнейшем произойдет сравнение русской и другой культуры, представителями которой являются студенты второй стороны курса "Global classroom". После анализа параметров и отнесения каждой страны к определенному типу рассматриваются подготовленные преподавателем примеры, наравне с которыми рассматриваются примеры студентов.

Форма данного курса представляет собой «диалогическую коммуникацию» или «нормальное общение», настоящий диалог (полилог), при котором его участники стараются учитывать индивидуальные особенности друг друга и соответствующим образом «трансформировать» собственное сознание. Это условная классификация Гудкова, в которой акцентируется внимание на взаимодействии «говорящих сознаний» коммуникантов. Чтобы коммуникация была эффективнее, необходимо пересечение индивидуальных когнитивных пространств общающихся. Чем больше зона этого пересечения, тем эффективнее процесс коммуникации⁵.

Так как об индивидуальных конструктах студентов можно узнать только через взаимодействие с ними, в ходе курса планируется выполнение парных домашних заданий, при этом пару составляют представители разных культур. Задания имеют форму диалога и ответов на предложенные вопросы. Перед беседой каждый студент отвечает на вопросы самостоятельно и формулирует возможные ответы партнера. После диалога и получения необходимых ответов

студенты готовят презентации с теми вопросами и ответами, которые отличились и вызвали интерес, и представляют свои ответы в группе на следующем занятии с последующим кратким анализом и обобщением. Завершается данная тема составлением общей презентации кумулятивного видения социальной действительности представителей двух культур⁶.

Создание двойной виртуальной культурной среды студентов мира в курсе «Global classroom» обусловлено необходимостью объяснения очевидных реалий, событий и особенностей поведения для представителей разных культур с целью познания мировосприятия другой культуры того же социального слоя и той же возрастной группы.

Особенно важным предполагается рассмотреть современные тенденции в культурах: определить категории пространства и времени (Laggy, Яковлева, Апресян), восприятие человеком самого себя и иных людей (компарационные цепочки Сорокина)⁷. Эти категории отражают особенности национального характера и оценки явлений внешнего и внутреннего мира человека, во многом определяя особенности социального поведения индивида⁸.

Существует альтернатива «Global classroom», например, изучение литературы о русской культуре в интернете. При этом можно выделить ряд преимуществ «Global classroom», одно из которых заключается в эффективности и незаменимости живого общения. В интернете можно найти информацию об основах русской культуры, постаравшись при этом найти хороший источник. Обучение в рамках предлагаемого курса займёт меньше времени, так как занятия подготовлены преподавателем, подобран необходимый материал и очевидно присутствует высокая мотивация студентов пообщаться с представителями другой культуры, особенно если в дальнейшем будет совместное обучение в России.

Таким образом, знания, полученные в курсе межкультурной коммуникации с использованием образовательной технологии «Global classroom» могут стать эффективным средством предварительной адаптации к общению с представителями русской культуры. Обязательные темы для обсуждения включают определение типов культур по нескольким моделям, определение особенностей отношения ко времени, пространству, к восприятию себя и других. Особенностью курса является индивидуализация и учёт особенностей каждой группы, что является необходимым современным условием эффективного обучения. Проведение анализа, подведение итогов,

выявление полезных знаний, приобретенных в ходе занятий, установление отличий между культурами, определение важности полученных знаний и способов их применения в реальных ситуациях (моделирование ситуаций), – ключевые характеристики курса межкультурной коммуникации с использованием образовательной технологии «Global classroom».

¹ *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики... : учеб.пособие / С.Г.Тер-Минасова. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 286 с.

² *Braithwaite C.* Intercultural Communication and the Global Classroom in L.A. Samovar, E.R. Porter and R.E. McDaniel, Intercultural communication: A reader, 13th ed., Boston, 2010. Pp. 413-421.

³ *Леонтович О.А.* Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.

⁴ *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.

⁵ *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.

⁶ *Леонтович О.А.* Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.

⁷ *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология, Самара. 1994.

⁸ *Вежбицкая А.* Русский язык // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996, *Касевич В.Б.* Буддизм, картина мира. Язык. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 288 с.

Nosova M. B.

The Herzen State Pedagogical University of Russia

A short course of intercultural communication with the use of integrated educational technology «Global classroom»

The article is devoted to the description of the pre-course on intercultural communication based on the Global Classroom project. The course is designed for students who come to Russia for an internship. The importance of the course is due to the need to learn Russian culture, traditions, modern cultural trends as a part of preparation before coming to Russia.

Keywords: innovative pedagogy; educational technology; intercultural communication; lingua-cultural adaptation; RFL; global classroom.

Юй Хунбо,
Богуславская В. В.
*Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина, Россия
ayu5616@yandex.ru,
boguslavskaya@gmail.com*

Китайский и русский рекламный текст (на примере образов материнства и детства)

В данной статье изучается вопрос обращения к теме и образам материнства и детства в китайских и русских рекламных текстах. Рассматриваются особенности построения и лингвокультурологические аспекты создания и функционирования данных текстов.

Ключевые слова: материнство, детство, семья, рекламный текст, культура.

Духовно-нравственные основы жизни человека тесно связаны со сложным неоднородным и многоплановым феноменом материнства и детства. Рекламный дискурс, как любой масс-медийный дискурс, оказывается чувствительным к условиям актуального социального бытия, контексту происходящих событий, остро реагирует на доминирующую идеологическую направленность, и, являясь своеобразным зеркалом реального мира, в то же время сам создает параллельную картину мира, обусловленную запросами современного общества. Межкультурные исследования позволяют увидеть глубинные национально-культурные установки дискурса материнства и детства, которые, вне сопоставительного контекста, не являются очевидными.

По мнению Терских М.В., концепт «семья» в рекламных текстах играет важную роль. Эта роль заключается не только в стимулировании сбыта товаров и услуг, информировании общественности о ключевых социальных проблемах, но и в трансляции и формировании социальных норм, ценностей, стереотипов¹.

Материнство – функция женского организма, направленная на продолжение человеческого рода и включающая биологический (вынашивание, рождение и вскармливание ребёнка) и социальный (воспитание ребёнка – будущего гражданина своей страны) аспекты. Вместе с первыми социальными понятиями ребёнок должен получить первые представления о справедливости и несправедливости, добре

и зле, первые представления о морали и нравственности и т. д. Первой даёт это ребёнку опять-таки мать².

В социальных рекламных текстах материнство представлено как значимый социально-культурный феномен, обусловленный формированием национального сознания, вместе с тем концепты мать и дитя активно используются в коммерческих рекламных текстах. В возникновении и развитии человеческого общества мать и материнство занимают важное место, так, у многих детей первое слово – это слово «мама».

В данной статье была поставлена задача проанализировать в рамках социолингвистической культурной традиции особенности рекламных текстов. Объектом исследования стали рекламные видеоролики, посвященные молоку в России и Китае, в которых активно используются образы матери и ребенка (детей). Предметом исследования являются материнство и детство в китайских и русских рекламных текстах.

По данным на 14 апреля 2018 года (18:52:23), в России численность мужского населения составляла 67 839 708 (46,3% от общей численности российского населения), численность женского населения – 78 627 385 (53,7%)³.

Исследования социологов указывают на то, что почти половина рекламного бюджета в России расходуется на женскую целевую аудиторию. Во-первых, по численности населения женщин в России приблизительно на 10 миллионов больше, чем мужчин. Во-вторых, женщины любят рассказывать о покупках подругам, знакомым, это играет роль пропаганды товаров, как живая двигательная реклама. В-третьих, в социальном обществе женщина – мама, жена, она заботится обо всей семье и особенно о детях. Кроме того, она также распоряжается бюджетом семьи.

В традиционной китайской культуре «мама» – символ любви, «ребенок» – символ будущего. Сочетание «мама + ребенок» – символ мечты о лучшем будущем, стремления к счастью. Китайцы особенно ценят кровное родство, отношения и эмоциональную атмосферу семьи, поэтому во время праздников люди собираются вместе, приезжают из разных мест, особенно в Новый год и праздник весны.

Обратимся к анализу текстов видеорекламы: итак, китайская реклама с участием папы, мамы, ребенка и рассказчика. Рассмотрим текстовое сопровождение рекламы:

Папа: *Молоко богато разнообразными белками, витаминами. Для питания это очень важно.*

Дети: *Важнее пить вкусное.*

Мама: *Самое важное – безопасность.*

Рассказчик: *Питательное, вкусное, безопасное! Wangzai молоко.*

爸爸说：“牛奶富含多种蛋白质，多种维生素。营养很重要！”

孩子：“好喝更重要。”

妈妈说：“安全最重要。”

营养，好喝，安全。旺仔牛奶⁴。

Выразительность текста достигается использованием фигуры повтора, подчеркивается идея важности, что важно для папы, мамы и ребенка. Так создается разносторонняя характеристика молока как товара. Кроме этого, китайский рекламодатель уделяет внимание всестороннему представлению товара под углом безопасности, пользы и вкуса. Рекламодатель внимательно и тщательно обдумывает интересы и переживания мамы, папы и детей, чтобы успешно продвигать продукцию.

Вторая китайская реклама – сюжетная реклама:

Ребенок: *Мама, выпей.*

Мама: *Малыш, это тебе.*

Ребенок дает маме стакан с молоком: *Мама, правда, очень вкусно!*

Мама: *Wangzai молоко делает тебя здоровым и умным.*

Ребенок: *Мама, ты должна быть здоровой.*

Мама: *«Конечно, мой хороший малыш. Здесь целая коробка с молоком!*

Ребенок: *А ты моя здоровая мама.*

Мама: *Ты мой умный малыш.*

Рассказчик: *Wangwang!*

孩子：“妈妈，给你喝。”

妈妈：“诶，宝贝，这是买给你的。”

孩子：“妈妈，真的很好喝！”

妈妈：“旺仔牛奶让你健康聪明。”

孩子：“妈妈你也要健康啊。”

妈妈：“真是我的好宝贝。宝贝，还有整箱的旺仔牛奶哪！”

孩子：“耶！你是我的健康妈妈。”

妈妈：“你是我的聪明宝贝。”

旺旺！⁵

В рекламе часто фигурирует группа «мама + ребенок» для того, чтобы распространять традиционную культуру, вызывать резонанс и найти глубокий отклик у аудитории: 1. уважать старших и любить младших; 2. пять определений добродетельного человека – «гуманность, справедливость, благопристойность, мудрость, доброе намерение»; 3. мировоззрение гармоничного общества и нравственная ценность «быть в гармонии с самим собой».

Русская реклама Дмитровского молочного завода, используется коммуникативная модель – сюжетная реклама.

Ребенок: *Мама, откуда берется молоко?*

Мама: *Давай, узнаем.*

Ребенок: *Спасибо тебе, коровушка, за вкусное молочко.*

Мама: *Дмитровский молочный завод - только самое натуральное⁶.*

Во второй русской рекламе единый текст читает женщина (мама): *Молоко уникально! Правильный белок а2 – вот что общего у молока Слобода и материнского молока, чтобы ребенок рос сильным и здоровым. Слобода! а2 – для мам, которые любят своих детей⁷.*

В русской культуре благополучие семьи, здоровые и счастливые дети всегда были приметой стабильной и сильной страны⁸. Реклама с участием мамы и детей вызывает у аудитории положительные и яркие эмоции, в создании которых помогает интерьер и выразительные действия участников, например:

1. Интерьер: уютный диван, чистый стол с цветами, аккуратная кухня;

2. Природные факторы: животные, солнечный свет, деревья, цветы, голубое небо;

3. Выразительные эмоции: улыбающиеся лица, удивление и т.д., выразительные жесты, движения, указывающие на здоровье, силу детей.

В дополнение к этому русский рекламодатель часто использует вопрос в качестве первой фразы в начале рекламы, чтобы привлечь внимание аудитории к коммерческому видеоролику.

По мнению А.С. Савенко и С.Ш. Махмадovu, рекламный образ мамы связан с образом заботливой хозяйки, которая беспокоится о сытости, здоровье и благополучии всех членов семьи, но в большей степени – детей; она выглядит довольной, улыбающейся и счастливой. Образ папы связан с заботой о детях, нежностью и вниманием к ним, он выглядит в рекламе довольным и улыбающимся. Рекламный образ детей в основном связан с требованиями чего-либо, капризами, нуждой в заботе и внимании⁹.

Общим для России и Китая является то, что для создателей рекламы женщина – главный потребитель предметов повседневного спроса и продуктов питания и т.д. Мама всегда важна, она самоотверженно заботится и с любовью ухаживает за детьми. В рекламе питания активно используются прилагательные с положительной оценкой, посвященные детям. Например, *питательный, вкусный, безопасный, здоровый, умный, натуральный, важный, правильный, сильный*.

Использование семейных образов в коммерческой рекламе продиктовано возможностью повышения ее коммерческой эффективности, так как ценность семьи близка большей части китайской и русской аудиторий. Семья является основным институтом в обществе. Мама + ребенок – эффективный и эмоциональный способ привлечения и удержания внимания не только в России, но и в Китае.

¹ Терских М.В. Специфика концепта семья в дискурсе социальной рекламы // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург: ИП Соколова Марина Владимировна. 2016. № 12-2 (54). С. 88.

² Сексологический словарь. [Электронный ресурс] // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/seksolog/527#sel=6:2,6:4;5:1,5:104>. (дата обращения: 17.04.2018).

³ Счетчик населения России. [Электронный ресурс] // URL: http://countrysometers.info/ru/RUSSIAN_FEDERATION (дата обращения: 14.04.2018)

⁴ URL: http://v.youku.com/v_show/id_XNzUxMjkyNTQw.html

⁵ URL: http://v.youku.com/v_show/id_XMTUwMDc0MjU1Mg==.html

⁶ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1T6DxSxQZg4&list=LLtZ9CRYCVI9aQQPa6UQUHtA&index=6&t=0s>

⁷ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BGsht8nGll0&index=3&list=LLtZ9CRYCVI9aQQPa6UQUHtA>

⁸ Давлятова С.В., Кужелева Е.В. Социальная реклама в интересах информирования общества // О современных социальных проблемах семьи и детства// Научные исследования и разработки молодых ученых. 2015. № 3. С. 85.

⁹ Савенко А.С., Махмадов С.Ш. Образ семьи по данным русской и таджикской рекламы: лингвокультурологический и сопоставительный аспекты// Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (180). С. 108.

¹⁰ Василенко И.А. Использование моделей семьи в коммерческой как способ трансляции ценности фамилизма (опыт социологического исследования) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 2. С. 85.

*Yu Hongbo,
Boguslavskaya V. V.
Pushkin State Russian Language Institute*

**Chinese and Russian advertising text
(case study motherhood and childhood images)**

This article examines the issue of motherhood and childhood in Chinese and Russian advertising texts. The article analyzes the main feature of advertising texts and socio-linguistic culture for rendering assistance to journalists and scientists of the two countries.

Keywords: motherhood, childhood, family, advertising, culture.

Кувычко А. А.

Государственный институт русского языка

им. А. С. Пушкина, Россия,

anna_kuvychko@bk.ru

Проблематика материнства в российском медийном дискурсе

В статье обозначена проблема изучения российского медиа-дискурса материнства, рассматривается тематическое наполнение, содержательная структура. Значимость данного объекта лингвистического исследования обосновывается тем, СМИ участвуют в формировании и трансформации ценностных ориентиров общества.

Ключевые слова: дискурс материнства, масс-медиа, ценностные ориентиры.

Сегодняшний человек не просто представитель новой, информационной, цивилизации, он – информационно-зависимое и управляемое существо, непрерывно подвергаемое идеологической манипуляции со стороны масс-медиа¹.

Влияние СМИ на общество: его нравственное здоровье, на формирование общественного мнения, культурные стереотипы, на важнейшие социальные институты, к которым относится семья (семейные ценности) – очевидно и не подвергается сомнению сегодня². Исследователи медиаконтента – публикаций журналистов в аккаунтах социальных сетей, в индивидуализированных медиа, таких как блоги, фиксируют качественные трансформации не только в языке СМИ³, но и в ценностных ориентирах общества. В этой связи актуальным является обращение к дискурсу материнства в российском медиапространстве. Отметим, что в зарубежной практике научных исследований семья и материнство изучаются в основном в аспекте социальной психологии, педагогики⁴.

Материнство изучается в русле различных наук: истории, культурологи, медицины, физиологии, биологии поведения, социологии, психологии. Каждая наука изучает и определяет материнство, исходя из своих целей и задач. Контекст материнства сегодня – положительный контекст обсуждения роли женщины в обществе, признаваемый всеми. Однако единого определения понятия «материнство» нет. В российском законодательстве понятие «материнство» используется различными отраслями права, упоминается в 223-х нормативных

актах в различной трактовке: от свободы совершить искусственное прерывание беременности до определения одним из видов социальных страховых рисков.

Исследователи подчеркивают, что сущность изменений, затронувших женщину, связана более всего с утратой признаков материнства в том виде, котором они должны быть присущи женщине. Материнство не занимает центрального места в самосознании современной женщины⁵, более того, довольно часто имплицитно транслируется «с детьми хорошо, а без них – еще лучше».

Предметом нашего изучения стало отражение проблематики материнства в российских масс-медиа (во всей широте данной тематики, в жанровых, лингвокультурных, социолингвистических, стилевых особенностях контента, на разных информационных платформах и в изданиях разных типов). В данной статье мы поставили задачу обосновать выбор объекта исследования и представить проблемно-тематическую структуру дискурса материнства.

Дискурсивный подход к исследованию медиаконтента начал развиваться в конце XX века, когда наметилась тенденция к различению текста и дискурса. Т. ван Дейк отметил в книге «Язык, познание, коммуникация» (1989 г.), что «текст – преимущественно абстрактная, формальная конструкция; дискурс – различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами»⁶. Дискурс, по А.Б. Михалеву, изучается совместно с «формами жизни» – рассматривается как «целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей...»⁷. По мнению В.И. Карасика, медийный дискурс один из видов институционального типа дискурса⁸. Его вербальной составляющей является текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами дает возможность выявить жанрово-стилистические (в плане соответствия текстов функциональным разновидностям речи), содержательные (или семантико-прагматические - смысл текста), формально-структурные особенности.

Говоря о медиадискурсе в широком смысле, отметим, что главной и неотъемлемой его чертой является формирование и трансформация мнений и взглядов адресатов, согласно существующей реальности. Интересным в данном ключе, представляется подход, выделяющий два главных способа воздействия на аудиторию посредством СМИ – это т.н. называемые «гламур» и «дискурс»: «...все фотографии и картинки, которые мы видим в модных глянцевах журналах – это

гламур, а столбики из букв, расположенные между фотографиями – это дискурс. Сегодня – это главное орудие масс-медиа для формирования и навязывание именно той точки зрения, которая должна быть навязана. Посредством гламура и дискурса масс-медиа создают т.н. симулякры - образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие, лишённое подлинника, поверхностный, гиперреалистический объект, за которым не стоит какая-либо реальность»⁹.

Первичный анализ контента российских медиа по запросу «материнство» (2246 ссылок) выявил проблемно-тематическую структуру публикаций на общую тему материнства. Были взяты качественные издания: журнал «Эксперт» (за 2012–2018 гг. – 100), газета «Культура» (123), новостные ленты – Лента.ру (за 1999–2018 гг. – 287), ВЕСТИ.ру (за 2002–2018 гг. – 736) и Коммерсант.ру (за 2000–2018 гг. – 1000 текстов, включено в анализируемую выборку 40), кроме того, была сделана выборка с сайта ЗАГОЛОВКИ.ру.

Проанализировав материалы, мы выделили несколько укрупнённых тематических блоков по типам изданий и потом детализировали анализ тематических подгрупп (была использована методика Луизы Григорьевны Свитич)¹⁰. Укрупненные тематические группы условно приведены к следующим:

- государственная политика материнства и детства;
- здоровье и возраст матери; медцентры, медицинские технологии для здоровья матери и ребенка, перинатальные центры; суррогатное материнство;
- карьера или/и материнство;
- демография и материнство;
- отношение к материнству Восток-Запад (в разных странах); рейтинг лучших мест/ стран для материнства (рождения детей);
- взгляд РПЦ на материнство;
- отцовство/материнство – права на ребенка и другие.

Если представить, например, первую укрупненную тему более развернуто, можно выделить условные подтемы материнский капитал, законодательная база поддержки материнства, программы усыновления, материальная поддержка здоровья и реабилитации матери и ребенка, социальная защита, обеспеченность семьи жильем, демографические проблемы и защита материнства и детства, помощь молодым матерям, социальные проекты по поддержке материнства и другие.

Дальнейшее исследование направлено на выявление концептов, реализуемые в данном тематическом медиадискурсе, мы намерены

определить и систематизировать особенности лингвистической репрезентации материнства в аспекте жанровой характеристики публикаций, семантико-синтаксических и стилиевых признаков контента в изданиях разных типов; с учетом социально-культурных особенностей выявить лексическое наполнение и экспрессивно-стилистические языковые средства, реализуемые в дискурсе материнства.

¹ *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. 2000. 96 с. (Baudrillard J. A l'ombre des majorites silencieuses, ou La fin du social)

² Семейные ценности в современных СМИ: резюме по результатам социологического исследования. М.: Циркон. 2013. Третий форум Всероссийской программы «Святость материнства». М., 2013.

³ Богуславская В.В., Богуславский И.В. Медиатекст и хэштеги: цифровая трансформация СМИ // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 5. С. 51–58; Лингвокультурологическое моделирование медиатекста: монография/ И.В. Ерофеева, В.В. Богуславская, А.Н. Тепляшина, Ю.В. Толстокулакова. [отв. ред. И.В. Ерофеева]. Забайкал.гос.ун-т. Чита: ЗабГУ. 2017. 202 с.

⁴ Vaillancourt Melissa A. Mediated Motherhood: Discourse and Maternal Identity in the Digital Age. (2015). Dissertations. ALL. Paper 357. [Электронный ресурс] URL:<https://surface.syr.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.ru/&httpsredir=1&article=1357&context=etd> (дата обращения 25.03.2018 г.)

⁵ *Матвеева Е.В.* Анализ материнства с позиции теории деятельности [Текст] / Е.В. Матвеева. Киев: ВГУ. 2004. 326 с.; Бежан-Волк Ю. Особенности сельских гендерных моделей. // Социс. 2003. ?8. С.126-129.

⁶ *Богуславская В.В.* Журналистский текст: лингвосоциокультурное моделирование: диссертация... доктора филологических наук/ Воронежский гос.ун-т. Ростов-на-Дону, 2004. С. 27.

⁷ *Богуславская В.В.* Там же. С. 28.

⁸ *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г.Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-6. [Электронный ресурс] / URL: <http://studydoc.ru/doc/2243505/v-formate-pdf-566-1-kb> (дата обращения: 25.02.2018).

⁹ Гламур и дискурс как основные концепты современных масс-медиа. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.liveinternet.ru/users/54317/post25120250> (дата обращения: 24.02.2018).

¹⁰ *Свитич Л.Г.* Семья и будущее России. Социологическое исследование: контент-анализ конкурсных публикаций. М.: Ф-т журн. МГУ. 2015. С. 27-28.

Kuvychno A. A.
Pushkin State Russian Language Institute, Russia

Range of motherhood problems in Russian media discourse

The Russian media discourse of maternity, the thematic content, and the content structure are considered in the paper. The significance of this linguistic research object is justified by the fact that mass media participate in the formation and transformation of values of the society.

Keywords: discourse of maternity, mass media, values.

Матвеева Т. Н.

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, Россия*

Лингвистические и культурологические барьеры в практике преподавания русского языка как иностранного

Статья посвящена некоторым проблемам, связанным с межкультурной коммуникацией в современном образовательном полиэтническом пространстве. Рассматриваются особенности межнационального общения, причины коммуникативных неудач, связанных с лингвистическими и коммуникативными барьерами.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурная компетенция, коммуникативная неудача, безэквивалентная лексика, языковые/коммуникативные барьеры, оппозиция культур, этнометафора, коннотации (коннотативное значение).

Наше время характеризуется глобальными коммуникационными процессами, когда в контакты вступают представители различных культур в самых разных сферах. Динамичность современной жизни не может не вызывать сложности в коммуникативном процессе и не только у иностранцев, но даже и у представителей родной культуры в силу возрастных, интеллектуальных, психологических и иных особенностей. Наш город, практически с самого своего основания, является интернациональным и поликонфессиональным, поэтому пребывание в нашем городе предоставляет уникальную возможность общения с представителями разных стран, языков и культур. Это создает благоприятные условия, при которых вырабатываются адаптивные модели поведения, свидетельствующие о степени социальной и межкультурной компетенции личности.

Безусловно, в этом процессе немаловажную или даже определяющую роль играет преподаватель русского языка как иностранного, который поможет учащимся не только освоить изучаемый язык, но и познакомит с его культурологической составляющей. Это поможет иностранным учащимся освободиться от языковых барьеров и избежать коммуникативных неудач.

Культурологическая составляющая (или экстралингвистические знания) является не менее важной, чем знание самого языка, поскольку может не только создать помеху в ситуации межкультурной

коммуникации, но и сделать ее невозможной: знание только другого языкового кода и правил его использования является недостаточным для успешного общения с носителями других языков, потому что в межкультурной коммуникации необходимо владеть экстралингвистическими знаниями как вербального, так и невербального характера. Именно такие знания помогут избежать коммуникативных неудач при общении. Так, например, коммуникативной неудачей, связанной с незнанием особенностей русского языка, а именно – грамматической категории единственного и множественного числа – является следующий пример: *В наше время многие молодежи увлекаются классической музыкой.* В то же время к ошибке, связанной с незнанием бытовой культуры России (культурологической составляющей) можно отнести другой пример (домашнее сочинение «Мой выходной день» американской студентки): *Все выходные я провела в подвале, печатала на компьютере и теперь у меня болят кисти.* Здесь мы наблюдаем сразу две ошибки: 1) в Америке подвальная часть дома называется “basement”, очевидно, это слово студентка перевела с помощью словаря как эквивалентное русскому “подвал”; 2) болят кисти – так по-русски не говорят, обычно мы говорим “кисти рук”.

Представляется, что помимо знания языковых особенностей, следует уделять внимание и другим составляющим коммуникативного процесса, в данном случае культурологическому компоненту, а также, в определенной мере и таким, как особенности официального и неофициального общения, личностного пространства в процессе коммуникации, возможные позы, жестикация (невербальные средства коммуникации), тональность общения, манера поведения и даже предпочтения в одежде и внешнем виде. Знания в этой сфере помогут выработке и успешному применению соответствующей моменту речеповеденческой тактики и, тем самым, исключат возможность коммуникативной неудачи и ощущения неловкости, возникновения у общающихся неуверенности в результатах такой коммуникации. Как известно, особенности коммуникативного поведения вытекают из различия в сложившейся языковой картине мира представителей различных культур и связаны со многими факторами: историческим развитием народа, экономическим и бытовым укладом, климатическими условиями, географическим положением, влиянием соседей и т.д. В связи с этим хочется привести один из многочисленных примеров из широко известной книги С.Г. Тер-Минасовой «Война и мир языков и культур». Автор отмечает, что японцы при расставании говорят фразу, которая в переводе

означает «если так должно быть», в то время как русские желают «счастливого пути».

В результате накопленного и описанного опыта в процессе преподавания русского языка как иностранного сложились различные направления исследования, наработки которых учитываются в практике преподавания: лингвокультурология, этнолингвистика, социолингвистика, теория и практика межкультурной коммуникации, этнопсихология и другие. Это является вполне продуктивным и оправданным, поскольку проблемы выходят далеко за пределы собственно языковых. Так с точки зрения этнопсихологии, национально детерминированные языковые категории могут оказывать влияние на восприятие окружающей среды с точки зрения временных, пространственных, количественных, качественных и иных параметров. Сравним, например, англ. *the old House* (известная фирма с давними традициями и репутацией) – русск. *старый дом* (давно построенный, ветхий).

Немаловажную, как положительную, так и, в большей степени, отрицательную роль в межкультурной коммуникации играет безэквивалентная (т.н. лакунарная) лексика, семантизация которой требует особых усилий и методических подходов. В то время как слова, лексические понятия которых являются межъязыковыми и поэтому без труда переводятся, определяются как эквивалентные, к безэквивалентным относят такие, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями, поскольку они в строгом смысле непереводимы. К таким непереводимым словам можно отнести, помимо обозначающих конкретные предметы и реалии, большое количество слов, обозначающих абстрактные понятия: воля (ср. свобода), авось, удадь, судьба, тоска (ср. грусть), сутки, пошлость, хамство, подвиг, юродивый, блаженство, разговор по душам и другие подобные. Такие слова невозможно адекватно перевести, например, на английский, поскольку известно, что русский – язык эмоций, а английский – язык информации.

Следует также отметить, что, если безэквивалентную лексику, обозначающую конкретные предметы и реалии (валенки, шуба, пельмени, рукавицы, табурет, форточка и под.), можно семантизировать с помощью наглядности, то семантизация лексики, обозначающей абстрактные понятия, требует особого подхода и особых усилий.

Языковой (и психологический) барьер в процессе межкультурной коммуникации могут вызывать самые различные языковые

и культурологические явления. Например, такое явление как этнометафора. В случае общения представителей различных культур (и языков) значительную роль играет фактор, который принято называть «опозицией культур», заключающейся в различиях языковой картины мира, в национально специфическом видении мира. Этот немаловажный (если не решающий) фактор следует учитывать не только в процессе учебной коммуникации, но и в обычном бытовом общении с представителями другой культуры. Так несколько странным будет для русских английское *long grass* (букв. длинная трава), в то время как русские в этом случае предпочитают говорить «высокая трава». Сравним также англ. *strong coffee* (букв. сильный), польск. *mocna kawa* (букв. мощный) и русск. крепкий кофе. В финском языке мы также находим достаточное количество примеров, свидетельствующих об особенностях языковой картины мира финнов: сладкая вода (русс. пресная вода), тощий чай (русс. слабозаваренный), высокий возраст (русс. преклонный), толстая ложь (русс. грубая), толстое место (русс. доходное, высокооплачиваемое), толстый снег (русс. глубокий), длинный шаг (русс. широкий) и т.д.

Говоря о языковых барьерах в межкультурной коммуникации, не следует забывать и о таком явлении как межъязыковая омонимия. В сфере бытовой коммуникации мы сталкиваемся с достаточно большим количеством наименований, которые в разных языках являются одинаковыми или сходными по форме или звучанию, но являются различными по значению. Особенно это явление свойственно для близкородственных языков – русского, болгарского, польского, украинского, чешского, сербского и др.

В процессе межъязыковой коммуникации такая совпадающая в плане выражения, но семантически различающаяся лексика вызывает определенные затруднения и мешает адекватному восприятию сообщаемой информации, а в некоторых случаях вызывает так называемые коммуникативные сбои. Так русское слово **глаз** в польском языке (**glaz**) обозначает «скала; валун; русское **диван** в польском (**dywan**) обозначает «ковер»; русское **качка** в польском (**kaczka**) – «утка», польское «uroda» (красота) и русское «урод» (некрасивый человек), польское «wop» (запах) и русское «вонь» (смрад), болгарское «бутон» (кнопка звонка) и русское «бутон» (нераспустившийся цветок), чешское «rozog» не соотносится со значением в русском (постыдное, унижительное положение; бесчестье), а обозначает «смирно, осторожно».

Как видим, в некоторых случаях слова характеризуются антонимическими различиями, что является свидетельством разного рода исторически сложных процессов в развития лексических систем генетически близких языков.

Проблемам межкультурной коммуникации в последнее десятилетие уделяется особенно пристальное внимание в силу большей открытости мира, усиления миграционных процессов, развития различных средств коммуникации. Вопросами межкультурного общения занимаются специалисты различных областей знаний: психологи (в том числе этнопсихологи), историки, философы, преподаватели, работающие с иностранными учащимися, а также преподаватели, ведущие подготовку будущих специалистов в этой области и читающие такие курсы, как этнолингвистика, лингвокультурология, лингвострановедение и др.

Что касается лингводидактики, то в числе других важных задач осуществляется выявление и сопоставительное описание культурно-специфических особенностей, проявляющихся в общении людей различных национальностей. Это и описание различных языковых явлений, в которых получили отражение культурно-специфические реалии, и особенности выражения различных речевых интенций (например, согласие-несогласие, просьба-отказ, комплимент, приветствие, представление, поздравление и многое другое), и дистанция при общении, а также различные особенности невербального общения. Таким образом, пристальному вниманию исследователей в этой области подвергаются различные составляющие, задействованные в процессе общения представителей разных культур с тем, чтобы общение это состоялось и было успешным. В процессе обучения неродному языку как средству коммуникации языковой барьер является не единственным препятствием к взаимопониманию, следует помнить о неразрывном единстве языка и культуры. Таким образом, мир изучаемого языка – это еще и совокупность различного рода внеязыковых фактов: дополнительные смысловые нагрузки, стилистические, исторические и другие подобные коннотации, которые могут составлять дополнительный фон, известный носителям языка и закрытый для иностранцев.

Matveeva T. N.

Herzen State Pedagogical University of Russia

**Linguistic and culturological barriers in the practice
of teaching Russian as foreign language**

The article deals with the problems connected with intercultural communication in contemporary educational multi-ethnic society. The article examines particulars of intercultural communication communicative failures and also recommendations which will promote to avoid them. The article also connected with the specific of work with unequivalent vocabulary of Russian language and linguistic gaps.

Keywords: intercultural communication; unequivalent vocabulary; linguistic gaps, internal/external interference, opposition of cultures, ethnic metaphor, connotations (connotation meaning).

Васильева Г. М.

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, Россия
galinav44@mail.ru*

Динамика этнических стереотипов в языковом сознании российских студентов

С целью выявления динамики этнических стереотипов в языковом сознании российских студентов были проанализированы материалы «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю.Н. Караулова и данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2017–2018 гг. среди студентов филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена. В результате сопоставления полученных данных были выявлены как устойчивые представления о представителях ряда этносов, так и те изменения, которые произошли в сознании носителей русского языка.

Ключевые слова: ассоциативно-вербальное поле, ассоциативный вектор, направление ассоциации, динамика ассоциативно-вербального поля.

Как известно, проблемы концептуализации и репрезентации действительности уже в течение многих лет являются предметом антропоцентрического направления лингвистических исследований в том числе этнопсихолингвистического подхода к описанию языка. Феномен этнического стереотипа, понимаемый как устойчивый, обобщенный, упрощенный, эмоционально-оценочный образ представителя того или иного этноса, распространяемый на всех его представителей¹, традиционно является предметом изучения различных гуманитарных дисциплин (этнопсихологии, этнолингвистики, лингвистики, межкультурной коммуникации и др.). Данная проблематика в последние годы исследуется и в рамках задач лингвокультурологии и гуманитарной географии². Одну из возможностей реконструкции этнического стереотипа предоставляет ассоциативно-вербальная сеть, поскольку она рассматривается «не только фрагмент вербальной памяти человека, фрагмент семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок русских»³.

С целью реконструкции и выявления динамики представлений о том или ином этносе в сознании носителей русского языка были проанализированы материалы «Русского ассоциативного словаря»

под ред. Ю.Н. Караулова (далее РАС), который построен на материалах свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов московских университетов в 70–80-е годы XX века, и данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного нами в 2017–2018 гг. среди студентов филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена в Санкт-Петербурге (100 человек). В РАС в качестве стимулов включен следующий ряд единиц, в ассоциативном поле которых содержатся стереотипные представления о том или ином этносе (всего 32 единицы): Америка, американский, английский, Беларусь, болгарский, бразильский, голландский, грузин, грузинский, датский, еврей, жид, Италия, казак, китайский, немец, немецкий, украинский, хохол, российский, Россия, русский, Русь, по-русски, США, татарин, финский, Франция, французский, цыганка, Япония, японский. Ввиду того, что в этом ряду зафиксировано только 10 собственно этнонимов, нами привлекались к анализу также имена прилагательные (например, финский, французский), а также наименования стран (например, Франция, Англия и др.), в ассоциативных полях которых содержатся реакции, передающие отношение респондентов к тем или иным этносам и их представителям.

В свободный ассоциативный эксперимент, проведенный среди российских студентов в 2017–2018 гг. были включены те же стимулы, которые зафиксированы в РАС.

Приведем некоторые примеры полученных результатов. Так, представления о немцах можно реконструировать на основании стимулов «немец» и «немецкий», включенных в РАС. Наиболее частотной на стимул «немец» является реакция «фашист», с которой согласуется следующий ряд (фриц, война, ариец, враг, гад, в каске, с автоматом, ненависть, Гитлер, националист), связанный с Великой отечественной войной, что составляет ядро ассоциативного поля «немец» в РАС. Представления о немецком характере отражены в реакциях (аккуратный, интеллигентный, педант, пунктуальный, жестокий, скупой, строгий, чистоплотный). В качестве прецедентных имен в ассоциативное поле студентов попали только две реакции (Гитлер и Шумахер).

В ассоциативном поле современных студентов значительно редуцировался вектор, связанный с войной (остались только ассоциации «Гитлер» и «фашист») и расширилось направление ассоциаций, отражающих стереотипные представления о менталитете и характере немцев (точность, сдержанность, дисциплинированность, рассудительность, бережливость, образованность, толерантность). Появился новые

векторы, связанные с культурой и искусством (философия, Кант, классическая музыка, кино) и немецкой кухней (пиво, мюнхенские колбаски, колбаса). Показательно, что негативно-оценочные реакции, преобладающие в РАС, практически отсутствуют в ассоциативном поле современных студентов.

Отношение к французам можно реконструировать по двум стимулам, включенным в РАС (Франция и французский), ассоциативные поля которых содержат этностереотипные представления носителей русского языка о французах.

Объединив данные обоих полей, можно обозначить основные векторы ассоциирования, связанные с представителями Франции:

Прецедентные имена и персоналии – Дюма, Гюго, Патрисия Каас, Наполеон; король, королева, император.

Кухня – кухня, лягушка, соус, коньяк, шампанское, повар.

Мода – мода, модельер, костюм.

Парфюмерия – парфюмерия, духи, одеколон, запах, аромат.

Культура – культура, живопись, кино, неделя (фильмов), комик, классика.

Бытовые реалии – зонтик, унитаз, штора.

Характер – трусливый.

Результаты эксперимента, проведенного среди студентов РГПУ им. А.И. Герцена:

Прецедентные имена – Жерар Депардье, Луи де Фюнес, Коко Шанель, Виктор Гюго, Жан-Поль Сартр, Патрисия Каас, Эдит Пиаф.

Литературные аллюзии – Три мушкетера, кардинал Ришелье, алмазные подвески, Гаврош, Отверженные, «Война и мир».

Кухня – круассан, круассаны, батон, багет, лягушиные лапки, жульен, Дор Блю, вино, французское вино, прованские травы, хлеб, хрустящая булочка.

Реальный образ Франции – узкие улочки, булочная, кафе, ночь, маленькие круглые столики и стулья, туман, художники на бульваре, жандарм, арабы, негры, студент в пальто в кабаке.

Образы француза и француженки – берет, пастельные тона одежды, вязаный пуловер, стильный, элегантный, шарфик, маленькие девочки в беретах; высокий, худой, кудрявый, картавый, очень худенькая девушка с тонкой талией и шарфиком на шее; романтический, свободный, страстный, любовник.

Как видно из этих материалов, ассоциативные представления о французах, сохранив некоторые постоянные характеристики, претерпели значительные изменения. К устойчивым характеристикам

можно отнести сохранение таких общих направлений ассоциирования как французская кухня, французская парфюмерия, французская культура, французская мода, французская любовь. Однако существенно, что сами ассоциации в составе этих блоков принципиально изменились.

Так, представления о французской кухне значительно расширились; в этом ассоциативном векторе появились наименования конкретных блюд и продуктов (круассан, батон, багет, лягушьи лапки, жульен, Дор Блю, устрицы, прованские травы, рататуй). Более конкретными стали и представления о французской моде (в реакциях появились конкретные имена и наименования одежды (Коко Шанель, берет, шарфик, пастельные тона одежды, маленькое платье).

Однако некоторые направления ассоциирования значительно редуцировались или оказались утраченными.

Совсем исчез из сознания современных студентов вектор ассоциирования, отражающий самые общие, неконкретизированные, восторженные представления о Франции, которые занимают значительное место в РАС (великая, великая страна, мечта, в сердце, красивая, красивая страна, красота).

Очень важно, что на смену этим обобщенным, неконкретизированным восторженным оценкам пришли конкретные личные, живые наблюдения студентов, которые наконец-то увидели реальную Францию. В их представлениях возник реальный, каждодневный образ Франции (реакции: узкие улочки, булочная, кафе, арабы, ночь, маленькие круглые столики и стулья, туман, художники на бульваре, жандарм, негры, студент в пальто сидит кабаке).

Появились и живые образы французов и француженок: высокий, худой, берет, кудрявый, картавый, вязаный пуловер, маленькие девочки в беретах, очень худенькая девушка с тонкой талией и шарфиком на шее; романтичный, свободный, страстный; картавый, не любят американцев.

Отношение к финнам можно реконструировать на основании стимула «финский», включенного в РАС. В ассоциативном поле к данному стимулу содержится только одна реакция, связанная с внешностью представителей финского этноса (блондин). Зафиксированы реакции, связанные с бытом, образом жизни финнов (сауна, баня, веник, плащ), занятиями (летчик, писатель, стрелок, хоккей, разведчик, рыбалка).

В языковом сознании современных студентов чрезвычайно актуальными оказались направления, связанные с характером и

менталитетом финнов («горячий парень», скучный, медленный, водка); с типичной внешностью (блондин, голубоглазый, рыжий, борода, круглолицый, высокий), национальной кухней (лосось, уха, пирожки с картошкой).

Изменение мира, открытие границ изменили для российских студентов образы представителей многих этносов. Другие страны и их представители стали интересными для студентов не благодаря величию их культуры и истории, о котором они узнавали из учебников и других книг, а благодаря неповторимой атмосфере каждой из стран, в которую они окунулись. Студенты познакомились и подружились с реальными немцами, французами, финнами, увидели их каждодневную жизнь. Ввиду этого расширились представления о национальной кухне, быте, внешнем виде и характере жителей зарубежных стран. Примечателен уход из сознания современных студентов идеологических оценок и возникновение человеческих, личных связей, уточняющих, расширяющих, обогащающих существующие этнические стереотипы.

¹ *Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г.* Этнические стереотипы и процесс стереотипизации// Этническая психология под ред. Е.И. Егоровой. СПб.: Речь, 2003. С.199-200.

² *Васильева Г.М., Ротмистрова О.В.* Культурно-географический образ России в лингвокультурологическом аспекте. Монография. СПб.: СПбГУВК, 2011. 198 с.

³ «Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю.Н. Караулова Т.1. М.: АСТ- Астрель, 2002. 784 с.

Vasilyeva G. M.

Herzen State Pedagogical University of Russia

**On the ethnical stereotype dynamics
of Russian students“ linguistic consciousness**

In order to identify the ethnical stereotype dynamics of Russian students' linguistic the following sources have been analyzed: “Russian Associative Dictionary’ under the editorship of Karaulov J.N. and the results of a free associative experiment which was held by us in 2017-2018 among the student of the philological faculty of the Herzen State University. As a result of this experiment both the strongly held views regarding the representatives of various ethnic groups and the changes that have occurred in the perception of native speakers of Russian language have been identified.

Keywords: associative-verbal field, vector of associating, association direction, dynamics of an associative-verbal field.

Баско Н. В.

МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия

ninabasko@mail.ru

Топонимы русского языка в лингвокультурологическом аспекте

Статья посвящена анализу описательных наименований географических объектов, которые являются фрагментами национальной языковой картины мира. Описательные наименования топонимов рассматриваются с точки зрения семантики, грамматической структуры и стилистических свойств. Автор делает вывод о важной роли описательных наименований топонимов в современном медийном тексте, благодаря им текст приобретает экспрессию и оценочность.

Ключевые слова: географический объект, топоним, метафора, стилистические функции.

В настоящее время возрос интерес к изучению национально-культурной специфики языков, в частности, к образной номинации объектов окружающего мира. В данной статье рассматриваются образные наименования географических объектов с точки зрения их семантики, структуры и функционирования в современной русской речи. Это позволяет выявить специфику образных наименований географических объектов, представляющих собой фрагменты национально-языковой картины мира.

Языковым средством, традиционно используемым для обозначения географических объектов, являются топонимы – собственные названия географического места (региона, населенного пункта, реки и т.п.). Однако параллельно с официально зарегистрированными географическими названиями, представленными в энциклопедиях и справочниках, на географических картах и в атласах, в современных СМИ широко используются описательные названия географических объектов, представляющие собой устойчиво воспроизводимые в речи словосочетания образного характера, вторично называющие географический объект, – перифрастические обороты, или перифразы. Например: *Страна восходящего солнца* (Япония), *Туманный Альбион* (Англия), *Страна кленового листа* (Канада), *Третий Рим* (Москва), *Большое яблоко* (Нью-Йорк), *столица Приморья* (Владивосток), *Вечный город* (Рим), *город королей* (Краков) и др. Описательные обороты не представлены в энциклопедиях, справочниках и на

географических картах, но широко употребляются в медийных текстах, где они выполняют функцию замещения топонима, являясь его синонимом. Приведем примеры: *Все жители преисполнены любовью к родному Петербургу: «В этом городе все соотносено с чем-либо до него бывшим: Северная Венеция, Северная Пальмира, второй Париж...»* О. Рычкова. Классики и «порнографы» // Труд-7, 23.05.2007; *По данным Национального итальянского туристического ведомства, в 2007 году Вечный город посетили 9 млн туристов, а в 2012-м – только 8,4 млн.* – Т. Глазкова. Риму грозит банкротство // РБК Дейли, 28.02.2014;

В условиях современной глобализации, когда мир благодаря Интернету предстает как единое медийное пространство, интерес к функционированию образных наименований топонимов, вполне закономерен и объясним. «Нынешнему обществу интереснее процесс познания как таковой, его сходство и различие у разных народов, нежели родные традиции общения. Лингвокогнитивизм, – культурология, – страноведение подавляют старое доброе языкознание с его вниманием к собственному языку, его звукам, грамматическим формам, происхождению и развитию значений слов. В нынешней социальной сосредоточенности людей на познавательной стороне общения любознательность переносится с содержания текстов на их этнические, культурные, поведенческие различия»¹

Основное назначение перифраз – усилить выразительность медийного текста, действенность высказывания или основной идеи публицистического текста. На протяжении истории менялись идеологическая направленность и языковые особенности публицистических материалов российских СМИ. Ранее известные перифразы топонимов в восприятии современных носителей русского языка приобретают новую коннотацию. В качестве примера можно привести изменение коннотации описательного названия Кубы. Во времена Советского Союза перифраза *Остров свободы*, образно называющая Кубу, относилась к книжной речи, что подчеркивало восхищение граждан Советского Союза героической борьбой кубинского народа за свободу и независимость от американского империализма. В наше время у перифразы появилась новая коннотация – слегка ироническая, особенно в восприятии представителей молодого поколения россиян, что получило отражение в современных медийных текстах. Ср.: *Итак, зарубежные гости дорогие, ваш самолет прибывает в социализм, на Остров Свободы в океане чистогана.* – И. Караулов. Социализм в одном отдельно взятом городе // Известия,

28.03.2013; *Только с помощью решительных экономических мер **Остров свободы** может превратиться из заповедника социализма в обычную развивающуюся страну.* – Н. Киеня. Фидель и партия больше не едины // Известия, 02.03.2011. Большинство ученых-лингвистов, рассматривая перифразы как особый тип фразеологического оборота, в семантике которого отражается определенный метафорический образ, включают перифразы в качестве полноправных единиц в состав фразеологических словарей.² Это представляется вполне логичным: как и фразеологический оборот, перифразы топонимов являются номинативными единицами языка, отличаются целостностью значения, раздельнооформленностью и относятся к устойчиво воспроизводимым речевым образованиям, первоначально имеющим индивидуально-авторский характер.

Семантические приемы вторичной номинации топонимов, не отличаются большим разнообразием. В большинстве перифраз отражен метафорический образ: при их построении используется метафора – перенос названия с одного предмета на другой на основе их сходства. При этом опорный компонент перифразы употреблен в переносном значении: *Туманный Альбион* – Великобритания, *Северный сосед* – Финляндия, *Северная Пальмира* – Санкт-Петербург, *Третий Рим* – Москва, *Ворота в Москву* – Смоленск и др. Чтобы понять, какой метафорический образ лег в основу образного наименования Санкт-Петербурга, обратимся к историко-этимологическому словарю «Русская фразеология», где предлагается следующее объяснение.

«СЕВЕРНАЯ ПАЛЬМИРА. *Образное название Санкт-Петербурга.*

Пальмира – город в Сирии, возникший в I тысячелетии до н.э. По преданию, Пальмира («город пальм») была основана царем Соломоном в оазисе бесплодной пустыни. Город стоял на торговых путях между Востоком и Западом и славился великолепием своих архитектурных памятников. Русские поэты начали сравнивать Петербург, построенный на пустынных невских берегах, с великолепной Пальмирой в середине XVIII века. Название *Северная Пальмира*, по свидетельству Д.В. Григоровича, первым употребил Ф.В. Булгарин, издававший газету «Северная пчела». По другой версии автором выражения *Северная Пальмира* является поэт Г.Р. Державин. Образное название закрепилось в русской литературе в эпоху классицизма, начиная с 1810-х годов».³ Значит, метафорическое сравнение Санкт-Петербурга с древним городом Пальмирой в Сирии основано на сходстве великолепных архитектурных памятников городов, построенных в пустынном, неосвоенном месте.

Другим семантическим приемом, используемым при образовании перифразы топонима, является расширение объема понятия денотата – обозначаемого географического объекта. При этом опорный компонент перифразы употребляется в прямом значении – это родовое слово по отношению к денотату (обычно это слова «страна», «город» или «столица»): *страна восходящего солнца* – Япония, *страна пирамид* – Египет, *страна тюльпанов* – Голландия, *город на Дунае* – Будапешт, *город каналов*, *город на воде* – Венеция, *город на Темзе* – Лондон, *город королей* – Краков, *город оружейников* – Тула, *город белых ночей*, *город на Неве* – Санкт-Петербург; *столица мировой моды* – Париж, *игорная столица Европы* – Монте-Карло, *столица Сибири* – Новосибирск, *столица Урала* – Екатеринбург и др.

Перифразы топонимов призваны подчеркнуть особенности географического объекта, его расположения, его истории, свойства климата региона, специфику занятия городского населения. То есть в перифрастической номинации топонима на первый план выдвигается какое-либо характерное свойство, сторона описываемого географического объекта, что помогает дополнительно охарактеризовать его, выделив какую-то существенную, примечательную его черту.

Например, появление образных названий города Иванова – «текстильная столица» и «город невест» – связано с тем, что в этом городе еще с 1853 г. существовало развитое текстильное производство. В Советском Союзе город был центром легкой промышленности страны с большим количеством текстильных фабрик, где работали преимущественно молодые, незамужние женщины, потенциальные невесты. Этот факт определял демографическую ситуацию в городе, что послужило основой для метафорической номинации города Иванова. Однако для активного функционирования перифразы в медийных текстах, для её «признания» носителями языка весьма существенным является признак её устойчивой воспроизводимости в речи. Чтобы появившийся как индивидуально-авторский перифрастический оборот стал известным широкой массовой аудитории, он должен регулярно повторяться в речи носителей языка. В случае с перифразой «город невест» важную, определяющую роль сыграли популярная песня и кинофильмы.

В 1981 г. в фильме «Честный, умный, неженатый» (1981 г.) впервые прозвучала песня, исполненная Андреем Мироновым «Ну чем мы не пара» (слова М. Пляцковского, музыка Е. Крылова). В песне есть следующие слова:

О любви всё твержу тебе заново,
 Но, когда зря твердить надоест,
 Так и знай: я уеду в Иваново,
 А Иваново – город невест.

Образное название города Иваново стало широко распространенным также благодаря названию и сюжету популярного у советских зрителей кинофильма «Город невест» (режиссер Л. Марягин, 1985 г.), в котором действие происходит на Ивановском текстильном комбинате. В популярном комедийном телесериале «Наша Russia (Наша Раша)» (2006 г.) на телеканале ТНТ тоже были эпизоды про «город невест» Иваново.

Некоторые перифразы топонимов являются образными наименованиями какого-либо одного географического объекта, например, *Зелёный континент* – Австралия, *Страна кленового листа* – Канада, *Третий Рим* – Москва, *город оружейников* – Тула, *город королей* – Краков (Польша), *Большое Яблоко* – Нью-Йорк (США). Это языковые единицы с постоянной референцией, поэтому они контекстуально независимы. Другие перифразы (обычно городов) как вторичные номинации, основанные на родовых понятиях, используются для названий нескольких объектов, их значение определяется контекстом. В таком случае перифраза считается полисемичной. Например, перифраза *Северная Венеция* используется для образного названия Санкт-Петербурга, для названия столицы Дании – Копенгагена, а также для названия популярного у туристов бельгийского города Брюгге. Некоторые перифразы городов, используемые в медиа-текстах, образуют синонимические ряды. Своеобразный рекорд по вариативности образных наименований, по количеству членов синонимического ряда перифраз поставил Санкт-Петербург. Ср.: *город белых ночей, город на воде, город на Неве, Северная Пальмира, Северная Венеция, культурная столица.*

В структурном отношении перифразы топонимов представляют собой субстантивные единства, что выражается в преимущественно бинарных конструкциях их построения. Для перифраз характерны именные словосочетания, образованные по модели «прилагательное + существительное»: *Зеленый континент* – Австралия, *Туманный Альбион* – Великобритания, *Северный сосед* – Финляндия, *северная Венеция* – Копенгаген, *Северная Венеция, культурная столица, Северная Пальмира* – Санкт-Петербург, *Вечный город* – Рим, *Большое яблоко* – Нью-Йорк. К этой конструкции близка модель «порядковое числительное + существительное»: *Третий Рим* – Москва.

Другая продуктивная модель, по которой образованы перифразы топонимов, это «существительное + существительное в род. падеже»: *Страна пирамид* – Египет, *Страна тюльпанов* – Голландия, *Страна викингов* – Норвегия, *город королей* – Краков, *город дождей* – Лондон, *столица Сибири* – Новосибирск, *город оружейников* – Тула.

Встречается и комбинация этих структур «существительное + пригательное + существительное в род. падеже»: *Страна утренней свежести* – Корея, *Страна кленового листа* – Канада, *город белых ночей* – Санкт-Петербург, *город вечной мерзлоты* – Норильск, *столица мировой моды* – Париж. Гораздо реже среди перифраз городов можно встретить конструкции с предложно-именными словосочетаниями. Примерами этой модели могут служить конструкции «существительное + предлог + существительное в предл. падеже»: *город на Неве* – Санкт-Петербург, *город на Темзе* – Лондон, а также конструкция «существительное + предлог + существительное в вин. падеже»: *ворота в Москву* – Смоленск, *ворота в Прованс* – Систерон (Франция). Наблюдения над грамматической структурой перифраз топонимов свидетельствуют об определенном параллелизме языковых средств: поскольку «официальные» названия городов выражены именами существительными, то и опорный компонент перифраз, в котором заключены грамматические свойства описательного наименования, тоже является именем существительным. В предложении перифраза топонима обычно выполняет синтаксические функции, характерные для существительного, то есть является подлежащим, дополнением или обстоятельством.

Описательные наименования топонимов, позволяют стилистически маркировать географический объект, образно характеризуя и оценивая его. Этим они придают тексту экспрессивное звучание, добавляя в речь живых красок, эстетически обогащая его. Это свойство перифрастических оборотов, называющих страны и города, широко используется в рекламе туристических фирм с целью привлечения внимания читателя. Поскольку перифразы топонимов представляют собой фрагмент национальной языковой картины мира, важен также просветительский потенциал образных наименований географических объектов, которые могут использоваться в учебном процессе, обогащая иностранных учащихся культурологическими знаниями о России.

¹ Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие правильности. МПб.: Златоуст, 2014. С. 62

² Жуков А.В., Жукова М.Е. Словарь современной русской фразеологии. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 416 с.

³ Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 514.

Basko N. V.

Lomonosov Moscow State University

Toponyms of the Russian Language in the Linguocultural Aspect

The article is devoted to the analysis of descriptive names of geographical objects, which are fragments of the language picture of the world. Descriptive names of toponyms are considered from the point of view of semantics, grammatical structure and stylistic properties. The author makes a conclusion about the important role of descriptive names of toponyms in the modern media text, thanks to them the text acquires expressiveness and evaluation.

Keywords: geographical object, toponym, metaphor, stylistic functions.

Быкова Н. Е.

*ГБОУ гимназия №171, Санкт-Петербург
pivo-nina@mail.ru*

Прием визуализации и развитие творческого мышления при изучении концепта на уроке французского языка и литературы в российской школе

В статье анализируется значение визуального образа в коммуникативном акте, в целом, и в процессе обучения рефлексивному чтению на уроках французского языка и литературы, в частности. Изучается связь между пониманием и визуализацией образа-концепта поэтического текста. Визуализация рассматривается как прием интерпретации авторского концепта и создания индивидуальной картины миропонимания читателя.

Ключевые слова: картина мира, мыслеобраз, концепт-образ, восприятие, визуализация, творческое мышление.

Современные ученые и практики лингводидактики считают антропологический и культурологический подход сегодняшним трендом, ибо изучение идеального объекта — языка было бы неполноценным без изучения его носителя — языковой личности. По мнению Н.Л. Мишатиной, «лингвоконцептологический поворот (или подход) в методике — разновидность «антропологического поворота»¹. «За каждым концептом стоит языковая личность»², её мыслетворческая и мыслеобразная деятельность в процессе познания картины мира и миропонимания. С этой точки зрения, визуализация образа-концепта для нас не только дидактический прием, позволяющий в наглядной форме помочь детям представить абстрактные понятия и сложные формулы, но и способ мышления — отображение видимого и воображение невидимого.

В коммуникативном акте мы стремимся передать друг другу смыслы, переосмыслить их, дополнить картину мира друг друга новыми знаниями, опытом и образами-концептами. Такое когнитивное общение может происходить не только на одном языке, но и на разных, например, в процессе чтения художественных текстов на французском языке. Для полноценного понимания-интерпретации важны знания об особенностях культуры носителя другого языка, его времени, а в случае чтения поэтических текстов — образов-символов и образов-концептов другой культуры и индивидуальной картины мира иноязычного автора.

Поэтические мислеобразы интересны для нас благодаря их метафоричности и развитию творческого воображения и чувственного восприятия у наших детей в процессе их изучения. «Человеку природой дано видеть и чувствовать незримое»³, у детей образное мышление наиболее развито, учителю нужно лишь «схватить» этот образ и дополнить его знаниями. Чем больше образов-символов и образов-концептов будет знать и представлять себе ребенок, тем богаче и полноценнее станет его картина мира и миропонимание.

Если задуматься над проблемой чтения-интерпретации, то это не только процесс идентификации авторского опыта, знаний и представлений о картине мира — логическое структурирование мисле-образа автора и соответствующих языковых форм, но и мыслетворчество — создание индивидуального мислеобраза-концепта в процессе понимания и восприятия, творческого мышления. Вопрос интересующий нас и ученых-философов, исследующих процессы визуализации, понимания, творческого мышления и восприятия (И.А. Герасимова⁴, Л.В. Кривых, Е.Н. Шульга) — можно ли согласовать участие воображения с рациональными методами изучения языка, его структуры и формы. Е.Н. Шульга считает, что истинно научное мышление невозможно без творческого воображения, именно благодаря творческой фантазии, в процессе восприятия картины мира, мышление человека активизируется и становится наиболее продуктивным — он создает свою картину мира, индивидуальные мисле-образы, развивается его способность к позитивному творчеству — созданию новых текстов, в нашем случае интерпретаций поэтических авторских текстов⁵.

Понимание поэтического образа-концепта автора в процессе чтения-интерпретации — это акт мышления и воображения, творческого восприятия. Процесс восприятия сопряжен для нас с визуализацией образа-концепта. С помощью фантазии, сопереживания и сочувствия ребенок наделяет этот образ-концепт своими эмоциями и чувствами; способность к сенсорному восприятию и видению окружающего мира (запахи, звуки, визуальные образы) помогает ему соединить индивидуальную картину мира и картину мира автора поэтического текста.

Использование приема визуализации образа-концепта на уроках чтения-интерпретации поэтических текстов на французском и русском языке стало для нас повседневной практикой. Чаще всего мы применяем прием визуализации при чтении-рефлексии произведений французских поэтов-символистов — Шарля Бодлера, Поля

Верлена, Артюра Рембо и поэтов-сюрреалистов Поля Элюара, Жака Превера, Жана Кокто, Луи Арагона, а также поэтических текстов русских поэтов Серебряного века — Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака. Наш проект рефлексивного чтения-интерпретации строится на основе лингвоконцептологического подхода Н.Л. Мишатиной и предполагает изучение трех основных характеристик образа-концепта:

- «интертекстуальность и многослойность» (Ю.В. Степанов)⁶
- «диахроничность и синхроничность» (М.М. Бахтин)⁷
- «схватывание смыслов» (С.С. Неретина)⁸

Организация такого урока чтения-интерпретации происходит обычно в три этапа:

1) «чтение вчера» — первое погружение в текст через изучение контекста произведения: знакомство со стилистикой автора, его временем и творческой биографией;

2) «чтение сегодня» — понимание и интерпретация авторской картины мира с помощью творческого мышления и приемов визуализации образов-концептов;

3) «чтение завтра» — создание индивидуального мышлеобраза, в результате его творческой интерпретации.

В качестве примера использования приёма визуализации образа-концепта приведем фрагмент занятия творческой мастерской поэтического перевода стихотворения Бориса Пастернака «Свидание» (1949)⁹ в 8 классе двуязычного отделения ГБОУ гимназии № 171, полный текст методических рекомендаций, в том числе поэтический перевод учеников на французский язык, был опубликован на образовательном портале «Bonjour de France»¹⁰.

Словообразы **зимнего пейзажа** у Бориса Пастернака *даль, мгла, одна среди снегопада, деревья и ограды, ночь в снегу* нашли своё воплощение во французских словах и словосочетаниях: *'dans le noir/ в темноте'*, *'au soir/ этим вечером'*, *'la neige de soir/вечерний снег'*, *'seule au carrefour/одна на перекрестке'*, *'nuit en neige blanche /ночь в снегу'*:

Борис Пастернак
«Свидание» (1949)

Деревья и ограды
Уходят в даль, во мглу.
Одна среди снегопада
Стоишь ты на углу.

Перевод учеников 8 класса
двуязычного отделения
171 гимназии:

Les arbres, les clotures
S'enfuient dans le noir
Tu es seule au carrefour
Parmi la neige de soir.

Образ любимой, её внешний облик и сходство с небесным ангелом у поэта описаны с помощью слов, где всё подчеркивает легкость, нежность и красоту. На французском языке дети искали мыслеобразы передающие те же качества и фонетически, семантически и эмоционально: *'косынка, фигура, пальтецо /Ton foulard à couleur de nuage', 'одна, в пальто осеннем /Debout, en manteau d'automne', 'без шляпы, без калош/ Sans gans et sans chapeau', 'течет вода с косынки /Les gouttes coulant d'écharpe', 'каплями росинки сверкают в волосах /et la rosée qui brille aux lisses et clairs cheveux':*

Снег на ресницах влажен,	La neige aux cils humides,
В твоих глазах тоска,	De la tristesse <i>aux yeux</i> ,
И весь твой облик сложен	T'es faite par Dieu solide
Из одного куска.	Avec la neige <i>aux cieux</i> .

Религиозность поэта также стала темой нашего обсуждения: мы искали слова – образы и метафоры указывающие на христианское миропонимание и христианскую любовь: *'озарены/ Illuminés par mèche blanche'* удачная рифма и образ – *ange blanche/ангел белый* и воздушный как облако голубой платок, *'и весь твой облик сложен/ T'es faite par Dieu solide'* *'смиренье /Me font un prisonnier', 'свет жестокосерд /du monde sans coeur et sans pitié':*

И прядью белокурой	Ton petit manteau et ton visage
Озарены: лицо,	Illuminés par ta mèche <i>blanche</i> ,
Косынка, и фигура,	Ton foulard à couleur de nuage
И это пальтецо.	T' es jolie et calme comme <i>ange</i> .

Строя наше занятие подготовки к конкурсу театрализованного чтения французской поэзии, мы также использовали прием визуализации. Ученица 10 класса, которая принимала участие в коллективном переводе стихотворения Бориса Пастернака два года назад, читала стихотворение Луи Арагона *'Aragon, «Chagall XI», Celui qui dit les choses sans rien dire, 1976 /Тому, кто говорит молча'* (перевод автора статьи), посвященное творчеству «лиричнейшего поэта» России и неповторимого художника Марка Шагала¹¹.

Художественные произведения Марка Шагала, созданные им иконические образы, помогли нам воссоздать картину мира и понять образы-концепты созданные поэтом. Текстом для нас являлось и изображение на картине художника («Красный конь» Марк Шагал, 1938–1944, Париж, Центр Жоржа Помпиду), но мы не просто описывали эту картину, но пытались понять и прочесть авторский

замысел, с помощью стиля и изобразительных средств картины. По словам Д.С. Лихачева, «...искусство живописи как бы тяготилось своей молчаливостью, стремилось заговорить. И оно заговорило своим особым языком — слово выступает уже не только в своей звуковой сущности, но и в зрительном образе»¹².

В стихотворении Луи Арагона «лирический примитивизм» Шагала нашел свое вербальное отражение. Парафразы и метафоры поэта удивительно точно передавали настроение картин Шагала и его миропонимание. Этот текст привлек нас и потому, что в нем удивительно сочетаются вербальные и иконические словоформы, что в итоге создает представление о картине мира и поэта, и художника. Мечты Шагала о любви, о красоте, о гармонии человеческой души и природы нашли своё воплощение в поэтических образах: восприятие и визуализация цвета, формы, линий и образов помогли нам найти и интерпретировать ассоциативные связи в родном языке

Концепт-образ «**Любовь**» стал центральным при создании наших мыслеобразов. Мы вдохновлялись высказываниями самого Шагала о значении визуализации образа: «...не является ли живопись лишь отражением нашего внутреннего «Я»... цвет и его линии вбирают в себя и ваш характер, и ваше послание»¹³. Вопросы, занимавшие нас во время чтения-интерпретации стихотворения Луи Арагона — «почему Шаггал любил синий, красный и зеленые цвета», «как связаны звуки скрипки и жизнь», «откуда сравнение животных, летающих в небесах, и влюбленных, которые засыпают при свете настольной лампы», «откуда это вечное движение на картинах Шагала: акробаты, пируэты, трапеции, птицы и рыбы, лошади и овцы». Любовь у Шагала и Арагона многослойна и многолика: *'les poissons les amoureux est-ce qu'ils sont' à près /рыбки чем-то напоминают влюбленных;* *'et ma tête à l'envers Maman, ma tête à 'я смотрю издалека на Маму'; 'la nuit a deux visages l'autre d'aimer l'un pour dormir/ рисует ночь улыбки двух влюбленных* — мы пытались представить себе эти образы, находили их на картинах Марка Шагала.

Религиозность Марка Шагала также стала предметом нашего обсуждения: «С ранних лет я был пленен Библией. Мне всегда казалось, что это книга на все времена стала одним из самых мощных источников поэзии». «В искусстве, как и в жизни, всё возможно, если в основе лежит любовь», — эту космичность любви Шагала передал в своем стихотворении Луи Арагон¹⁴. Дискурс-размышление о том, кто указал художнику на «музыку его цвета/*Chagall la couleur est ton peuple*», и почему поэт сравнивает творчество художника со

‘зрелищами и хлебом/*Donne-lui des jeux et du pain*’ привлекли внимание детей и наше.

Восприятие картины мира автора требует от читателя-ученика развития способности к творческому мышлению — мыслетворчеству. Для создания своего мыслеобраза ему необходимы не только знания языка автора, но и творческое воображение, способность воспроизвести в своей памяти целую гамму ощущений от прочитанного и выразить её в языке. Таким образом, визуализация мыслеобраз-концепта — дидактический прием для развития мышления ребенка в процессе интерпретации. Говоря словами античных греческих мыслителей, визуализация напоминает «образный бросок мысли»¹⁵, в котором соединяются «рефлексивное сознание» (Ж.-П. Сартр) и «воспринимающее сознание» (Декарт). Мы учим наших детей рефлексии и развиваем их восприятие, творческое мышление, а в итоге пытаемся расширить и углубить индивидуальную картину мира и миропонимание.

¹ *Мишатина Н.Л.* Методическая лингвоконцептология как пролог антропологической лингвометодики // Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития: монография / науч. ред. Н.Л. Мишатина. СПб.: ООО «Книжный дом», 2017. С. 52-55

² *Мишатина Н.Л.* Методическая лингвоконцептология как пролог антропологической лингвометодики // Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития: монография / науч. ред. Н.Л. Мишатина. СПб.: ООО «Книжный дом», 2017. С. 52-55

³ *Герасимова И.А.* Искусство и наука видения//Визуальный образ (Междисциплинарные исследования) [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. редактор И.А. Герасимова. М.: ИФРАН, 2008. С. 6.

⁴ *Герасимова И.А.* Искусство и наука видения//Визуальный образ (Междисциплинарные исследования) [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. редактор И.А. Герасимова. М.:ИФРАН, 2008. С. 4-9.

⁵ *Шульга Е.Н.* Феноменология восприятия и проблема фантазии// Визуальный образ (Междисциплинарные исследования) [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. редактор И.А. Герасимова. М.: ИФРАН, 2008. С. 27-41.

⁶ *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: изд-е испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

⁷ *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Художественная литература, 1975.

⁸ *Неретина С.С.* Концепт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 2. С. 306-307.

⁹ *Пастернак Б.Л.* Избранное. В двух томах. Т. 1. Стихотворения и поэмы. СПб.: ООО Изд-во «Кристалл», 1998.

¹⁰ *Выкова Н. Е.* Atelier créatif de traductionpoétique: «Rendez-vous» de Boris Pasternak (1949) par les élèves de la section bilingue // Bonjour de France, 2016, № 36. <http://www.bonjourdefrance.com/exercices/atelier-creatif-de-traduction> (30.05.2018).

¹¹ Ministère de l'éducationnationale Décembre 2017 Série Générale – Sujetzéro<http://eduscol.education.fr/>(30.05.2018).

¹² *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л.,1967. С. 28-31.

¹³ *Марк Шагал.* Предисловие к первому каталогу Национального музея «Библейское послание Марка Шагала» в Ницце // Марк Шагал / Альманах. Вып. 116. СПб: PalaceEditions, 2005 С. 34-35.

¹⁴ Там же С. 34-35.

¹⁵ *Шульга Е.Н.* Феноменология восприятия и проблема фантазии// Визуальный образ (Междисциплинарные исследования) [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. редактор И.А. Герасимова. М.: ИФРАН, 2008. С. 32.

Выкова Н.Е.
gymnasium №171, St. Petersburg

Method of Visualization and Creative Thinking Development when Studying the Concept in the French Language and Literature Classes

The article analyzes the importance of visual image in a communicative act in general and in the process of teaching reflective reading during the lessons of the French language and literature in particular. The connection between understanding and visualization of the image-concept of a poetic text is studied. Visualization is considered as a method of interpretation of author's concept and creation of an individual picture of reader's worldview.

Keywords: world view, thought image, concept image, perception, visualization, creative thinking.

Обухова М. Ю.,

Гарвацкая Н. И.

ГБОУ гимназия 171 Санкт-Петербурга, Россия

n.garvatskaya@gmail.com,

marina7205@rambler.ru

**Лирические идеограммы как один из способов
выражения авторской позиции
с помощью концептов-архетипов
(на примере русского и французского языков)**

Статья посвящена культурологическому концепту «фонтан», раскрытию его смыслового значения на примере анализа стихотворений Аполлинера, И. Бродского и Ф. И. Тютчева.

Ключевые слова: концепт «фонтан», каллиграммы, концептуальный анализ текста.

Сегодня особую роль в преподавании литературы играет усвоение нравственно-этической картины мира, которое невозможно без «выстраивания лестницы смыслов слова»¹. Особая роль в этом процессе принадлежит концептуальному анализу текста, включающему в себя осмысление значения слова на разных смысловых уровнях, в том числе и на архетипическом. Такая работа над художественным текстом позволяет говорить о «формировании стратегии культурной памяти»², объединяющей поколения родителей, учителей и учеников. Именно в этот момент происходит переосмысление ментальности, языка и национально-эстетической традиции³, осмысление литературного произведения как одной из форм искусства, которое, согласно точному замечанию Ю.М. Лотмана, является «не наглядной иллюстрацией к высокой морали, а формой мышления, без которого нет человеческого сознания»⁴.

В ГБОУ гимназии 171 разработана и апробирована программа интегрированного курса «Человек, в слове явленный...» (автор – Н. Л. Мишатина), содержательная часть которой позволяет проводить бинарные уроки по русской и французской словесности, анализировать лирические произведения с поэтической графикой. Слово и форма при этом выступают в роли концепта-архетипа, «активно транслируемой» единицы языка, обладающей способностью внедряться в сознание говорящего, выступая основой формирования стереотипов, символов, образов той или иной культуры.

Анализ графических и семантических особенностей текста, объединенных общей лексемой, позволяет организовать на уроке литературы деятельностный подход (урок в 10 классе «*Графические стихи в русской и французской поэзии: по произведениям Г. Аполлинера «Заколотая горлинка и фонтан» и И. Бродского «Фонтан»*). В начале урока ученикам предлагался вопрос: «Может ли форма в лирической поэзии играть смысловую роль?» Отвечая на вопрос, обучающиеся сказали, что форма лирического произведения – это его жанр. Изучение литературоведческих статей позволило углубить данное понятие: обучающиеся отметили, что во французской литературе встречается текст-рисунок задолго до XX века. Например, в «Пятой книге» романа Рабле (XVI в.) «*Гаргантюа и Пантагрюэль*» есть Молитва к Божественной бутылке. В русской литературе у Симеона Полоцкого (XVII век) есть фигурное стихотворение в форме сердца «*От избытка сердца уста глаголят*». В XX в. для таких лирических произведений Гийом Аполлинер вводит термин «*каллиграмма*». Ученикам предлагается самостоятельно дать определение этого понятия, используя метод сравнения изображения на картинке и текста произведения, а для этого пройти по гиперссылке Lou или Louise de Coligny-Chatillon и сравнить графическую форму написания стихотворения с портретом – Лу (Lou или Louise de Coligny-Chatillon). При сопоставлении портрета и текста видно, что рисунок имеет форму текста и привносит в его понимание смысловые оттенки: поэт делает дополнительный акцент на неуловимой прелести Лу, а учениками делается вывод, что *каллиграмма* – результат соединения поэтической (словесной) и изобразительной (графической) деятельности.

Дальнейший ход урока направлен на выявление смыслов, которые несут в себе стихотворения французских и русских поэтов, объединенных каллиграммой «фонтан». Обращение к словарным статьям позволяет обучающимся сделать вывод: «Фонтан – природное или искусственно созданное явление, заключающееся в истечении жидкости (обычно воды) под действием оказываемого на неё давления». Кроме прямого значения слова, отмечается и переносное («неиссякающая сила чего-либо, обильное, непрекращающееся проявление чего-нибудь»), а также символистическая информация («фонтан – источник жизни и бессмертия; фонтаны в центре монастырей или площадей символизируют Космический центр, вечную юность»). Если в первом значении слова *фонтан* ключевыми словами являются *оказываемое на жидкость давление*, то в символическом значении –

основы жизни и вечной молодости. В ассоциативных словосочетаниях обучающиеся сделали акцент на *струящемся фонтане, искрящемся на солнце, журчащем, огромном, несущем радость.* Никто не составил словосочетания «работающий под давлением». В итоге формулируются проблемные вопросы урока: «В каком значении слово «фонтан» будет обозначено в лирике? Будет ли форма стихотворения уточнять это значение, открывая его новые грани?».

Работа начинается с обращения к каллиграмме Аполлинера «*Заколотая горлинка и фонтан*» (в переводе А. Гелескула), написанной на фронте во время Первой мировой войны и имеющей подзаголовок «*Стихотворения мира и войны*». Убрав графическую форму текста, предложим учащимся по группам проанализировать стихотворение на французском языке, выделив в нем строфы, рифмы, повторяющиеся образы, темы, символы. Оказывается, что стихотворный размер в первой строфе разнообразен, не имеет ничего общего с традиционной поэзией. Отсутствие пунктуации затрудняет смысловое членение текста. В первой строфе в рифмах преобладает аллитерация в виде протяжного звука И, напоминающего жалобный плач. Перечисление шести женских имен, среди которых узнаются имена возлюбленных поэта, последующий вопрос: «О где вы (юные девы)?» заставляет задуматься над темой прошлого и сравнить эту строку со строчкой из средневекового стихотворения Франсуа Вийона «*Ballade des Dames du temps jadis*»: «*Où ktes-vous ô jeunes filles*». Аполлинер использует строчку стихотворения дословно: «Где Вы, о девушки?». Появление в конце строфы образа Горлинки, символизирующей мир и христианский символ Святого духа, позволяет трактовать его как слезы Бога, оплакивающего людей.

Данная строфа состоит из 14 стихов восьмисложного размера, за которыми следуют 5 восьмисложных стихов. Через сочетание двух разных строф поэт сталкивает модернизм нерегулярной формы, которую Аполлинер называет *vers libre*, (заколотая горлинка), с традиционным стихосложением: образ фонтана, лежащий в основе рисунка. Сочетание открытых гласных /а/ носовой, /е/ открытый/ и согласных звуков на концах стихотворных строк придает стихотворению жесткость, ассоциирующуюся с войной. Тема войны и смерти связана с мужскими именами (их тоже 6). Поэт не знает об участии друзей, ушедших на фронт, и это его огорчает. Среди них упоминается друг детства Аполлинера Рене Дализ, погибший на войне; имена друзей-художников, ушедших на войну – Брака, Дерена, погибшего поэта Макса Жакоба, журналиста Рейналя Билли. По-

этому в конце стихотворения появляются два символических образа – образ плачущего фонтана, превращающегося в кровавое море («*Ô sanglante mer*»), и образ олеандра («*laurier rose*») – символа войны. Работа над каллиграммой стихотворения позволяет сделать вывод о симметричном расположении двух рисунков (голубки, парящей с распростертыми крыльями и поникшей головой над фонтаном, и фонтаном, возносящим к ней свои струи, которые затем опадают вниз) относительно центральной оси, словно пронизывающей птицу и устремляющуюся к основанию фонтана. В первой строфе убитая горлица открывает тему войны, уничтожающей любовь как символ жизни. Женщины с молитвами оплакивают потери. Фонтан имеет ниспадающие струи, а его основание напоминает по форме плачущий глаз: «Но бьет фонтан молитв и слез...». Это может быть интерпретировано двояко: с одной стороны, птица взмывает над фонтаном, с другой – она падает в фонтан, пробитая им насквозь.

Вторая строфа стихотворения соответствует графическому образу фонтана. Связь с первым рисунком устанавливается через упоминание фонтана в первой строфе: «Но бьет фонтан молитв и слез//И рвется горлинка за ним». А во втором рисунке мы видим обратное движение: «И ловят жалобу струи Воспоминания мои». Фонтан объединяет в себе два противоположных устремления: вверх в виде взмывающих струй и вниз – в виде плачущей воды на фоне «падающего» вечера («*le soir tombe*»). Кто плачет? Юные девы из первой строфы или сам поэт? Заря ассоциируется с цветом крови, которую несет война, о чем свидетельствует метафора: «И раскаляет олеандр ожоги ран// Цветы солдат». Графический образ позволяет нам «увидеть» не просто фонтан, выступающий символом жизни, а аллегорию трагедии войны, в которой судьба человека становится песчинкой.

Стихотворение И. Бродского «Фонтан», написанное в 1967 году, тематически не связано с военной тематикой. Коллективная работа над лексико-семантическим полем стихотворения позволяет выделить тему власти («рык», «лик», «пасть льва», «пересохшие уста», «сомн теней», «власть»). Рядом с этими понятиями Бродский располагает на «струях фонтана» эпитеты, которые показывают, что эта власть была «грозной», потому что «уста» «пересохшие». Только в конце стихотворения появляется слово «дождь» вместе с эпитетами «теплый», «морозящий» как символ надежды на обновление. Поэт рифмует слова «вождя»//«дождя», употребляя при этом метафору «похищение» как некое неверие в то, что вождь может исчезнуть,

что львиного рыка и давления больше не будет. Пережив годы репрессий, человек не сможет ощутить себя свободным, независимым. На это указывают в стихотворении образ клетки, которую дождь спускает на землю, но в виде клетки или сети, в виде новой ловушки: «строю в воздухе сеть или клетку для львиной семейки без узла и гвоздя». Поэтому и пафос стихотворения кардинально не меняется, несмотря на то что появляется дождь. Ощущение грусти остается: оно связано со словами «тюрьма» и «одиночество». По мнению Бродского, вернуться в эту обновленную жизнь не сможет тот, кто пережил годы несвободы, годы давления, тот не сможет раскрепоститься: духовная смерть сильнее физической: «ты вернешься в сей мир на ночлег... Так в тюрьму возвращаются в ней побывавшие люди, и голубки – в ковчег». Так в стихотворении появляется тема рока, невозможности человеку изменить свою судьбу. Человеку, по мнению поэта, остается только быть человеком, память о котором не менее важна, чем его земной путь: «И тебя в поздний час из земли воскресит, если чудищем был ты, компания чудищ». Человек не может увековечить себя в статуи, рано или поздно она превратится в тлен: «Пересохла уста, и гортань проржавела: металл не вечен», жизнь на земле подобна мимолетному ночлегу, поэтому ее стоит ценить. Так в стихотворении появляется аллегория трагичности, невозможности человеку управлять своей судьбой, но возможности управлять памятью о себе. И в этом идейном замысле стихотворение Бродского оказывается схожим со стихотворением Аполлинера: аллегория зависимости человека от судьбы, от обстоятельств снова выражается в форме фонтана. Живительная влага подается кем-то свыше «Просто кем-нибудь наглухо кран заверчен, хоронящийся в кущах». Зрительный образ, созданный И. Бродским в стихотворении «Фонтан», так же, как и в стихотворении Аполлинера «Фонтан и голубка», вызывает у читателя ощущение трагичности судьбы человека, осознающего свою зависимость от рока.

Образ фонтана присутствует в творчестве многих русских поэтов. Вводя в название стихотворения слово «фонтан», поэты, пусть и нецеленаправленно, использовали графическое изображение в произведениях. Так, в стихотворении Ф.И. Тютчева «Фонтан» (1836) четко прослеживается разделение стихотворения на три части, средняя из которых состоит всего из двух строчек, первая – из восьми, а последняя – из шести. Первое восьмистишие создает образ фонтана, яркий, играющий на солнце, последнее шестистишие посвящено внутренней природе человеческой мысли, тщетно пыта-

ющейся постичь законы природы. Философская элегия написана трехстопным ямбом. Этот стихотворный размер создает эффект движения струй воды, а кольцевая рифмовка словно повторяет бесконечное движение струй фонтана вверх-вниз. Сравнивая внешнюю форму стихотворений Ф.И. Тютчева и И. Бродского, ученики приходят к выводу, что дополнительно введенные Ф.И. Тютчевым пробелы выполняют в стихотворении ту же роль, что и короткие строки у И. Бродского. Они отделяют одну мысль от другой, а многочисленные риторические вопросы, восклицания, многоточия, заканчивающие строки, напоминают мелкие брызги.

Философский смысл стихотворения Ф.И. Тютчева заключается в размышлениях поэта о предопределенности судьбы человека. Поэт раздумывает над трагическим несоответствием между стремлением человеческой мысли к познанию законов мироздания («Лучом поднявшись к небу, он //Коснулся высоты заветной») и ограниченностью ее возможностей («И снова пылью огнецветной // Ниспасть на землю осужден»). Используя поэтическое сравнение, Ф.И. Тютчев в образе «водомета», наделенного эпитетом «неистошимый», изображает неумное стремление человеческой мысли дойти до самого важного, до высот познания. Однако, по мнению поэта, человеку, разум которого «ничтожен» («смертные мысли»), от природы не суждено познать законы бытия. В этом заключается довлеющий над человеком рок, «длань незримо-роковая». Так же, как и после прочтения стихотворений предыдущих поэтов, в душе читателя остается ощущение предопределенности человеческого бытия и невозможности изменить роковую предначертанность. Подобно струе фонтана человеческая мысль находится в постоянном движении, поиске истины, ответов на волнующие человека вопросы. Немаловажно, что данная культурологическая традиция восходит к поэзии Древней Греции, к ее богатой мифологии, в которой тема рока всегда отводилась огромная роль. Поэзия XIX–XX веков вносит в концепт «фонтан», наряду с традиционными смысловыми гранями новые: с одной стороны, выражает тщетность попыток любого человека что-либо изменить в своей судьбе, а с другой – передает бунтарскую стихию человеческой души. Эти смысловые грани позволяют осознать неразрывную связь жизни человека и жизни Вселенной.

¹ Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития / науч. ред. Н.Л. Мишатица. СПб.: ООО «Книжный дом», 2017. С. 240.

² Федоров С.В. Стратегия и тактика формирования культурной памяти учащихся в системе гуманитарного образования. СПб.: СПбАППО, 2009. 143 с.

³ Мишатина Н.Л., Цыбулько И.П. Антропологическая лингвометодика. В поисках смысла, содержания и оценивания. М., 2016. С. 119.

⁴ Лотман Ю.М. Об искусстве: Структура художественного текста; Семиотика кино и проблемы киноэстетики; Статьи, заметки, выступления 1962–1993 гг. СПб., 1998. С. 25.

Obukhova M. Y.,

Garvatskaya N. I.

Grammar school 171, St. Petersburg

**Lyrical Ideograms as one of the Ways to Express Author's Position
with the Help of Concept-Archetypes
(on the example of the Russian and French languages)**

The article is devoted to the culturological concept «fountain», the disclosure of its semantic meaning by the example of analysis of the poems of Apollinaire, I. Brodsky and F.I. Tyutchev.

Keywords: concept «fountain», calligrams, conceptual analysis of the text.

Ян Хайянь

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, Россия
haiyanyang1989@gmail.com*

Прецедентные имена русской культуры в обучении русскому языку китайских студентов-филологов

В статье рассматривается феномен прецедентного имени, выступающий в качестве предмета обучения русскому языку китайских студентов-филологов. На основании ряда прецедентных имен, восходящих к русской и западной культурам, был разработан специальный опрос, который проводился среди китайских студентов-филологов, обучающихся в РГПУ им. А. И. Герцена. В результате опроса был выявлен уровень знания китайскими студентами русских прецедентных имен. Были сделаны выводы о лакуарности знаний китайских студентов о важнейших прецедентных именах русской культуры и необходимости формирования у них лингвокультурологической компетенции.

Ключевые слова: лингвокультурология, прецедентное имя, обучение русскому языку как иностранному, лингвокультурологическая компетенция.

Лингвокультурологический подход к преподаванию иностранных языков, оказывает существенное влияние на понятие «содержание обучения». Практически все ученые подчеркивают необходимость включения «культурного компонента» в содержание обучения иностранному языку (А.Н. Щукин, В.В. Сафонова, В.Г. Костомаров, Г.В. Елизарова, Г.М. Васильева, Е.И. Пассов, И.П. Лысакова, Н.Д. Гальскова, Л.И. Харченкова, и др.). Наряду с другими культурно-маркированными единицами языка в содержание обучения русскому языку иностранных студентов должны быть включены прецедентные имена русской культуры.

Прецедентным именем называется индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, с прецедентной ситуацией с фиксированным комплексом определенных качеств¹. Согласно концепции, представленной в работах В.В. Красных, структуру прецедентного имени можно представить следующим образом².

Ядро инварианта восприятия прецедентного имени составляют дифференциальные признаки (характер, внешность, прецедентная ситуация), а его периферию – атрибуты.

Под дифференциальными признаками прецедентного имени обычно понимают сложную систему характеристик, отличающих данный предмет от других. Дифференциальные признаки могут включать характеристику предмета по внешности, по чертам характера и т.п., или могут актуализироваться через прецедентную ситуацию.

Ярким примером важности внешних характеристик носителя прецедентного имени является **Баба Яга** – сказочный персонаж русского фольклора. Это не только злая старуха, живущая в избушке на курьих ножках. В сказках детально описывается ее внешность. Это сгорбленная, худая старуха; у нее большой, загнутый вниз, крючковатый нос, костяная нога; она одета в старые рваные лохмотья. Именно поэтому носители русского языка иногда называют Бабой Ягой или обращаются к образу Бабы Яги для характеристики старой неприятной женщины, которая напоминает этого персонажа внешне.

Необходимо обращать внимание на то, что прецедентное имя может быть многозначным, т.е. обладать не одним дифференциальным признаком, а комплексом дифференциальных признаков, включающих как характеристику, так и ситуацию. Например имя Тарас Бульба (Н.В. Гоголь «Тарас Бульба») актуализирует ситуацию убийства собственного сына, а может использоваться для обозначения патриота, защищавшего свою родину. Другой пример: дядя Степа может восприниматься как человек высокого роста и как человек, имеющий профессию милиционера.

Дифференциальные признаки прецедентного имени могут получать различную трактовку и оценку в различных культурах. Так, например, для русских Дон Кихот – это доблестный, бескорыстный борец за справедливость, а для американцев – это человек, занятый бесполезным и бесплодным делом. Здесь очевидна разница в оценке данного персонажа.

Атрибутами, по мнению исследователей, называются определенные содержательные «элементы», тесно связанные с прецедентным именем. Это могут быть детали внешности, одежды, по которым можно узнать самого героя. Примерами атрибутов могут служить кепка Ленина, бакенбарды Пушкина и др.³

Являясь «сгустками культуры» в сознании носителей языка, прецедентные имена нередко непонятны носителям иной культуры.

С целью выявления уровня знания прецедентных имен русской культуры, китайскими студентами был проведен опрос, в котором приняли участия 20 китайских студентов. Для этого была использована учебная тематическая классификация прецедентных имен

русской культуры. Для опроса были отобраны по три прецедентных имен, входящих в перечисленные группы.

В самом широком обобщении они были представлены следующим образом:

1. имена исторических личностей и политических деятелей (Ленин, Чапаев, Петр I)

2. имена героев русской классической литературы (Онегин, Раскольников, Обломов)

3. имена героев русского фольклора (Баба-Яга, Иван-Царевич, Илья Муромец)

4. библейские имена (Адам, Ева, Иуда)

5. имена античных богов и героев (Геракл, Прометей, Ахилл)

Последняя группа была включена в содержание эксперимента ввиду того, что они являются важной составляющей общеевропейской и в том числе русской культуры, включаются в тексты русской литературы и другие художественные произведения.

В ходе опроса студенты должны были ответить, знают ли они это имя, а также, что им известно о герое, носящем это имя.

В результате проведенного опроса были получены следующие ответы:

Литературные прецедентные имена:

Онегин: любовь 4; печальный человек 2; лишний человек в русской литературе 4; роман «Евгений Онегин» 11.

Раскольников: не знаю 10; герой романа «Преступление и наказание» 7; он убил старушку и долго переживал 3;

Обломов: не знаю 6; ленивый человек 5; у него есть мечта, но он ничего не сделал 3; маленький грустный человек 2; не активный человек 5.

Политические прецедентные имена:

Ленин: великий лидер страны и партии 6; революция 9; лидер революции 8; президент 1.

Чапаев: не знаю 20.

Петр I: герой страны 4; великий смелый человек 7; Медный Всадник 2; создал Санкт-Петербург 7.

Фольклорные прецедентные имена:

Баба-Яга: не знаю 14; злая старушка 5; живет в волшебном деревянном доме 1.

Иван-Царевич: не знаю 20.

Илья Муромец: не знаю 20.

Библейские прецедентные имена:

Адам: не знаю **17**; отец человечества **3**.

Ева: не знаю **15**; имя **3**; мать человечества **2**

Иуда: не знаю **17**; изменник **3**.

Античная мифология:

Зевс: сын бога **2**; главный бог **3**; не знаю **12**; он властитель весь мир **3**.

Аполлон: вроде военный бог **3**; не знаю **17**.

Венера: бог, который потерял руку. Символ красота и мудрости **2**; не знаю **18**.

Геракл: не знаю **20**.

Прометей: не знаю **15**; бог, который украл огонь **5**.

Ахилл: не знаю **20**.

Результаты опроса показали, что большинству китайских студентов хорошо известна группа политических прецедентных имен. Например, все студенты знают, кто такой Ленин и Петр I. При сравнении с ответами русских студентов выявились несовпадения на уровне оценочного отношении к некоторым историческим деятелям. Например, у русских студентов имя Ленин вызвало неоднозначное отношение, в то время как, китайские студенты оценили его исключительно положительно (великий лидер мировой революции, большевик, великий революционер, великий вождь и так далее).

Неплохо студенты знают имена литературных героев. Это можно объяснить тем, что эти произведения изучают в Китае. Однако и в данной группе были выявлены несовпадения на уровне оценочного содержания. Например, при неоднозначном отношении русских студентов к Обломову (ленивец, добряк, лентяй и так далее) китайцы оценили его исключительно отрицательно (бесполезный, вредный человек, лентяй и так далее).

Гораздо хуже китайские студенты знают прецедентные имена русского фольклора. Абсолютно неизвестными, китайским студентам оказались библейские прецедентные имена, а также имена античных богов и героев. Это может быть объяснено тем, что античная мифология, став частью европейской культуры не включилась в культуру Китая. Кроме того, имея собственную мифологию, Китай никогда не имел европейские традиции, отношение к религии, ввиду чего библейские образы и сюжеты оказались невостребованными в китайской прецедентной картине мира. Таким образом, можно говорить о существовании лакунарных фрагментов в национальных прецедентных картинах мира, которые должны быть учтены при формировании содержания обучения китайских студентов-филологов.

¹ Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы Прецедентных феноменов // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей. М., «Филология», 1997. – Вып. 1. С. 83.

² Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. 284 с.

³ Там же.

Yang Haiyan

The Herzen State Pedagogical University of Russia

The precedent names of Russian culture in the Russian teaching for Chinese philological students

The article deals with the phenomenon of the precedent names, which acts as the subject of teaching Russian to Chinese students of philological departments. Based on a number of the precedent names dating back to Russian and Western cultures, a special poll was developed, which was conducted among Chinese students of philological departments studying at the Herzen State Pedagogical University of Russia. The poll revealed the level of Chinese students' knowledge of Russian precedent names, as well as the precedent-related line corresponding to these characters. Conclusions were made about the lacunarity of Chinese students' knowledge about the most important precedent names and the need to form their linguoculturological competence.

Keywords: cultural linguistics, precedent names, teaching Russian as a foreign language, linguoculturological competence.

Лопухина Р. В.

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого, Россия
rvlopukhina@rambler.ru*

Парадигматизм русского языка и синтагматизм китайского как основа при их сопоставлении в учебных целях

Сопоставление русского языка, имеющего разветвленную именную парадигму, с китайским «аморфным» языком предусматривает вовлечение синтаксического уровня последнего для выражения соответствующих значений. Связи синтаксиса с морфологией и лексикой при этом осуществляются главным образом через посредство словосочетания. Синтагматизм китайского и соответственно парадигматизм русского – это те типологические доминанты, по которым определяются данные языки как системы и которые могут служить основой при их сопоставлении и изучении.

Ключевые слова: именная парадигма, морфология, аморфный, синтагма, синтаксис, типология, доминанта.

Грамматическая система любого языка – это наиболее устоявшаяся и медленно поддающаяся изменению часть языкового строя. Ее формирование осуществляется в течение многих веков и даже тысячелетий, и в ней, как и в лексике, отражаются особенности национального менталитета, обусловленные социополитическими условиями и культурно-этическими ценностями, характерными для того или иного народа.

Связь между культурными ценностями и грамматическим строем языка менее очевидна, чем связь между культурой и лексикой, но она более значительна. Следовательно, можно также говорить и о грамматической картине мира – неразрывной составляющей языковой картины мира, некоей «плоскости концептуализации» окружающей нас действительности на грамматическом уровне. Без противопоставления как минимум двух картин мира, различия в языковых средствах являются немотивированными. В грамматических системах они особенно наглядно выражены, т.к. грамматика выражает отношения, а сфера отношений наиболее культурно обусловлена.

Обращение к понятию языковой картины мира в грамматических исследованиях оказывается весьма плодотворным. При этом для

«концептуальной грамматики» важно не установление иерархии языковых средств выражения соответствующего значения (по признаку «центр – периферия»), а выделение когнитивных доминант, характеризующих способ восприятия мира носителями конкретного национального языка.

Основанием для выделения когнитивных доминант в той или иной языковой картине мира является сравнение способов представления тождественных событий, фактов, ситуаций в разных языках, так как коммуникативные категории универсальны, они присущи языкам любого грамматического строя.

Проблема выявления взаимосвязи когнитивных доминант и языковых универсалий на фоне национально своеобразных стереотипов миропонимания представляет собой актуальную и далеко еще не решенную задачу.

К лингвистическим универсалиям могут быть отнесены такие функционально-семантические категории, как модальность, персональность, темпоральность, аспектуальность и др. Они являются семантической основой при сопоставительно-типологическом описании разносистемных языков, так как сравнивать можно в чем-то сопоставимые явления ¹.

Экспликация коммуникативных намерений говорящего в процессе обучения языку дает возможность связать воедино все аспекты языка – фонетику, синтаксис, семантику и прагматику. Тем самым студенты с самого начала обучаются осмысленным единицам. Разумеется, такой методический подход применим для любого языка, но для обучения изолирующему языку он является не просто необходимым, а единственно возможным.

Исследование концептуальных смыслов в грамматиках русского и китайского языков должно быть построено на выделении, классификации и сопоставлении базовых грамматических концептов, составляющих языковую картину мира каждого из них.

Основу грамматических категорий составляют понятийные категории, заложенные в языковом сознании носителя. Например, видо-временные, субъектно-предикатные, пространственные отношения и способы их выражения заложены в языковом сознании русского человека. А для того, чтобы китайским учащимся освоить эти категории, понадобится приложить немало усилий для их осмысления и правильного использования в речи.

Морфологические и синтаксические категории формируются в любом языке в результате обобщения конкретного лексического

материала, абстрагирования определенного значения. Каждый язык сам “выбирает” для себя сущностные атрибуты словарного класса, кодифицирует предметы и ситуации по-своему, выделяя и сообщая при их номинации различные аспекты, различные концептуальные доминанты, и этот отбор происходит на протяжении длительного исторического отрезка времени. При этом значения могут выступать в языке грамматикализованно и неграмматикализованно, лексикализованно и нелексикализованно. В тех случаях, когда в языке получают выражение универсальные стереотипы миропонимания, усвоение грамматического (или иного) материала не вызывает затруднений. В случае расхождения стереотипов мировосприятия в разных языках – обучаемым используются те, которые наиболее близки его складу ума.

Исследование концептуальных смыслов в грамматиках русского и китайского языков должно быть построено на выделении, классификации и сопоставлении базовых грамматических концептов, составляющих языковую картину мира каждого из них.

В качестве материала исследования зачастую используются данные словарей и справочников китайского языка, а также работы китайских исследователей, посвященные отдельным фрагментам концептуализации пространства в китайском языке.

Проблема выявления взаимосвязи когнитивных доминант и языковых универсалий на национально своеобразных стереотипов миропонимания представляет собой актуальную и далеко еще не решенную задачу.

Различные фрагменты языковой картины мира носителя китайского языка не совпадают с картиной мира средневропейского стандарта. Это связано с культурно-историческими особенностями данной цивилизации, особенностями китайского языка и письменности. Будучи «аморфным», китайский язык лишен словоизменения – в нем отсутствуют морфологические средства выражения таких категорий, как *время, аспект, лицо, надеж*, число и т.д., однако на концептуальном уровне в нем четко различаются отношения субъекта и объекта, атрибута и предиката и т.д. Информация о пространственно-временной, аспектуальной организации действительности передается не словоформами и не в обязательном порядке, здесь действуют иные механизмы кодирования и декодирования информации.

Грамматику китайского языка отличает слитно-раздельный способ существования частей слов, а тем самым и слов в целом,

широкое использование агглютинативной техники – «склеивания» для выражения различных связей и значений – это важная особенность его морфологии, «скрытой» по своей природе, как и у всех изолирующих языков.

Так, для всех славянских языков стало смысловой доминантой, существенной при характеристике глагола, стало семантическое понятие *вида*, а при характеристике имен – понятие *надежда*. Русский падеж, представленный многочисленными флексиями, сообщает, прежде всего, о том, «кто есть кто» среди участников ситуации, о которой идет речь: субъект и объект действия, адресат, получатель, причина, место, число и т.д. В китайском языке такую функцию берут на себя порядок слов, служебные слова и предлоги. Отсутствие грамматической категории числа компенсируется здесь лексическими средствами или не выражаются совсем, если противопоставление единственности/ множественности в каких-то контекстах оказывается незначимым (когда важно не количество предметов, а его/ их наименование). Категория аспекта (вида) выражается семантически: способ действия передается значением односложного глагола или благодаря его сочетанию с другим глаголом или знаменательными словами. Категория времени передается с помощью служебных слов, которые, как правило, восходят к знаменательным единицам².

«Коварность» китайской грамматики состоит также в том, что служебные слова, несущие ту или иную функцию, употребляются только в определенных контекстах, т.е. тогда, когда введение грамматической информации необходимо с коммуникативной точки зрения. В остальных случаях употребление многих служебных слов не факультативно, а недопустимо (за исключением нечастых ситуаций, когда употребление или неупотребление может быть обусловлено стилистически).

Таким образом, китайское слово, в большей степени, чем русское, идентифицируется в синтагматическом плане. Синтагматизм китайского и соответственно парадигматизм русского – это те *типологические доминанты*, по которым определяются данные языки как системы и которые могут служить основой при их сопоставлении.

Другими словами, употребление грамматических маркеров в речевом режиме в китайском языке детерминировано исключительно характером высказывания: что это – новое сообщение или его уточнение, разъяснение, подтверждение. Следовательно, употребление грамматических и лексических средств зависит от коммуникативных типов высказываний.

Как отмечает профессор Тань Аошуан, для китайского языка характерно более антропоцентрично ориентированное представление о существовании объекта в пространстве. Признаками этого является как дробность глагольных предикатов, описывающих человека (обозначение его поз, например) и его деятельность, так и строгое отграничение человека от животных и артефактов при употреблении глаголов, описывающих способы существования: «Только человек может *стоять, лежать, сидеть*. Все остальное *либо существует само по себе, либо так, как человек его «поставил»*³.

Интересно, что китайский исследователь Кай Кай рассматривает автономный иероглиф в качестве «чистого концепта» как совокупности потенциальных лексических и грамматических смыслов, актуализирующихся только в контексте. «Ведущим формальным критерием отнесения того или иного иероглифа к имени существительному предлагается считать способность присоединять счётное слово»⁴.

Практика преподавания русского языка как иностранного показывает, что системная, или формальная грамматика не может быть положена в основу преподавания языка китайским студентам потому, что: представляя систему языка, она не описывает, во-первых, содержательный аспект языка, а во-вторых, закономерностей функционирования языковой системы в живой речи, в процессе которого многие системные связи и положения не только нарушаются, но часто и принципиально перестраиваются, так что на ее основе нельзя обучить их активному владению русской речью. Соответственно, требуется такое грамматическое описание русского языка, которое удовлетворяет этим требованиям.

Единственной грамматической реальностью китайского языка, существенно отличающей его от русского, является функциональная позиция в предложении. Слова, не имеющие внешних морфологических показателей, занимая ту или иную позицию, приобретают соответствующее грамматическое значение, т.е. идентифицируются в синтагматическом плане. Порядок слов, таким образом, представляет собой «скрытую категорию падежа». Многие грамматические категории приходится рассматривать с учетом целой совокупности факторов лексического и грамматического порядка. Кроме того, семантическая ценность той или иной формы китайского языка раскрывается в ее контекстуальных связях, языковом окружении, что также необходимо учитывать при контрастивном описании.

Семантическая ценность той или иной формы китайского языка раскрывается, прежде всего, в ее контекстуальных связях. И если

ее отображать посредством «системной сетки русского языка», то она сознательно подвергается искажению.

Например, род существительных в китайском языке при необходимости может быть выражен своеобразными «морфемами»:

[xuesheng]	– студентка \ студент
[nanxuesheng]	– студент (nan – мужчина)
[nuxuesheng]	– студентка (nu – женщина)

При учете всех тонкостей и вариаций употребления грамматических форм в сопоставляемых языках необходимо начинать с анализа их парадигматических основных значений, а не того, что принадлежит разным уровням использования материала. Единство формы и значения и парадигматическая закреплённость значений в системе парадигматических связей создает основу для контрастивного грамматического анализа:

[zou]	– идти (нулевая грамматическая форма)
[zoule]	– шел
[zouzhe]	– идет
[zouguo]	– прошел

Данные служебные элементы выражают время и вид глагола. Китайские лингвисты считают их формами глагола, т.е. представляют как аналитические «формы в широком смысле».

В то же время многие грамматические категории приходится рассматривать с учетом целой совокупности факторов лексического и синтаксического порядка.

Таким образом, сопоставление русского языка, имеющего разветвленную именную парадигму, с китайским «аморфным» языком должно предусматривать вовлечение его синтаксического уровня для полноты выражения соответствующих значений. Связи синтаксиса с морфологией и с лексикой при этом осуществляются главным образом через посредство словосочетания. Ср., например:

[hong tai yang]	– красное солнце
[hong zhi]	– красный лист
[bian hong]	– краснеет
[hong le]	– покраснел и т.д.

Кроме того, нам представляется, что перевод может быть использован как дополнительный прием выяснения сходств и различий сопоставляемых языков.

В контрастивной грамматике таких неродственных языков, как русский и китайский, отражается неадекватность, разноуровневость отдельных грамматических подсистем, категорий и значений, что вынуждает обращаться при их анализе к большим отрезкам (или текстам) сопоставляемого материала.

Глагол в китайском языке не изменяется по лицам, числам и родам. Его грамматические формы определяются за пределами слова, с помощью особых «суффиксов», которых в языке немного. Например: *zou* (нулевая грамматическая форма) – идти; *zoula* – шел; *zouzhuo* – идет, *zouguo* – пришел. Характерно, что временные значения могут передаваться с помощью отрицаний, различных для разных времен⁵.

Данные служебные элементы выражают время и вид глагола. Китайские лингвисты считают их формами глагола, т.е. представляют их как аналитические «формы в широком смысле», определяемые не в рамках одного слова. В то же время грамматические и лексические значения в слове синтетичны.

Совокупность грамматических единиц составляет «формы слова» в широком смысле. Поэтому можно сказать, что типологические категории в синтетических языках (русский) выражается синтетическими формами и соответствующими аналитическими значениями. А в аналитических языках (китайский) выражается аналитическими формами и соответствующими синтетическими значениями. В этом и состоит особенность типологической взаимосвязи лексического и грамматического уровней внутри слов китайского языка как аналитического.

Таким образом, «деление языков на изолирующие и неизолирующие – должно осуществляться не на основе морфологической структуры слова, а на основе синтаксических свойств слов и их форм, иначе говоря, на основе выраженности или невыраженности в словах отношений к другим словам»⁶.

Можно отметить, что китайский язык идет по пути все большей грамматикализации, в нем все более развивается и набирает силу агглютинация. Оставаясь с точки зрения синтаксиса (способа связи слов) изолирующим, в морфологическом отношении китайский язык уже является агглютинативным.

Более того, на морфологическом уровне наблюдается появление фузионных явлений типа эризации, стяжения слогов и т. п. Это не наследие старой морфологии, а новые явления.

Развитие современной лингвистики в направлении функционального подхода к языку дает возможность понять суть функционирования знаковой системы аморфных языков как в лингвистическом аспекте, так и в методических целях – обучения китайских учащихся. Отказ от ментальности, навязанной этим языкам, осмыслением индоевропейских языков со свойственной им флективной техникой, позволяет адекватно описать присущую китайскому языку изолирующую технику.

¹ Универсалии и типологические исследования. М.: Наука, 1974.

² *Тань Аошун*. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.

³ Там же. С. 114.

⁴ *Как Кай*. Концептуальные смыслы грамматических категорий русского имени существительного на фоне китайского языка: автореф. дис ... к. филол. наук. М., 2009. С. 5.

⁵ *Задюенко Т.П., Хуан Шун*. Основы китайского языка. М.: Изд-во «Наука», 1993.

⁶ *Тань Аошун*. Указ. соч. С. 84.

Lopukhina R. V.

Tula State Pedagogical University Leo Tolstoy

**«Paradigmatism» of Russian language and Chinese «sintagmatism»
as a basis when comparing them for educational purposes**

Comparison of the Russian language, has branched out to a paradigm, with the Chinese «amorphous» language involves parsing the last level to express their respective values. Connection syntax with morphology and vocabulary in this mainly through phrases. Chinese sintagmatism and paradigmaticism respectively, of Russian is the typological, which establishes the dominant languages and systems that can serve as a basis for comparison and study.

Keywords: nominal paradigm, morphology, amorphous, syntagma, syntax, typology, dominant.

Бойчиук Г. В.

*Российский государственный
педагогический университет имени А. И. Герцена
galini_lt@mail.ru*

К проблеме использования английских заимствований в деловых письмах на русском языке

Статья посвящена глобализирующему влиянию английского языка, в частности заимствованиям, на деловую письменную коммуникацию в России. На примере деловых писем различных жанров рассматриваются наиболее частотные виды ошибок, встречающиеся в бизнес-корреспонденции при использовании заимствованных слов и выражений, а также даются рекомендации по их устранению. В заключении автор обращает особое внимание читателя на отрицательное влияние языковой моды при составлении различных видов деловых писем на русском языке.

Ключевые слова: деловое письмо, бизнес-корреспонденция, деловая переписка, англицизмы, английские заимствования, ошибки в деловых письмах.

Одним из важнейших процессов современности является глобализация, в частности, стремительное распространение английского языка по всей планете. Конечно, подобная языковая экспансия не могла обойти стороной Россию, поэтому неудивительно, что в настоящее время англоязычная лексика активно проникает во все сферы нашей жизни, в том числе деловой. В данной статье мы рассмотрим наиболее распространенные типы ошибок в употреблении английских заимствований на примерах из официально-делового стиля русского языка, в частности. Материалом настоящего исследования послужили деловые письма различных жанров, полученные автором за последний год.

Традиционно язык как главное средство общения – это один из ключевых индикаторов состояния любого социума, поэтому любые трансформации общественных отношений, в том числе в международной сфере, неизбежно сказываются на языковой картине страны. Глобализирующее влияние английского языка, расширение делового сотрудничества с иностранными компаниями вместе со стремительным развитием электронной среды, без сомнения, находят свое отражение в русском языке в виде неологизмов – новых слов,

возникших в языке. Обратим внимание на тот факт, что такие слова как «резюме», «контракт», «бизнесмен» и пр. были когда-то заимствованными неологизмами, но сейчас мы, как обычные носители, этого не ощущаем – настолько прочно они утвердились в нашей реальности. По наблюдениям большинства ученых, вследствие процессов глобализации изменения затронули, прежде всего, лексическую составляющую языка, которая является одной из самых восприимчивых к постоянно меняющимся реалиям общественной жизни. Причин заимствований английских слов существует множество, среди которых Л.П. Крысин в качестве наиболее распространенных выделяет следующие¹:

1. Потребность в наименовании новой вещи, нового явления и т.д.

2. Необходимость разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся понятия.

3. Необходимость специализации понятий – в той или иной сфере, для тех или иных целей.

К вышеуказанному М.Д. Арутюнова², А.Б. Гофман³, В.Г. Костомаров⁴, М.А. Кронгауз⁵ и др. добавляют еще такую причину, как мода на англицизмы в современном российском обществе: *такс (налог), сейл (распродажа), дедлайн (крайний срок выполнения какого-либо задания), сервис (услуги)* и пр.

Действительно, стало обыденным такое явление, когда в деловые письма попадают англицизмы, обозначающие понятия, которые имеют абсолютные синонимы в русском языке: «Срок действия договора может быть пролонгирован» вместо «продлён». «Детали проведения конференции можно обсудить во время приватной беседы» вместо «личной» (из деловой переписки). «Сообщаем Вам о продлении дедлайна принятия статей по двум конференциям до 3 ноября 2017 г. включительно» вместо «о продлении срока принятия статей» (из информационной рассылки). Более того, в некоторых случаях употребление заимствованного слова может затруднить восприятие информации для тех людей, которые владеют английским языком на невысоком уровне: «...в связи с этим всем сотрудникам рекомендуется апдейтить антивирусные системы своих ПК» (вместо *обновить*). Таким образом мы наблюдаем, как в настоящее время глобализация английского языка, особенно в его американском варианте, оказывает серьезное влияние на русский язык, в частности на лексическую составляющую официально-делового стиля.

Большинство лингвистов отмечает, что стилистические изменения касаются главным образом перераспределения и смешения языковых средств, когда в нейтральную категорию попадают лексические единицы, традиционно выходящие за пределы литературной нормы: просторечие, жаргон и арго. Кроме того, если в качестве примера взять официально-деловой стиль, то здесь наблюдается соединение таких противоположностей, как книжность и разговорность, что считается недопустимым с точки зрения стилистического оформления текста: «*Позвольте пригласить Вас на наш новогодний корпоратив в честь переизбрания Б.С. Николаева на должность гендиректора компании*» (из текста приглашительного письма). В данном отрывке общий тон официально-делового письма нивелируется за счет разговорного слова «*корпоратив*», вследствие этого в нашем случае гораздо лучше будет заменить его нейтральным «*праздник*», «*вечер*». То, что естественно для разговорной речи – эмоциональность, избыточная детализация, жаргон, неполные синтаксические конструкции и другие черты неофициальной речи, – недопустимо в деловых письмах.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что подобные явления, когда разговорные слова, жаргон возникают в официально-деловом стиле русского языка, свидетельствуют о размывании границ между стилями, что в свою очередь вызывает тенденцию к их взаимопроникновению. «Преобразующие систему языка процессы осуществляются на всех уровнях языка в некоторых ее слабых, неустойчивых звеньях путем нейтрализации старых оппозиций и возникновения новых. Сферами их распространения становятся все разновидности литературного языка за исключением письменной научной речи»⁶.

Обратим внимание, что в деловой корреспонденции, не имеет при этом значения электронная она или бумажная, особую роль играют начало и концовка – рамка письма. Чаще всего мы начинаем с этикетных формул:

Уважаемый(ая) + имя-отчество!

Уважаемый(ая) + должность!

Однако обратим внимание на завершающую часть письма со стандартным: *Должность + ФИО*;

С уважением, + ФИО;

Искренне Ваш(а), + должность ФИО.

По нашим наблюдениям, калька «*Искренне Ваш(а)*» (англ. *Sincerely yours, Yours Sincerely, Sincerely*), хотя и не является очень

популярной, все же достаточно распространена в письменной бизнес-коммуникации. В связи с этим стоит отметить, что *Sincerely yours* в англоязычном мире считается более уместной либо при обращении к тому адресату, с которым Вы знакомы лично, либо когда речь идет о сопроводительных и поздравительных письмах. Но в подобных случаях письмо начинается с менее формального обращения *Dear + name* (*Дорогой(ая) + имя!*) То же самое справедливо по отношению к таким заключительным строчкам, как «*Best wishes*», «*Best regards*», «*Allbest*», «*Best*» («С наилучшими пожеланиями», «Всего наилучшего») ^{7,8,9}. По нашим наблюдениям, в практике русского делового письма завершающие фразы «*Искренне Ваш(а) + ФИО*», «*С наилучшими пожеланиями + ФИО*», «*Всего наилучшего*» используются в различных жанрах писем, в том числе и по отношению к незнакомым лицам, что в некоторых ситуациях, по нашему мнению, вызывает неоднозначную реакцию адресата. Конечно, руководитель предприятия, получив письмо с предложением о сотрудничестве, приглашение, финансовый отчет от бухгалтера, обязательно его прочитает, но насколько искренен был при этом отправитель, он не может знать. Поэтому, по нашему убеждению, с калькой «*Искренне Ваш(а)*» следует обращаться осторожно и оставить ее для писем-поздравлений и благодарностей, а в случае сомнений лучше закончить письмо стандартным «*С уважением, + ФИО*». Официально-деловой стиль русского языка требует отсутствия эмоций, личного отношения к теме сообщения, в то время как наречие «искренне» уже предполагает некую субъективность. Что касается различных вариантов наилучших пожеланий, то подобные фразы приятно прочитать, но сферу их употребления в бизнес-корреспонденции все-таки следует ограничить знакомыми адресатами, чтобы не создавать впечатления излишней любезности или фамильярности.

Кроме того, неудачное использование иностранных слов и выражений зачастую приводит к смысловым повторам, то есть тавтологии: «*Прошу выделить персональный служебный автомобиль в единоличное пользование в связи с увеличением количества поездок по торговым точкам г. Санкт-Петербурга*» (из текста письма-просьбы). В данном примере мы сталкиваемся с такими близкими понятиями, как «*персональный*» (англ. *personal*) и «*единоличный*», поэтому в нашем случае лучше построить следующую фразу: «*Прошу выделить персональный служебный автомобиль в связи с увеличением количества поездок по торговым точкам г. Санкт-Петербурга*».

По нашему мнению, главный успех написания деловых писем заключается в достижении запланированной цели. Если в последнем примере, несмотря на тавтологию, цель делового письма-просьбы была достигнута, иными словами, служебный автомобиль был получен, то акт коммуникации можно назвать успешным. Н.Д. Арутюнова¹⁰, Т.В. Булыгина и Д.А. Шмелев¹¹ считают, что коммуникативная цель является центральной категорией при создании текста любого жанра. Однако она может выделяться и интерпретироваться адресатом сообщения с большей или меньшей степенью гипотетичности, вследствие чего повышается вероятность коммуникативной неудачи. На наш взгляд, грамотно составленное деловое письмо поможет значительно ее снизить.

Отметим, что зачастую дружеские отношения между корреспондентами снижают строгие требования по отношению к правилам оформления и составления писем, однако, они не отменяют преобладания языковых средств официально-делового стиля речи русского языка. В мире бизнеса нет мелочей, иногда грамотно составленное письмо может повлиять на принятие решений: есть ли смысл заключать сделку с определенной фирмой или нет, принять приглашение на презентацию нового продукта или лучше отказаться и пр. Мы вовсе не против англоязычных заимствований в русской речи, но при их употреблении необходимо знать точное значение слов и выражений, всегда принимать во внимание степень знакомства с адресатом, а также руководствоваться чувством меры – вот лучшее, на наш взгляд, решение для устранения ошибок в деловых письмах любого жанра. Вышеописанная ситуация с заимствованными словами в письменной деловой коммуникации обязывает учителей русского языка, в том числе русского как иностранного, вносить поправки в процесс преподавания. В ходе обучения важным представляется акцентировать внимание учащихся на нецелесообразность употребления заимствований слов и выражений при наличии собственной лексической базы. Кроме того, на занятиях по профессионально ориентированному языку, например, в области экономики, права, гостиничного бизнеса и пр. преподавателю русского языка как иностранного следует обращать внимание не только на активное овладение студентами соответствующей данной области лексикой, но и на грамотный перевод иностранных текстов на русский язык, чтобы не загружать его избыточными заимствованиями и сделать текст письма более доступным для восприятия. К сожалению, нередки случаи, когда отправитель письма ориентируется на языковую

моду, на каноны разговорной речи, поэтому итогом его деятельности становятся тексты, которые являются деловыми только по причине того, что они связаны со сферой деловой коммуникации.

¹ *Крысин Л.П.* Причины и предпосылки лексического заимствования // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 26-33.

² *Арутюнова М.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

³ *Гофман А.Б.* Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: Книжный Дом «Университет», 2015. 228 с.

⁴ *Костомаров В.Г.* Язык текущего момента: понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2014. 220 с.

⁵ *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянской культуры, 2008. 145 с.

⁶ *Лантеева О.А.* Живые процессы в русском языке // Мир русского слова. 2002. № 3. С. 38.

⁷ *Bryan A.* Garner HBR Guide to Better Business Writing (HBR Guide Series): Engage Readers, Tighten and Brighten, Make Your Case. Boston: Harvard Business Review Press, 2013. 240 p.

⁸ *Gillett R.* Here is the perfect way to end an email and 28 terrible sign offs you should usually avoid [Электронный ресурс]. URL: <http://www.businessinsider.com/how-to-sign-off-on-an-email-2015-6> (дата обращения 25.05.2018).

⁹ *Colburn K.* What is the difference between «Regards,» «Best regards,» «Sincerely,» «Yours Faithfully,» and all of the other formulations? Which one is the best to use in North America in an email conversation? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.quora.com/What-is-the-difference-between-Regards-Best-regards-Sincerely-Yours-Faithfully-and-all-of-the-other-formulations-Which-one-is-the-best-to-use-in-North-America-in-an-email-conversation> (дата обращения 25.05.2018).

¹⁰ *Арутюнова М.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

¹¹ *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки мировой русской культуры», 1997. 576 с.

Boichuik G. V.

Herzen State Pedagogical university, Russia

**The Problem of English borrowings in Business Letters
in the Russian language**

The article is dedicated to globalizing influence of the English language (for example borrowed words) on Russian business correspondence. On the example of business correspondence of different genres typical mistakes in the usage of English borrowings are examined, and advices in there elimination are given. In conclusion the author emphasizes the negative influence of language fashion on Russian business correspondence.

Keywords: business letter, business correspondence, Anglicism, English borrowings, mistakes in business letters.

Габдреева Н. В.

*Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева (КНИТУ-КАИ), Россия
n.gabdreeva@mail.ru*

Заимствование на современном этапе: феноменология, типология, причины

Доклад посвящен системному описанию лексических новообразований различной этимологии в русском языке новейшего периода на фоне прототипов. На материале разнообразных современных публицистических и художественных текстов, толковых, иностранных, этимологических словарей осуществлено выявление и описание механизмов, рецепции иноязычных компонентов в принимающей системе, определены основные тенденции, причины, функции заимствований, а также тематических состав и особенности их ассимиляции в русском языке.

Ключевые слова: неологизмы, прототипы, особенности функционирования, структурно-семантические изменения.

В истории русского литературного языка существовали периоды активного иноязычного влияния. Это Петровская эпоха, XIX век, период научно-технической революции. Современная языковая ситуация также характеризуется ведущими контактологами как активно развивающаяся за счет неологизмов иноязычного происхождения. По справедливому замечанию составителей Толкового словаря русского языка конца XX века, русская лексическая система представляет собой открытое образование, в которой заложено обновление за счет заимствованных неологизмов [1, с. 7]. В истории русского литературного языка их оценки, как правило, полярны: одни полностью отрицают новообразования (по меткому выражению В.И. Даля, “гонят анафемой”), предлагая в качестве эквивалентов собственно русские образования, другие приветствуют, находя интра- и экстралингвистические обоснования. Подобные высказывания современников присутствовали и в Петровскую эпоху, когда поток иноязычных слов был значителен и сопоставим по значимости с современным, и сегодня, в новейший период развития русского языка, когда упреки в чрезмерном и неадекватном использовании иноязычных новообразований достигают уровня варваризации и вестернизации. Чаще всего анализ причин и механизмов миграции

как таковой отсутствует, а лингвистические замечания носят характер явно выраженной занимательной стилистики. В настоящем докладе мы рассмотрим некоторые особенности функционирования и рецепции иноязычных слов в русском языке новейшего периода на основании анализа новейших словарей иностранных слов, толковых словарей русского языка, современных переводов, а также публицистических источников, художественных произведений некоторых современных писателей моно- и билингвов. Так источником анализа послужили переводы романов и повестей современных писателей А. Гавальда, Ф. Саган, П. Зюскинда и некоторых других. К анализу привлекались и произведения, созданные франкофонами, например, роман К. Сапгир «Париж, которого не знают парижане», анализировались периодические издания (например «Коммерсантъ») [Сапгир 2012], в которых доля иноязычных новообразований весьма значительна. Источниками послужили также практически все произведения Дины Рубиной, а также некоторые романы Майи Кучерской, Марины Серовой, Людмилы Улицкой.

1. Известно, что каждый период в истории русского языка имел в качестве источника, как правило, один язык. Так XVIII и середина XIX вв. – это период франкофонии, который позже сменяется английским воздействием. Отличительной чертой современной языковой ситуации является многоконтakтность. Несмотря на доминирующее влияние английского языка (эстимейт, файл, постер, тостер, терминал, дринк и др.), не менее активными в качестве языков-источников выступают немецкий (трифолау, гастарбайтер, штрудель, гешефт, оверкиль, терренкур и др.) и французский (бра, амбуланс, бриошь, помандер, багет, круассан, габель, домен, жульен, визаж, десу, парфюм, парантез). Значительное количество составляют слова из тюркских языков (ясир, байрам, курбан), арабского (аят, джезва, харам, хесболлах, медресе, хилал, галябии, иншалла), персидского (русари, азан, дастан, аятолла, пери) [2, с. 65]. Отмечены лексемы из японского (сегун, якудза, хокку, васаби, ниндзя), испанского (букаро, хамон, фиеста, фазенда, гаспачо, паэлья, Реконкиста), итальянского языков (пенна, фьерентина, паста, папарацци).

2. Общей закономерностью освоения иноязычной лексики является наличие вариантов, под которыми мы традиционно понимаем модификации формы при тождестве семантики. На первом этапе проникновения в язык-источник вариантность обусловлена двумя факторами – влиянием иноязычных прототипов, которые одновременно могут функционировать в разных языках и накладывать

отпечаток на иностранное слово, и рецепционными особенностями принимающей системы, под которыми мы понимаем традиционно сложившиеся фонетико-морфологические модели. Таким образом, отмечены следующие группы:

– фонематические варианты: промоушн – промоушен, кич – китч, аниме – анимэ, биеннале – бьеннале, индигенат – индиженат, маргинальный – маржинальный, трансфер – трансферт.

– морфологические варианты: дизез – дизеза, контрафакт – контрафакция, прелюд – прелюдия, бурлеск – бурлеска;

– орфографические варианты: суси-суши, скватер – сквотер, рамадан – рамазан, коинур – кохинур, ленч – ланч, кирха – кирка, твен – твенс, левис – ливайс, а-ля фуршет – аляфуршет – фуршет;

В особую разновидность следует выделить параллельное функционирование транслитерированных и нетранслитерированных форм, таких как: Лекситан//Локситан, –L'Occitane, Картье – Cartier, Рено – Renault, Пежо – Peugeot, а ля – à la, Алкатель – Alcatel, Л'Этуаль – L'Etoile, Лагерфельд – Lagerfeld, прет-а-порте – prêt-à-porter.

Отмечается также появление новых вариантов (в связи с активизацией языка-источника или вмешательством языка-посредника) для заимствований со значительным адаптационным периодом, которые ранее имели стабильную давно установившуюся форму в русском языке: комедии – камеди, фантазия – фентези, акция – экшен, фанатики – фаны, фанаты, в том числе и имена собственные: Хазбалла – Хазбаллах Хюттль-Ворт – Хюттль-Фортер, Дарбельне – Дарбельней, Мицубиси – Мицубиши, Ламбардини – Ламбарджини, Бертон – Бартон и др.

3. Иноязычные лексемы пополнили лексику самых разнообразных сфер жизни: компьютерные технологии: файл, домен, адрес, принтер, сервис, ноутбук; политика и дипломатия: аппаратель, агреман, вализа, глобализм, детант; экономика и финансы: офф-шор, овердрафт, авизировать, авуары, вальвация, котировка, кулисье, промесса, рамбурсировать, репорт, девизы; юриспруденция: аваль, аллонж, дезавуирование, декувер; мода: букле, деграде, угги, десу, ботильоны, бандо, бутик, бюстье, винтаж, гламур, дефиле, кутюрье, от-кутюр, парео, прет-а-порте, меланж, татуаж; искусство: ню, сюр, перфоманс, креатор, ардеко, ар нуво, бьеннале, гран-при, гранж, коллаж, маршан; телевидение: аниме, визажист, дубляж, каскадер, матракаж, нуар; лингвистика и филология: пиджин, лингва франка, анаколуп, конкорданс, прескрипция, дуратив, парантез; строительство и архи-

текстура: антаблемент; информатика и ВТ: дискета, консоль; спорт: полатлон, легионер, эйс, дерби, лякросс, пелотон; кулинария и ресторанная сфера: су-шеф, крекер, суши, роллоны, паста, ресторатор, сомелье, круассан, жульен, пралине, антрме.

В рассматриваемый период отмечается заимствование переносных значений и семантическая деривация ассимилированных лексем, известных русскому языку с XVIII–XIX вв.: репертуар ‘меню ресторана’, куратор ‘руководитель выставки’, эпизод ‘факт в уголовном или гражданском деле’, ‘конверт’ способ приготовления блюда ‘адрес ‘информационный код в компьютерной технологии’, ателье ‘творческая мастерская’ антре ‘специфическая манера входа’, гамбит экстраполяция шахматного приема на поведение человека, реверанс ‘подобострастие, угодничество’, жабо ‘подбородок’ и др. Природа переносного значения может быть двойкой, с одной стороны, это развитие инновации в принимающей системе, а с другой, – вторичное семантическое заимствование, которое сегодня высоко-частотно (конференция ‘спорт.’, дерби ‘встреча клубов’, принц ‘избранник’, портфель ‘совокупность документов’). Активны переносные значения первой группы в изначально креативных текстах публицистики (коктейль ‘смесь духов’, ингредиенты ‘составляющие кино’, дебют бренда, ателье ‘мастерская’ дежавю ‘повтор’) и художественной литературы, ср. у Д. Рубиной виньетки сюжета, арабески деталей, серпантин повествования, сессия воспоминаний, карусель событий. В текстах, созданных билингвами, отмечается значительное количество новообразований, заполняющих так называемые лакуны (гарсон, либертинаж, шаурс, мюроль, эпюасс, амбрэ, ремюаж, лупаннар, трифолау), которые отсутствуют в современных словарях иностранных слов. Это в основном специфические наименования разновидностей вина (пинар – кислое, дешевое; пастис; кюве – смесь разных вин), сыров (шаурс, мюроль, эпюасс, канталь, камамбер, шаперон, рокфор), устриц (белон, бузиг, граветт, марен), отсутствующих в русской культуре явлений (габель – налог, включенный в цену соли), топонимы (Довиль, Мишу, Лидо, Фоли-Бержер), названия технологий и этапов работы (мюзо – проволока, которой крепится пробка от шампанского; ремюаж – операция в виноделии, избавление от осадка, купаж), игр (петанк), предметов (помандеры – ароматный шарик из натуральных материалов; таблетьеры – мастера, изготовлявшие оправы для вееров) [3].

4. В связи с ростом аналитизма в русском языке наблюдается активизация композитов, иноязычных словосочетаний, аббревиатур:

доги-бег, визит-эффект, кэш энд керри, вагон-ли, от кутюр, дежавю, траверсе дюдезер, африк нуар, CD, RSVP, VS (и другие марки идентификации коньяка), он-лайн, нон-стоп, мейк-ап, де люкс. Гетерогенность пласта связана с различной степенью ассимиляции составляющих и типологическим и структурным различием компонентов, которые представлены: 1) иноязычными образованиями, в которых оба компонента не ассимилированы и которые перенесены в русский текст чаще всего по причине элиминации лакуны, отсутствия полноценного эквивалента или в стилистических целях: норд-стрим, скрин-шот, смарт-бай, бейбиситтер, прайм-синема, бэби бум, брейк-данс, бутл-парти, бестселлер, кавэ-гёрл, даблток, дабл-фейс, кам-бэк, кип смайлинг, квестшн-тайм, калче шок, фьюче-шок, кавэ-стори, пост продакшн, прам-тайм, френч-пресс, экзит-пул, дрим-тим, лав стори, паблик релейшендз, гоу-ин, сит-ин; 2) образованиями, в которых оба компонента ассимилированы и выступают в русском языке в качестве самостоятельных слов: холдинг-центр, запчасть-люкс, визит-эффект, караоке-приставка, имидж-терапия, чек-лист, ноль-диета, джин-тоник, стоп-кран, эконом-сеть, ритм-секция, климат-контроль и, наконец, 3) лексемами, в которых ассимилировался только один компонент: участок-крю, бьюти-стиль, крэш-контроль, апарт-отель, хэви-метал, арт-директор, хит-парад, кар-сервис, миллионерфэ, шоу-рум, беби-бум, кейс-метод, таунхауз, тест-драйв[4,с.130]

5. Многие новые иноязычные лексемы являются избыточными, поскольку для номинации в языке-источнике уже существуют исконные или ранее заимствованные и ассимилированные слова, таким образом, новообразования либо пополняют синонимический ряд и иллюстрируют один из общих законов развития всякого языка – специализацию лексики [5, с. 55] (галета-крекер, контроверза – спор, рассуждение, дискуссия, платитюд – банальность, визаж – мейк-ап – макияж, твенс – тинейджер, подросток, шоп – магазин – супермаркет – молл, официант – бармен – сомелье – бариста), либо приобретают в языке-источнике дополнительную сему или этнокомпонент лексического значения, отсутствующий в прототипе (курбан ‘мусульманский праздник’, ясир ‘ пленник у татар и турок’, псалмы ‘христианские молитвы’, бутик ‘дорогой, эксклюзивный магазин’).

6. Характерной особенностью языковой ситуации являются так называемые вставки, или иноязычные вкрапления, выполняющие самые разнообразные функции (сатирические, сохранение товарного

знака и пр.). Ср. в “Коммерсанте”: школа CordonVleu, роскошная place, система buffet, имеют статус highjewelry, в области savoirvivre [6, с. 29]. Так в романе Д. Рубиной “Белая голубка Кордовы”, часть событий которого происходит в Испании, либо так или иначе связано с ней, отмечено значительное количество испанских лексем и выражений, причем нетранслитерированных и кириллических: ихо, булериа, alegrιαс, таконео, голпе, буэно, макарена, вале, пунетеро, нинья. Значительное число нетранслитерированных элементов содержится в рекламных и переводных изданиях: “Особого внимания также заслуживает безусловное *know-how* – знаменитый *all-round-concept*” [3, с. 10], а также в художественной литературе, например у К. Сапир, вставками буквально испещрен роман: “Что до правобережных ВСВГ, они, как сказано в начале, должны иметь безупречный look” [3, с. 81], “таинственно-элегантные флаконы с незабываемыми духами фирмы Lalique” [3, с. 130]. Тематика вкраплений весьма разнообразна, это названия улиц, местечек, деревень, пивнушек, оставивших след во французской и мировой истории (лавка на улице Petits Champs, откуда берет начало Cartier, прославленное кабаре Moulin Rouge, знаменитый блошинный рынок Marche aux puces, Grand Opera, французские булочные boulangerie и остальные пекарни fournils patisse riessand wicherie), легендарные французские имена художников, поэтов, виноделов, кутюрье и банкиров, общепринятые сокращения и бренды (банкир и меценат Albert Kahn, скульптор Henri Allouard, часы Pasha). “Что такое быть branche? Где же branche могут выпить в Париже?” [3, с. 60].

Рассмотренные эти и другие, более частные, особенности функционирования новой иноязычной лексики позволяют сделать некоторые наблюдения над рецепционными процессами, отличающими современный этап развития русской лексической системы от, например, Петровской эпохи.

¹ Складская Г.Н. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения СПб.: Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. 1998. 700 с.

² Современная иранская проза: Антология иранского рассказа в 2-х тт./ Пер. с персидского. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 336 с.

³ Сапир К. Париж, которого не знают парижане. СПб.: Росток, 2012. 384 с.

⁴ Габдреева Н.В., Гурчиани М.Т. Словарь композитов русского языка

новейшего периода. М.: Флинта;Наука, 2012. 280 с.

⁵ *Гак В.Г.* Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: КомКнига, 2006. 336 с.

⁶ Weekend Коммерсантъ. 2011. № 25, 46; 2012, № 21; МоДаМо: Осень-зима 2007/2008. М. 120 с.

Gabdreeva N. V.

*Kazan State Technical University named after A.N. Tupolev,
Russia*

**Borrowings at the Present Time:
Phenomenology, Typology, Reasons**

The article is devoted to the description of lexical neologisms of various etymologies in the Russian language on the background of the most recent period of prototypes. Identification and description of mechanisms and perception of borrowings are carried out on the material of various modern journalistic and literary texts, explanatory, foreign, etymological dictionaries. Foreign-language components in accepting system, main tendencies, reasons, functions of borrowing as well as their thematic structure and features of their assimilation in Russian are defined.

Keywords: foreign-language neologisms, assimilation, composites, peculiarities of functioning.

Лысакова И. П.

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, Россия
lip1010@yandex.ru*

Четверть века в поиске методических инноваций: к юбилею кафедры межкультурной коммуникации

В статье описываются этапы развития кафедры межкультурной коммуникации РГПУ им. А. И. Герцена, рассказывается об учебных программах и научном направлении.

Ключевые слова: межкультурное образование, методика обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному, мигранты, толерантность.

Кафедра межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена была основана в 1992 году. По инициативе Г.А. Бордовского (тогдашнего ректора РГПУ) новой кафедре, созданной на факультете русского языка как иностранного, было дано наименование *«кафедра методики обучения русскому языку как иностранному»*. Созданная в перестроечное время кафедра была призвана открыть путь новым методическим направлениям в обучении русскому языку как иностранному. До 1990 года наши учебники по русскому языку для зарубежных стран были сильно идеологизированы, и в основном учили русскому языку потому, что «им разговаривал Ленин» (В.В. Маяковский). Поэтому и тексты, и иллюстрации в этих учебниках, и содержание их были очень политизированы.

Перед нами была поставлена ректором задача создать новые учебные планы подготовки современных специалистов РКИ и выпустить учебные пособия с новым методическим содержанием.

Забегая вперёд, отмечу, что эти задачи нам удалось выполнить: в 2017 году в московском издательстве «Русский язык. Курсы» вышло в третий раз учебное пособие «Методика обучения русскому языку как иностранному», а в апреле 2018 г. защитила кандидатскую диссертацию 75-я аспирантка кафедры. В 2013 году созданная на кафедре научная школа «Межкультурное образование» вошла в реестр ведущих научных школ Санкт-Петербурга.

Путь к этим вершинам был тернистым и во многом инновационным:

– *впервые* в России мы включили в середине 1990-х гг. в учебные планы бакалавриата такие дисциплины, как социолингвистика и психолингвистика, этнолингвистика и контрастная лингвистика;

– *впервые* в вузах России в 2000 году разработали и открыли магистерскую программу «Лингвокультурологическое образование»;

– *впервые* с 1997 года организовали ежегодную зарубежную учебную практику по РКИ в Польше и в Финляндии;

– *впервые* в Петербурге начали обучать русскому языку детей мигрантов (2005 год) и создали «**Русский букварь для мигрантов**» (М., 2010 и М., 2011), ставший журналистской сенсацией 2010 года и получивший **Гран-При** на международной выставке **Global International 2012**;

– *впервые* создали учебное пособие «Основы обучения методике неродного языка» (Спб., 2015).

В 2000 году кафедра изменила своё традиционное наименование и одной из первых в России стала называться **кафедрой межкультурной коммуникации**, что соответствует научному направлению кафедры «Межкультурное образование».

Обширные международные связи кафедры, сложившиеся за 27 лет, постоянно расширялись за счёт активного участия преподавателей кафедры в конгрессах РОПРЯЛ и МАПРЯЛ, а также за счёт поддержания связей с выпускниками нашей аспирантуры. Зарубежные выпускники кафедры работают ректорами вузов (Лю Хун), деканами факультетов (Янь Чжике), зав. кафедрами русского языка в разных странах, президентами национальных ассоциаций русского языка в Венгрии (С. Хамшовски) и Великобритании (Л. Кларк-Рязанова).

Кафедра приобрела широкую известность не только в России, но и за её пределами благодаря уникальному международному проекту «Русистика и современность», инициированному в 1997 году нашей кафедрой вместе с кафедрой русского языка Жешувского университета (Польша). Эти ежегодные конференции проходят поочередно в разных странах (Россия, Польша, Украина, Латвия, Франция, Казахстан). В этом году кафедра межкультурной коммуникации пригласила наших партнёров на XXI конференцию «Русистика и современность» в РГПУ им. А.И. Герцена 27- 29 сентября.

В этой конференции приняли участие **138** вузовских преподавателей русского языка из **15** стран: России, Венгрии, Польши, Китая,

Казахстана, Франции, Германии, Италии, Израиля, Латвии, Эстонии, Украины, Молдовы, Грузии, Болгарии.

Подготовкой конференции руководил Оргкомитет во главе с ректором Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, членом-корреспондентом Академии образования С.И. Богдановым. Членами Оргкомитета были проректоры Ю.А. Комарова, Л.Н. Цветкова, декан филологического факультета Н.Л. Шубина и преподаватели кафедры межкультурной коммуникации филологического факультета во главе с заведующей кафедрой И.П. Лысаковой. Конференция была организована при поддержке фонда «Русский мир».

Важной особенностью этой конференции является то, что она проходит ежегодно попеременно в вузах – учредителях этого сообщества русистов: Жешувском университете (Польша), Латвийской международной академии, в Одесском национальном университете им. И.И. Мечникова, в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилёва, в Силезском университете (Польша). В РГПУ им. А.И. Герцена конференция проводится в 5-й раз.

В ближайшем будущем мы намерены продолжать уже начатые проекты и развивать наше сотрудничество с недавно созданным Межвузовским центром билингвального и полилингвального образования РГПУ им. А.И. Герцена, которому мы передали проект Ленинградской области «Школа мигранта». В наших планах восстановление второй магистерской программы «Теория и практика межкультурной коммуникации в полиэтнической и поликультурной среде», открытие дупрофильного бакалавриата, повторное издание «Русского букваря для мигрантов» .

Следует отметить, что коллектив кафедры межкультурной коммуникации РГПУ им. А.И. Герцена занимается проблемами обучения русскому языку мигрантов с 2005 года, создав в 2006 году Центр языковой адаптации мигрантов, силами которого организовывалось обучение культуре русской речи детей в поликультурных классах Санкт-Петербурга на основе разработанных преподавателями учебных пособий «Мы говорим по-русски» [Мы говорим по-русски 2007], «Русский букварь для мигрантов» [Русский букварь для мигрантов 2010] , «Азбука вежливости» 2013], «Школа мигранта» (2017).

Центр занимается обучением русскому языку детей (волонтеры-студенты) и взрослых (субботние и воскресные школы), организацией консультаций и курсов повышения квалификации для учителей полиэтнических классов, созданием учебных пособий по

корректировочным курсам русского языка для полиэтнических школ.

Центр провел курсы повышения квалификации преподавателей русского языка по программе «Методика обучения русскому языку как неродному с применением мультимедийных технологий» (72 часа) не только для учителей полиэтнических школ Адмиралтейского района Санкт-Петербурга, но и для учителей других районов Санкт-Петербурга, Екатеринбург, Астрахани и Курска. Для слушателей курсов ФПК было специально издано пособие «Русский язык как инструмент создания толерантной среды в поликультурной школе Санкт-Петербурга» (СПб., 2012).

Здесь уместно пояснить, что в российской лингводидактике существует терминологическая триада: «русский как **родной**, русский как **неродной** (для живущих в России инородцев-мигрантов), русский как **иностранный** (для иностранцев, живущих за пределами России)». Этот терминологический разнобой отнюдь не случаен.

В конце 60-х годов прошлого века был длительный период непризнания «русского языка как иностранного», пока ВАК не смирился с разными номинациями одной специальности 13.0.02 – теория и методика обучения и воспитания (*русский язык*), теория и методика обучения и воспитания (*русский язык как иностранный*).

На практике «русский язык как неродной» уже давно живет достаточно активно своей частной жизнью, отличающейся по качеству от своих собратьев. В советское время существовала дисциплина «*русский язык в национальной школе*». Преемником этой номинации сегодня стала номинация «*русский язык как язык межнационального общения*», противопоставленная русскому языку как *родному* (ср. Саяхова Л.Г.), у других авторов «русский язык в национальной школе» заменен на «*русский язык в общеобразовательных учреждениях с родным (нерусским) и русским (неродным)*» (Быстрова Е.А. др.). В «Лингводидактическом энциклопедическом словаре» А.Н. Щукина есть 2 номинации «Русский язык как иностранный» и «Русский язык как неродной», каждой посвящена отдельная словарная статья. Но содержание терминологического сочетания «русский язык как неродной» трактуется в словаре как «русский язык в национальной школе», что не охватывает содержания предмета «русский язык для мигрантов», который сегодня изучается тысячами детей, приехавшими из бывших союзных республик в Россию и вместе с носителями русского языка сидящими за одной партой в одном классе. Этот «третий» русский на практике иногда и вовсе не выделяют.

Так в полиэтнических московских школах (где процент нерусскоязычных детей еще выше, чем в школах Санкт-Петербурга) русский язык преподается этим детям под именем «русский язык как иностран-ный». Конечно, это упрощает проблему, но не полностью решает в научно-методическом плане, так как по уровню содержания и по объему задач этот русский значительно отличается от русского языка как иностранного, хотя элементы методики РКИ, конечно, в преподавании РКН присутствуют.

Есть еще один термин, который, на первый взгляд, может быть вполне пригодным для номинации нашего объекта – «русский язык как второй» (ср. западную традицию English as second language). Московская исследовательница А.С. Маркосян в своей книге «Очерк теории овладения вторым языком», подробно проанализировала возможные номинации «русского языка для мигрантов» и пришла к выводу, что и нейтральный в эмоциональном плане термин «русский язык как второй» (Маркосян, 2004: 88-91) не может быть приемлемым для нашего объекта вследствие многозначности понятия «как второй» (второй после материнского или второй иностранный, или как государственный: для белоруса, для татарина).

В вузах Санкт-Петербурга этот феномен «Русский язык для мигрантов» называют «русский язык как неродной» (РКН), чтобы отделить его от номинации «русский язык как иностранный» (РКИ): есть серьезные различия между РКИ и РКН по целям и по методике обучения. Правда, некоторые коллеги видят в наименовании «неродной» ущербность (оттенок второсортности) для инофонов, овладевающих русским языком для жизни и работы в России. В научных статьях иногда используют сочетание «русский для инофонов», чтобы избежать не всем нравящегося слова «мигранты» (но иностранцы, как и мигранты, тоже инофоны, и в этом случае стирается различие между РКИ и РКН).

На кафедре межкультурной коммуникации мы используем термин «русский язык как неродной», чтобы отделить проблему мигрантов, желающих *социализироваться* в российское общество, от проблемы иностранцев, приезжающих для *знакомства* с российской культурой и русским языком. У нас было 2 бакалаврские программы «Русский язык как иностранный» и «Русский язык как неродной и русская литература», так как подготовка преподавателя русского языка как иностранного *по существу* отличается от подготовки преподавателя РКН (например, педпрактика по одной программе проводилась в Польше, а по другой программе – в полиэтнической школе Санкт-Петербурга).

Очевидно, что номинация учебного предмета для детей в поликультурной школе будет одна *«русский язык»*, а содержание и методика его преподавания на определенных стадиях обучения детей мигрантов будет отличаться от обучения русскоязычных детей, и учебные пособия по русскому языку у детей-инофонов должны быть на начальном этапе другими. Чтобы понять *какими*, надо точно понять смысл номинации нашего третьего русского, ведь наименование – первая ступень познания объекта.

С этой целью преподаватели кафедры межкультурной коммуникации написали 2 разных учебных пособия *«Методика обучения русскому языку как иностранному»* (М., 2017) и *«Основы методики обучения русскому языку как неродному»* (М., 2015).

Обучение толерантному общению, по нашему мнению, необходимо осуществлять с первых занятий по иностранному языку, используя для этого специально отобранные нормы коммуникативного поведения чужой культуры и этикетные речевые формулы. Примером такой учебной модели на начальном этапе обучения РКИ может служить *«Русский букварь для мигрантов»* (М., 2010, 2011), и *«Азбука вежливости»* (М., 2013), созданные на кафедре межкультурной коммуникации РГПУ им. А.И. Герцена.

В заключение я хотела бы сказать, что, конечно, мы все выступаем за толерантность, говорим о том, что необходимо жить в мире, помогать друг другу жить, не ссорясь, и находить компромиссы. Но для того, чтобы этому научить, существует целая серьезная наука, владеть которой обязан каждый учитель, независимо от предмета, который он преподаёт. В предлагаемой читателю монографии *«Русистика и современность»* с описанием своего опыта формирования толерантности выступают профессор из Санкт-Петербурга Н.Л. Мишатина, директор детского сада из Польши А. Щепаник и другие авторы.

Lysakova I. P.

Herzen University (Saint-Petersburg)

A quarter of a century in search of methodological innovations: on the 25th Anniversary of the Department of Intercultural Communication.

The paper describes the history of development of the Department of Intercultural Communication at Herzen Pedagogical University and discusses its educational programs and academic research.

Keywords: intercultural education, methodology of teaching Russian as a foreign language and Russian as a second language, migrants, tolerance.

Алфавитный указатель авторов

- Абаганова А. О. – Ч. 1. С. 204-209
Абдурахманова Н. Г. – Ч. 2.
С. 330-336
Авдеева А. Е. – Ч. 1. С. 54-61
Авдоница М. Ю. – Ч. 2. С. 269-272
Агличева Т. Н. – Ч. 2. С. 89-93
Айкын Ж. – Ч. 1. С. 226-231
Андреюшина Е. А. – Ч. 2. С. 94-99
Арефьева Н. Г. – Ч. 1. С. 136-141
Архангельская Э. – Ч. 1. С. 337-343
Асан Акерке Камашкекызы – Ч. 1.
С. 232-238
Аспель А. Ю. – Ч. 2. С. 188-194
Баско Н. В. – Ч. 1. С. 386-392
Белунова Н. И. – Ч. 2. С. 273-278
Бирова И. Л. – Ч. 2. С. 225-230
Бичак С. – Ч. 1. С. 246-252
Богуславская В. В. – Ч. 1. С. 364-369
Бойчиук Г. В. – Ч. 1. С. 420-426
Болдова Т. А. – Ч. 2. С. 78-83
Борек М. – Ч. 1. С. 74-79
Бузальская Е. В. – Ч. 1. С. 149-155
Бучек К. – Ч. 2. С. 231-236
Быкова Н. Е. – Ч. 1. С. 393-399
Ван Дунсюй – Ч. 2. С. 220-224
Васильев Н. Л. – Ч. 1. С. 273-279
Васильева Г. М. – Ч. 1. С. 381-385
Васильева И. В. – Ч. 2. С. 237-242
Веракша Т. В. – Ч. 2. С. 32-37
Вербицкая М. Г. – Ч. 2. С. 113-120
Видэл-Игнашчак М. Л. – Ч. 2.
С. 373-379
Вишнякова С. А. – Ч. 2. С. 180-187
Власова А. О. – Ч. 2. С. 188-194
Волкова Д. В. – Ч. 1. С. 239-245
Вохмина Л. Л. – Ч. 2. С. 127-133
Габдреева Н. В. – Ч. 1. С. 427-433
Гарвацкая Н. И. – Ч. 1. С. 400-406
Голосная Н. П. – Ч. 1. С. 156-161
Дзедзиц М. – Ч. 2. С. 73-77
Дмитриева Н. М. – Ч. 1. С. 54-61
Добренко Е. И. – Ч. 2. С. 294-300
Ду Юньша – Ч. 2. С. 134-139
Думитраш О. В. – Ч. 2. С. 107-112
Дун Хайтао – Ч. 2. С. 158-162
Жантогулова Г. У. – Ч. 1. С. 219-225
Жаткин Д. Н. – Ч. 1. С. 273-279
Железнякова Е. А. – Ч. 2. С. 301-306
Журавлёва А. С. – Ч. 1. С. 324-330
Зенталя Г. – Ч. 2. С. 248-262
Зиновьева Е. И. – Ч. 1. С. 47-53
Иванова Ч. С. – Ч. 2. С. 180-187
Иванчук И. А. – Ч. 2. С. 26-31
Ивушкина А. Д. – Ч. 1. С. 162-168
Игнагыева Л. – Ч. 1. С. 337-343
Калле М. И. – Ч. 2. С. 188-194
Капела Э. – Ч. 1. С. 28-34
Карасаева Х. О. – Ч. 1. С. 350-358
Каховская Ю. В. – Ч. 1. С. 169-174
Кигель Ч. Н. – Ч. 2. С. 312-318
Киладзе Ч. З. – Ч. 1. С. 344-349
Колесникова Л. Н. – Ч. 1. С. 318-323
Крапотина Ч. Г. – Ч. 1. С. 104-110
Краснова Ч. И. – Ч. 1. С. 42-46
Красовская Н. А. – Ч. 1. С. 253-259
Кривенькая М. А. – Ч. 2. С. 359-365
Куваева А. С. – Ч. 2. С. 127-133
Кувьчко А. А. – Ч. 1. С. 370-374
Кузнецов Ю. А. – Ч. 1. С. 47-53
Кулик А. Д. – Ч. 2. С. 121-126
Кунина Л. Г. – Ч. 2. С. 14-18
Кур-Кононович Й. – Ч. 1. С. 285-290
Курпнице Р. – Ч. 1. С. 337-343
Куруоглу Г. А. – Ч. 2. С. 140-146
Кусаинова Ч. – Ч. 2. С. 337-343
Лаптева М. Л. – Ч. 2. С. 209-214
Лекарева И. Н. – Ч. 1. С. 80-84
Лекарева О. В. – Ч. 1. С. 80-84
Лентовская А. В. – Ч. 2. С. 67-72
Ли Боюй – Ч. 2. С. 163-1468
Лопухина Р. В. – Ч. 1. С. 412-419
Лукоянова Ю. К. – Ч. 2. С. 319-324
Лысакова И. П. – Ч. 1. С. 11-12;
С. 434-439
Лю Даян – Ч. 1. С. 98-103
Люй Сюйян – Ч. 1. С. 68-73

- Лян Цзин – Ч. 2. С. 78-83
 Мальцева-Замковая Н. В. – Ч. 1.
 С. 331-336
 Маммад М. Х. – Ч. 2. С. 140-146
 Маркова Е. М. – Ч. 2. С. 100-106
 Матвеева Ч. Н. – Ч. 1. С. 375-380
 Медведева Н. В. – Ч. 2. С. 350-356
 Милославский И. Г. – Ч. 1. С. 15-22
 Михайловская О. А. – Ч. 2.
 С. 344-349
 Мишатица Н. Л. – Ч. 1. С. 299-305
 Моисеенко И. М. – Ч. 1. С. 331-336
 Московкин Л. В. – Ч. 2. С. 19-25
 Моцаж-Клейндиев М. – Ч. 2.
 С. 380-386
 Мукажанова Л. – Ч. 2. С. 337-343
 Мурадян И. В. – Ч. 1. С. 267-272
 Мухатаева А. А. – Ч. 1. С. 184-188
 Нагуманова Э. Ф. – Ч. 2.
 С. 366-372
 Нарангунгалаг Б. – Ч. 2. С. 84-88
 Недосугова А. Б. – Ч. 2. С. 51-57
 Недосугова Ч. А. – Ч. 2. С. 51-57
 Некора Н. Е. – Ч. 2. С. 62-66
 Нечунаева Н. А. – Ч. 2. С. 202-208
 Новикова П. В. – Ч. 2. С. 301-306
 Носова М. Б. – Ч. 1. С. 359-363
 Нургали К. Р. – Ч. 1. С. 226-231
 Обухова М. Ю. – Ч. 1. С. 400-406
 Овчаренко Н. Н. – Ч. 2. С. 195-201
 Орос Арпад – Ч. 1. С. 130-135
 Паздзиор-Мендалька Н.
 Пак М. К. – Ч. 2. С. 38-43
 Панько Л. Н. – Ч. 2. С. 44-50
 Пашаева Ф. Ш. – Ч. 2. С. 394-405
 Пёнкья М. В. – Ч. 2. С. 243-247
 Плешикова-Синицкая О. Н. – Ч. 2.
 С. 173-179
 Полонникова Е. Г. – Ч. 2. С. 215-219
 Прохвятилова О. А. – Ч. 1. С. 35-41
 Рашидова Д. Ч. – Ч. 2. С. 58-61
 Розова О. Г. – Ч. 2. С. 169-172
 Румянцева Е. В. – Ч. 2. С. 147-151
 Садиева Э. А. – Ч. 2. С. 140-146
 Саматова Л. М. – Ч. 2. С. 307-311
 Самолина А. В. – Ч. 1. С. 142-148
 Сердокова А. И. – Ч. 2. С. 169-172
 Сирота Е. В. – Ч. 1. С. 91-97
 Сироткина Ч. А. – Ч. 1. С. 85-90
 Смирнова Е. А. – Ч. 2. С. 195-201
 Соколова Е. В. – Ч. 2. С. 294-300
 Срегенская Л. В. – Ч. 1. С. 68-73
 Степанов Е. Н. – Ч. 1. С. 116-122
 Стернин И. А. – Ч. 1. С. 23-27
 Стрельникова Н. Д. – Ч. 1.
 С. 210-218
 Стъчишина Л. П. – Ч. 1. С. 62-67
 Толбаева Д. Е. – Ч. 1. С. 280-284
 Трегубова Л. В. – Ч. 2. С. 78-83
 Трошина Н. П. – Ч. 2. С. 152-157
 Трояновска Б. М. – Ч. 1. С. 260-266
 Хамраева Е. А. – Ч. 2. С. 281-287
 Хамшовски С. А. – Ч. 2. С. 263-268
 Хватов С. А. – Ч. 1. С. 306-311
 Хохобашвили Ч. Ш. – Ч. 1.
 С. 293-298
 Хрипункова О. В. – Ч. 1. С. 198-203
 Хромов С. С. – Ч. 1. С. 177-183
 Хруненкова А. В. – Ч. 1. С. 47-53
 Цомая К. Г. – Ч. 1. С. 293-298
 Цомая Ч. З. – Ч. 1. С. 344-349
 Цуй Лили – Ч. 1. С. 123-129
 Шахматова М. А. – Ч. 2. С. 44-50
 Шерстобитова И. А. – Ч. 1.
 С. 189-197
 Шорина Ч. А. – Ч. 2. С. 288-293
 Щепаник А. – Ч. 1. С. 312-317
 Щукин А. Н. – Ч. 2. С. 9-13
 Югай О. И. – Ч. 2. С. 188-194
 Юзьяк Й. – Ч. 2. С. 387-393
 Юй Хунбо – Ч. 1. С. 364-369
 Юнусов Я. А. – Ч. 2. С. 394-405
 Юсупова Д. Д. – Ч. 1. С. 111-115
 Юсупова З. Ф. – Ч. 2. С. 325-329
 Ян Хайянь – Ч. 1. С. 407-411
 Яценко И. И. – Ч. 1. С. 239-245

Русистика и современность / И. П. Лысакова, Е. А. Железнякова, А. О. Абаганова и др.; под ред. проф. И. П. Лысаковой, доц. Е. А. Железняковой. – СПб.: Северная звезда. 2018. – Ч. 1. – 442 с.

В монографии представлены актуальные вопросы современной русской лингвистики и новые технологии в преподавании русского языка как иностранного в языковой среде и вне языковой среды; описаны проблемы русской литературы и культуры в контексте мировых гуманитарных процессов, рассмотрены особенности межкультурной коммуникации в науке и в образовании, обсуждены дискуссионные вопросы билингвального образования в современном поликультурном пространстве и характеристики перевода как средства межкультурной коммуникации. Авторы монографии апробировали содержание своих статей в докладах на XXI международной научной конференции, которая состоялась в РГПУ им. А.И. Герцена в конце сентября 2018 года.

Издательство «Северная звезда»

196128, Санкт-Петербург, Варшавская ул., д. 23, к. 1.

Тел. (812) 388-93-41; e-mail: tozvezda@yandex.ru

Отпечатано в типографии издательства «Северная звезда»

Печать цифровая. Формат 60x84/16. Гарнитуры «Петербург», «Лазурский».

Тираж 120 экз.